

А.А. Евменьев

АМУРСКИЕ ЧЖУРЧЖЭНИ
ЗОЛОТАЯ ИМПЕРИЯ

КРОВАВАЯ РОСА

А.А. Евменьев

АМУРСКИЕ ЧЖУРЧЖЭНИ
ЗОЛОТАЯ ИМПЕРИЯ

КРОВАВАЯ РОСА

Евменьев А.А.

**АМУРСКИЕ ЧЖУРЧЖЭНИ
ЗОЛОТАЯ ИМПЕРИЯ**

КРОВАВАЯ РОСА

2014 г.

А.А. Евменьев

Амурские чжурчжэни. Золотая империя. Кровавая роса. — Новосибирск, 2014. — 240 с.

Уважаемый читатель, эта книга об истории тунгусо-маньчжурских племён, которые в процессе социально-экономического развития в VIII-XII вв. н. э. на территории Приамурья, Приморья и Северо-Востоке Маньчжурии сформировали чжурчжэньский народ. Его становление проходило в условиях жестоких захватнических войн, куда были втянуты государства Восточной и Центральной Азии. Войны перекраивали государственные границы, уничтожали целые народы и племена. Позднее культура чжурчжэней оказала влияние на малочисленные дальневосточные народы: нанайцев, нивхов, ульчей, орочей, удегейцев, демонстрируя культурно-историческую преемственность, последовательность их культурных традиций.

История государства Восточное Ся (Дун Ся), созданного на Северо-Востоке Маньчжурии и Приморья в 1215-1233 гг. — это пример борьбы многоэтнического народа под руководством его правителя Пусяня Ваньну, против монгольского нашествия.

Книга рассчитана на учителей истории, краеведов, студентов и школьников, а также всех, кого интересует история Приамурья и Приморья, Восточной и Центральной Азии.

От автора

В 1115 г. чжурчжэньский вождь Агуда Ваньянь официально принял титул императора, а новую империю и династию назвал «Золотой» — Цзинь (Альчук), которая занимала территорию Среднеамурской (Амуро-Сунгарийской) равнины, Северо-Восточной Маньчжурии, северной части Корейского полуострова и Приморья. Сформировалась новая общность людей — чжурчжэньский народ. В X-XI вв. тунгусо-маньчжурские племена чжурчжэней, объединённые в племенные союзы создали многоотраслевое производящее хозяйство, в основе которого было земледелие и скотоводство, высокоразвитую культуру дальневосточной средневековой цивилизации.

Агрессивная политика превратила Цзинь в могущественную империю Восточной Азии, с административным центром на захваченной китайской империи Сун. Сражаясь с государствами Западное Ся, Южная Сун, укрепляя свои силы, правители Золотой империи волевым решением в 20-40 гг. XII в. переселили свой народ из северных земель в центральные провинции Китая, в созданные военные поселения. Приамурье, опустевшее в середине XII в., было неспособно в последующие века к возрождению чжурчжэньской культуры на Амуре, лишь их далёкие потомки дауры и дючеры в XVII в. встретили на Среднем Амуре первых русских землепроходцев.

Территориально памятники чжурчжэньской эпохи XII в. подразделяют на амурских чжурчжэней и приморских, хотя принципиальных культурных различий между ними не было, лишь в том, что амурские племена обосновались несколько раньше, ещё в VIII в.

Культура амурских чжурчжэней представляла целую эпоху в истории народов Дальнего Востока и Восточной Азии. Она оставила наследие в самобытном укладе жизни малочисленных народов Амура на многие века.

Из районов Северо-Востока Маньчжурии в Приморье пришли чжурчжэни племени Ваньянь. В ходе их переселения был создан военно-административный Еланьский мэнъянь (своего рода военный округ), который стал оплотом чжурчжэней в объединении всех племён.

В начале XIII в. сошлись силой Золотая империя и кочевники Чингисхана. Четверть века шла борьба за приоритет в Восточной Азии, обескровленная войнами с соседями и с монголами, она сдавала позиции и отступала всё дальше на юг, пока не потерпела полный крах.

В 1217 г. цзиньский военачальник, губернатор Ляонина и Ляодуна Пусянь Ваньну, видя бессмысленность потерь своих войск в окружении врагов, увёл их в отрезанную, но не захваченную монголами цзиньскую северную провинцию на территории Маньчжурии и Приморья, где оставалось незначительное чжурчжэньское население.

Вслед за ними, спасаясь от монгольского геноцида и рабства, уходило мирное население восточных районов Маньчжурии. Это были китайцы, тангуты, кидане, уйгуры, тюрки, корейцы. Вернулись на родную землю и потомки чжурчжэней. Эти беженцы-колонисты на северных землях в 1217-1233 гг. построили около 40 горных крепостей и достаточно развитое средневековое государство Восточное Ся (Дун Ся), сохраняя цзиньскую военно-политическую систему управления.

Культура приморских чжурчжэней в XII в. несла в себе традиции мохэской и бохайской культур, но с приходом чжурчжэней в XIII в. из векового похода в Китай вместе с другими народами империи Цзинь, трансформировалась в многоэтническую культуру с качественно новыми, прогрессивными чертами, стоящими на много ступеней выше в своём развитии, чем окружающий мир дальневосточных народов того времени. Пусянь Ваньну, как глава государства стремился предотвратить гибель Восточного Ся, но в эпоху монгольских захватнических войн этого избежать не удалось.

Государство, созданное Ваньну, некоторое время сохраняло свою самостоятельность, но победы монголов в Корее в 1231-1232 гг. создали предпосылки для его уничтожения. Угэдэй принял решение весной 1233 г. разгромить Восточное Ся, которое выполнило свою вассальную миссию в борьбе с киданями в тылу монголов. Создание относительно независимого государства в условиях монгольской деспотии в Восточной Азии, было обречено на гибель. В октябре 1233 г. внезапный натиск отборных монгольских частей во главе Гуюка — внука Чингисхана и других полководцев, привёл к полному разгрому Восточного Ся, Пусянь Ваньну был пленён. Стратегическим планам Ваньну не суждено было свершиться.

Через два года по указанию Угэдэя на этой территории было учреждено темничество Кайюань, за которым числилось всего 4 367 оброчных семей.

Пусяня Ваньну в истории Китая упоминают как сепаратиста. Ваньну смело и открыто бросил вызов империи Цзинь и монгольским захватчикам. Он увёл от кровопролитной жестокой войны свою армию и оставленное на произвол судьбы население Южной Маньчжурии от уничтожения и создал государство Восточное Ся — оплот борьбы с монголами.

Норвежский путешественник, замечательный учёный и гуманист Фридьоф Нансен в 1913-14 гг., путешествуя по Приморью и Приамурью с русским ученым-краеведом В.К. Арсеньевым с большим интересом знакомился с древней историей дальневосточного края и сожалел, что от незнания и безграмотности люди без зла, ради обустройства своего быта уничтожали оставшиеся частицы древней истории. Он вспоминал в своей книге «В страну

будущего»: «Капитан Арсеньев сообщает несколько интересных преданий о времени владычества Хуан-юня. Эти предания напоминают, что когда-то страна жила деятельной и богатой жизнью, обладала хорошими путями сообщения, вела войны. И вдруг, словно по мановению волшебного жезла, всё исчезло, и страна умерла на многие сотни лет. Когда русские переселенцы, занявшие места древних укрепленных городов, распахивают вновь или роют ямы для фундамента, то часто находят ножи, стрелы, металлические головные украшения, обломки мечей, а иногда и большие кувшины и блюда. Не зная цены им, нашедший, поглядев, чаще всего швыряет находку в сторону, чтобы не мешала, или отдаёт в игрушки детям. Словом, новая волна европейской культуры скоро уничтожит последние следы давно умершей древней».

На юге Дальнего Востока в XIX – начале XX вв. в результате хозяйственного освоения утрачено много памятников, хотя их можно было сохранить. К сожалению, и в советское время, в ходе строительства светлого будущего, сносили земляные валы равнинных городищ для строительства дамб, отсыпки дорог, а их территории распахали агропромышленные хозяйства, уничтожив плугами культурный средневековый слой, наполненный сосудами, черепицей, многочисленными артефактами и предметами быта. Известен случай, когда один механизатор на отвальную сцепку трактора прикрепил 50-ти кг. магнит, который из распаханного культурного слоя собирал железные предметы старины.

Районные и поселковые администрации не в состоянии осуществлять меры по сохранению памятников исторического прошлого, что порождает безнаказанное их расхищение. Из Приморья вывозятся за рубеж тысячи средневековых изделий из бронзы, при этом воры исторических ценностей продают их в сотни и тысячи раз дешевле, чем их стоимость в зарубежных каталогах.

Иногда политические амбиции в 70-х годах XX в. и отсутствие знаний по истории среди определённых местных руководителей толкали на уничтожение якобы китайских памятников на Дальнем Востоке.

В связи с этим был неприятный случай, когда на остров Уссурийский, что напротив г. Хабаровска, несколько раз высокие чины органов внутренних дел предпринимали попытки «прекратить раскопки «китайских» могил, в которых преступные археологи тайно копают могильное золото». Это был уникальный Корсаковский некрополь. Это редчайший памятник на Дальнем Востоке и большая удача для археологов. Это божий дар тем, кто кропотливо многие годы, не покладая рук, вёл поиски и изучал древние материальные культуры. Об этих раскопках узнали и работники Центрального телевидения страны. Они сняли сохранившиеся в могилах элементы одежды средневековых чжурчжэней — полуистлевшие кожаные пояса с нашитыми на них разнообразными ажурными бляхами, пряжками и наконечниками из бронзы, покрытой сверкающей позолотой. Эти богатые предметы культуры древних амурчан могут украсить витрины многих мировых музеев.

Неудивительно поэтому, что после демонстрации по телевидению в программе «Время» репортаж об археологах Новосибирска, работавших на острове посередине Амура под руководством В.Е. Медведева, был признан лучшим.

Очень вредна и фальсификация истории, когда необоснованно переименовывают древние культуры. Так средневековую культуру амурских чжурчжэней пытались обезличить в «покровскую культуру», которая названа по найденному кладу около села Покровки, при строительстве амурского моста, ещё тогда, до Первой Мировой войны и опубликованная в отчёте археологической комиссии за 1913-1915 гг.! Вот, что писал замечательный краевед-энтузиаст Г.С. Новиков-Даурский в своей книге «Историко-археологические очерки. Статьи. Воспоминания», изданной в Благовещенске в 1961 г. на стр. 13 — «Археологические раскопки велись при строительстве Амурской железной дороги в средней и восточной частях линии. Различные предметы, найденные при этом, хранятся в Хабаровском краеведческом музее. О результатах этих раскопок было доложено в 1914 г. на собрании Московского археологического общества». Более подробно о находках можно почитать в архивной статье «Прошлое Приамурья», «Амурский земледелец», Благовещенск, №8-9, 1914 г.

Может быть, Григорий Степанович писал о других находках, которые попали в руки краеведов. При строительстве Амурской железной дороги в 1910-1914 гг. встречалось много интересных археологических находок, а поскольку систематических исследований и археологической дальневосточной науки не было, все материалы отправлялись в московское археологическое общество.

Нельзя по одному случайному кладу у с. Покровки менять название этнической культуры амурских чжурчжэней. Традиции средневековых тунгусо-маньчжуров продолжают в самобытной истории народов Приамурья.

Древние памятники истории беззащитные и хрупкие, они требуют не только бережного обращения с ними, но и сохранения их последующим поколениям, как память об ушедших временах, а знание истории своего края — гражданский и патриотический долг граждан России.

Археологи продолжают вести поиски и раскопки свидетельств далёкого прошлого, чтобы пополнить страницы истории Приамурья и Приморья, как составную часть национальной культуры народов России.

Автор выражает признательность замечательному дальневосточному археологу — д. и. н. Виталию Егоровичу Медведеву за ценные книги и статьи, дружеские советы в написании данной работы, заведующей отделом средневековой археологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока к. и. н. Надежде Григорьевне Артемьевой за интересные материалы по археологии средневековых памятников Приморья.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ АБОРИГЕНЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

В средние века во второй половине VII – первой четверти XIII вв. на равнинах Амурской области, Хабаровского края, Приморья, северо-востоке Маньчжурии жили многочисленные племена чжурчжэней. Археологические исследования на территории юга Дальнего Востока и прилегающих к нему районов Маньчжурии свидетельствуют о рано определившемся глубоком культурном и этническом своеобразии древнего населения бассейнов основных речных систем Маньчжурии и дальневосточного региона: Амура, Усури, Сунгари, Нуьцзян (Нонни), Ляохэ, Ялуцзяна (Тумангана), Ялу, где располагался центр формирования могущественного на Востоке Азии тунгусо-маньчжурского пласта. Тунгусо-маньчжуры оставили после себя памятники материальной культуры: поселения, укрепленные поселения-городища, грунтовые и курганные могильники, дороги, якорные морские гавани, наскальные рисунки — петроглифы, шахты, открытые карьеры, где они добывали железную руду. А ещё они создали государство Цзинь (Аньчук) — Золотую империю, которая была самой мощной военной державой в Восточной Азии с 1115 по 1234 гг.

Более чем пятисотлетняя история чжурчжэньского народа в условиях постоянной борьбы с враждебными соседями свидетельствовала о стремлении утвердиться на восточных землях и создать мощный оплот военного могущества.

Предыстория чжурчжэней уходит в древние времена, когда на пороге двух эр в Евразии сформировался кочевнический мир. Всё это началось в эпоху бронзового века 4 тыс. лет назад. Здесь, в Восточной Азии на Амуро-Сунгарийской равнине заканчивался евразийский степной пояс, он широкой параллелью проходил с запада на восток по южным равнинам от Дуная, Чёрного моря и Волги, по Прикаспийской низменности, казахстанским степям, Южной Сибири, Монголии, Забайкалью, Верхнему Амуру и по Маньчжурии. На восточные окраины, на берег Японского моря доходили эти кочевые орды.

Кочевнический мир — это настоящий этнический калейдоскоп, куда входили пастушьи племена со склонов гор Памира, Тянь-Шаня, Алтая, степей

Казахстана, вливавшиеся в поток кочевого движения, чаще в Центральную и Восточную Азию, встречая, подобных себе кочевников, в Южной Сибири, Прибайкалье, Монголии, Забайкалье и Маньчжурии. Эти встречи носили далеко не мирный характер. Война в степи стёрла с лица земли многие племена, но в этой кровопролитной борьбе, кочевники перенимали друг у друга лучшие черты ведения скотоводческого хозяйства, предметы быта, материальную и духовную культуру. Среди них были кочевники европейских равнин, многочисленные тюрко-монголоязычные, тунгусоязычные племена, последние — родственные племена мохэ и чжурчжэни.

Агрессия кочевников с запада и северо-запада Маньчжурии веками беспокоила и разоряла племена палеоазиатов Дальнего Востока и Китайскую империю. Китайцы ещё в древности, в III в. до н. э., на северной границе своего государства построили Великую Китайскую стену длиной более 2,5 тыс. км, которая отгородила, но мало спасала от грабительских набегов кочевников-хунну, этнически близких протомонголам. Это были времена правления тирана Цинь Ши-хуанди (246-210 гг. до н. э.), объединившего древние китайские царства: Чу, Янь, Ци, Чжао, Хань и Вэй в единую империю.

В 209 г. до н. э. хунну возглавил коварный властелин Модэ, который создал державу и принял титул шаньюй — «величественный». После его смерти в 174 г. до н. э. его держава просуществовала как деспотическая орда около 300 лет. После захвата хунну Средней Азии они подверглись значительной ассимиляции со стороны тюрков.

Среди протомонгольских племён I в. н. э. были известны ухуани, сяньби, кидане. В 155 г. сяньби объединились в орду, во главе с полководцем Таншихай (Таньшихуай). За 20 лет борьбы они захватили территории от р. Усури и р. Ляохэ в Маньчжурии, пров. Ляонин (КНР) до Восточного Туркестана. В 181 г. Таншихай умер на сороковом году жизни. Борьба за престол среди его родственников ослабила державу сяньбийцев, но её воинствующие племена, сражаясь с Китаем и многочисленными монголоидными кочевыми племенами, обеспечили своему этносу преимущество в Центральной Азии на 400 лет. Китайцы не могли захватить северные земли, которые заселялись кочевниками из Центральной Азии и Сибири.

На Верхнем Амуре, в лесном и лесостепном Забайкалье шли мощные потоки взаимовлияния этнокультур между монгольскими племенами, монголоидными племенами шивей, уйгурскими, тюркскими и тунгусскими кочевниками, которые способствовали формированию новых этносов. В истории Маньчжурии определилась крайняя неоднородность, пестрота и сложность этнического состава.

С V-VII вв. н. э. активно шёл процесс создания военно-племенных союзов и государственных образований тюркских, уйгурских, монгольских и тунгусоязычных племён, обитавших в Монголии, Маньчжурии и на Дальнем Востоке. Эти разноплеменные этнические группы двигались в

потоке миграции по маньчжурским степям и по берегам рек амурского бассейна. Преобладающим компонентом на Среднем Амуре, северо-восточной Маньчжурии и Приморье, несомненно, были тунгусо-маньчжурские племена хэйшуй-мохэ, сумо-мохэ, затем чжурчжэни.

В письменных источниках известно о семи племенах мохэ, среди них упоминается сумо и хэйшуй. Самая ранняя запись этнонима сумо-мохэ встречается в «Суй шу», там сумо внесено как одно из семи племён мохэ. В 71 цзюане «Тайпин хуаньюй», с привлечением «Записей об обычаях северных варваров» («Бэй фань фэнсу цзи») записано, что сумо мохэ делились на восемь племён. (Сунь Хун. Центр изучения Восточной Азии. Шеньян, КНР).

Хэйшуй-мохэские племена заняли территории Среднего Амура, затем пришли в Приморье. Сумо-мохэ по долинам Сунгари и его притокам добрались до Ляодунского полуострова. Известно, что раннесредневековое корейское государство Когурё во время экспансии в бассейне Сунгари подчинило некоторые племена сумо-мохэ, несколько их племён ушло в суйский Китай. Во времена правления суйского императора Янь-ди (604-616 гг.) один из вождей сумо — Тудицзин возглавил восемь племён и с войсками из нескольких тысяч человек участвовал в походах против Когурё. Те племена сумо, что подчинились Когурё, сражались против новой китайской династии Тан (616-907 гг.), продолжавшей суйскую политику аннексии когурёской территории. В ходе этих затянувшихся войн, которые измотали силы и потенциал Когурё, мохэские племена приобретали опыт войны с китайцами, что способствовало созданию сильной, боеспособной мохэской армии.

В VII в. развязалась жестокая кровопролитная борьба двух корейских государств Когурё (37 г. н. э. — 668 г.) и Пякче (III в. н. э. — 936 г.) с Китаем, которого поддержало третье корейское государство — Силла (57 г. н. э. — 935 г.). Китайцы проводили геноцид корейского народа, чтобы захватить их земли.

Маньчжурия на юге в то время имела большую плотность многоэтнического населения, где постоянно вспыхивали конфликты. Здесь, в эпицентре политических событий оказались монголоидные кидане. Эти кочевые скотоводы в борьбе за власть над степными просторами во Внутренней Монголии потерпели поражение и бежали в долину рек Силяохэ и Ляохэ. В VII в. эти непрошеные гости попали в зависимость от тюрков, которые контролировали огромные территории Маньчжурии. Кидане, осев на плодородных землях, научились земледелию, освоили ремесло, начали строить города. Они тайно вынашивали планы по захвату северных районов Китая. Чтобы усыпить бдительность китайцев стали их союзниками в войне против Когурё. Война стала удачным поводом присоединить корейские территории. В Когурё поднялась национально-освободительная борьба. В многолетней изнурительной борьбе против агрессоров погибли десятки тысяч корейцев. На помощь пришли отряды сумо-мохэской кавалерии, которые как могли, сдерживали натиск врагов. В решающем сражении корёсцы потерпели пора-

жение. Жестоко были казнены 3 000 мохэских пленных, их живыми закопали в землю.

Теснимое китайцами и киданями мирное население с юга, бежало на север к племенам сумо-мохэ. В бывшем государстве Когурё хозяйничали китайцы и кидане. Китайская императрица У-цзо-тянь, оберегая себя от конфликтов с сумо-мохэ, которые наращивали силы, пожаловала им земли к северо-востоку от реки Ляохэ. Эта территория была названа княжеством Чжэнь.

В 696 г. кидане напали на Северный Китай. Императорский двор согласился на мирные условия киданей, и они получили долину реки Ляохэ. Тунгусы понимали что сложная международная обстановка приведёт к новым войнам и разрозненные сумо-мохэские племена в военном и политическом отношении окажутся слабыми. Действительно, китайские войска направились уничтожить мохэсцев и избавиться от конкурентов на территориальные владения Когурё, или, в крайнем случае, заставить их уйти на север. Объединив свои племена, мохэсцы отступили.

В это время, в 698 г. тюрки вторглись в Северный Китай, подчинили себе киданей и перекрыли пути движения танских войск в Маньчжурию. Это создало благоприятное положение для сумо-мохэ. Китайский император Чжун-цзун отправил посольство для налаживания отношений с мохэ. Княжество Чжэнь в 698 г. было переименовано в государство Бохай. Первый правитель — Да Цзожун заключил союз со Вторым Восточно-тюркским каганатом, чтобы противостоять киданям и китайцам, которые оккупировали государство Когурё и людей десятками тысяч уводили в рабство.

В «Повествовании о Бохэе» «Синь тан шу» пишется: «Бохай это изначально подчинявшиеся Гаоли (Когурё) сумо-мохэ, фамилия [правящего дома] Да», также согласно «Повествованию о Бохэе» «Цзю тан шу» «Да Цзожун бохайских мохэ изначально относился к особому роду Гаоли.» Все они указывают на то, что Бохай это племя сумо из мохэ.

Мохэсцы с помощью тюркской конницы разбили танские войска и присоединили к своему государству территорию Когурё вместе с оставшимся населением. Кидане, как и китайцы, проиграли войну и затаили ненависть к победителям.

Бохай в союзе с каганатом стабилизировал обстановку на юге Маньчжурии. На протяжении всего существования каганата вплоть до 745 г., тюрки и бохайцы находились в тесных политических и кровнородственных отношениях между собой.

В VIII в. бохайцы создали производящую многоотраслевую экономику. Они переняли богатую культуру когурёсцев, сохраняя вековые духовные традиции и предметы материальной культуры мохэ, развили качественно новую бохайскую культуру. Население государства представляло конгломерат различных племён и этнических групп, в том числе и тюркоязычных уйгуров, объединённых общей судьбой, тем более что, Бохай контролиро-

вал западные районы Маньчжурии. С образованием Уйгурского каганата (745-840 гг.), этот контроль был утрачен, но часть уйгурских племён осталось на территории Бохая.

Дальнейшее процветание превратило Бохай в могущественное суверенное государство с неограниченной монархией деспотического характера. Бохай не был феодальным государством, потому что вся земля, всё недвижимое имущество принадлежало безраздельно государству, над которым стоял король. Элита, высшее сословие, чиновники были служилыми, привилегии и имущество давались им на период службы без права собственности и передачи по наследству. Кроме своей усадьбы, другой собственности чиновники не имели. В провинциях страны шёл рост городского ремесленного и зажиточного населения за счёт торговли, предпринимательства, небольшого частного земледельческого производства, которые облагались налогом в пользу казны. В стране создавались рыночные отношения, развивалась международная торговля с соседними странами, в том числе с Японией. Сильный флот и большая армия обеспечивали безопасность границ.

В государстве была просвещенная культура, высокая грамотность населения, с большим числом школ и учебных заведений, где обучали математике, литературе, философии, астрономии, архитектуре, строительству, экономическим знаниям. У бохайцев было слоговое письмо, которое они получили от тюрков, оригинальный стиль архитектуры, декоративно-прикладное искусство, широкое распространение получал буддизм и его литература, иероглифическая письменность, поэзия, музыка, театр, который оказал влияние на развитие японской театральной культуры.

Так на развалинах Когурё родилось могущественное на Дальнем Востоке государство Бохай — страна высокой культуры и просвещения, известная далеко за её пределами.

Территория его «протянулись на 5 000 ли (ли — 500 метров)» с юга на север и занимала почти весь Корейский полуостров с побережьем и морской акваторией, кроме южной части, где находилось государство Силла — сателлита Китая. На западе государство Бохай охватывало земли низовья Сунгари и приток Муданьцзян. На севере в состав его входил юг Приморья, а часть Хасанского района составляла область Восточной столицы Бохая. Бассейн рек Раздольной и, возможно, Иистой представляли район Шуайбинь. Северо-западные земли граничили с приморскими племенами хэйшуй-мохэ.

Первые сведения о чжурчжэнях стали известны из трудов знаменитых русских востоковедов Н.Я. Бичурина и Г. Розова, которые донесли нам письменные источники XII в. «Сань чао бэй мэнь хуйбань», автор его Сюй Мэн-синь (1124-1205 гг.) даёт материал, охватывающий период с 1116 по 1161 гг. Обычай и нравы чжурчжэней изложены и другим китайским автором Юйвэнь Мао-чжао в 1234 г., написавшим «Цзинь-ши» — история Цзинь, где сказано: «Предки цзиньцев произошли от рода (ши) мохэ. Мохэ прежде назывались уцзи. Уцзи — древняя страна сушень. Во время династии Юань

Вэй, у уцзи семь племён (бу): сумо, боду, аньчэгу, фуне, хаоши, хэйшуй, байшань. При династии Тан существовали хэйшуй — мохэ и сумо-мохэ, остальные пять неизвестны. Хэйшуй-мохэ жили на землях сушень. Сумо вначале подчинялись Когурё. После поражения последнего сумо-мохэ создали государство Бохай. Правители назывались королями (ванами). Бохаю, хэйшуй мохэ не подчинялись и они часто враждовали».

Авторы этих документов дают описание жизни, быта и духовной культуры диких северных людей исходя из тех сведений, которые они получали от очевидцев, их эмоционального восприятия с долей выдумки, но они раскрывают колорит времени и являются единственными письменными документами той эпохи. Археологические и этнографические исследования наиболее полно отражают все аспекты дальневосточной истории раннего средневековья.

Чжурчжэни, как и мохэ, относились к монголоидной расе. Генеалогические их корни определить сложно потому, что вековые кочевья трансформировали их в многоликом монголоидном мире, но, определённо, их относят к тунгусоязычным племенам, которые тоже представляют обобщённую ветвь тех же монголоидов.

Антропологический анализ мохэских черепов Троицкого родового акрополя VII-IX вв. в Амурской области показал их принадлежность к байкальским и центрально-азиатским монголоидным антропологическим типам (исключительная уплощённость лица), но, несмотря на удалённость этих антропологических типов от Среднего и Нижнего Амура, они близки к современным нанайцам и ульчам.

Название этнической общности — «чжурчжэни» было известно в Амурском бассейне ещё на рубеже VI-VII вв. В этот же период шёл процесс формирования чжурчжэньского этноса, после того как они отвоевали свою независимость на Амуре от мохэ, которые ещё в VI вв. расселились на Зейско-Буреинской равнине, вплоть до Станового хребта — границы Якутии. Если на первых этапах освоения Приамурья у этих двух тунгусоязычных этносов было много общего, то в VIII в. чётко обозначены различия в развитии каждой культуры. Амурские племена «хэйшуй мохэ» (Хэйшуй — Чёрная вода — р. Амур) существовали до XI в. (Е.И. Деревянко), они не создали государственности, но заложили основу для развития аборигенных тунгусо-маньчжурских народностей Приамурья.

Антропологические данные свидетельствуют, что здесь в древности, как и позже, были распространены представители южных монголоидных рас — «дальневосточных», по современной антропологической номенклатуре. К этой группе принадлежали и обитатели древней Маньчжурии, а также Ляодуна. По языку жители Приамурья и Приморья, очевидно, принадлежали сначала к палеоазиатам, позже, у них распространились тунгусо-маньчжурские языки. По территориальному признаку они сформировали две этнически одинаковые группы — амурских и маньчжуро-приморских чжурчжэней.

Амурские или северные чжурчжэни (ньючжэнь) в своём развитии прошли следующие этапы:

1. вторая половина VII – первая половина IX вв.;
2. вторая половина IX – первая четверть XII вв.;
3. вторая четверть XII – первая половина XIII вв. (В.Е. Медведев).

Появление чжурчжэньской культуры В.Е. Медведев связывает с проникновением в Приамурье тунгусоязычного населения на позднпольцевском этапе, когда с первым потоком из области к западу от Приамурья пришли пращурчжэньские племена, которые столкнулись здесь с носителями польцевской культурой раннего железного времени.

Следующая волна тунгусоязычных эмигрантов — мохэские племена, которые потеснили пращурчжэней из Среднеамурской равнины вниз по Амуру. Позже мохэская культура стала составной частью бохайской, а чжурчжэньская продолжала самостоятельное развитие.

Амурские чжурчжэни обосновались во второй половине VII – начале VIII вв. в районах Среднего и Нижнего Амура вплоть до устья, Среднеамурской (Амуро-Сунгарийской) равнины (её часть на Северо-Востоке Китая (Маньчжурии) — Саньцзянская равнина), как кочевые скотоводы они перешли к оседлой земледельческой жизни на плодородных приамурских равнинах. Сегодня это территория провинции Хэйлуцзян дружественной КНР, археологически она ещё изучена недостаточно, чтобы в полном объёме представить средневековый регион проживания амурских чжурчжэней.

Расселение амурских чжурчжэньских племён было не следствием миграции, а результатом развития культур аборигенного населения эпохи, предшествующей началу становления государственности тунгусо-маньчжуров. Их регион чётко отмечен археологическими памятниками материальной культуры в акватории амурского бассейна, по берегам рек и озёр на незатопляемых возвышенностях, где находились плодородные земли.

Культура амурских чжурчжэней — исторически сложившаяся социально-экономическая и политическая форма существования средневекового тунгусо-маньчжурского народа. Материалы раскопок амурских памятников и сопоставление артефактов предшествующих культур свидетельствуют о том, что культура чжурчжэней тесно связана с аборигенными культурами. Корни этих культур уходят, по крайней мере, в ранний железный век южной части Дальнего Востока и, прежде всего в культуры Приамурья — урильскую и польцевскую, а отдельные штрихи в искусстве сохранились, видимо, с эпохи неолита. Это был результат принятия культурных и духовных традиций, использования оптимальных достижений прошлого в создании условий выживания и перехода тунгусоязычных кочевников к оседлому образу жизни.

В современных китайских исследованиях, которые опираются на многочисленные документы прошлого, есть различные мнения и выводы об

этнусах, живших в Маньчжурии в эпоху раннего средневековья. Насколько объективны эти письменные источники, определить сложно. Они описывали внешние, видимые стороны происходивших событий, похожих на хроникальные записи политических событий, среди них много подробностей, раскрывающих фольклор, духовный мир, культуру.

Относительно чжурчжэней, есть письменные источники свидетельствующие, что «в государствах Ляо, Сун, Корё использовали слово «нюйчжэнь» в качестве общего названия для множества этносов района северо-востока, называя их «покорными чжурчжэнями», «дикими чжурчжэнями», «чжурчжэнями Восточного моря». Название «нюйчжэнь» иногда также не указывало на один единый этнос, а включало в себя много этносов, вплоть до того, что включало в некоторые нечжурчжэньские этносы. Согласно записям «Сун хуйяо» в самом начале слово «нюйчжэнь» обозначало только байшаньских чжурчжэней, а впоследствии включило в себя также и диких чжурчжэней, то есть племя аньцзюйгу (другой вариант чтения аньчэгу) — «золото».

«Чжурчжэни — это одна из ветвей мохэ, но они не включали в себя всех мохэ. Чжурчжэней во времена Суй и Тан называли мохэ. Во времена Пяти династий, после падения Тан, их начали называть чжурчжэнями».

«Такие как хэйшуй, чжурчжэни, Корё, Силла, исстари сообщались со Средним государством».

«Тем более чжурчжэни не включали в себя сумо-мохэ...»

«Чжурчжэни принадлежат к огромной общности хэйшуй мохэ, но они не включали в себя всех хэйшуй мохэ, тем более не включали в себя бохайских мохэ, «бохайцы» и «чжурчжэни» во времена Ляо и Цзинь были названиями двух разных этносов».

«Общепризнано, что «дикие чжурчжэни» или «непокорные» составляли основу чжурчжэньского этноса, однако основная масса чжурчжэньского этноса ещё должна включать в себя чанбайшаньских чжурчжэней...». В «Ляо ши» — летописях киданей, тоже параллельно пишется о чанбайшаньских чжурчжэнях и диких чжурчжэнях. Впоследствии «дикие» чжурчжэни, усилившись, присоединили к себе чанбайшаньских. Только после этого под чжурчжэнями стали понимать чжурчжэней Ваньянь. Чанбайшаньские чжурчжэни жили на северо-востоке от гор Чанбайшань, это были земли бохайских Верхней и Средней столиц, изначально древней земли сушеней. Слово «ваньянь» диких чжурчжэней имело значение «золото», такое же, как и у слова «аньчэгу» [Аньчунь, Аньчуху, Алэчуге, Алчунка]. Под китайской транскрипцией названия чжурчжэньской империи скрывается заимствованное чжурчжэнями древнетюркское слово «алтун» или «альчук», означающее «золото, золотой».

«Поскольку чжурчжэни не включали в себя хэйшуй мохэ, то тем более они не имели отношения к племенам района Дальнего Востока... Чжурчжэни достигли только маленькой части района Дальнего Востока. Поэтому, называемые чжурчжэнями народы района Дальнего Востока,

такие как племена уго, шуайбини, удигай (удигэ), — вовсе не были чжурчжэнями... — это был другой народ тунгусской общности, существовавший наряду с чжурчжэнями».

Разбросанные по Маньчжурии памятники средневековья имеют очень много общего в материальной культуре, что свидетельствует о взаимовлиянии постоянных в движении этнических групп различных племён.

Этнические группы — имеющие определённую сформировавшуюся самобытность с устойчивым укладом жизни, дали образцы яркой археологической чжурчжэньской культуры, открытой в Приамурье, Приморье и Северо-Востоке Маньчжурии.

АМУРСКИЕ ЧЖУРЧЖЭНИ

(Археологические памятники)

ПОСЕЛЕНИЯ И ГОРОДИЩА

С освоением русскими азиатской части России рос интерес к прежним обитателям — предкам современного коренного населения этой территории. Так, например, в XIX – начале XX вв. среди многочисленных трудов, относящихся к самым различным отраслям знаний по интересующему нас югу Дальнего Востока, не было почти ни одного, в котором не затрагивались бы мохэ, бохайцы и в особенности чжурчжэни.

Первые раскопки и находки чжурчжэньских древностей в начале прошлого века в окрестностях Хабаровска (здесь большей части многочисленные погребения), Маньчжурии и Уссурийска (здесь в основном городища) показали богатство и своеобразие средневековой культуры. Последовавшие во второй половине XX в. изучение памятников чжурчжэней в Приморье убедительно подтвердили существования этой культуры на значительной территории юга Дальнего Востока и Маньчжурии (КНР), там она называется саньхао.

В материалах амурского краеведа-энтузиаста Г.С. Новикова-Даурского есть сведения о том, что в 1910 г. бывший консерватор Благовещенского музея Е.В. Гонсович осмотрел и кратко описал городище «Гора Шапка» близ села Поярково.

В 60-е годы прошлого столетия под руководством академика А.П. Окладникова в Приамурье начались планомерные широкомасштабные археологические раскопки. На территории Амурской области в окрестности села Поярково, в пойме р. Завитой, на холме под названием «Гора Шапка» были основательно изучены остатки городища, которое окружено валами и рвами, где сохранились глубиной до 2 метров котлованы полуземлянок.

У села Новопетровка, что в 50 км. от села Поярково, на несколько километров видны валовые насыпи крепостных стен с остатками площадок сто-

рожевых башен. Внутри городища был большой средневековый город земледельцев и ремесленников.

Известный учёный-археолог современности В.Е. Медведев значительную часть своей жизни посвятил изучению памятников амурских чжурчжэней. В 70-90 гг. XX в. он проводил археологические раскопки поселений, городищ, могильников, которые дали большой материал по истории средневековья Приамурья.

В IX – первой четверти XII вв. юг Хабаровского края представлял густонаселённый район. В настоящее время здесь раскопано и обследовано 13 поселений, несколько кратковременных стойбищ, множество отдельных местонахождений памятников чжурчжэньской эпохи, среди них поселения — Русско-Полянское, Петровское, Дубовское, Дадинское, Даергинское, Большой Дура, поселение в устье р. Тунгуски, Детский санаторий в г. Хабаровске, Сакачи-Алян (Гася), Петропавловка. В число этих поселений входит городище — укреплённое поселение у Кошелевых ям в Смидовичском районе. Жилой посёлок полукруглый в плане длиной около 80 м, защищал вал высотой 1,5 м и шириной 4 м. Он полукольцом охватывал рёлку со стороны равнины. С тыловой части, где находился проток, вал отсутствовал. Недалеко от с. Жёлтый Яр у протока р. Биры находилось ещё одно городище с высокими земляными валами.

В пойме р. Хор расположено городище прямоугольной формы. Крепость эта имела мощную систему оборонительных укреплений — свыше 2 м земляные валы и глубокие рвы с внешней стороны. Вход в южные и западные ворота укреплены «Г»-образными траверсами. Ширина валов около 4 м, углы земляных стен дополнительно обвалованы. Вероятно, там находились оборонительные деревянные конструкции для обстрела противника из бойниц. Этот памятник датируется IX-X вв. и был оставлен чжурчжэнями из-за постоянных подтоплений во время разлива реки.

На Нижнем Амуре, на левом берегу, где проток Сий соединяет Амур и оз. Болонь, расположено нанайское с. Ачан, рядом с ним, на невысоком полуострове расположено Болоньское городище. Полуостров был перегорожен несколькими рядами насыпных валов и рвов, которые надёжно защищали большое поселение.

Джаринская крепость находилась около современного с. Троицкого административного центра Нанайского района. Она расположена на северном склоне мыса, нависшем над амурским берегом. Городище в форме трапеции с сильно оплывшими валами, которые мало напоминают оборонительные укрепления. Длина северного вала 200 м. Его западный край подступал к глубокому оврагу, где был берег реки. Длина западного вала 110 м. В этом валу просматривается двухметровый разрыв, где возможно были ворота, прикрытые «Г»-образным валом-барбаканом. С наружной стороны виден ров. Для проезда в городище через ров, вероятно, был съёмный или раздвижной настил из досок. Южный вал имел протяжённость 170 м.

В центре этого вала виден разрыв для ворот шириной 3-5 м, которые имеют «Г»-образный защитный вал. Восточный вал длиной 110 м проходил по линии север-юг. Средняя ширина вала от 3 до 4,5 м, а южный вал со стороны берега имел ширину до 7 м, высоту около метра. Рвы, опоясывающие городище, были шириной не более 2,5 м, глубиной около 1 м.

Культурный слой в жилищах амурских поселений был насыщен хозяйственными предметами. Среди них сохранилось много целых глиняных сосудов, изготовленных ручной лепкой и на гончарном круге, десятки тысяч фрагментов керамики. Найдены глиняные пряслица и рыболовные грузила прямоугольной формы в виде кирпичиков размером (6x4; 4,5x2,5; 4x3 см). На них по периметру сделаны выемки для крепления к снастям.

При раскопках обнаружены изделия из железа: топоры, ножи, кресала, наконечники стрел и копий, латные пластины, фрагменты котлов с дугообразными ручками из толстой скрученной проволоки, рыболовные крючки, а также шлаки — отходы железоплавильного производства и тигли — плавильные чашки для разлива расплавленного металла в формы. Найдены предметы конской сбруи или упряжи: удила, стремяна, наременные обоймы. В большом количестве собраны бронзовые поясные бляшки, бубенчики, колокольчики, серьги, различные виды каменных бусин, бисер, круглые плоские нефритовые подвески.

В кухонных остатках сохранилось много костей домашних и диких животных: лошадей, быков, медведей, лосей, косули, но больше всего костей свиней.

На основании большого материала, который повторяется при раскопках поселений и городищ, складывается характеристика устойчивого единого производящего хозяйства: земледелия и скотоводства. В поселениях и городищах нет следов пожарищ и разрухи, что свидетельствует о мирном оставлении населением жилых насиженных мест и самое ценное, что они имели, увезли с собой.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ

В археологический комплекс входят погребальные памятники. Они известны как грунтовые, так и курганные могильники, или их ещё называют — могильные холмы. Все они отражают характер эпохи, общественную дифференциацию (различие) и духовную культуру.

Чжурчжэни хоронили своих сородичей подалеже от поселений на противоположном берегу реки или островах. Погосты обустроивали на возвышенностях, оберегая их от затопления во время паводков.

Грунтовые некрополи представляли многочисленные захоронения. Наиболее крупные могильники — Корсаковский, Надеждинский,

Болоньский, Дубовской, небольшие могильники — Молчанихинский, Каменушки, Грязнуха, Галечная коса и Чирки. На протяжении многих лет велись археологические раскопки грунтовых памятников на общей площади более 5,5 тыс. кв. м. и было вскрыты 557 погребений.

Вполне возможно, что есть ещё неизвестные грунтовые могильники, потому что за тысячелетний период они покрылись толстым слоем дёрна, заросли кустарниками, деревьями и визуальных признаков не сохранилось.

Курганные могильники по внешнему виду подразделяются на круглые и длинные, это плотные, беспорядочные насыпи, иногда вытянутые цепочкой над поймой реки. Высота курганов от 0,3-1,7 м, диаметр их составляет от 4-5 до 17 м, а длинные, вытянуты до 30 м. В настоящее время в Приамурье найдены свыше 1250 насыпей в районах проживания амурских чжурчжэней в VIII-XII вв. в названных местах: Дубовской, Два Озера, Первое Озеро, Подкова, Вензельский и Ольский, Луданникова Сопка, Барсучьи Норы и Тазино Озеро, Урмийский, Юктакан I, Петропавловка I, II, III, Анюйский, Кривая Протока и Светлая Протока. Они обнаружены по берегам рек: Бира, Ин, Урми, Биракан, Кур, Тунгуска, Анной и около оз. Петропавловское.

В грунтовых могильниках покойников хоронили в прямоугольных и овальных ямах. Размеры могил не имели единых «стандартов», глубина ям составляла 51-120 см, длина их была от 141 до 161-200 см, ширина 61-100 см, а порой и 140 см.

Дно и стены ямы редко обкладывали деревянными плахами, иногда по углам dna могилы прослеживались тёмные округлые пятна, возможно, эти пятна остались от сгнивших столбов, которые держали перекрытие наподобие домины.

Погребальный обряд имел пять способов захоронения: одиночное трупоположение (ингумация), вторичное, смешанное, трупосожжение и трупобожжение. Самый массовый обряд — ингумация. Покойников хоронили без гробов, их клали на спину, с согнутыми в коленях ногами, головой ориентировали на запад или с отклонением на север-запад. Редко мертвых укладывали на левый или правый бок в скорченном состоянии с прижатыми руками к груди.

По размерам костей и погребальному инвентарю можно определить мужские и женские захоронения. Рост мужчин по могильным материалам составлял 170-175 см, что подтверждают письменные источники, свидетельствующие, что северные тунгусы имели рост 155-170 см.

В могилах, где был совершен обряд трупоположения, предметы на одежде покойников сохранились там, где они находились в момент погребения. Это позволило при раскопках чётко увидеть расположение и понять назначение предметов.

Необычны погребения покойников в сидячем положении на корточках с подогнутыми в коленях ногами. Сверху на фрагментах трубчатых берцовых костей и таза, лежали поясничные позвонки, а сверху остатки челюсти и черепная коробка.

Следующий погребальный обряд — вторичные захоронения. В могилах прослеживались кости человека, сложенные кучкой. Все вторичные захоронения одиночные, но встречались могилы, где погребено по два костяка и даже три. Поздней осенью и зимой покойников укладывали на помосты в укромных местах в лесу. Это так называемые воздушные погребения. Всё, что оставалось от такого погребения — летом предавали земле. Сопровождающий инвентарь раскладывали в могиле около костяка в соответствии с погребальным обрядом.

На третьем месте по числу обрядов погребения следовали пустые могилы — кенотафы. В них вообще не было никаких признаков захоронения. На дне центральной части ямы, где должен лежать костяк, находился поломанный погребальный инвентарь из оббитых сосудов, фрагментов наконечников стрел, железных или бронзовых бляшек. Такие могилы устраивали воинам, погибшим вдали от своего дома или пропавшим без вести.

Смешанный обряд это совмещённое погребение труположения с останками вторичного захоронения в ногах первого погребённого.

Способ трупосожжения имел особенности в том, что некоторые сожжения представляли кремацию вне могильника. Уже потом пепел засыпали в могилу вместе с угольно-зольной массой. Стены могилы не имели следов горения. Перед сожжением на костре, покойных клали на спину с ориентацией головы на запад, северо-запад. Сжигая покойников в могильной яме, их обкладывали со всех сторон деревянными плахами. В погребальном костре в могиле, костяк сгорал полностью. На месте сожжения оставался мощный слой углей от сгоревшей обкладки могилы и закопченные огнём стены. Таких могил было очень мало.

Трупосожжение, как вариант обряда погребения, похоже на сожжение покойника в могильной яме. Только в костре из плашек, выложенных на дне и по периметру ямы, покойный сгорал не полностью, кости оставались обугленные или слегка обгорали. Такой способ погребения был очень редкий и обнаружен в единичных случаях в Корсаковском, Надеждинском и Молчанихинском могильниках.

В Надеждинском во время раскопок такого погребения, мы с Виталием Егоровичем Медведевым обратили внимание на то, что обожженные кости как будто были специально разбиты на мелкие фрагменты размером до 2 см и рассыпаны равномерно по всей площади могилы. Назначение такого разброса размельченных костей до сих пор не понятно. Кремация, как способ буддистского обряда погребения у чжурчжэней появился в конце XI в, но буддизм остался не востребовавшимся на фоне культа шаманизма с его духовным содержанием окружающего мира.

Погребальные обряды курганных могильников не отличались от обрядов грунтовых захоронений за исключением того, что обряд трупосожжения и его вариант — трупосожжение в курганных могильниках не обнаружен.

Погребальный или сопроводительный инвентарь составлял важную часть обряда прощания с покойниками и являлся важнейшим индикатором общественно-экономического уровня чжурчжэней в VIII-XII вв.

Около 150 тыс. предметов обнаружено в амурских грунтовых и курганных погребениях, лишь только фрагментов керамики было собрано более 80 тысяч.

Захоронения во всех могильниках, в зависимости от количества в них предметов, условно делятся на бедные, средние и богатые, но все они имели характерные предметы, определяющие их принадлежность к чжурчжэньской общности амурской средневековой культуры.

Бедные и средние захоронения были наиболее многочисленны. В бедных погребениях содержалось очень мало инвентаря: 1-2 сосуда, нож, 2-3 наконечника стрел, панцирная пластина. Иногда в них встречались 1-2 поясные бляшки, бубенчик или колокольчик, кресало, рыболовный крючок, глиняное грузило, фрагменты лошадиного черепа или зубы.

В бедных женских погребениях находились серьги, каменные бусины, пряслица, бляшки, бубенчики и колокольчики. Во всех погребениях были ножи от 10 до 15 см, их на поясе в берестяных ножнах носили мужчины и женщины, они больше относились к хозяйственно-бытовому назначению, чем к оружию. Женщины, как и мужчины, умели стрелять из лука, поэтому в некоторых женских погребениях находились наконечники стрел.

Средние погребения содержали 20-30 предметов. Здесь уже было 3-4 гончарных изделия, предметы вооружения: ножи, наконечники стрел и копий, боевые топоры, фрагменты кинжалов и палашей, детали поясного набора из бляшек с бубенчиками и колокольчиками, как обязательная принадлежность воинов, предметы лошадиной упряжи: сбруйные обоймы для лошади, стремяна, удила с уздечкой. В погребениях и в остатках тризны найдены многочисленные фрагменты лошадиных черепов и зубов.

На траурной церемонии в жертву приносили лошадей или свиней, а также других животных. По общим подсчётам на могильниках в жертву принесли сотни лошадей, но больше встречались кости свиней.

В средних женских погребениях лежали ножи, наконечники стрел, поясные бляшки, бубенчики, пряжки, бусы, серьги с нефритовой подвеской, иногда браслеты, кольца и другие украшения.

Ещё в раннем железном веке у носителей амурской урильской культуры, уже существовало профессиональное разделение труда на охотников, рыболовов, земледельцев. У чжурчжэней, кроме указанных профессий, уже сформировались профессиональные кузнецы и гончары. В отдельных погребениях отмечены производственные инструменты, по которым можно определить трудовую занятость человека при жизни. В средних погребениях были найдены топоры, кельты, молотки, свёрла, пилы, скобели, кузнечные зубила и напильники. Среди мужских погребальных вещей отмечены большие рыболовные крючки, некоторые из них были в длину 7-8 см и маленькие

крючки, не более 2 см. В одной из могил, вероятно, был похоронен рыболов, рядом с костяком обнаружено 12 крючков.

В богатых погребениях Корсаковского некрополя находилось от 60 до 200 предметов, среди них от 5 до 10 и более видов глиняной посуды.

В мужских погребениях много оружия. Прежде всего, это оружие ближнего боя — рубяще-колющие палаши (прямые однолезвийные) длиной до 85 см. Ещё больше находилось их обломков, а также фигурные навершия рукояти, гарды — защитные пластины округлой формы на рукояти палашей, на некоторых рукоятях сохранились фрагменты деревянные обкладки с заклёпками.

В Надеждинском могильнике в погребениях воинов найдено несколько поломанных на части палашей и целые длиной 70-85 см, были специально деформированы скручиванием. Клинки имели полосу шириной 2-3,5 см, сужающийся к острию. Палаши и их обломки лежали в районе пояса погребённых.

В погребении №19 (пронумерованы корсаковские погребения) около черепа обнаружен палаш, разрушенный на три части. Длина обрубков 6-8 см, ширина 3 см. Целые мечи, находящиеся с покойниками, вероятно, были вложены в ножны, от которых остались лишь железные обоймы, закрепляющие железную петлю, через неё пропускался подвесной ремень к поясу. В погребении №54 слева у пояса лежал палаш с обломанным лезвием длиной 63 см, шириной 3 см. На средней части палаша находился наконечник копья с обломанным остриём. Длина его 26 см, ширина клинка 3 см. Рядом с навершием палаша был наконечник стрелы длиной 6,5 см. Справа от палаша, вплотную к бедренной кости лежал нож длиной 14 см. Ещё в погребении №319 положен палаш, специально загнутый. Длина его без овального навершия 69 см, ширина полосы до середины 2,6 см, а к острию сужался до 2 см. На клинке сохранились остатки древесины от ножен. Рядом с рукоятью палаша около правого плеча и вокруг черепа находились 23 наконечника стрел и крючок от колчана.

Целых палашей в захоронениях мало и все их специально приводили в негодность, чаще полосу оружия рубили на части и раскладывали в могилы.

К оружию ближнего боя относились кинжалы длиной до 36,5 см со слегка изогнутым клинком и ножи внушительных размеров. Ножи в погребениях в основном имели длину от 10 до 18,5 см, они находились около черепа, у ног, или в середине погребения.

Топоры с удлинённым лезвием, расширенным книзу, топоры-чеканы и топоры-колуны служили не только оружием, но и орудием труда в мирное время. Этих предметов в памятниках Приамурья не так уже много.

Втульчатые копья в основном имели лавролистную форму длиной до 27 см и с коротким пером — 14 см, они применялись как дротики. Эти колющие и метательные виды оружия были на вооружении воинов Приамурья.

Самыми многочисленными были наконечники стрел — метательное оружие дальнего боя. В погребения укладывали стрелы в берестяных колчанах, от которых остались наконечники стрел, крючки или оковки колчана. Чаще всего эти комплекты располагались около черепов, в том месте, где было плечо погребённого. У воинов за спиной на ремне висел колчан, который на груди застёгивался на пряжку, или колчан на ремне перебрасывали через голову, и он находился сзади на плече. В бою было проще и быстрее брать стрелу из-за плеча.

В снаряжении колчана были разные по типу стрелы: кованые стальные бронебойные (гранёные) наконечники стрел и из железа или сырцового стали плоские наконечники стрел — охотничьи двуругие (вильчатые) срезни. Они применялись в зависимости от ситуации в бою. Если противник был в панцире, то по нему стреляли бронебойными стрелами, если враг без доспеха, то стреляли срезнями по всаднику или его лошади.

В погребении № 154 найдено 40 наконечников стрел, а в захоронении № 5 справа от головы покойного лежала пачка из 15 железных наконечников стрел различных форм и размеров (бронебойные ромбического сечения с массивной боевой головкой с треугольным пером, длина их 4,6-14,4 см), срезень-лопаточка и массивные двуругие срезни. Во многих погребениях наконечники рассыпаны по могиле от головы до ног. В погребении №14 рядом с черепом лежали плотной кучкой 11 плоских и ромбических в сечении железных наконечников стрел. В погребении №25 около умершего, в районе живота, насчитывалось 17 наконечников стрел.

В погребении №51а около зубов и остатков костяка обнаружен фрагмент палаша длиной 11 см и несколько наконечников, один из них — двуругий срезень длиной 11,5 см, ширина пера 4 см, в нижней части срезня по обеим сторонам — два круглых отверстия. Здесь лежали четыре одинаковых наконечника длиной 6-9 см, два трёхгранных наконечника длиной 3,5-4,5 см и три костяных наконечника длиной 3 см.

В погребении № 54, слева от черепа, лежали шесть наконечников стрел длиной 5-10 см, а справа ещё один наконечник длиной 11 см. Содержание могил и число оружия было разное, но все они носили характер воинских погребений.

В Приамурье в чжурчженьских памятниках собрано свыше 2 тыс. из 36 типов наконечников стрел в основном стальных и железных, небольшая часть их изготовлена из бронзы и кости. Наряду с наступательным оружием был собран большой материал защитного вооружения. Это железные пластины панцирных доспехов. Панцирные пластины прямоугольной формы или прямоугольным верхом и округлым нижним краем имеют разные размеры, но чаще встречаются: 8x2,5; 8x2 см. По краю пластин были проделаны от 7 до 15 отверстий для крепления на кожаную или матерчатую основу.

В могиле № 75 в специальном углублении — тайнике был обнаружен целый железный панцирь из 75 пластин, состоящий из семи рядов. Они

пришивались горизонтальными рядами внахлест, верхний ряд перекрывал нижний. В погребении №62 находилось 400 целых панцирных пластин и 300 обломков. В могиле №86 найдена россыпь панцирных пластин, видимо, с умершим был положен защитный доспех, разрушенный во время ограбления и разбросанный по всему захоронению.

В Петропавловке в погребениях кургана №1 зафиксировано 68 пластин, плохой сохранности найдены пластины в Дубовском, Первое Озеро, Ольском курганах. В погребении №148 обнаружен фрагмент доспеха из 10 панцирных пластин, которые налегали последовательно друг на друга. Между погребениями №87 и 89 был зарыт крупный фрагмент панцирного доспеха, изогнутые, длинные пластины от шлема и обломок меча. Пластины от шлема выполнены в виде полудуг длиной 18,2 см, ширина верхнего конца 0,7 см, нижнего — 1,8 см. Шлем собирался веером в сферическую тулью. Верхние отогнутые пластины обвязывались вокруг центрального шишака, а нижние полудуги крепились на кольцевую основу клёпками, на неё сзади крепилась бармица в виде удлинённых пластин, закрывающих шею и плечи. Фрагменты пластин шлема очень редкая находка. Коллекция панцирных пластин в амурских памятниках составила около 3 тыс. экземпляров.

В мужских погребениях Надеждинского могильника обнаружены почти целые железные походные котелки. Они изготовлены из железных прокованных листов. Две стороны изделия соединяли, нагревали до высоких температур и проковывали, оставляя, едва заметный сварочный шов. В верхней части котелков приклепаны три проушины для витой душки из скрученной проволоки. В Ольском кургане, а также в городище у Кошелевых ям обнаружены многочисленные фрагменты походных железных котелков.

Особым богатством материала были наполнены женские погребения. Они отличались оригинальностью и высоким художественным исполнением разнообразных украшений из золота, бронзы, камня, стекла. Самыми распространёнными изделиями были бусы из халцедона. Из него делали бусы шаровидной, удлинённо-цилиндрической и бочковидной формы. Бусы из ярко-красных, оранжево-красных цветов в основном носили женщины на шее и голове, они стали частью их погребального наряда. Нередко в погребениях находились крупные халцедоновые гальки, как заготовки для изготовления бус. Популярностью пользовались стеклянные бусы, повторяя формы халцедоновых бус. Они были одноцветные (синие, голубые, зелёные и жёлтые), многоцветные с чередующимися цветами и с золотой прокладкой. В погребении №78 было найдено ожерелье, состоящее из 72 бусин — пастовых, халцедоновых, стеклянных, яшмовых и агатовых.

В захоронениях бронзовые бусины встречались выложенные композиционно в ожерельях, большая их часть в виде маленьких колец и цилиндров использовалась как бусины-пронизки для оформления головных уборов, одежды и обуви. В кургане № 3 Ольского могильника в одну линию располагалось 10 бронзовых пронизок и одна каменная бусина. В пронизках

сохранились остатки шнура. В кургане №8 этого же памятника пронизки залегали в области головы.

Многочисленными украшениями были серьги из бронзовой проволоки и сплавов из серебра и золота, различных диаметров в форме колец или обручей с петлёй-застёжкой. На такие серьги насаживались белые или зелёноватые маленькие нефритовые дисковые подвески. Ещё найдены бронзовые литые эллипсоидные серьги с каплевидными отростками, на которых иногда был резной рисунок. Браслеты, как распространённые украшения, отлиты из бронзы, имели в сечении форму эллипса или овала с внешней сто-

Рис. 1. Позолоченные шпильки, серьги, бусы, браслеты, шейные гривны (по В.Е. Медведеву).

роны, что придавало объёмность украшению. Некоторые браслеты проковывали в плоскую полоску, инкрустировали и покрывали золотом. В погребениях среди разнообразия женских предметов встречались литые массивные шейные гривны, перстни. Бронзовые гривны — крупные кольца овальные в сечении утончались от середины к несомкнутым концам или соединялись крючками-зацепами. Перстни из бронзовых колец тоже были «безразмерными» с несомкнутыми концами и плоским щитком. Многие из перечисленных предметов имели золотое покрытие.

Чжурчжэньские женщины из племенной аристократии носили длинные волосы и высокие причёски, скрепляя их массивными бронзовыми с позолотой шпильками с крупными овальными головками. Длина игл шпилек была более 10 см. Красивые и дорогие изделия были признаком благополучия и знатности, они были частью украшений богатых чжурчжэнок и являлись оберегами. В погребениях найдены туалетные предметы: фрагменты ножиц, острия (шилъя), иглы, пинцеты в виде шипчиков.

Яркая особенность чжурчжэньской культуры — плоские поясные бляшки прямоугольной формы, отлитые из бронзы. Этот важнейший элемент присутствовал во всех памятниках Приамурья. Пояса с ажурными бляшками носили мужчины и женщины. Бляшки являлись не только украшением поясов и одежды, а и определяли социальный статус в родоплеменной иерархии. Ассортимент поясного набора — количество бляшек, подвесок, и других атрибутов — зависел от положения человека в обществе.

Несколько женских захоронений отличались содержанием необычных предметов, и представляли, в прямом смысле богатые погребения, где позолоченные украшения составляли почти весь потенциал золотых вещей большого Корсаковского некрополя. Эти могилы были глубиной 120-135 см. Погребальный инвентарь насчитывал от 200 до 297 предметов, и отличался роскошными поясами с позолотой бляшек и бубенчиков, позолоченными и серебряными серьгами с нефритовыми подвесками.

В погребении №320 среди массы бронзовых изделий встречались нагрудные и наспинные позолоченные нашивки. Здесь лежали две человеческие челюсти, лошадиная фаланга (бабка), используемая для гадания и двухголовая антропоморфная подвеска. Под остатками костяка находились два пояса: один с традиционно распространёнными бронзовыми бляшками, другой пояс был оформлен из 20 позолоченных бляшек, к нему были подвешены 21 бубенчик, 6 конусных подвесок и позолоченная сердцевидная бляха в диаметре 10 см.

Пояса застёгивались пряжками округлой или вытянутой формы длиной от 3 до 20 см. Они были орнаментированы и инкрустированы художественным рисунком. Реконструированный пояс имел в наборе 15-22 позолоченные бляшки и прикрепленные к ним 20 бубенчиков и колокольчиков.

Для золочения использовались тонкие прокованные листы благородного металла. В одном из погребений Корсаковского некрополя найдены

две золотые полоски: длиной 10 см шириной 0,5 см и толщиной 0,2 см для ювелирных работ.

В погребении №86 находились три разрушенные лошадиные фаланги, причём одна из них с орнаментом. В погребении №181 в области плеча лежали бронзовые бубенчики двумя рядами, под ними истлевшая шерсть. В области груди найдены три нефритовых дисковидных подвески, вокруг головы рассеяны 31 халцедоновая бусина. В области живота детали пояса из нескольких бляшек, под ними остатки меха. Рядом лежал нож. Место, где находилось туловище (костяк полностью истлел), со стороны спины и груди, ближе к черепу, было покрыто бронзовыми украшениями из восьми круглых бляшек, ниже — 11 вытянутых бляшек. Все бляшки лежали тыльной стороной вверх, на них сохранились кусочки кожи и меха, вероятно, это остатки от верхней одежды покойного, которого опоясывал ремень.

В погребении №323, там, где была одежда на спине погребённого, остались лежать украшения из четырёх круглых выпуклых бляшек диаметром 2,8-3,5 см и 22 продолговатые бляшки-нашивки, 13 круглых небольших и две крестовидные бляшки. В области головы были 18 халцедоновых, 6 стеклянных бусин, здесь же залежали три серебряные серьги и пять разбитых нефритовых подвесок от серёг. Справа от черепа лежала шпилька для волос с бронзовой позолоченной головкой и железные ножницы, слева от головы, находилась железная пилка. На дне могилы под бляшками имелись кусочки грубой, а также тонкой шёлковой ткани и остатки меха, возможно, одежда. Кроме прочего: баночный сосуд, орнаментированный станковый сосуд с повреждённым венчиком, фрагмент острия палаша, обломок серпа, панцирная пластина.

В захоронении №277 с умершим положили четыре наборных пояса, которые украшались 61 бляшкой прямоугольной формы с прорезями и с верхним зубчатым краем. Первый пояс из девяти бронзовых с позолотой бляшек был одет на покойника, второй пояс из 20 бляшек лежал сверху. Третий пояс — слева от покойного, четвёртый пояс был сложен у ног. Сверху на черепе была бронзовая шпилька для волос с массивной позолоченной головкой, другая подобная шпилька находилась левее черепа. Найдено шесть серёг и шесть нефритовых подвесок. Пять серёг лежали в области груди, ещё одна на месте живота. В могиле обнаружено семь сосудов разных типов. Справа от костяка около плеча лежал нож и обломок острия палаша. В ногах, рядом с четвёртым поясом, обнаружены три железные косметические пилки. В бочковидном сосуде лежал костяной щиток, предохраняющий руку при стрельбе из лука. Под костяком сохранились кусочки бересты, меха и зёрна проса, потому что на них лежали бронзовые бляшки, и окись меди сохранила их от гниения.

В этих захоронениях среди вещей выделяются наспинные и нагрудные бляхи не только прямоугольные, но и круглые, спиралевидные, различные колокольчики, пронизки, бусины, лежавшие на месте, где одежда и туло-

вище превратились в тлен. Судя по необычному расположению предметов на месте погребения, складывалось впечатление, что одежда имела какое-то особенное назначение ритуального характера и напоминала шаманский костюм.

Поясные бляшки в основном имели размеры 3,5-6,2х2,8-5,8 см, толщиной 0,1-0,3 см. Поражает фантазия средневековых мастеров: узорные прорезы на бляшках в срединной части в виде крестов, маленьких геометрических фигур, неповторимых орнаментов. В верхней и нижней части бляшек нанесены линейные, волнообразные вдавления и выпуклые валики и полудуги, предавая им вид произведения искусства. Верхние краевые выступы бляшек имели формы прямоугольные, стрелковидные, трапециевидные, облаковидные, крестообразные и в виде трилистника. Среди прямоугольных бляшек на поясах были солярные в виде спирали круглые бляшки.

Различные по форме и размерам бронзовые бляшки были элементами украшения поясов и одежды. Это были крестовидные, круглые, фигурные бляшки со стилизованными изображениями клювов, когтей, клыков и рисунки животных характерные для степных кочевников Алтая, Южной Сибири, Верхнего Амура. Появление «звериного стиля» в культуре амурских чжурчжэней во второй половине IX – середины X вв. свидетельствует о тесных отношениях с культурами уйгурских и кыргызских кочевников.

Серцевидные подвески широко использовались в Южной Сибири, Туве, Хакасии и Монголии. Конусовидные подвески были известны ещё

хуннам, и нашли своё отражение у амурских чжурчжэней. В погребениях конца X-XI вв. материалы тюркского облика уже относились к пережиточным и их было очень мало.

К нижнему краю бляшки крепились на шарнирах или подвязывались на шнурках полые шаровидные бубенчики, колокольчики или подвески из соединённых бубенчиков, отлитые из бронзы. Через прорезь в бубенчик вкладывали камушек, но чаще зёрна просо и прорезь зажимали.

В погребениях остались фрагменты почти истлевших кожаных поясов. Благодаря окиси меди, время сохранило детали пояса, что позволило реконструировать атрибуты одежды. К фрагментам поясов были прикреплены бляшки через четыре петли расположенные попарно вдоль краёв с тыльной стороны. Фрагменты кожаных ремней с поясными бляшками свидетельствуют о кожевенном производстве. Из кожи шили одежду, обувь, головные уборы, поясные ремни, конскую сбрую, возможно, защитные щиты.

Пояса с бронзовыми бляшками были распространены на северо-востоке чжурчжэньского амурского ареала и в Приморье — на поселении Синие Скалы, а на территории Маньчжурии — южнее истоков рек Муданьцзян и Сунгари (могильники Дунцин, Хуйчжан, Дунтайцзы и памятник Юньань).

Китайские археологи отмечают, что спецификой, присущей чжурчжэням, особенно ранним (они их называют мохэ-чжурчжэнями), является ношение ажурных поясных бляшек амурского типа. Они приходят к выводу, как и российские медиевисты (историки, изучающие средние века), что в большинстве своём бляшки — это атрибут шаманской обрядности.

В амурских памятниках чжурчжэньского времени было собрано около 2 тысяч бляшек, которых по художественным признакам отнесли к 40 типам.

РЕЛИГИОЗНОЕ ВЕРОВАНИЕ ЧЖУРЧЖЭНЕЙ

В основе религиозного верования чжурчжэней было осознанное представление о продолжении жизни после смерти. Они верили, что в мире нет ничего мёртвого, вся природа жива, что душу имеет небо, солнце и звёзды, горы и леса, реки — весь окружающий мир. Чжурчжэни были убеждены, что каждый предмет, кроме души, имеет своего духа.

Религия чжурчжэней впитала в себя предшествующие верования и мистические взгляды на природу — анимизм, представление о родстве с дикими животными и воздействие на них магией и колдовством — тотемизм, а также поклонение предметам-амулетам, предписывающим свойства сверхъестественной силы — фетишизм. Поэтому чжурчжэни носили на поясе бубенчики, колокольчики и конусовидные подвески, которые являлись амулетами — вместилищами духов и служили защитой и оберегами.

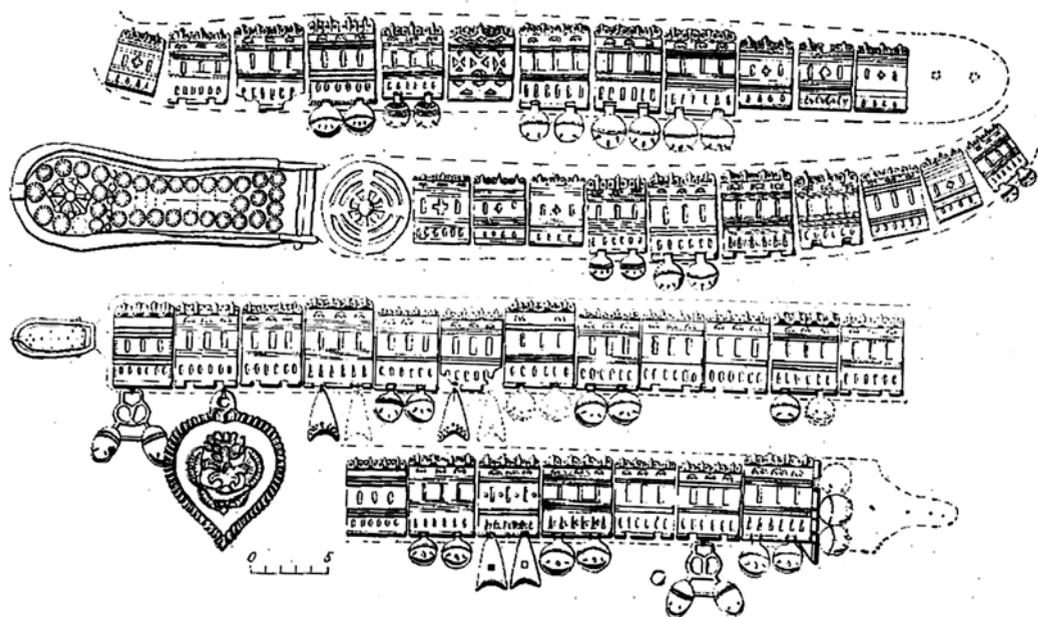

Рис. 2. Реконструкция поясов из позолочённых бляшек, бубенчиков и колокольчиков (по В.Е.Медведеву).

Большое число ажурных солярных, спиральных, круглых бляшек на костюмах в богатых погребениях, как самых почитаемых, относит их к шаманскому культу.

Раскрашенные лошадиные фаланги (бабки), антропоморфные подвески, уложенные к покойникам дополнительные части скелета человека говорят о мистическом назначении этих предметов.

В захоронениях шаманок было большое количество женских украшений в сочетании с золотым набором культовых знаков. Ещё во времена матриархата, когда женщина пользовалась большой независимостью в отношениях с мужчиной, положение женщин в обществе было исключительно высоким. У многих народов первыми шаманами были женщины, и эта традиция сохранилась на многие века.

Сила и власть их, по мнению народов северо-востока Азии, ничем не уступали силе и власти мужчин-шаманов. Шаманки имели свой определённый костюм, в общем похожий на костюм шаманов, и совершали камлания. Пение шаманок более заунывное и тоскливое. Пляски их более грациозны и плавны, но экстазы весьма бурные и истеричные. Шаманки лечили больных, ворожили, изгоняли чертей из жилища, приносили жертвы.

Погребения с труположением принадлежали тем, кто при жизни играл важную роль в развитии чжурчжэньского общества, это были ремесленники-оружейники, прославленные воины и их военачальники, члены семей вождей рода или племени, по содержанию языческих предметов они относились к шаманистам.

Обжигая огнём могильные ямы, шаман изгонял злых духов, которые могли попасть в покойника, чтобы не отпустить его во внеземную жизнь или очистить от связи с земным бытием. Это проявлялось в сакраментальном ритуале погребения.

Все погребённые в могильниках и курганах независимо от форм погребального обряда были ориентированы на запад, с отклонениями к северу или югу. Это связано с культом солнца, луны и других небесных тел как вечности мира. При захоронениях чжурчжэни гробы не использовали, так как гроб замкнутое пространство, а души покойников должны были уйти в мир мертвых. Вместе с ними в могилы укладывали погребальный инвентарь, который намеренно ломали и разбивали, потому что только «убитые» вещи могли попасть в иную жизнь вместе с хозяином.

После погребения на могиле устраивали тризну, чтобы задобрить душу покойника, которая ещё не ушла в мир мёртвых, чтобы в душу не могли войти силы бесов и причинить вред живым людям. Шаман был хранителем традиций рода, его духовным заступником. Под камлание шамана, его заклинания и пения родственники прощались с покойником. Эти древние языческие традиции корнями уходят ещё в верхний палеолит. Под дерновым слоем многих могил находились битые горшки, поломанные изделия, кости животных, угли от кострища.

Рядом с несколькими ямами по углам на уровне остатков тризны отмечены отпечатки столбов, которые держали перекрытие над могилой, похожих на навесы или крыши. Возможно, существовала и обшивка этого каркаса по периметру. Такие конструкции сооружали над могилами, в которых был большой погребальный инвентарь. В нанайском обряде жителей Нижнего Амура, до недавнего времени, над могилами устраивали погребальные домики из дерева, без единого гвоздя: детали были соединены пазами, тщательно оструганы, причём отдельные домики были выполнены резьбой с высоким художественным исполнением. Внутри домиков находились, вырезанные из дерева духи — сеоны (бурханы). Некоторые домики до настоящего времени сохранились на родовых кладбищах, которые находятся в стороне от посторонних глаз.

После погребения душа должна попасть в буни — загробный мир, который находился далеко под землёй. Но путь туда труден и опасен, и известен только шаманам. Поэтому душа умершего не могла сама достичь буни, и вынуждена скитаться по вселенной до тех пор, пока родственники не устраивали поминок, тогда приглашенный шаман при помощи своих покровителей духов — сеонов после долгих поисков находил бесприютную душу, уводит её в буни, а родственникам давал успокоение.

Во время обряда поминок ему помогали подручные и родственники покойного. Свои контакты с духами шаман осуществлял во время камлания, когда он бил в бубен, гремел трещоткой, пел, прыгал и танцевал.

Обязательным атрибутом шаманского костюма был нагрудник и наспинник с нашитыми круглыми бляшками с солярной символикой, спиралевидными железными бляхами, множеством мелких железных и бронзовых подвесок, а также пояс с бляшками, увешанными колокольчиками и бубенчиками.

Важным элементом одежды шамана было бронзовое зеркало — толи. Один экземпляр такого зеркала был найден в поселении в устье р. Тунгуски. Это круглый бронзовый диск диаметром 8,7 см, одна сторона его отполированная, другая — с шишечкой-петлёй в центре имела рельефный орнамент в виде вьющихся стеблей растения и танцующих фигурок, у которых вверх подняты руки и согнуты ноги в коленях. Отражающая сторона зеркала служила щитом от стрел злых духов, от чёрных помыслов недобрых людей. Обычно у шамана было несколько зеркал, которые висели на спине и груди.

От грохота костюма, бубна, песен и пляски, а иногда и от возбуждающих веществ он приходил в исступление, но это приходило постепенно. Камлание начиналось с монотонных ударов бубна, потом продолжалось тихим унылым пением. Это длилось довольно долго, пока шаман не начал делать небольшие плавные прыжки из стороны в сторону, понемногу подвигаясь вперёд. При этом он в такт вертел задом, отчего побрякушки, бубенчики, все металлические части костюма и пояса начинали греметь и издавать металлический звон.

Войдя в экстаз, шаман делал резкие и сильные телодвижения: двигал плечами, вертел головой, приседал, выбрасывал далеко ноги или дёргался всем телом и скакал вприпрыжку. Камлание производило сильное психологическое воздействие на окружающих и даже нагоняло ужас перед мистическим всемогуществом шамана. В это время по вере его соплеменников, тело шамана оставалось на месте камлания, а душа совершала далёкое путешествие в мир духов. По другому представлению, душа шамана не покидала тело, а в него входил дух, который говорил языком шамана. Считалось, что всё сказанное шаманом во время камлания, слова духа, вошедшего в него.

Духи, по представлению язычников, относились к людям по-разному и были наделены различными свойствами. Они могли из видимых тел или предметов превращаться в невидимые, переноситься на расстояния, менять телесную оболочку, слышать, говорить, видеть и иметь сверхъестественные силы. По нанайскому шаманизму существовали духи небесные — эндури, которых называли ещё божествами. Близкие к людям земные духи — сеоны (бурханы) являлись во сне. Если люди о них забывали, не делали им жертвоприношений и не оказывали уважение или недостаточно почитали, то они сердились и вредили им. Сеоны чрезвычайно могущественные. Они помогали шаманам в их врачевании, наделяли их даром ясновидения. Злые духи или попросту черти — бусеу, по природе своей исключительно злые. Они напускали болезни, похищали души и мучили их, заманивали в глухие места в лесу или в омут. Только шаманы с помощью сеонов могли бороться с ними.

Шаман должен был в это время проводить душу мёртвого в загробный мир. Никто из живых не мог найти туда дороги, и только шаман на мистической птице Кори и в сопровождении сеона Буччу мог летать туда. Но и шаману трудно достичь буни. Не всякий шаман и не всегда делает это с успехом. Немало неопытных шаманов погибло в дебрях подземного мира, на пути в буни, немало и душ растерялось там. Лишь только старый, опытный шаман мог путешествовать в буни.

Буни служило местом вечного упокоения. Чжурчжэни верили, что там их души будут жить счастливо и богато: там у всех будут хорошие фанзы, там, в реках в неистощимом изобилии рыбы, а в лесах зверей так много, что охотиться на них не составляет никакого труда. Там, в буни, в загробном мире, умершие будут вести такой же образ жизни, как и здесь, на земле. По представлению аборигенов Амура загробный мир служит продолжением земной жизни.

На острове оз. Болонь была найдена чжурчжэньская бронзовая фигурка шамана с птицей на голове. Эта фигурка напоминает нанайские скульптурные антропоморфные изображения шаманских духов — сэвенов, которым они традиционно поклонялись на протяжении всей своей истории, вплоть до недавнего времени. Этот дух в образе птицы, имеющей огромную сверхъестественную силу, которая способна преодолевать

мистические границы земной жизни и подземного царства мёртвых. Она переносила шамана и душу покойного в буни, чтобы оставить там душу и вернуть шамана обратно. В Маньчжурии найдены изображения шаманов с бубнами в ритуальных костюмах, а на голове у них та же птица. Дух в образе птицы отражался в сознании чжурчжэней, как единство людей и природы, видение животных в роли помощников, в преодолении трудностей на жизненном пути.

Реконструкция духовного мира чжурчжэней возможно на этнографическом материале малочисленных народов Нижнего Амура — нанайцев (гольдодов), ульчей, нивхов, их исторические корни уходят в материальную культуру средневековых амурских поречан, поэтому имеют много общих черт в общественно-экономическом укладе жизни. Как наследие древней культуры тотемизм сохранился в легендах и сказках народов мира.

У тунгусов-эвенков и гольдодов-нанайцев был обычай воздушного погребения. Поздней осенью и зимой покойников укладывали на помосты в укромных местах в лесу или на деревьях. Всё, что оставалось от такого погребения, предавалось земле по всем традициям языческого обряда, это так называемое вторичное погребение, какое существовало у чжурчжэней. Этот древний способ захоронения был известен в Приамурье со времён раннего железного века и мохэ, его вековые традиции дошли до малочисленных народов Амура и исполнялись вплоть до конца XIX в.

Каждый род у гольдодов-нанайцев имел своё дерево, на ветках которого живут и плодятся души человечков в образе маленькой птички. Если такая душа попадала в женщину, то она рожала ребёнка. Если ребёнок умирал до года, то душа его превращалась в птичку, и возвращалась на своё дерево. В связи с этим, у чжурчжэней было представление о родовом дереве, как об источнике рождения. В одном из курганов Дубовского могильника была найдена бронзовая позолоченная бляшка-подвеска с изображением родового «дерева жизни». Этот языческий культ почитания родового древа на Амуре дожил до начала XX в.

Детские погребения у чжурчжэней довольно редкие находки, как в грунтовых, так и курганных могильниках, потому что детей младшего возраста оставляли в дуплах или воздушных захоронениях среди густых ветвей деревьев, что до недавнего времени отмечалось у амурских аборигенных народов. Погребение детей-подростков и облачение на них взрослых поясов с бляшками, объясняется их принадлежностью к богатым родителям из числа племенной, родовой или военной верхушки. Их также хоронили по языческим обрядам, чтобы в другой жизни, «после смерти, когда ребёнок вырастет, станет воином».

Среди части чжурчжэньской племенной аристократии в X в. стал проникать буддизм. В Центральной Азии в начале нашей эры буддизм распространялся среди хуннов, в IV в. он проник на Корейский полуостров, ещё раньше буддизм стал известен в Китае. В государстве Бохай на территории

Маньчжурии и Приморья под влиянием когурёских монахов учение Будды в IX в. признала привилегированная часть этого королевства. В X в. в империи Ляо, среди прочих религий, кидане исповедовали буддизм. Начиная с X в. буддизм приняли уйгуры.

В погребении №112 Корсаковского могильника найдена бронзовая позолоченная статуэтка высотой 6,9 см. Это образ отрешенного божества, а не реального человека. У него изящный удлинённый овал лица с плавными дугами бровей. Глаза чуть раскосо-прямые, веки полузакрыты, нос тонкий, приплюснутый. Рот маленький, губы припухшие. На голове причёска в виде полукруглого выступа-шиньона. Плечи покатые, но чётко прослеживается хорошо сложенная фигура мужчины. Божество облачено в одеяния: нижнее — нательное и верхнее — хитон.

В левой руке Будда держит кувшин, как символ восьми благовещих знаков куда входят: колесо закона, раковина, зонтик, флаг, лотос, рыба и мистический узел.

Статуэтка под пьедесталом имеет стерженёк, который крепил её, возможно, к какому-то алтарю. О знакомстве с буддизмом свидетельствует створка речной раковины, как благовещий знак в погребении №86 Корсаковского могильника. Вполне возможно, что раковина в могиле символизировала популярный промысел — сбор речного жемчуга, который ценился среди чжурчжэньской знати и пользовался спросом за границей. В связи с этим, в погребении № 85 около человеческих зубов залегала целая морская ракушка и створка другой ракушки. Погребения, совершённые по обряду трупосожжения, свидетельствуют о знакомстве амурских чжурчжэней с буддизмом. Такие погребения известны в Болонском, Дубовском, Корсаковском и Надеждинском грунтовых могильниках. Это были единичные обряды в крайних могилах на последнем этапе существования могильников. Подобные погребения с трупосожжением известны в Луданниковой Сопке, Барсучьих Норах и Краснокуренском курганах.

Буддизм не стал основой религиозного мировоззрения чжурчжэней Приамурья в VIII-XII вв. Достижению нирваны практикой самоограничения и медитативного созерцания собственного духа и всех вещей было чуждо шаманистам, жившим в единой гармонии окружающего мира и язычества. Шаманизм — коллективное, зрелищное духовное восприятие мироздания. Шаман в племени представлял вторую

фигуру после вождя, он был духовным наставником, а шаманизм был духовной идеологией, объединяющей людей.

Позднее, с созданием государства Цзинь, буддийские воззрения были приняты верхушкой общества, демонстрируя цивилизацию чжурчжэньской аристократической элиты. Однако император Золотой империи — Улу, правивший в 1161-1189 гг, решительно выступал против увлечения чужеземной религией — буддизмом и называл его проповедников обманщиками.

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЗАНЯТОСТЬ АМУРСКИХ ЧЖУРЧЖЭНЕЙ

Согласно письменным источникам, одна из многочисленных групп чжурчжэней жила в своих коренных землях к северо-востоку от реки Нуьцзян (Нонни) по Сунгари, Амуру и Уссури, их численность превышала 100 тысяч. Северные земли амурских племён чжурчжэней находились на краю ойкумены — обитаемого мира земледельцев, потому что дальше начиналась бескрайняя тайга, в которой кочевали племена оленеводов и охотников.

Чжурчжэни создали производящее хозяйство с многоукладной экономикой и все основные потребности населения в продуктах, одежде, обуви, хозяйственных нужд решали за счёт натурального, самообеспечивающего производства. Это были трудолюбивые землепашцы, скотоводы, охотники, гончары, кузнецы и отважные воины.

В их семьях было по 6-7 детей и больше. Опытные воины несколько лет обучали мальчиков 10-12 лет военному делу и основам ремесла. Это была настоящая школа мужества с жёсткими правилами, где воспитывали силу, ловкость, смелость, учили стрелять из лука, ездить верхом на лошади, переносить трудности и физическую боль. Мальчики с взрослыми ходили на охоту, привыкали к походной жизни, проходили суровую школу выживания. В 15 лет, после сложных испытаний, подростки участвовали в ритуале посвящения в воинов, после него занимали место в определённом воинском формировании.

Все известные поселения располагались вблизи рек или их протоков. Со стороны берега они закрывались перелесками или рощами. Поселения состояли из 15-30 жилищ — полуземлянок площадью от 20 до 40 кв. м. Врытые в землю полуподземные дома имели четырёхскатные крыши из плотно подогнанных стволов деревьев толщиной до 20 см. Крыши сверху застелали берестой, потом засыпали землёй и выкладывали дёрн. Такой оптимальный тип жилищ существовал на Амуре несколько тысячелетий со времён неолита. Это обусловлено климатическими условиями на Амуре, когда зимние морозы опускаются до минус 40°C. Костёр разводили в центре жилищ на земляном полу, он обогревал людей, на нём они готовили пищу. Дым выходил через люк в крыше.

В поселениях котлованы для жилищ копали без какой-либо планировки, пристраивая, друг к другу, оставляя межжилищные площадки на расстоянии не более трёх метров. В летний период, когда в полуземлянках холодно и сыро, на этих площадках строили шалаши или подобие чумов из тонких стволов деревьев или сплетённых прутьев прибрежного тальника, накрывали их берёзовой корой, чтобы кора распрямлялась, её проваривали в горячей воде. Костёр разводили рядом с сезонным жилищем. На нём готовили еду, с помощью дыма отгоняли комаром, мошку, оводов, которых в летнее время на Амуре великое множество.

Наземные дома стали появляться на Амуре в конце XI в. Их стены сооружали из прутьев или камыша и обмазывали глиной, они напоминали «мазанки». Крыши возводили из плотно подогнанных жердей и покрывали берёзовой корой, а сверху соломой или камышом. Дома отапливались канами — тёплым воздухом от костра, который в земляном полу проходил по каналу-дымоходу и выходил наружу через вытяжную трубу. Обычно с восточной стороны дома устанавливали небольшую узкую дверь.

На Корейском полуострове, на юге Маньчжурии глинобитные дома с костровыми канами строились ещё в эпоху бронзы и раннего железного века. Здесь природные условия отличались мягким климатом и сравнительно тёплой зимой.

Для подготовки посевных площадей вырубали кустарники и деревья топорами с удлинённым лезвием, выкорчёвывали пни массивными топорами-колунами. Недалеко от поселений находились небольшие поля, они чередовались отдельными участками, дальше располагались пастбища. Чжурчжэни пахали на лошадях деревянной сохой с железным наконечником сошником — насадом в виде полого кельта. Для работы на полях и огородах использовали лопаты, грабли, мотыги или тяпки.

Сеяли овёс, пшеницу, ячмень, чумизу, сорго-гаолян, а также сою и другие бобовые. Популярной зерновой культурой была чумиза — чёрный рис или итальянское просо, из которой варили похлёбку, её обугленные остатки в прокопчённых горшках находили среди кострищ в жилищах разных поселений и в остатках поминальной тризны. Зёрнами просо наполняли полости бронзовых бубенчиков для ритуальных целей. В некоторых бубенчиках сохранились эти зёрна, так как окись меди законсервировала их почти на 1 000 лет.

Чумиза — зерновая культура, которая представляет травянистое растение семейства злаков. Соцветие — колосовидная метёлка. Стебель её прямой почти цилиндрический, высотой до 2 м, листья широколанцетные длиной 2565 см. Этой травой кормили домашних животных.

Гаолян — маньчжурское просо, хлебный однолетний злак, разновидность сорго, напоминает кукурузу, у которой стебель вырастает до 4 м. Его семена перерабатывали на крупу, муку, готовили хмельные напитки. Из муки пекли большие лепёшки. Листьями гаоляна кормили скот, деревянные части стебля использовали для плетения циновок, посуды, корзин, настила крыш, а высушенные остатки применяли как топливо.

Выращивали на полях овощи, тыкву, арбузы, коноплю, последнюю, как техническую культуру для ткачества, изготовления масла, производства пеньки и плетения веревок. Урожай с полей собирали серпами и железными ножами с вогнутыми лезвиями. Колосья небольшими снопами оббивали на циновку об землю. После обмолачивания, зерно просушивали и засыпали на хранение в большие глиняные сосуды-корчаги ёмкостью 15 литров и более. Фрагменты таких сосудов находили в могильниках и поселениях.

Для помола зерна использовали каменные или деревянные ступы с закруглёнными колотушками-пестами, а также зернотёрки с курантами.

На огородах высаживали лук, чеснок, горох, различные корнеплоды похожие на репу или редьку.

В домашних условиях еду варили в глиняных сосудах ручной лепки с широким устьем и отогнутыми наружу венчиками — эти горшки, банки, кувшины украшали орнаментом из горизонтальных линий, вертикальной

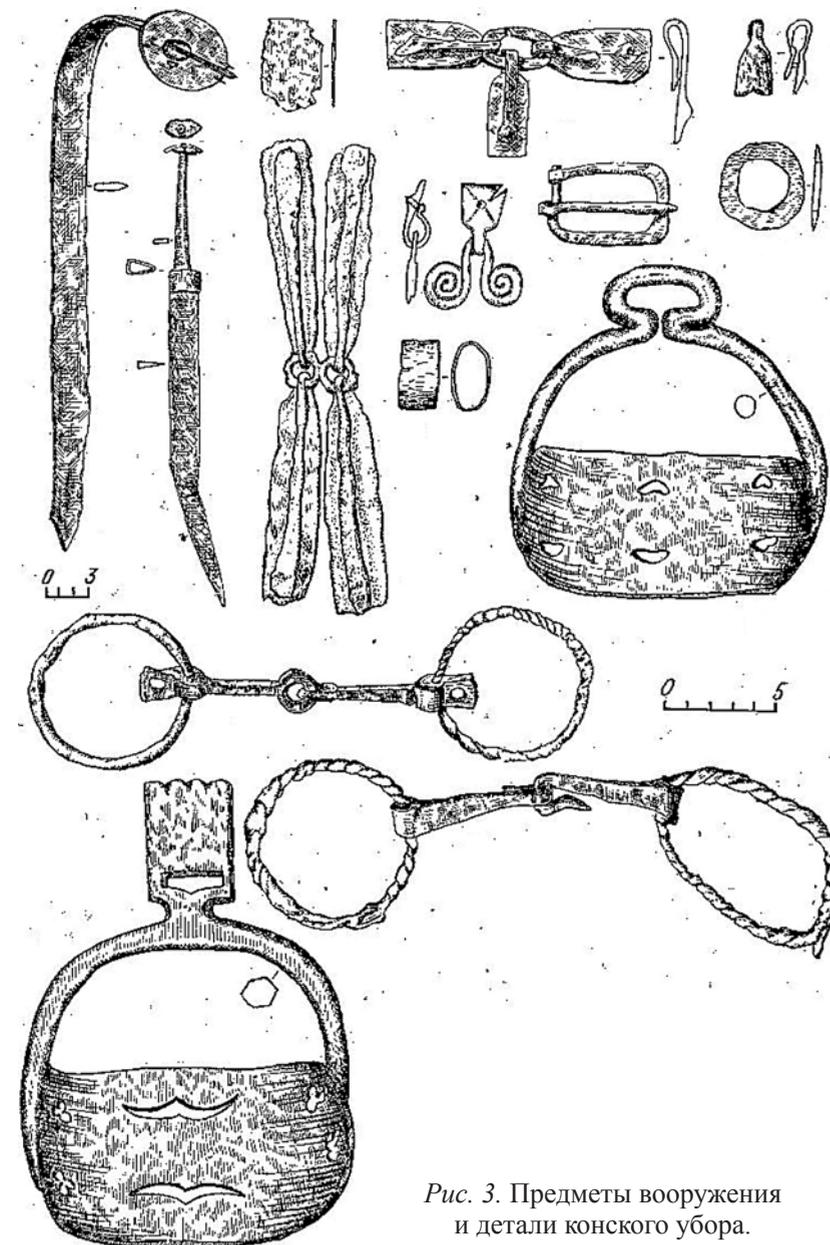

Рис. 3. Предметы вооружения и детали конского убора.

«ёлочкой», косо́й сеткой по сырому тулову сосудов лишь потом, обжигали на костре. Со временем они становились прокопченными, со следами нагара и пригорелой каши. В походных условиях пищу готовили в железных котелках.

Лепные чаши-пиалы, чаши на подставках, похожие на бокалы, составляли столовую посуду, они не имели следов нагара. Ели деревянными ложками с длинными ручками, которые изготавливали с помощью резцов или ложкарных инструментов. Эти резцы имели дугообразную рабочую заточку, чтобы получались сферические углубления. К столовой посуде относились большие деревянные тарелки для мяса, риса или бобов, а бульон разливали в деревянные пиалы. Популярна была берестяная посуда. Бересту распаривали, резали по выкройке и сшивали суровыми нитками или сухожилиями. Из неё делали большие блюда, коробочки для посуды (туески), лукошко для сбора ягод, такую посуду украшали тесненным орнаментом. Из бересты шили колчаны, чехлы для ножей, летние головные уборы.

Одним из важнейших направлений в развитии экономики чжурчжэней было скотоводство. В нём доминирующее место занимало разведение лошадей и свиней мясной породы. Приамурье богато пойменными лугами, где паслись табуны лошадей. На них пахали землю, перевозили грузы, они были средством передвижения и составляли боевую ударную силу — конницу. В табунах насчитывались тысячи лошадей. Это были небольшие лошади, в холке высотой до 130 см, неприхотливые, выносливые, приспособленные к условиям долгих переходов на большие расстояния. Эти лошади высоко ценились в Восточной Азии. Чжурчжэни, в которых текла кровь древних кочевников, умело обращались с ними, приспособляли к своему суровому образу жизни.

В переносных загонах содержались свиньи мясной породы, они были небольших размеров, давали большой приплод и меньше чем за год достигали убойного веса. В материалах погребений и кухонных остатков в IX-XI вв. — больше всего было костей лошадей и свиней. Это связано с тем, что чжурчжэни редко ели говядину, не употребляли коровьего молока, а пили варёное кобылье молоко с травами и кисломолочный напиток — кумыс. Чжурчжэни разводили овец, но их было мало, потому что овцеводством могли заниматься только кочующие пастушьи племена, которые перегоняли отары овец по огромным степным просторам, двигаясь вслед за ними, а чжурчжэни были оседлые земледельцы-скотоводы.

В средние века в Приамурье были в изобилии разные виды диких животных. На равнинах среди высоких трав и кустарников, в перелесках и распадках сопок обитали копытные животные: косули, олени, кабарга. Среди хищников водились волки, лисы, рыси, енотовидные собаки, кабаны. В хвойно-широколиственных лесах обитали лоси, медведи, уссурийские тигры. Леса были богаты пушным зверем: лесной кот, куница, соболь, горностай, белка и другими. Было много дичи: глухарей, тетеревов, куропаток, фазанов, ряб-

чиков. Равнинные озёра наполняли многочисленные перелётные стаи гусей и уток.

Тунгусы были искусны в стрельбе, любили охоту и рыбную ловлю: «всякий раз, как кому попадёт след зверя, он следит за ним и отыщет. Где скрывается; кроме того, они делали рог из коры берёзы и, подражая на ней звукам оленей, скликали их к себе и стреляли». Охота это не только излюбленное занятие, это была тренировка молодых воинов в стрельбе по живой мишени. Загонная охота способствовала слаженности воинов, что было необходимо в боевых действиях.

Охотники обеспечивали себя мясом и шкурами диких животных, исходя из достаточной необходимости, и берегли зверей, заботясь о сохранении запасов дикого животного мира. Весной и летом охота была ограничена. В охоте на дичь использовали обученных ловчих птиц — соколов.

Амур и его притоки были богаты рыбой, насчитывающей более 100 видов. Среди них калуга, осётр, таймень, сом, сазан, щука и множество средней и мелкой рыбы. Чжурчжэни Нижнего Амура кормились рыболовством на реках и озёрах. Большую роль в обеспечении рыбных запасов на длительный зимний период играла проходная лососевая рыба.

В лесах было много ягоды, грибов, дикого мёда, лекарственных растений. В реках добывали золото и речной жемчуг. В тайге по реке Уссури чжурчжэни заготавливали кедровые орехи, искали женьшень, белый аконит (волкобой), из которого готовили ядовитые смеси для наконечников стрел. В ходе археологических раскопок, наибольшее число находок составляли гончарные изделия: керамические предметы разных форм и назначений. Это были сосуды в виде ваз, банок, горшков, амфор, кувшинов, чаш, бокалов. Глиняную посуду ручной работы изготавливали небольших размеров ленточным способом: глиняную ленту сворачивали по спирали в зависимости от задуманной формы сосуда.

В технике лепной керамики и орнаменте из геометрических фигур и прочерченных линий на сосудах, амфорах, горшках, прослеживались традиции гончарного производства культур раннего железного века Приамурья на экономической основе, которой создавалась мохэская, а затем чжурчжэньская культуры.

Налепные вертикальные валики на сосудах появились у чжурчжэней под влиянием уйгуров, которые после разгрома кыргызами их каганата в IX в. расселились в восточных районах Внутренней Монголии, Маньчжурии и Приамурья.

На Среднем Амуре не найдены гончарные мастерские, где изготавливали станковую керамику, хотя в различных памятниках она представлена в большом количестве. Серая плотная со звонким звуком керамика, изготовленная на гончарном круге, со штампованным геометрическим узором была известна киданям, бохайцам и давно вошла в обиход в Китае и в средневековые корейские государства. Возможно, гончарные мастерские находились

в южных районах чжурчжэньского региона и по реке Сунгари в большом количестве отправлялись на обмен северным племенам на амурские земли.

В памятниках IX – середины X вв. достаточно много материалов уйгурского компонента. Первоначально керамика, а затем и сам гончарный круг были внесены уйгурами.

Оригинальная дольчатая посуда, напоминающая тыквенные доли, встречалась в памятниках эпохи киданей в IX-X вв во Внутренней Монголии. Однако, большая часть экземпляров тыквообразных сосудов, найдена на Среднем Амуре, откуда они распространялись в соседние регионы Маньчжурии и Приморья.

Общее количество фрагментированных образцов керамики в Приамурье составило более 80 тысяч и около одной тысячи целых и восстановленных сосудов.

Высокий уровень гончарного производства и появление профессионального ремесла в IX-XII вв. свидетельствует о развитии ремёсел, росте населения и его благосостоянии.

Большое значение в развитии экономики принадлежит металлургии. Металл окончательно вытеснил каменные орудия. Производство изделий из металла у средневековых тунгусов корнями уходит в культуры раннего

железного века. Добычей и обработкой металла занимались металлурги, кузнецы и ювелиры. Куски шлаков весом до 300-400 г., найденные в поселениях чжурчжэней Русская Поляна, Сакачи-Алян II, городище Джари, свидетельствуют о местном производстве железа, которое получали из болотной руды — бурого железняка.

Для создания арсенала оружия и большого количества орудий труда необходимо было значительное количества руды. В бассейне Сунгари, по свидетельству письменных источников, в районе Удаолина близ Харбина находились месторождения железной руды. Со временем здесь был создан крупнейший центр чёрной металлургии. Он состоял из 50 шахт и плавильен. В этих шахтах добывали красный и магнетитовый железняк, причём в штольнях использовали деревянные крепления. По приблизительным подсчётам, осмотренные шахты, выдавали до 400-500 тыс. тонн железной руды.

Металлурги плавил руду в печах непосредственно у места добычи сырья и получали крицу, которую отправляли в поселения и городища в границах нахождения амурских чжурчжэней. Оплата за труд металлургов в условиях натурального хозяйства производилась, централизовано, натуральными продуктами в «казну» племенной верхушки. Сунгарийским тунгусам из Среднего и Нижнего Амура везли меха пушных зверей, шкуры таёжных диких животных, золото, речной жемчуг, лошадей, зерно и другие продукты, каких не было в южных районах. Натуральный обмен продуктами, изделиями ремесленников между племенами было естественной формой отношений родственных племён, способствующую дальнейшему развитию различных отраслей и общему экономическому развитию амурских чжурчжэней.

Обработку крицы производили в кузнечных мастерских на местах, в поселениях. Кузнецы ковали латные пластины, топоры, ножи, палаши, наконечники копий и стрел. Большим спросом пользовалась конская упряжь. Из инструментов по обработке чёрного металла известны наковальни, молотки, кузнечные зубила, клещи, напильники.

Топоры делались следующим способом. Нагревали докрасна железную полосу металла, проковывали, сгибали его в средней части вокруг железной болванки таких размеров, чтобы потом насадить в отверстие деревянное топорище. Затем соединяли раскалённые концы и ещё проковывали, превращая их в клинообразное широкое лезвие топора. Обух топора делали плоским и использовали как тяжёлый молоток для плотницких работ.

Чжурчжэньские ювелиры изготавливали ушки для составных частей украшений, а затем нагревали до высокой температуры и припаивали их к кольцам, серьгам и другим предметам. Значительная часть украшений — кольчатых серёг, сделана из проволоки различной толщины техникой волочения, которую раскалённой протягивали через отверстия разного диаметра. Они изготавливали заклёпки к элементам одежды, головных уборов и обуви. Мастера прокатывали золотые тонкие листы на толщину сусального золота

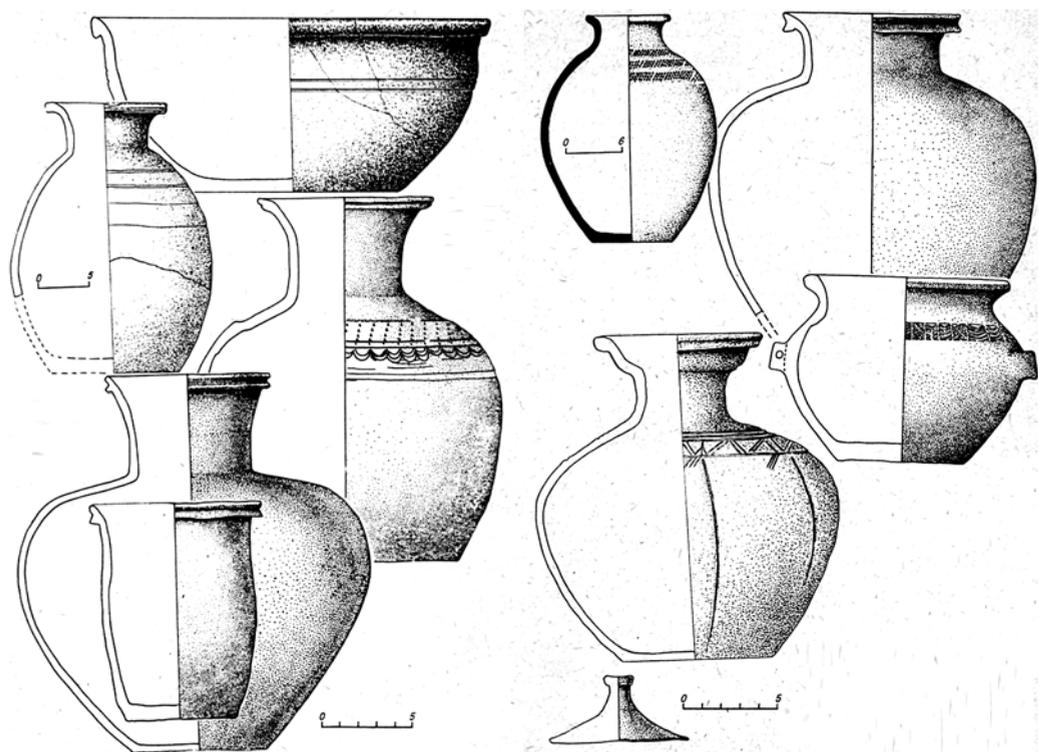

Рис. 4. Глиняные сосуды.

и горячей проковкой золотили бронзовые бляшки. С помощью ковки ещё делали детали пряжек, наконечников ремней, колечки, отдельные браслеты, шейные гривны. При изготовлении котелков применялись различные приёмы обработки металлов:ковка, сварка при высоких температурах, клёпка, а также скручивание проволоки для ручки.

Одним из главных технологических приёмов у амурских металлургов было литьё. К предметам литейного производства относятся керамические тигли наподобие глиняных стаканчиков конической формы объёмом до 150 куб. см. и высотой 7,5 см. С помощью литья получали разного вида бляшки, бронзовые бубенчики и колокольчики, поясные пряжки, браслеты, серьги и другие бронзовые украшения. Металлурги и ювелиры широко применяли в работе не только однородный металл, но и сплавы, как оловянно-свинцовую бронзу, где основным компонентом была медь. Значительное число украшений отливали из сплавов олова, золота и меди. Отсутствие меди в Приамурье позволяло чжурчжэням менять её на золото. Золотой песок и самородное золото в ключах и мелких речушках, были исключительным достоянием северных племён и главным источником обмена с сопредельными племенами и государствами.

Важной отраслью хозяйственной занятости была вырубка леса. Древесина шла на строительство жилищ, из неё делали лодки, телеги, луки, колыбели, обкладки рукоятей и ножны для палашей, посуду. Брёвна сплавляли плотами по Сунгари, где на равнинах стройматериал из дерева пользовался большим спросом. Набор плотницких и столярных инструмен-

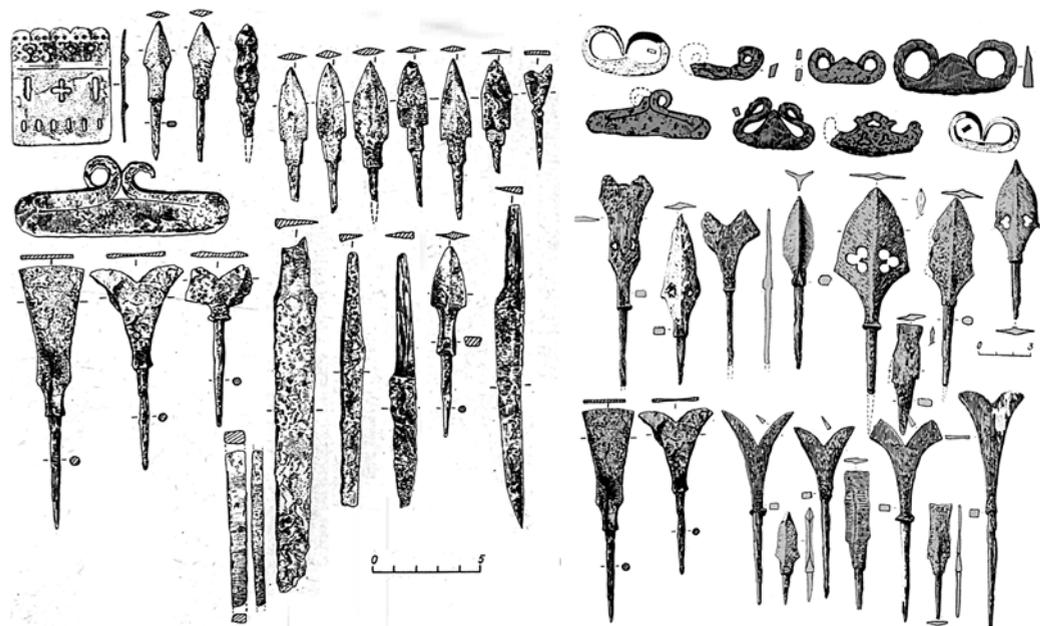

Рис.5. Кресала и наконечники стрел, ножи.

тов состоял из топоров, ножей, скобелей, пил, свёрл и резцов-крючков. Большое количество леса шло на заготовку дров.

В летописных источниках нет сведений о текстильном производстве у чжурчжэней VIII-XI вв. Находки глиняных пряслиц — грузиков от веретён свидетельствуют о производстве нитей из шерсти животных, из волокнистых растений конопли, которую культивировали чжурчжэни на больших территориях. В ткачестве применяли волокно крапивы, дикого льна, волосы волокнистых растений семейства мальвовых.

Используя опыт плетения сетей, чжурчжэни изготавливали простые ткацкие станки и с помощью челнока-крючка ткали холст и сукно разного качества от грубых тканей до тонких, в зависимости от толщины нитей. Они умели ткать качественное тонкое полотно, которое ценилось у соседей, в то же время чжурчжэни обменивали у них шёлковые, парчовые ткани. Из грубых нитей растительных волокон плели верёвки разной толщины и назначения: для бытовых нужд, арканы для коневодства, как крепёжное средство.

При натуральном обмене с соседями, чжурчжэни могли приобрести или перенять опыт создания ткацких станков, какие были у китайцев, корейцев и уйгуров.

Кроме текстильного производства они владели высококачественной обработкой кожи и умели изготавливать кожаные изделия. Из кожи шили верхнюю одежду, куртки, штаны, обувь, головные уборы. Из жёсткой, твёрдой кожи шили оружейные и поясные ремни, конскую сбрую, седла, колчаны, панцири, щиты. В кожевенном производстве использовали шкуры и кожи разных животных: лося, дикой козули, но чаще конские и свиные.

Среди археологического материала в погребениях найдены фрагменты кожи, меха, войлока, холщовой и шелковой ткани, обрывки ниток и веревок. Эти остатки одежды были в богатых захоронениях, вместе с ними обнаружены ажурные позолоченные металлические предметы: бляшки, пряжки, пронизки, подвески, как элементы одежды и обуви.

Одежда отражала эпоху, демонстрировала социально-экономический уровень населения. Однако по истлевшим фрагментам недостаточно определить внешний вид одежды, технологию изготовления и покрой. Летописные источники восполняют этот пробел и свидетельствуют, что у чжурчжэней «ткани для платьев хорошего качества белого цвета. Платье знатных и простолюдин различались тонкостью холста; меха носили богатые и бедные. Богатые делали по большей части на весну и лето платье, прошитое на шёлковой вате, а иногда употребляли и лёгкий мех или тонкое полотно. На зиму шили платье из соболей, чёрной белки, лисиц, иногда из барана и даже из шёлковых материй на подкладе. Одежда из меха пушных зверей отличала чжурчжэньскую элиту от рядовых соплеменников.

Отдельные образцы меха, бусины, бронзовые снизки, пряжки находили в ногах погребённых. Вероятно, чжурчжэни носили обувь типа олочей, какие были в старину у аборигенов. Меховые сапожки украшались метал-

лическими аксессуарами и бусинами, подчёркивая особенности национального колорита, такую обувь в прошлом веке носили нанайцы, ульчи, нивхи и другие народности Приамурья.

Бедные люди весной и летом ходили в куртках и исподнице. Осенью и зимой тоже одевались в коровьи, лошадиные, свиные, бараньи, кошачьи, собачьи, рыбьи и змеиные кожи или делали рубашки (куртки), штаны и чулки из оленьих и кабарожьих шкур. Женское платье называлось большим кафтаном, застёгивалось на левую сторону, и было без воротника, как у мужчин.

«Женщины заплетают волосы в косу и укладывают её кольцом на голове. Мужчины (также) заплетают волосы в косу, но носят её свободно, опущенной сзади. К ушам подвешивают золото, серебро, камни. Сзади в волосы вплетают цветные нитки».

Летописи упоминают такой материал, как рыбья кожа. Обитатели Приамурья и Маньчжурии с древних времён использовали в качестве одежды кожу кетовых рыб, калуги и других крупных рыб Амура. Крепкая кожа хорошо поддаётся выделке, её размягчали с помощью рыбьего жира, икры, потом сушили и шили одежду, которую носили аборигены Амура ещё в первые десятилетия XX века. Чаще всего из рыбьей кожи шили халаты, просторные куртки, так как это был лёгкий, непромокаемый материал. Такую одежду расписывали натуральными природными красителями, прорисовывали солярные, спиралевидные, волнистоокруглые узоры, очень похожие изображены на петроглифах амурских поречан неолита. Одежда, сшитая из рыбьей кожи, упоминается во многих этнографических материалах, посвященных нанайцам, ульчам, нивхам и находится в дальневосточных музеях, а также хранится до сих пор, в сундуках сторожилов, как семейная реликвия.

Разбросанные по берегам Амура и его притокам поселения чжурчжэней между собой были связаны просёлочными дорогами, по которым возили на телегах разные грузы, земледельческие орудия: сохи, лопаты, грабли, а осенью, собранный урожай, перегоняли стада крупного рогатого скота и табуны лошадей. Дороги вели к лугам, где косили траву и откуда вывозили сено, в лес на заготовку дров и древесины для строительных работ.

Важная стратегическая дорога уходила на правую сторону Амура и по берегу Сунгари шла к поселениям на территории Маньчжурии в район Харбина и на юг. В летнее время через реки переправлялись на плотках с кормовым рулевым веслом. Не исключено, что по рекам амурского бассейна ходили небольшие одномачтовые судёнышки с прямым парусом и большие вёсельные лодки. Чжурчжэни стремились сохранять мирные отношения с соседями, у них был мощный потенциал неиссякаемых запасов натурального обмена богатств тайги и рек, так высоко ценимые у зарубежной знати и во дворце китайского императора.

В VIII-XII вв. хозяйство носило натуральный характер. По дорогам и по реке чжурчжэни везли в соседние страны, в том числе и Китай, лошадей,

охотничьих соколов, золотой песок и самородки, речной жемчуг. На внешнем рынке высоким спросом пользовались дары природы — ягоды, травы, корнеплоды. Ценились мёд и воск, женьшень, кедровые орехи, белый аконит. За такие товары можно было обменять многое — китайские шелка, парчовые дорогие ткани, фарфор, лаки, благовония, нефрит, ювелирные изделия, красивое парадное оружие, искусно изготовленные седла для лошадей.

В условиях разложения первобытнообщинного строя возникла сельская территориальная община, в которой шёл процесс экономической дифференциации. Социальное расслоение стимулировалось ростом натурального обмена и политическими отношениями с более развитыми соседними странами — китайцами, уйгурами, тюрками, корейцами.

В памятниках сохранились некоторые предметы привнесённых культур. Несмотря на эти влияния, у чжурчжэней сложилась своя культура, которая характеризуется доминирующими орудиями, предметами быта, на их территории. Характерным фактом определения культуры являются погребения, которые раскрывают устойчивые признаки самобытных предметов материальной и духовной культуры.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Все чжурчжэньские земли разделялись между племенами на контролируемые районы, где были созданы опорные городища во главе с предводителями из числа племенной знати. Такие укрепления находились в Амурской области в окрестностях с. Поярково на «Горе Шапка» в окрестностях с. Новопетровки, в Хабаровском крае на Амуре в районе Хабаровска, около посёлка Тельмана, на берегу Биры около села Русская Поляна, в устье реки Тунгуски, на Нижнем Амуре в Джаринском и Болоньском городищах. Городища располагались на высоких берегах Сунгари и её притоках.

Эти административные центры управляли военными, хозяйственными делами, решали внешнеэкономические вопросы, отправляли посольства и купцов с товарами на обмен в сопредельные территории. На далёких окраинах стояли сторожевые посты, дозорные контролировали местность на случай появления врагов, предупреждая население об опасности кострами на вышках.

В VII-XII вв. у чжурчжэней не было своей письменности. Только в 1119 г. появилось «большое письмо» — чжурчжэньская письменность из 3 000 знаков на основе китайской, киданьской и уйгурской письменности.

На Востоке Азии китайский язык был международным, и поэтому чжурчжэни пользовались китайскими иероглифами. В Джаринском городище была найдена тушеница в виде глиняной ванночки на ножках для туши, которой писали кисточками на бумаге или пергаменте.

В IX-XI вв. у чжурчжэней сложилась военная демократия, как первая стадия социального неравенства, сформировалась племенная знать, которая опиралась на вооружённые отряды для защиты своих привилегий и безопасности от внешних врагов. Однако распорядок общественной жизни поддерживался силой традиций, привычек, моральным авторитетом старейшины рода или племени.

С появлением военной демократии продолжала существовать военная община как структурная первичная форма чжурчжэньского войска, основанная на кровнородственных связях. Военная община представляла подразделения способные в любое время развернуть боевые действия. Она в XII в. переформировалась в военные поселения и существовала в течение всей истории чжурчжэней, как основа армии и опора государства.

Чжурчжэни жили за счёт самообеспечения, поэтому с детства были приучены к труду и помогали взрослым по хозяйству.

Все мужчины от 15 до 59 лет формировались в отряды по кровнородственному признаку во главе со своим командиром. Такие отряды вливались в другие подобные подразделения чжурчжэньских племён и составляли большое войско. На совете вождей и старейшин выбирали военачальника из числа знатных, опытных, сильных и смелых командиров.

Законы военного времени были жестокими. За трусость и бегство с поля боя казнили. Ни убитых, а тем более раненых они не оставляли на поле битвы.

На стадии патриархально-родового строя существовал обычай, по которому вдова была обязана или имела право вступать вторично в брак только с ближайшими родственниками своего умершего мужа, в первую очередь — с его братьями. Левират был широко распространён как предпочтительный тип брака среди чжурчжэней и мог служить объяснением, почему даже простые люди могли иметь несколько жён. В условиях постоянных войн была большая смертность среди мужчин и забота о семье погибшего ложилась на плечи родственников мужа, как способ выживания с потерей кормильца.

Строжайшая дисциплина и боевая выучка делали воинов непобедимыми. В летописях сообщается, что «чжурчжэни — простоватые, безыскусные люди, храбрые и свирепые, не знающие в должной мере цены жизни и смерти».

В основе их тактики боя были мощные кавалерийские лавинные атаки, они яростно бросались на противника, невзирая на его численность. Конные воины приближались к врагу рысью на расстоянии сотни шагов и стреляли из луков, пуская тысячи стрел, нанося ему большой урон. При сближении метали дротики. Потом быстро отходили, перестраивались и снова нападали. Они применяли обманные отступления, чтобы заманить врага в засаду, окружить и полностью уничтожить его, действовали фланговыми ударами, обращая противника в паническое бегство.

Чжурчжэни отстаивали свою независимость и свободу в борьбе с кочевыми племенами, которые нападали с запада и юго-запада. Их попытки

вторгнуться на амурскую территорию, заканчивались сокрушительными поражениями.

О постоянной готовности чжурчжэней к войне свидетельствует погребальный инвентарь, в котором находились многочисленные виды оружия. Воины и их лошади были одеты в латы из железных пластинчатых доспехов. Основным оружием у них были лук со стрелами, палаши, копьё, дротики.

В 901 г. во главе племенного союза киданей стал узурпатор и полководец Абаоцзы, который в борьбе за власть жестоко убил своих соперников — вождей и старейшин племён. Он объединил киданьские и другие монголоязычные племёна от запада Маньчжурии до долины р. Силяохэ на юго-востоке Маньчжурии. Его стотысячная армия в 905 г. вторглась в северные провинции Китая, в короткий срок был взят Пекин и разорён сельскохозяйственный район на Великой равнине. Абаоцзы принял титул императора Китая и вернулся в Маньчжурию, где начал захватнические войны.

Чжурчжэни сражались один на один против врага, который пытался установить господство в Маньчжурии: захватить речные долины Муныцзян (Нонни) и его притоки, они пытались прорваться на Амур и Сунгари. Средневековые амурчане своей необыкновенной воинственностью, выработанной в условиях суровой жизни и борьбой с хорошо вооружёнными врагами, представляли грозную силу, с которой не могли не считаться в Восточной и Центральной Азии. Сунский император Тай-Цзун склонял чжурчжэней на службу в Китае для борьбы против киданей.

Кидане называли северных чжурчжэней «дикие нюйчжи» или непокорённые, потому что они были полностью независимы и неподвластны империи Ляо, а их земли к северо-востоку «простирались в бесконечность». Война с киданями была мощным катализатором в объединении всех чжурчжэней.

В X-XI вв. непокорённые чжурчжэни всё чаще доставляли массу хлопот киданям, которые вынуждены, были построить вдоль границы с ними, на расстоянии 2 000 ли, оборонительную линию из ряда крепостей, держать там войска и снабжать их провиантом.

Во время формирования чжурчжэньского государства, амурские воины обеспечивали своей конницей противостояние опытным полководцам Железной империи. Чжурчжэньские кони считались лучшими в восточно-азиатском регионе. С созданием Цзинь мощь кавалерии в войне с киданями составляли воины из приамурских племён.

В китайских источниках сказано: «Империи Цзинь, в нижнем течении Сунгари и на Среднем Амуре учредила губернию Хулигай.» В «Географическом описании» «Цзинь ши» записано, что в губернии Хулигай учредили цзидуши (генерал-губернаторство) — северо-западную провинцию, в которой все народы Приамурья должны быть в сфере управления губернии Хулигай. Чжурчжэни знали и вероятно бывали на Становом хребте и хорошо были знакомы с рекой Зеей и её притоками.

Амурские чжурчжэни были в подчинении цзиньских императоров и участвовали в укреплении государственности. Император Укимай (1123-1134 гг.), затем его преемник Холу (1134-1149 гг.) с целью усиления власти чжурчжэней на территории Маньчжурии и Великой равнине в Китае переселили в 1127-1148 гг. из Приамурья сотни тысяч чжурчженских семей и родственных этнических групп. Переселённые чжурчжэни представляли, по сути, военные поселения, которые подразделялись на моукэ, состоящие из 100 воинов и мэнъане — 1000 воинов. Они занимались земледелием, а также контролировали порядок на захваченных китайских землях.

Археологические памятники на Амуре подтверждают, что обжитые веками многочисленные селения и городища, в середине XII в. оказались брошенными, так как при переселении чжурчжэни унесли с собой все материальные ценности и домашнюю утварь (В.Е. Медведев). Они оставили могильники с воинскими погребениями, как свидетельство постоянной борьбы чжурчжэней за независимость с многочисленными врагами. На Амуре закрепились охранные гарнизоны с небольшим числом людей. Здесь была мирная жизнь, потому что никто не посмел посягнуть на территорию могущественной Золотой империи.

ЧЖУРЧЖЭНИ МАНЬЧЖУРИИ И ПРИМОРЬЯ

В первой четверти VIII в. шёл бурный процесс развития Бохая. Возросшее могущество требовало увеличения территории страны. Такое расширение было возможно только в направлении на север, где проживали хэйшуй-мохэ в долинах на среднем течении Уссури и на северо-западе Приморья. Эти племена установили торгово-экономические связи с Танской империей, которые были взаимовыгодны двум сторонам. Стратегическое партнёрство ограждало хэйшуй от внешних посягательств, исходивших от Бохая, потому что китайцы создали у мохэ свою подконтрольную вассальную административно-территориальную единицу.

В 726 г. бохайские войска двинулись на север к границам хэйшуй-мохэ и остановились. Среди командования не было уверенности в успешности похода: существовала опасность столкновения с китайцами. Бохайский ван Да Уи искал союзников чтобы действовать наверняка, для этих целей в 727 г. снарядил богатое посольство в Японию, тем самым заложил основу бохайско-японских отношений. Между двумя странами установились дружественные отношения, которые выражались в развитии торговых и культурных связей.

Кидане провоцировали Тан к войне с бохайцами, чтобы самим вступить в войну с китайцами. В 732 г. танские войска нанесли упреждающий удар и кидане потерпели поражение. Несмотря на это, в том же году, Да Уи предпринимает внезапные действия против империи Тан, чтобы столкнуть

киданей с китайцами и ослабить обе стороны. Танские войска на пути следования бохайцев выкопали ров и возвели каменную насыпь длиной 400 ли, чтобы остановить их дальнейшее продвижение.

В распоряжении танских военачальников прибыли 5 000 всадников хэйшуй. Одновременно Силла отправила свои войска, чтобы напасть на Бохай с юга. Выступившие силланские солдаты в горах встретили сильные морозы и глубокий снег, свыше половины воинов погибли. Остальные вернулись назад, не добившись успеха.

Развёрнутая кампания обрела себя на поражение, но китайцам удалось создать антибохайскую коалицию из хэйшуй и Силла, которые с севера и юга держали в напряжении границы Бохая. В то же время бохайцы доказали силу своего государства, с которой не могли не считаться в империи.

Бохай продолжал вторжения в северные территории, но они не были успешными, мохэсцы отражали все нападения, но всё же удалось разбить часть хэйшуй-мохэских племён севернее оз. Ханки и захватить приморское побережье Японского моря. Борьба с этими племенами затянулась на десятилетия. Бохайцы не включили в себя племена хэйшуй-мохэ сушэньской общности. В письменных источниках «Синь тан шу» параллельно помещены отдельные повествования о Бохае и хэйшуй-мохэ.

К середине VIII в. в Восточной Азии и на Дальнем Востоке определились главные действующие силы. На Среднем Амуре на Зейско-Буреинской равнине стабильно жили земледельческие племена хэйшуй-мохэ — амурские племена. На Амуро-Сунгарийской равнине и на Нижнем Амуре прогрессивно развивались племена чжурчжэней. Одним из лидеров государств Восточной Азии стал Бохай, который владел территориями южного Приморья, большей частью Корейского полуострова и горно-долинными районами рек Туманган, Муданьцзян и на юге — Ялуцзян. В Маньчжурии Уйгурский каганат контролировал большие территории вплоть до Танской империи, где на границе Китая и на юго-востоке в долине реки Ляохэ и Силяохэ концентрировались агрессивные киданьские племена.

Обстановка в регионе резко изменилась, когда в 755 г. в танской империи генерал-губернатор (цзедуши) Ань Лушань поднял мятеж и возглавил 150-тысячное войско, чтобы свергнуть императора, который бежал в Сычуань. Мятежники устремились вслед за ним на юг Китая.

В Бохай, от имени танского наместника был отправлен посол, с просьбой выручить китайцев, и направить для подавления мятежа 40 тысяч всадников. Эта была уловка, чтобы заполучить из Бохая крупные силы для Лушаня.

В королевстве правил ван Да Циньмао (737-793 гг.). В международных отношениях он вёл намеренно сдержанную политику, направленную на мирное сосуществование Бохая с другими государствами. Ситуация в Восточной Азии из-за бурных событий в Китае была осложнена противоречиями между Силла и Японией.

Эти два государства обладали большими флотами, которые конкурировали и пиратствовали в Японском, Жёлтом и Восточно-Китайском морях, грабили друг у друга побережья и уводили людей в рабство. Их борьба продолжалась за привилегии у танского императора. Противоречия, назревавшие за многие годы, вели к открытому конфликту. Королевство Силла, как всегда было противником усиления Бохая в Восточной Азии и неоднократно участвовало в войне против северного соседа.

Заручившись поддержкой Бохая, Япония в 762 г. начала подготовку к вторжению в Силла и приступила к строительству 500 кораблей. Одновременно Силла провела мобилизацию, укрепила границу с Бохаем, построила 20 крепостей.

В самый разгар приготовлений двух противников к войне, в 762 г. император Китая пожаловал вану Да Циньмао королевский титул, как благодарность за то, что Бохай не поддерживал мятежников и не вмешивался в танские события. Такая политика Бохая способствовала установлению долгосрочных дружественных отношений между двумя государствами. Китай привлёк на свою сторону нового союзника и этим нейтрализовал от содействий Японии в походе против Силла.

В 763 г. мятеж Ань Лушаня был подавлен и в империи Тан наступил мир, во времена которого ещё долго шли казни участников мятежа.

В правлении Да Циньмао продолжался рост экономического уровня и культуры, укреплялся чиновничий аппарат. В стране, по примеру Китая, были определены пять городов со статусом столицы, как символ незыблемости власти короля (вана). Территориально-административная система на основе пяти столиц послужила образцом для будущих государств Ляо и Цзинь. Утверждена была Верхняя столица — Лунцюаньфу (в провинции Цзилинь на правом берегу низовья р. Муданьцзян). Восточная — Луньюаньфу (провинция Хамгён намдо, северо-восток КНДР). Средняя — Сяньдэфу (в провинции Цзилинь в районе нагорья Чанбайшань и р. Туманган). Западная — Ялуфу (близ совр. г. Линьцзян в долине р. Ялуцзян провинции Цзилинь). Южная — Наньхайфу (юго-восточная часть КНДР). Расположения столиц показывали общественно-экономические центры Бохая.

Во второй половине IX в. большая группа чжурчжэньских племён из северо-восточной Маньчжурии — Саньцзянской равнины, а также района среднего течения Уссури перекочевала на равнину Сунляо, которая протянулась от нижнего течения Сунгари до пойменных низин большой реки Ляохэ на юго-востоке Маньчжурии до Ляодунского залива. Окружённая почти непрерывной дугой горных цепей равнина Сунляо, получила своё имя по первым слогам названий рек Сунгари и Ляохэ.

Часть этих племён обустроила свои кочевья на благоприятных пастбищах у истоков Сунгари и плоскогорья Чанбайшань, остальные племена расположились в горно-долинной местности на правом берегу реки Ялуцзян до Ляодунского полуострова. Они занимались традиционным коневодством,

пасли табуны на новых землях и постепенно переходили к оседлой жизни.

Чанбайшаньские племена номинально подчинялись Бохаю, их отношения строились на единстве происхождения от тунгусских корней и общностью целей в противостоянии киданям и танской империи. Чжурчжэни стремились жить мирно со всеми соседями и имели достаточно широкие обменные контакты с киданями. Их купцы беспрепятственно вели торговлю и свободно продвигались по чжурчжэньским кочевьям.

При всей своей самобытности перехода к оседлой жизни чжурчжэни Маньчжурии впитали элементы сопредельных культур. Это сыграло роль в интенсивном развитии земледелия, ремёсел и общественной жизни. Огромное воздействие на чжурчжэней оказали бохайцы, значительная часть их впоследствии слилась с чжурчжэнями в одну этническую общность. От бохайцев чжурчжэни переняли навыки пашенного земледелия с использованием плугов с чугунными сошниками подтреугольных очертаний. Не без влияния бохайцев широкое развитие у чжурчжэней получило и немислимое при полукочевом образе жизни свиноводство. Развитие металлообрабатывающего и гончарного производства происходило с участием бохайских специалистов.

Заметный след им оставили древнетюркские общности, прежде всего, уйгуры. Уйгурский каганат занимал территории от Алтая до Маньчжурии и был разбит кыргызами в середине IX в., его население под напором агрессоров ушло на восток в Бохай и к киданьским племенам, которые выселяли их в пограничные районы с чжурчжэнями.

Определённую роль в создании чжурчжэньской культуры внесли согдийцы, освоившие караванный «шёлковый путь» в Китай. Согдийцы вплоть до X в. проживали в Южной Сибири и Центральной Азии, включая районы Восточной Монголии, в округах Ордоса. Согдийско-уйгурские элементы прослеживались в орнаментах на чжурчжэньских сосудах, формах кувшинов и носиков-сливов на глиняных горшках, среднеазиатских мотивах на бронзовых поясных бляшках.

Чем выше развитие, тем больше потребность в ассортименте нового парадного вооружения, предметов роскоши, красивых тканей, оригинальной конной упряжи и посуды. В материальной культуре любого народа можно найти элементы сопредельных культур. На протяжении многих веков культурные контакты этносов исторически проникают и продолжают в последующих поколениях, это относилось и к чжурчжэням. Аксессуары в оформлении одежды, бляшки, поясные пряжки, бубенчики, серьги имеют тюркские, уйгурские, киданьско-монгольские мотивы, которые появились у чжурчжэней в ходе обмена или внесены ими через межплеменные браки. Чжурчжэньский этнос на столь огромной территории не мог быть однородным, на что влияли контакты с различными племенами — аборигенами, куда они пришли, они лишь приобрели некоторые популяции, не утратив физического типа, языка и свою культуру. И это вполне закономерно.

Тесные взаимосвязи складывались у чжурчжэней с корейской культурой государств Корейского полуострова: Пякче (III в н. э. – 936 г.), Силла (57 г. до н. э. – 935 г.). Их отношения носили порой конфликтный характер. Корейские государства были не прочь захватить земли тунгусских племён. До создания империи киданей Ляо корейцы и чжурчжэни жили относительно мирно и торговые, культурные связи способствовали развитию этих народов. У них был одинаковый уклад жизни: корейские ремесленники работали у чжурчжэней на равных, как соседи. Их связи известны в железообрабатывающем, ткацком производстве, в обмене плужного земледелия. Корейцы сыграли определённую положительную роль в формировании национальной культуры чжурчжэней, в которой осталось много элементов корейского содержания.

Анализ археологических материалов указывает на тесные экономические связи чжурчжэней Приамурья, позднее Приморья, с далёким Семиречьем, откуда на Дальний Восток поступали — по специально созданной для торговых целей среднеазиатскими купцами Соболей дороге — различные изделия ремесленного производства, прежде всего ювелирного. Процесс формирования культуры чжурчжэней проходил при активном участии всех соседних стран и племённых союзов, потому что в условиях разложения первобытного строя и появления родоплеменной верхушки появилась потребность в преднамеренном заимствовании чжурчжэнями тех элементов материальной культуры чужеземного происхождения, которых у них не было или не могли производить ремесленники. При таких товарообменных отношениях не нужно было заново изобретать то, что уже есть у соседей или в более дальних краях.

В 907 г. пала империя Тан и в Китае начался период Пяти династий, сменявших одна другую в течение 50 лет. Королевство Бохай перестало посылать посольства в Китай, прервались налаженные торгово-экономические связи и политическая гарантия мира вокруг Бохая. Ситуация на Востоке Азии складывалась в пользу киданей. Первый удар они обрушили на Ляодун, где разбили ряд племён чжурчжэней и установили контроль над северной частью Ляодуна. В 908 г. их войска вступили в южную часть полуострова, отрезали Бохай от связи с Китаем и захватили морское побережье, затем они взяли восточную часть Ляоси и бохайские земли, примыкающие к р. Ляохэ.

В 916 г. Елюй Абаоцзы принял титул императора киданей и создал империю Ляо «Железная», которая на протяжении многих лет строилась как деспотическая держава, основанная на насилии и ограблении соседних государств. В основе эксплуатации были данничество и «подарки», вымогавшиеся от всех завоёванных государств, которые приносили огромные богатства. Кидане свою варварскую империю построили на рабском труде, используя достижения покорённых народов.

На протяжении 20 лет шла киданьско-бохайская война. В походе на Бохай участвовали подвластные киданям племена и народности, заключив-

шие кабальные союзы: шивэй, си, уго, тюрки, тангуты и возможно силланские войска.

Основной театр военных действий развернулся в провинциях Ляонин и Ляодун, где находились южные благоприятные области Бохая, куда и направлялись киданьские войска. Корейские государства Пякче и Силла в конце IX в., раздираемые противоречиями и внутренней борьбой, испытывали большие социально-экономические трудности и боялись открытого выступления против киданей. Наместник Ван Гон в Кэсоне основал государство Корё (918-1394 гг.) от названия древнего государства Когурё. Китай не мог помочь Бохаю из-за внутренних раздоров. Абаоцзы в 918 г. покорил крупный город Ляоян, а его население, как пленников, переселил вглубь своей страны.

Вначале 926 г. после затяжных боёв бохайский король (ван) Да Иньчжуань капитулировал, но спустя неделю, выступил против киданей. На этот раз он окончательно был разбит и под конвоем отправлен в ссылку. Ему и его жене в качестве имён были «пожалованы» клички коней, на которых восседали во время принятия капитуляции Абаоцзы и его жена Шулуи. Бохай был переименован в Дундань-Го — «Восточное государство киданей». В Верхней столице Бохая — Лунцюаньфу (около г. Дунцинчэн на правом берегу р. Муданьцзян) кидане устроили свою столицу. Столица была перенесена в Ляоян и провозглашена Южной, а впоследствии Восточной столицей Ляо.

Во главе этого государства был поставлен старший сын Абаоцзы Туиу. Покорение Бохая усилило влияние киданей на соседние страны и к императору Ляо впервые прибыли с данью послы Корё.

Первый император Железной империи Елюй Абаоцзы в 926 г. умер, его бальзамированное тело похоронили в мавзолее, которые так любили строить киданьские монархи. Китайцы от ненависти к киданям называли Абаоцзы «императорской солониной».

Когда кидане в 926 г. разгромили Бохай, то на передовую линию борьбы за независимость от кочевников степей и Китая вышли чжурчжэни, далёкие потомки легендарных сушеней.

К концу IX – началу X в. у чжурчжэней было 30 старейшин и каждый имел собственную фамилию. Первоначально все племена сохраняли независимость и управлялись выборными, наиболее сильными и храбрыми старшинами. Чжурчжэни, несмотря на мощь своих племён, позднее всех в Восточной Азии создали государственность. Отсутствие политического единства давало повод соседям к захвату их земель.

Ещё при жизни первый киданьский император Елюй Абаоцзы оценил грозную опасность, которую представляли для Ляо новые противники. Он не рискнул включить их земли в свою империю, но несколько тысяч чжурчжэней «наиболее знатных и сильных семейств» переселил к югу от современного города Ляоян и на северо-восток. Эти чжурчжэни известны

как «покорные нюйчжи». Вторая группа чжурчжэней жила на территории от Шэньяна (Мукдена) до реки Сунгари, они были менее зависимы от Ляо, чем «покорные чжурчжэни». Всех этих чжурчжэней Абаоцзы «прикрепил» к уже созданному марионеточному государству Дундань-го на территории захваченного Бохая для управления не только бохайцами, но и чжурчжэнями. Помимо торговых сделок, «ежегодно отдельные чжурчжэньские племена посылали киданям в дань коней от нескольких десятков до нескольких сот тысяч».

Только амурские чжурчжэни — «дикие нюйчжи» были неподвластны и недосыгаемы для киданей. Ещё одна группа «нюйчжи Восточного моря» жили в прибрежных районах Японского моря от границ Кореи и почти до Сихотэ-Алиня.

В 30-40 гг. X в. кидане массово переселяли бохайцев в район Ляоси, Ляодуна, примерно около 400 тыс. человек, но 100 тыс. из них, бежали в Корё. Ляо была многоэтническая империя, в которой покорённые монголо- и тюркоязычные племена, кочевали в бассейне рек Аргуни, Хайлара и Верхнего Амура. В Ляо находились, пленённые бохайцы, тунгусоязычные племена, а на юге ханьцы (китайцы), которые составляли около 2 млн. населения, а всего в империи киданей было около 3,8 млн. жителей.

Падение танского Китая и королевства Бохай не могли сдержать исторический ход развития тунгусо-маньчжурских народов и чжурчжэни оказались перед лицом сильного противника, который был готов обрушить против них всю мощь своей армии. Чжурчжэни, жившие на территории Маньчжурии и на реке Ялу в районе границы с новым государством Корё на Корейском полуострове, оказались в военном конфликте между киданями и корейцами.

Политическая стабилизация в Китае позволила в 960 г. установить династию Сун, её основал император Тай-цзун (настоящее имя Чжао Куан-ин, правил до 975 г.). Китайцы по-прежнему оставались данниками Ляо. После подписания договора в 1005 г. Китай выплачивал ежегодно киданям 100 тыс. лян серебра (1 лян — 37 гр.) и 200 тыс. кусков шёлка. После очередного набега на Китай выплаты были увеличены почти в два раза. Длительное время эти доходы составляли основу материального благосостояния императора, его двора, содержания киданьской армии и огромного чиновничье-полицейского аппарата. Это была узаконенная форма грабежа характерная для восточноазиатских «варварских» империй, которая сопровождалась насилием, массовым убийством и выселением местного населения на земли Ляо в качестве рабов на трудоёмкие земляные, строительные работы, в том числе на возведение мавзолеев, крепостей и оборонительных сооружений.

Ещё в 80-х годах X столетия корёсцы намеривались расширить границы за счёт территорий чжурчжэней и начали строить на их землях свои крепости. Чжурчжэни отразили все их нападения. Кидане использовали этот конфликт и напали на чжурчжэней, но тоже получили отпор, а корейцы остановили строительство крепостей. В 985 г. кидане вновь

атаковали чжурчжэней и захватили устье реки Ялу. В последующие годы (989-991 гг.) ляосцы постоянно оказывали давление на чжурчжэней и в 993 г. против них выставили 880 тыс. армию (число явно завышено летописцами), так написано в «Ляо-ши» («История династий Ляо», вышедшая в 1343-1344 гг.). Кидане захватила земли чжурчжэней, корейские крепости и двинулась на юг в Корё.

Чжурчжэни поменяли тактику в отношении двух соперников. Они решили использовать силы киданей и заключили с ними договор против армии Корё, которая превратилась в их ярого врага. И этот шаг не заставил долго ждать. Кидане воспользовались поводом, и 400-тыс. армия в 1010 г. вторглась в Корё. Одним из многократных требований киданей к корейцам, было возвращение чжурчжэням отобранных земель, а заодно оба союзника опустошали корейские пограничные районы.

Пожалуй, это единственный факт такого союза чжурчжэней и киданей. Ляосцы после этой войны много лет не вели крупных военных действий, занимаясь внутренним контролем захваченных земель и пытались оказывать давление на чжурчжэней, провоцируя на войну с Корё.

Вожди чжурчжэньских племён понимали, что они в этой авантюристической политике находятся «между молотом и наковальней» и не смогут выстоять против двух армий Корё и Ляо, их рано или поздно уничтожат. Часть чжурчжэньских племен ушла на север и северо-восток Маньчжурии. В конце X в. племена чжурчжэней под руководством вождя Ханьпу переселялись из района р. Ялуцзын в относительно спокойную область Хулигай — северо-востока Маньчжурии и расположились рядом с братьями чжурчжэньским племенем Ваньянь. Они были защищены труднодоступными горами от нападков Корё и киданьского Ляодуна. После столкновений между двумя племенами, вожди решили объединиться и породниться. Объединённые племена имели большие силы, которые уже способны противостоять врагу. Так была заложена основа чжурчжэньской государственности.

Новое объединение приняло название Ваньянь, поскольку счёт родства вёлся по отцовской линии, более близкими будущему правящему дому Ваньянь стали потомки Ханьпу, чьё родство шло по материнской линии. Ещё часть племен чжурчжэней, брата Ханьпу — Баохоли, стали дальними родственниками Ваньянь. Они ушли в юго-восточные районы Приморья и на побережье Японского моря. Здесь на северо-восточной окраине бывшего королевства Бохай проживали малочисленные бохайцы. Киданьские заваеватели не дошли до этих мест, но территорию включили в состав Дундань. На берегах верховья Уссури и северо-восточных районах проживали мохэские племена. К северу от них обитали таёжные племена палеоазиатов, аборигены занимали и предгорья Сихотэ-Алиня. Неизвестно насколько мирно прошла встреча пришельцев с местными жителями, но со временем чжурчжэни в лице аборигенов обрели союзников, уравнивая их во всех правах.

В Приморье ушли и другие чжурчжэньские племена, не имевшие родственных отношений с ваньяньскими племенами. Они составляли, так называемую группу восточных племён и жили обособленно по своим законам. Процесс создания чжурчжэньского народа прошёл через сепаратизм и вооружённое сопротивление приморских племён. Эта борьба длилась на протяжении 20 лет.

Начало процессу консолидации чжурчжэней положил ваньяньский вождь Шилу. Он попытался ограничить самостоятельность вождей и подчинить их единым требованиям племенного союза. Против него приморские вожди подняли восстания. Разобщение сил чжурчжэней было выгодно Корё.

Гибкую политику по отношению к свободолюбивым восточным племенам занял сын Шилу Угунай (1021-1074 гг.). Проявляя хитрость и дальновидность, Угунай не стал ужесточать отношения с мятежными племенами. Вместе с братьями он приобрёл новое оружие. Его войска перевооружённые, одетые в доспехи, пришли в Приморье. Угунай предложил приморским воинам встать под боевые знамёна и влиться в его армию. Так, без кровопролития, благодаря своей гибкой политике, Угунай подчинил ряд племён Приморья.

Значение для объединения чжурчжэней и утверждения их сил, было слияние ваньяньских племён северо-востока Маньчжурии с отдалившимися племенами Ваньянь, которые находились в Елане в районе р. Партизанской (Сучан) и прилегающем побережье. Этому послужил случай, когда там начался голод и Угунай в помощь соплеменникам направил много лошадей и быков. Этот поступок еланцы с благодарностью запомнили надолго.

Политика мирного объединения продолжалась при его преемнике 19-летнем Хэлибо (1074-1092 гг.). Однако, часть восточных вождей, снова восстала против централизации власти. Надёжный соратник и друг Хэлибо полководец Шитумынь во главе 5 тыс. конницы разгромил раскольников, несмотря на их отчаянное сопротивление и храбрость.

Корейцы с нескрываемой тревогой наблюдали за событиями на севере, не желая иметь сильного соперника в Приморье, где корейцы чувствовали себя хозяевами положения до прихода чжурчжэней.

В 1094 г. на престол вступил Ингэ. Он осмелился во главе племён ставить вождей, назначенных центральной властью. В Приморье вновь сложилась коалиция противников объединения. Территория Хэланя (граница юга Приморья и Кореи) и Суйфуна (река Раздольная) стали ареной острых противоречий и борьбы. Коалиция собрала силы из 35 племён. Во главе с вождём племени хэшиле — Асу. В эту же группировку входили суйфунские племена под командованием Дигудея и Дунэня. В Приморье было всего 12 ваньяньских племён. Заявление руководителей оппозиции — «мы одержим верх непременно», не звучали пустой угрозой.

За событиями в северном регионе, со стороны, наблюдали кидане, которые не связывались в события, но открыто сочувствовали коали-

ции. Ваньяньские и другие чжурчжэньские племена на северо-востоке Маньчжурии в это время вели против них сдерживающую борьбу. Несмотря на эти трудности, вождь Ингэ возглавил и повёл войска в Приморье для помощи полководцу Шитумыню, у которого были небольшие силы кавалерии. К приходу Ингэ Хэлань и Суйфун были объаты межплеменной войной, поддерживаемой корейцами.

Ингэ разделил свою армию на две части, чтобы в обход ударить по основным силам Асу. Одну часть войск вёл Ингэ, другую вёл его племянник Сагай. Когда они подошли к ставке Асу крепости Асучен, оказалось, что глава коалиции сбежал к киданям, бросив свою крепость на произвол судьбы.

В тот же период активизировались войска Дигудея. Восставшие вожди соединили свои силы под крепостью Милимишихань. Для ваньяньской армии сложилась угрожающая ситуация. Ингэ в решающей битве назначил Сагая главнокомандующим, его помощниками стали Вадай и Шитумынь.

Восставшие вожди не имели единства в целях, кроме недовольства в ущемлении их прав. Они боялись за свою жизнь, чувствовали, что совершают подлые дела, сражаясь против своих соплеменников. Мятежники имели численное превосходство, но не выработали план действий и бездарно направляли свои войска под удар Сагая и Вадая.

Неожиданно часть восставших вождей покинули стан изменников и просили пощады у Ингэ. Сагаю и его военачальники осаждали крепость Асучен и городища на границе Корё, где засели мятежники.

В это время ваньяньский князь Агуда с подкреплением шёл на соединение с Сагаем. Руководство войсками принял Агуда, и объединёнными силами была разбита суйфунская группировка, руководители которой бежали в Ляо. Вскоре войска взяли Асучен.

Несмотря на поражение вождей приморских племён, Ингэ пришлось отказаться от назначений чиновников для управления восточными племенами. Силы у ваньяньских руководителей оказались ещё слабыми, чтобы держать в подчинении разгромленные, но разрозненные племена. Родоплеменная форма общественно-экономической жизни восточных племён оказалась сильнее, чем административные и карательные меры.

Чжурчжэньский вождь Уясу сменил Ингэ в 1103 г. Первым делом он отправил войска под командованием полководца Шидихуаня вновь убеждать хэланьские племена, которые подняли восстание, не без помощи корейцев. Хэлань и Суйфун становятся центром противоречий чжурчжэней и Корё. В бассейне Суйфуна Шидихуань захватил городища мятежников. Корейцы обещали уладить конфликт и запросили мирные переговоры, на которых вероломно пленили ваньяньского посла и его делегацию.

Корёские войска вступили в пределы Приморья и присоединили к себе почти все племена Пятиречья. Это современный район Уссурийска, где в р. Раздольную впадает четыре притока. Опыанённая успехом корейская армия

под командованием генерала Лимгана атаковала чжурчжэньские отряды и потерпела полное поражение. Половина его солдат лежали убитыми в поле, другие были взяты в плен.

Король (ван) Корё сместил Лимгана и передал войска новому главнокомандующему армией северо-востока Юнгвану, который тоже был разбит и «униженно запросил мира».

Кидане не вмешивались в эти события, хотя могли мощным ударом уничтожить двух противников-соседей. В этой политической ситуации Корё оказалась недальновидной в расстановке политических и военных сил, а чжурчжэни ещё не имели возможности противостоять огромной армии киданей. Император Ляо не мешал своим противникам уничтожать друг друга.

Корейцы не собирались мириться с потерей своего влияния в Приморье. В Корё ввели обязательную воинскую повинность, мобилизации подлежали гражданские и военные чиновники, купцы и крепостные, даже из буддистских монахов формировали воинские подразделения. 170-тыс. армия из пяти корпусов в 1107 г. двинулась на север в Приморье, их морской флот с десантом высадился на побережье. Они оккупировали Хэлань и Елань, вытеснив чжурчжэней из прибрежных районов.

Чжурчжэни не смогли сдержать натиск противника. В начальный период агрессии было убито 5 тысяч воинов и столько же взято в плен. Корейцы лихорадочно возвели 9 крепостей, 6 из них превратили в мощные укрепления, где расположились их гарнизоны, а для прочного присоединения и освоения чужой территории, начали переселять из южных районов Корё земледельческое население.

Ситуация на юге Приморья оказалась катастрофической, тем более на западе участились конфликты с киданями и ведение борьбы на два фронта могло грозить чжурчжэням полным крахом.

Смелый и решительный Агуда из рода Ваньянь призвал разгромить прежде корейцев, укрепить тыл и использовать восточные и центральные области для создания стратегической базы. Географическое расположение Приморья, его благоприятные природно-климатические условия в планах Агуды виделись как мощный земледельческий регион, обеспечивающий войска продовольствием для подготовки к войне с Ляо. В противном случае, завоевание корейцами приморских территорий повлекло бы за собой потерю соседних районов, тогда о борьбе с киданями нечего было и думать.

В 1109 г. на борьбу с Корё чжурчжэни собрали все силы, имеющиеся у них, и начали наступление на Приморье, к ним присоединились и отряды союзных племён, и те племена, которые ещё недавно воевали на стороне коалиции. Возглавили войска полководец Васай и опытные военачальники Валу и Вадай. Основные военные события развернулись в центральном Приморье, в районе слияния рек Арсеньевка (Даубихэ) и Уссури (Улахэ).

К чжурчжэням примкнули мохэские племена. Корейцы не ожидали столь мощных ударов конницы чжурчжэней и в нескольких сражениях потерпели поражение, оставшиеся заперлись в крепостях.

На первых этапах позиционной войны чжурчжэни осадили корейские крепости и построили перед ними девять мощных укреплений для ударов по врагам. Крепости корейцев оказались переполненными войсками и земледельческим населением, прибывшим осваивать южные дальневосточные земли, бежавшие под защиту стен от кавалеристов полководца Валу. Чжурчжэни полностью блокировали выходы из всех крепостей. Связь с Корё оказалась прерванной, армия загнала себя в ловушку. Валу со своей армией удалось захватить крепости с голодными и до смерти напуганными завоевателями.

Корейцы запросили мира. Чжурчжэни согласились при условии освобождения всей захваченной территории Приморья, выдачи перебежчиков и сдачи девяти крепостей. После урегулирования всех вопросов корейская граница прошла по линии «Великой стены», когда-то построенной корейцами против приморских племён хэйшуй-мохэ и Бохайского королевства. Приморье стало прочным бастионом чжурчжэней. После разгрома Корё в Приморье, хэланьские, суйфунские и другие вожди восточных племён окончательно перешли на сторону ваньяньских племён. Они честно и преданно стали служить общему делу чжурчжэней.

Реальные исторические деятели способствовали созданию мощной средневековой державы, среди них Шилу, положивший начало консолидации чжурчжэней, его сын Угунай (1021-1074 гг.) — тонкий дипломат и полководец, он оказывал экономическую помощь бедствующим племенам, формально принимал их покорность центральной власти, в то же время перевооружил войска и создал сильную армию. Вождь и полководец из приморских чжурчжэней Шитумынь способствовал силовому объединению племён в начальный период формирования государства. После его смерти в 1118 г. вождём Ваньянь в Елани стал его брат Дигунай (Эсыкуй) — видный военачальник, один из организаторов похода против Ляо. Находясь в тылу империи, он создал в южных частях Приморья богатый земледельческий район и руководил им почти 30 лет. Умер Дигунай в 1147 г, его могила находится в районе Уссурийска с надгробием в виде большой каменной черепахи. В настоящее время эта каменная черепаха установлена перед фасадом центрального входа в Хабаровский краеведческий музей им. Н.И. Гродекова.

Северо-восточные губернии Хэлань, Сюйпинь, Елань, т.е. север Корейского полуострова и южная часть Приморья остались за пределами интересов хроники военных событий чжурчжэней. Находясь в тылу сильной империи, вплоть до начала монгольских завоеваний, здесь на протяжении ста лет была мирная обстановка.

ЗОЛОТАЯ ИМПЕРИЯ — ЦЗИНЬ

ВОЙНА ЗОЛОТОЙ ИМПЕРИИ ЦЗИНЬ С ЖЕЛЕЗНОЙ ИМПЕРИЕЙ ЛЯО

После изгнания корейцев и стабилизации обстановки в Маньчжурии и Приморье наступило время решительных действий в борьбе против сильного и коварного врага — империи Ляо. В 1111-1112 гг. чжурчжэни настолько окрепли, что в 1114 г. Агуда потребовал у киданей выдать Асу — первого оппозиционера и предателя интересов чжурчжэней. Отказ киданей стал поводом начать борьбу против Ляо. Вождь чжурчжэней двинул войска к границам Ляо и приказал засыпать ров, который когда-то кидане выкопали против набегов чжурчжэней. Неожиданными атаками он разбил киданьские пограничные укрепления.

Продвигаясь маршем вглубь их территории, в условиях непогоды, Агуда напал на большой киданьский лагерь. Воины, укрывшись в палатках, не ожидали удара противника, чжурчжэни застали их врасплох. Как свидетельствуют летописные документы, 3 700 воинов Агуды заставили со страха бежать 100-тыс. армию ляосцев, оставив огромные трофеи оружия, провианта, лошадей, вьючных животных и повозок.

Чжурчжэни с таким упорством сражались с врагами, что кидане терпели поражение за поражением. В этих сложных и ответственных условиях они объединились в государство под руководством Агуды, который положил начало династии «Золотая» или «Альчук» (1115-1234 гг.), по названию притока Сунгари, где в его среднем течении обитал род Ваньянь. Эта династия была включена китайскими историками в историю средних веков Китая — как династия Цзинь (Золотая). Столицей или Верхней столицей был город Ачэн (Хуйнинфу). Чжурчжэни сами себе пробили дорогу к созданию мощной государственности, одержав победу над кочевниками Центральной и Восточной Азии, соседними воинствующими государствами.

В бывшую Верхнюю столицу Бохая — Лунцюаньфу (Дунцзинчэн), которая находилась в руках киданей, в 1115 г. Агуда отправил своих послов Лян Фу Ганя и Да-ла поднимать на восстание бохайцев против Ляо с напоми-

нением, что «... нюйчжи (чжурчжэни) и бохайцы в действительности являются одной семьёй, ибо в начале составляли 7 племён У-цзи». Император чжурчжэней собирал под свои знамёна, всех, кто хотел сражаться за освобождение своей земли от киданей. Он призвал многотысячные войска примурских чжурчжэней влиться в его армию. Амурская кавалерия уже сражалась с киданями, поддерживая приморских чжурчжэней с северо-западного направления от Сунгари.

Император Железной империи Тай-цзо, который до сих пор беспечно относился к событиям на востоке — взволновался. На северо-восток двинулась огромная армия с земледельческим населением, которые должны были организовать постоянные пограничные округа для отражения нападений чжурчжэней. В армейских обозах, кроме военного снаряжения и провианта, везли несколько тысяч земледельческих орудий. Вместе с тем, император киданей предложил Агуде мир, но в его послании владения чжурчжэней по-прежнему были включены в пределы границ Ляо, а уже принявшего императорский титул Агуду он называл только по имени.

Агуда отверг оскорбительное послание и напал на 270-тыс. армию киданей, после упорного сражения разбил её, кидане начали отступать. Цзиньцы действовали против них решительно, смело и дерзко, используя тактику лавинных конных атак и обход противника с флангов. Развивая успех, в 1118 г. чжурчжэни заняли 54 из 200 областей Ляо, лежащих к югу от реки Нуьцзян (Нонни), протекающей на равнине между Большим и Малым Хинганом, территории около границ корейского государства Корё и очистили Маньчжурию от киданей. За киданями оставались области Монголии и северная часть захваченной Сунской империи. Продолжая наступление, чжурчжэни взяли ещё 50 городов Ляо, в 20 областях они захватили стратегические продовольственные склады, действуя конными и пехотными отрядами, контролировали северные районы Китая, которые ещё оставались в руках киданей.

В руки Агуды вскоре перешли Верхняя, Восточная и Средняя столицы, а неоднократные предложения ляоского императора о мире, в которых Агуда не признавался законным императором, решительно им отвергались. Только в 1119 г. владыка киданей прислал Агуде печать и послание, подтверждающее его императорское достоинство. В конце правления Агуды пали последние столицы некогда могущественной империи: чжурчжэни объединили под своей властью почти все земли, принадлежавшие их заклётым врагам.

К этому времени обнаружилась полная неспособность империи Ляо к дальнейшим военным действиям. Произошёл раскол империи: родственник императора Елюй Цюнь провозгласил себя императором киданей и взял под контроль южные районы империи. Киданьские вельможи и военачальники переходили на сторону Цзинь. Один из родственников императора Елюй Юйду бежал к чжурчжэням и был ими поставлен во главе цзиньской армии,

которая в 1122 г. захватила город Дадин — Среднюю столицу империи Ляо. Предатель киданей предал и чжурчжэней, когда Юйду перешёл в 1132 г. на сторону Елюй Даши, создавшего Западное Ляо в бассейне рек Или и Сыр-Дарьи. Чжурчжэни нашли возможность схватить Юйду и его родственников. Императору Цзинь преподнесли футляр, в котором были сложены головы Елюй Юйду и его сыновей.

Цзиньцы создали вокруг киданей дипломатическую изоляцию, выводя союзников Ляо из военно-политической орбиты, на западе это было государство тангутов Западное Ся (Си Ся). Агуду привлекала политическая игра перед сунским Китаем, перед ним он демонстративно подчёркивал полную независимость своих действий и суверенитет страны.

Осторожность и гибкость Агуда проявлял в отношении Корё после их поражения в Приморье и подписал с ними мирный договор. Несмотря на нейтралитет Корё, его правители не упускали случая прихватить чужие пограничные земли, увеличивая свою территорию. Чжурчжэни закрывали глаза на многочисленные конфликты на границе двух стран, и не стремились осложнять обстановку с Корё в преддверии войны с Сун. После первых побед в Китае, положение изменилось, и Цзинь потребовала признания вассальной зависимости Корё.

В 1120 г. было заключено предварительное соглашение между империями Сун и Цзинь против киданей. Соглашение предусматривало участие китайской армии на стороне цзиньских войск в войне с Железной империей. Предполагалось, что после победы китайский император восстановит былое величие и господство в Восточной Азии. Эта роковая ошибка дорого обошлась китайцам.

Договор с Китаем дал возможность цзиньской армии активно действовать против Западное Ся, тем более к тангутам после поражения в 1122 г., бежал Тай-цзо — император Ляо. На границе с тангутами чжурчжэней встретили киданьские войска, но были разбиты. На помощь им был отправлен 30-тыс. корпус тангутов, но и он потерпел поражение.

В 1123 г. после смерти Агуды на престол взошёл его младший брат Укимай, который правил империей с 1123-1134 гг. Играя в поборника справедливости, исполняя договор с китайцами, Укимай отдал им несколько округов, которые были захвачены киданями у Китая и часть тангутской территории. В 1125 г. Западное Ся стал данником цзиньцев. Ляоский император потерял последнее убежище и в 1125 г. в ущелье Юйдугу цзиньский полководец Ваньянь Лоуши пленил императора Тай-цзо, который в пути заболел и умер на 54 году жизни, пробыв на престоле Ляо 24 года. В течение одного десятилетия чжурчжэни под руководством Агуды и Укимая разрушили грандиозную империю киданей, простиравшуюся от Монголии до Тихого океана и все их земли, вплоть до Хуанхэ, перешли чжурчжэням.

ВОЙНА ЦЗИНЬ С ИМПЕРИЕЙ СУН И ГОСУДАРСТВОМ ЗАПАДНОЕ СЯ

В 1125 г. «Золотая» империя Цзинь приступила к захвату северных и центральных районов сунского Китая, исторической земли ханьцев (китайцев), в междуречье двух великих китайских рек: Хуанхэ и Янцзы. Китайский полководец Тун Гуань, которому было поручено командования войсками на Севере, бежал в столицу.

Сам государь Хуэй-цзун издал манифест, в котором по конфуцианской традиции взял всю вину за происходящие события на себя, а власть передал своему сыну, который известен под именем Цинь-цзун. В Китае было принято давать человеку несколько имён. В раннем возрасте нарекали детскими именами, взрослому — родители давали взрослые имена, могли именовать по псевдониму. Императорам преподносили ещё священные и табуированные имена.

Падение Западной столицы Датун осложнило ситуацию в сунской империи. Китайцы не теряли надежды заключить союз против Цзинь с империей тангутов, они продолжали склонять к бунту киданей, перешедших на службу к чжурчжэням, которые ещё недавно были для них злейшими врагами.

Чжурчжэни наступали, сунский двор видел выход в любых уступках чужеземцам, но восставший народ потребовал оказать сопротивление их врагу. В январе 1126 г. два императора Хуэй-цзун и Цинь-цзун с 20 тыс. отборных воинов пытались бежать на юг, но это им не удалось, и они заперлись в Запретном городе Южной столицы Биньцзяна (Кайфын).

В походе на Кайфын участвовали от 60 до 100 тыс. воинов, причём только половина войск составляли чжурчжэни. Началась длительная осада Кайфына. Император самоустранился от руководства обороной столицы. Военачальники крепости на каждую из четырех стен городского вала расставили по 12 тыс. сунских солдат, вооружённых луками и катапульты для метания больших каменных ядер.

При первой осаде, вначале 1126 г., чжурчжэни применяли огненные стрелы, которые запускали с лодок и метали пороховые бомбы, но их у чжурчжэней было мало. Это эффективное оружие изобрели китайцы, чжурчжэни не умели делать пороховые заряды. Серьёзную угрозу защитникам Кайфына представляли, возводимые чжурчжэнями осадные башни с камнемётами, многочисленные штурмовые лестницы, «кошки» с канатами для лазания по стене.

В период второй осады Кайфына в конце 1126 – начале 1127 г. цзиньские полководцы подошли к городу с большим запасом пороховых бомб. Используя знания и труд пленных китайских военных мастеров и специалистов порохового дела, чжурчжэни научились изготавливать взрывчатые вещества. Чжурчжэни, полагаясь на свой военный опыт, не пренебрегали

новыми технологиями в войне, что могло быть использовано из практики боевых действий своего противника. Битва за Кайфын была крупнейшим артиллерийским сражением того времени по количеству использованных пороховых взрывчатых снарядов с обеих сторон. Кайфын пал, взят в заложники китайский император со своим двором.

Чтобы унижить сунский двор, императора — отца Лю Юй (Хуэй-цзуна) и императора — сына Цинь-цзуна с их жёнами в посрамление назвали простолюдинами, посадили в повозку, запряжённую волами, и повезли на север в таком жалком виде. Триста членов императорского дома были связаны рукавами одежды и тоже увезены. Всё имущество императорского двора, государственную печать — символ власти, драгоценности, библиотеки чжурчжэни отправили в свои земли. Сунская империя стала данником Цзинь. Только разовая контрибуция была получена от Сун в размере 1 млн. лян золота, 10 млн. слитков серебра, 10 млн. кусков шёлка и 10 млн. кусков ткани, впрочем, серебро скоро вернулось обратно в Китай, потому что чжурчжэням приходилось рассчитывать за товары, которые они покупали у китайцев.

На юге Китая было провозглашено государство Южная Сун, во главе с императором Чжао Гоу родственником бывшего императора Хуэй-цзуна. Линьань (совр. Ханчжоу пров. Чжэцзян) — столицей южносунского государства, стал несколько позже, город Линьань (совр. Ханчжоу пров. Чжэцзян). Этот город стоит на реке, соединённой рукотворным каналом с крупнейшей рекой Китая Янцзы, и по Великому Китайскому каналу можно приплыть в Хуанхэ. Кроме того, город омывает внутренний залив Восточно-Китайского моря, где находился военный флот Южного Сун, и сегодня этот район не утратил своего стратегического значения. Территории провинций Хэбэй, Шаньдунь и северная часть Хэнань на протяжении 14 лет стали аренной жарких схваток между Цзинь и Южным Сун.

Начавшаяся в 1139-1940 гг. война с южносунским Китаем оказалась для цзиньцев неудачной, была разбита армия полководца Учжу. В планах императора Цзинь-Холу был захват провинций Шэньси, южной части Хэнань и северных округов Аньхой, но китайский полководец Юэ Фэй разбил эти планы. Южносунский двор испугался побед, всё отвоёванное китайцами вернули обратно. Юэ Фэй был арестован и отравлен, а его соратников убили в тюремных камерах.

Боясь потерять независимость под давлением захватчиков, государство Южная Сун заключило в 1141 г. тяжёлый мирный договор, по которому сунский император признавал себя вассалом Цзинь с ежегодной данью 250 тыс. лян серебра (1 лян — 37 г.) и 250 тыс. связок монет (1 связка — 1 000 монет). Теперь границей, разделяющей Цзинь и Южную Сун, стала река Хуайхэ на востоке, и часть территории Шэньси и Ганьсу на западе. Чжурчжэни в знак примирения вернули гробы умерших в плену китайских императоров и императриц. Китай был расколот на две части — Юг и Север. Чжурчжэни

создали своё государство с центром на чужой территории. К середине XII в. масштабные военные действия в Восточной Азии были прекращены.

Холу под конец правления вызвал глубокое недовольство приближённых своей жестокостью: он казнил людей за малейшие проступки, собственными руками убил жену и брата. В 1149 г. Холлу был убит заговорщиками, которых возглавил внук Агуды Дигунай.

Гибель Ляо и поражение Сун поставило под угрозу разгрома государство тангутов Западное Ся (Си Ся) (1032-1227 гг.). Бесконечные войны с китайцами и киданями нанесли большой урон стране.

Это государство располагалось в пустынно-гористом районе к западу от Китая на территории современных провинций Ганьсу и Шэньси. Тангутская столица Чжунсин (нынешняя Нинся-Инчуань), расположенная на реке Тууле, между Ордосской степью и пустыней Алашань, представляла собой оазис культуры тюрко-монгольского народа, тибето-бирманской группы.

В XI в. туфаньские (тибетские) племена вторглись в пределы областей по р. Хуанхэ и Хуаншуй. Китай был вынужден уступить им три области в Северо-Западном Китае, в пределах современной провинции Ганьсу. В северных районах этой страны находится безжизненная пустыня Алашань, остальная территория — это высокие отроги хребтов Тибета с сочными лугами в межгорных распадках и лишь на востоке в долинах Хуанхэ располагалась пойменная равнина. Тангутское государство глубоко вклинивалось в Срединный Китай, занимая выгодное стратегическое направление. Поэтому китайцы отгородились от тангутов своей Великой стеной.

Чжурчжэни в ходе войны в 1129-1130 гг. с Западным Ся сумели отрезать его от Китая и сделали своим данником. Установив мир с тангутами, который длился 80 лет, цзиньцы обезопасили себя от возможного сепаратного политического сговора между Си Ся и Южным Сун. Они взяли рынок сбыта между тангутами и китайцами, что подрывало экономику тангутов, которая зависела от торговли с Китаем традиционными товарами. Это были мощные рычаги управления в политическом послушании двух зависимых стран, и определяло дальнейший ход войны.

Установление мира способствовало восстановлению тангутской экономики уже в середине XII в. Это было время правления сына Цыньшуня, императора Женьсяо (1139-1193 гг.), полукитайца по крови.

Через Си Ся проходил «шёлковый путь», по которому тангуты развивали торговые контакты с сопредельными и дальними странами, включая Ближний и Средний Восток. XII в. был веком расцвета тангутской культуры. В стране развивалось книгопечатание способом ксилографии (ксило — дерево, графос — пишу, вид художественной графики, гравюра на дереве, когда тексты и рисунки вырезали на дереве и отпечатывали краской на бумаге или ткани). Такой вид книгопечатания был характерен в Китае и Корее, где до сих пор хранятся древние тексты на резных досках. Тангуты с любовью относились к родному языку, об этом свидетельствуют сохранив-

шиеся до наших времён ксилографы, тексты, рукописи буддийского содержания, которые учёным удалось прочитать. Население страны отличалось высокой грамотностью.

В середине XII в. на территории Китая находилось три государства: Империя Цзинь, Южная Сун и Западное Ся (Си Ся).

В период расцвета чжурчжэньская империя занимала восточные районы Монголии, вплоть до южных районов Гоби, Маньчжурию, южную часть Дальнего Востока, включая Среднее Приамурье, южные районы Приморского края, часть Северной Кореи и большую часть северных и срединных провинций Китая. Западное Ся и Корё находились на положении вассальных государств.

Чжурчжэни создали империю на огромной территории Восточной Азии и стали её хозяевами. Во дворцах ещё недавно с 1100 по 1125 гг. правил «Сын Неба» — император династии Сун — Хуэй-Цзун, отправленный чжурчжэнями в ссылку. Ещё в 1111 г. он провозгласил в качестве девиза своего правления эру Чжэнхэ — эру Мира и Порядка. По его указу возводились роскошные дворцы и парки из необычных камней (цветного мрамора). Император поручил полководцу Чжу Мянжу вести разработку каменоломен и доставку мрамора по Великому каналу в столицу, где Запретный город утопал в блеске архитектурных ансамблей, садов с экзотическими животными и птицами. Китайский император не представлял, что падёт его империя, что так трагически завершится правление и сама жизнь.

Всё это досталось цзиньскому императору, родственникам Ваньянь, бывшим вождям, ставшими сановниками. Чжурчжэни утвердили своими столицами пять крупных городов имперского значения: Северная — Дадин, Западная — Датун, Восточная — Ляоян, Средняя — Чжунду (Пекин) и Южная — Бяньлянь (Кайфын).

Особа императора была для чжурчжэней священной. Двор императора отличался пышностью и великолепием. Каждый выход императора обустроивался торжественностью и блеском. Перед колесницей, в которой восседал император, несли его черное знамя с изображением солнца. Если он совершал церемониальный выход на носилках, то рядом с ним по сторонам несли два больших знамени, на каждом из которых были вышиты солнце и луна. В летний, яркий день над его головой был раскрыт цветной зонт с золотым драконом наверху. Очень пышный был двор императрицы. Она следовала с императором на украшенных носилках из золота и нефрита. На вершине её зонта была скульптурка золотого феникса. Такие же золотые фениксы красовались на четырёх углах её колесницы. Императрицу сопровождали «фрейлины» и множество слуг. В моду вошли роскошь, китайский язык, одежда по моде китайских аристократов. Чжурчжэньская знать приняла буддизм, как новую форму религии и мировоззрения.

Новая элита впитала многовековые традиции высшей аристократии Поднебесной империи, их образа жизни, общения, управления сложной и

разветвлённой иерархией власти. Однако военное министерство цзиньцев отличалось от китайского иной структурой формирования войск.

Сложная система феодального уклада велась китайцами под административным контролем чжурчжэньских чиновников. По китайскому образцу функционировало шесть палат или ведомств: Палата церемоний, Палата финансов, Военная палата, Палата чинов, Палата наказаний и Палата общественных работ.

Гнёт китайских феодалов теперь дополнялся тяжестью выплаты дани в пользу чжурчжэней. Крестьянские дворы, обременённые новыми повинностями, налогами едва существовали. Рента продуктами составляла главную форму эксплуатации, обрекала тружеников на голод и разорение. Рекрутские наборы в цзиньскую армию отбирали трудоспособное мужское население из деревень. Китайцы с ненавистью относились к чжурчжэням, и их терпению не было конца, потому что любое возмущение власти жестоко наказывали.

Огромные денежные расходы на содержание двора, армии, ирригационных сооружений: плотин, дамб, каналов, шлюзов. Казна пополнялась за счёт данничества, вымогательства от зависимых государств Южная Сун, Западная Ся, Корё, огромных налогов с крестьянского и ремесленного китайского населения.

Завоеватели в чужой стране стали хозяевами, но в императорском дворце всегда была тревога за судьбу своего престола. В империи Цзинь крестьянские восстания, которые поддерживались многочисленными ремесленниками, носили не только антифеодальный, но и национально-освободительный характер против завоевателей. На территории марионеточного государства Ци только за период с 1161 по 1189 гг. отмечено более 10 восстаний, в которых участвовали десятки тысяч китайцев. В XIII в., вплоть до падения империи чжурчжэней, действовали повстанческие отряды «красных курток» и «чёрных знамён», которые отвлекали регулярные части от военных действий и наносили им урон.

В Южном Сун, несмотря на высокую степень эксплуатацию народных масс, восстаний не было, так как на первый план выдвигалась борьба за национальное единство, за воссоединение целостности страны.

Цзиньская армия была оплотом силы и власти ваньяньских императоров. Чжурчжэни вобрали лучшие достижения вооружения и тактики боевых действий побеждённых армий. Война и армия играли в жизни чжурчжэней важную роль в создании государства, а потом империи.

Каждый воин имел личное оружие: лук со стрелами, копьё и меч. Чжурчжэни с детства учились стрелять из лука, а взрослые мужчины и женщины им владели в совершенстве. В арсенале вооружения было метательное оружие: копья, дротики, боласы, праща, арбалеты, луки и десятки видов стрел. Колющие и рубящее оружие: мечи, ножи, топоры, чеканы, секиры. Ударное оружие представляли булавы и кистени. В бою использовали багры, крючья, арканы.

Чжурчжэни создали конницу и пехоту. Конница подразделялась на лёгкую кавалерию и тяжёлую, когда всадник и лошадь были одеты в железные пластинчатые панцири, защищающие воинов от удара копья, сабли или меча. Конница формировалась исключительно из чжурчжэней. Самый большой урон наносила лёгкая кавалерия, которая лавиной налетала на врага и, окружая с флангов, вызывала панику у противника, когда в гущу их сбитых рядов наносила мощный удар тяжёлая конница.

Армия цзиньцев была оснащена современными по тем временам техническими средствами ведения войны, которые они переняли у китайцев и сумели их усовершенствовать. Камнемётные орудия типа катапульты, тараны, штурмовые, осадные башни, которые использовались для взятия крепостей и других оборонительных сооружений. Чжурчжэни широко применяли порох для зажигательных снарядов, которые заряжались в бумажные рулоны, пропитанные смолой, а также в бамбуковые стволы, их поджигали и запускали катапультами. Позднее этот вид снарядов чжурчжэни убрали с вооружения.

Сунские пиротехники, имевшие дело с порохowymi снарядами, убедились в том, что взрыв тем сильнее, чем плотнее его оболочка, которая при взрыве образует массу поражающих осколков. Катапульты применяли для метания зажигательных и разрывных бомб, изготовленных из глиняных горшков и полых чугунных шаров, в которых были отверстия для порохового фитиля. Такие бомбы летели на сотни метров. Чжурчжэни умели делать расчёт длины горящего фитиля, чтобы произвести взрыв над целью, зная расстояние, вес снаряда-шара и время его полёта.

Нововведением были касетные стрелы, когда на плоскости в желоба выставлялись несколько стрел, и мощная тетива по принципу устройства лука пускала их с большой скоростью. В такие устройства выставляли стрелы с пороховой зарядом или зажигательной смесью, и при выстрелах они представляли прообразы реактивных снарядов.

Чжурчжэни имели военный флот, который они захватили у китайцев, и ещё покупали корабли у корейцев. Флот активно действовал в Японском, Жёлтом, Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Цзиньцы имели так же речную флотилию на Амуре, Сунгари и Хуанхэ. Флот был парусный с одной-двумя мачтами и галерный. Тяжёлые корабли с парусами и многорядными вёслами имели палубные надстройки, на которых устанавливали катапульты для метания каменных ядер и пороховых бомб или для лучников с усиленными луками.

Регулярные части чжурчжэньского национального формирования на заре государства составляли численностью 35-40 тыс. человек, резервные или «народные» части могли состоять ещё из 40 тыс. чел. В правительственных войсках Цзинь в 1165 г. числилось 173 тыс. человек, из них 116200 находились в гарнизонах. Использовались пограничные нечжурчжэньские племена для охраны границы. Кроме этого, существовали резервные мно-

гонациональные части — 700 тыс., мобилизационные резервы — 300-400 тыс. чел. В 1211 г. цзиньские войска имели 400 тыс. кавалеристов, к началу XIII в. армия военного времени превосходила 1 млн. человек.

Многонациональные части состояли из киданей, китайцев, бохайцев, корейцев, тангутов и других покорённых народов, как правило, из них формировали пехотные части, и набор в них был принудительный, подневольный, что влияло на боеспособность армии, её стойкость в ответственные ситуации на войне. Покорённые народы не испытывали желания сражаться за тех, кто у них отнял независимость и свободу. Страх подневольного солдата, что его родственники могут жестоко наказать за его плохую службу, заставлял идти в бой и погибать. В стране только для чжурчжэней существовала всеобщая воинская повинность.

Численность китайского населения в Цзинь в начале XIII в. составляла около 50 млн. чел. По переписи 1183 г. чжурчжэней в империи было не более 5,5 млн., а к началу монгольско-цзиньской войны в 1211 г. их проживало уже 6,2 млн. человек. Чжурчжэни понимали соотношение населения и возможность численного состава армии, поэтому они делали ставку на рекрутские наборы в армию из населения захваченных государств, ставя во главе самые мощные хорошо вооружённые национальные части и, прежде всего кавалерию. По своим боевым качествам и количеству воинов цзиньская армия была сильнейшей в Восточной Азии.

МОНГОЛЫ В XII в.

На северо-западных границах империи Цзинь жили многочисленные кочевые племена мэнгу (монголы). Во время борьбы с киданями монголы с чжурчжэнями были союзниками, но с падением Ляо между ними определилось соперничество. Поражение киданей дало возможность монголам, которые находились в вассальной зависимости от Ляо, консолидироваться в крупные племенные союзы. Границы Цзиньской империи в Монголии проходили почти по прямой линии от Кулунь-нора, до района Куку-Хото, к югу от Гоби, где находились исконные земли этнических монголов. Между монголами и Цзинь стали возникать территориальные споры.

Чжурчжэни в 30-е г. XII в. учредили пограничное управление для безопасности своих границ. Северо-Восточное управление «Дунбэй чжаотао сы» обеспечивало охрану от проникновения монголов и Юго-Западное — «Синань чжаотао сы» — для защиты границ с государством Западное Ся от тангутов и тех же монгольских кочевников. В 1130 г. чжурчжэни вылавливали в северных провинциях страны всех бесхозных людей, прокалывали им уши и ставили знак, свидетельствующий о принадлежности этих людей казне. Часть людей казна продавала прямо в Цзинь, а другую часть гнали к

границе, где их меняли на лошадей, в числе покупателей были и монголы. Чжурчжэням не нравилось столь близкое соседство с монголами. В их планы входило дальнейшее расширение северных территорий вплоть до Верхнего Амура, что лишило бы монголов возможности кочевать в этих районах и совершать набеги на местные племена. Монголы сами хотели укрепить свои позиции на северных землях.

Первые набеги монголов на границу Цзинь упомянуты на стеле в провинции Гири на северо-востоке Маньчжурии. Текст посвящен создателю чжурчжэньского письма Ваньянь Сииню, где сказано, что мэнгусу обеспокоили границы, и указом император Холу назначил командующим своего старшего сына Полуху в карательный поход против них. Первый набег монголов на территорию Цзинь был совершён в 1135 г., который положил начало затяжной войны — до 1147 г.

Причиной этих событий послужило коварство чжурчжэней по отношению к монголам. Чжурчжэни пригласили монгольского Хабул-хана приехать ко двору Цзинь на пир по случаю восшествия на престол императора Холу. Хан должен был присягнуть на верность цзиньскому престолу, чтобы признать вассальные, зависимые отношения. Во время пира хан отказался от присяги и отправился домой, но следом был послан чжурчжэньский отряд, чтобы казнить непокорных «гостей», в том числе и хана, которому удалось бежать. В отместку за покушение на жизнь Хабул-хана монголы перебили послов, когда из Цзинь прибыло очередное посольство.

В 1138 г. чжурчжэни совершили рейд по улусам монголов, где совершались страшные преступления, которые они называли «зачисткой». Солдаты убивали монгольских детей — мальчиков детского возраста, чтобы не скоро выросли монгольские воины. В одном из очередных рейдов цзиньской армии, когда у них кончилось продовольствие и им пришлось возвращаться обратно, монголы атаковали своих врагов и вторглись на земли Цзинь, но были разбиты в местности Хайлин, к северу от современного Харбина.

В 1140 г. против угроз монгольского нашествия чжурчжэни создали на границе военные поселения, однако эти меры не привели к желаемому результату и монголы продолжали вторгаться в пределы Цзинь. В 1147 г. цзиньские власти отдали монголам 27 укреплений к северу от р. Сипинхэ, которая была признана пограничной. Эти крепости когда-то принадлежали киданям, так как это район восточной Монголии до реки Керулен входил в состав Железной империи. В нижнем её течении кочевали монгольские племена. Сдача крепостей монголам была равна признанию поражения и смирения.

Чжурчжэни на границе с монголами не могли иметь большую армию для борьбы с активными кочевниками, так как основные гарнизоны цзиньских войск находились в центральных стратегических районах империи и крупных городах. Кроме того, регулярные части противостояли на границах южносунским и тангутским армиям. Определённые вооружённые силы

находились в Маньчжурии, где оставшиеся кидане и другие племена, недовольные политикой Цзинь, могли спровоцировать мятеж. Главные силы из чжурчжэньских конных корпусов, составлявших опору власти, находились в поле зрения императора.

В 60-х г. XII в. война между монголами и татарами привела вновь к раздробленности племён. Стремясь обезопасить границы своей империи от вторжения кочевников, чжурчжэни на северной границе, в монгольских степях проводили политику «сокращения совершеннолетних», когда раз в три года они вырезали мужское население или угоняли в рабство. Имея превосходство в вооружении, сокрушительности лучшей конницы в Восточной Азии, чжурчжэни под командованием Ваньянь Сяна и Ван Аньго провели в 1196 г. операции против татар и разбили их у реки Керулен. Союзником в борьбе с татарами стал монгольский хан Темучин (1162? – 25.08.1227 гг.), который считался цзиньским вассалом и получил соответствующий чин от властей. Обстановка для чжурчжэней на севере в конце XII в. стабилизировалась.

Темучин, пользуясь покровительством Цзинь, начал сокрушать своих врагов — кочевников. В 1202 г. были разгромлены татары в Восточной Монголии. В 1203 г. в Центральной Монголии — уничтожены племена керитов. В 1204 г. в Западной Монголии — найманы и на Алтае — меркиты. К 1206 г. Темучин подчинил все степные племена Монголии. Началом кровавых войн между чжурчжэнями и монголами послужило событие в 1206 г. на реке Онон в местности Дэлунь-булдак, где на курултае (собрании) представителей многочисленных родов монголов хан Темучин был провозглашен монгольским повелителем Чингисханом и создано Великое монгольское государство.

Принцип численного деления на 10, 100 и 1000 человек, составлял основу учёта населения и армии. Такое деление соответствовало числу воинов в подразделении. Всё устройство государства подчинялось главной цели — войне. В армии самой большой единицей был — тумен, равный 10 тыс. воинов.

Чингисхан хорошо помнил наказ предков о смертельной борьбе с чжурчжэнями. Две силы: монголы и чжурчжэни противостояли друг другу, и они готовы бороться за приоритет в Восточной Азии. Великий хан, как опытный и хитрый стратег, решил разбить государства на территории Китая по одному. Прежде всего ударить по Западному Ся и подчинить его, создать коалицию против Цзинь с Южным Сун. Чингисхан хотел ударами их армий с юга, а монголов с севера разгромить чжурчжэней, но китайцы побоялись выходить на переговоры, чтобы не осложнять и без того напряженные отношения с северными завоевателями.

Монгольская орда начала войну с тангутами. Войска шли по дороге, которая существует и сегодня, через пустыню Гоби вдоль русла реки Туулы, которая берёт начало в центре Монголии, пересекает Гоби с севера на юг и кончается в Нинся, столице Западного Ся.

При преемнике Жэньсяо царе Чунью (1193-1206 гг.) к северу от его страны появилась грозная сила — держава Чингисхана. Тангуты в конце XII в. вмешались в борьбу между монгольскими родами, имея кровные связи с отдельными из них, поэтому они первыми в 1206 г. испытали на себе грабительские походы монгольской армии с опустошением западных районов страны. Поражение в войне с монголами стоило Чунью престола, и его сменил Аньцюань (1206-1211 гг.). В 1207-1208 гг. монголы совершили новый набег на страну, а в 1209 г. осадили столицу, которая имела мощные укрепления по опыту китайского оборонительного строительства. Кочевники — конные отряды — не имели практики осад и осадной техники. Попытка затопить крепость водами Хуанхэ не увенчалась успехом, так как у монголов не было саперов. Тангуты просили помощи у чжурчжэней, но император Цзинь — Магаду посчитал, что это дело самих тангутов и оставил их один на один с монголами. Это была большая ошибка, так как чжурчжэни потеряли союзника в предстоящей борьбе с Чингисханом, для которого Цзинь был врагом номер один, поэтому монголы начали расправляться с их соседями, втягивая силой в борьбу против Цзинь. В 1210 г. Аньцюань добился мира и признал себя вассалом монгольской державы, пообещав «быть правой рукой Чингисхана», отдал свою дочь Чахэ в жёны Чингисхану, выплатил огромную дань. Он спас страну и покинул престол.

Уверенные в своих силах чжурчжэни не опасались монголов, поскольку Чингисхан был вассалом Цзинь, в то же время присутствие кочевников на границе, на срединной территории империи, требовало каких-то мер. Ввиду того, что чжурчжэни и тангуты жили в условиях мирного договора, цзиньское правительство распорядилось «выкупать всех рабов-тангутов», находящихся в неволе у чжурчжэней и возвращать домой. В империи было большое число военнопленных тангутов, и они после возвращения на родину полнили ряды её армии, что стало сдерживающим фактором в монгольской агрессии. Большая часть свободных тангутов осталась в империи и служила в её армии, составляя целые полки.

В 1208 г. умер император Цзинь — Магаду и на престол вошёл потомок Укимая от наложницы. Он известен в истории под китайским именем Юньцзи и храмовым — «Вэй Шао-ван». Правил Юньцзи пять лет, с 1209 по 1213 гг.

Восшествие на престол нового императора оглашалось по всему государству. Был издан манифест с текстом о верности императору, под которым подписывались все сановники, военачальники, государственные чиновники со всех отдалённых уголков империи. Не обошёл манифест о верности новому императору и Чингисхана, к которому прибыл посол Цзинь. Вместо коленопреклонения, хан обозвал посла и плюнул в сторону цзиньской границы.

В то время, пока чжурчжэни и сунский Китай воевали, десятилетиями истощая друг друга, над ними собирались тучи: монголы начали подготовку

к войне, о чём начальник чжурчжэньской пограничной стражи севера полководец Нахата Майчжу докладывал в столицу, но на его рапорт не обратили внимание. В 1210 г. кочевники взяли в степи сторожевые крепости чжурчжэней Няошабао и Няоюеин, находившиеся севернее Датуна за Китайской стеной, но и этот факт не насторожил военное руководство в Пекине.

В начале 1211 г. на сторону Чингису (Чингисхану) добровольно перешёл идикут уйгуров Барчук, так как уйгуры давно враждовали с тангутами и страдали от кара-киданей, которые по существу были киданями, и бежали из поверженной чжурчжэнями Железной империи. В результате монголам добровольно, без войны и потерь, достался потенциально богатый стратегический регион. В этом же году великому хану добровольно подчинились тюрки — карлуки, кочевавшие в степях по рекам Или и Чу у озера Балхаш. Старший сын Чингисхана Джучи и полководец Субудэй ещё в 1207 г. были отправлены Чингисом на северо-запад от границ Монголии, где они подчинили ряд народов Южной Сибири, в том числе бурятов, енисейских кыргызов. Хан обезопасил северную границу государства и взял под защиту племена и малочисленные народности, страдавшие от поборов сильных кочевников, и в благодарность за это они отдавали своих воинов в монгольскую армию.

Под стяги монгольских туменов собрались воины Центральной Азии, Прибайкалья, Бурятии, Забайкалья, а также кочевые племена западных районов Маньчжурии, которым были ненавистны чжурчжэни. Многие из них шли за Чингисханом из-за страха перед монголами или желанием в грабительских походах получить долю чужого добра.

Накануне 1211 г. сформировалось противостояние двух сил. Империя Цзинь — держава Восточной Азии и монгольская империя Чингисхана. Главная цель монгольского хана была борьба за власть в Азии, за передел территорий и утверждение своего господства, и уничтожение чжурчжэней как народ. Кровная месть язычника-кочевника к цзиньцам за поруганную честь его предков делала его жестоким, оправдывающим любые действия.

ПЕРВАЯ МОНГОЛО-ЦЗИНЬСКАЯ ВОЙНА 1211-1216 гг.

Монголо-цзиньскую войну можно разделить на три этапа. Первый (1211-1216 гг.) — захват Чингисханом Маньчжурии, северных провинций империи Цзинь, взятие кочевниками четырёх столиц, в том числе и Средней столицы империи — Пекина, отступление цзиньских войск в центральные районы страны и переезд императорского двора в Южную столицу — Кайфын. Второй (1217-1229 гг.) — поход Чингисхана в Среднюю Азию, набеги Мухали в северные и центральные провинции Цзинь, контроль захваченных территорий монголами, война Цзинь с Западным Ся и Южным Сун. Третий (1230-1234 гг.) — наступление хана Угэдэя на столицу Кайфын

и разгром армий Цзинь в центральных и южных провинциях, поражение империи чжурчжэней.

В марте 1211 г. около священного озера Далай-Нор Чингисхан собрал пятисоттысячную орду из монголов, разноязычных племён и сателлитов из малочисленных народов, вставших под знамёна Великого хана. Всё это пёстрое воинство двинулось на юг Маньчжурии, чтобы затем выйти на равнины и развернуть свои тумены по 10 000 всадников.

На юго-западе Маньчжурии, горные хребты Большого Хингана, протянувшиеся с севера на юг, пересекаются невысокими горами Внутренней Монголии и представляют непроходимые естественные препятствия. На юге этих горных пересечений, повторяя рельеф местности, была построена непреступная Великая Китайская стена, которая уже 1 500 лет, закрывала на территорию Поднебесной империи доступ кочевникам с севера.

Чингисхан вёл монгольские войска по межгорным дорогам, за многие сотни лет, протоптанные копытами коней. Рядом с ним находились верные нукеры, опора его власти — полководцы Джэбэ, Мухали, Субудэй. Вместе с Чингисханом они прошли через войны, многочисленные сражения и создали монгольское государство. Ханские сыновья: старший — Чжучи, средние — Чагатай, Угэдэй и младший — Толуй — были опытными воинами и командовали кавалерийскими корпусами.

На южной границе Внутренней Монголии они уничтожили цзиньские пограничные укрепления, в которых служили солдаты-рекруты из местных племён. Оставшиеся в живых прятались от расправы, или под страхом смерти переходили на сторону монголов.

Чингисхан берёт своих монгольских кочевников, их в Монголии у него было не так уж много, они составляли главные силы кавалерии. Чингисхан сгонял под свою власть воинов других племён, которые сражались насмерть, потому что другого пути у них не было. Хан публично карал заслушание и неповиновение, легче было сражаться и погибнуть в бою, чем вынести эти пытки.

В апреле хан подошёл к Северной столице Дадин, крепости, расположенной в верховье реки Силяохэ, севернее Пекина в 600-500 ли (ли — около 500 м) Командующий цзиньскими войсками в Дадине полководец Ваньянь Чэнь (Хэшери Хушаху) и военачальник Дуцзи Сычжу имели в своём распоряжении гарнизон не менее 50 тыс. солдат. Монголы окружили крепость, но сходу взять её не смогли, высокие каменные стены были непреступны. Она была построена ещё в первые века нашей эры для сдерживания врагов на подступах к Великой Китайской стене. Потом эта крепость была в руках киданей. Хан осадил крепость и оставил несколько корпусов, основные войска повел вглубь Маньчжурии.

Монголы не умели штурмовать такие оборонительные сооружения и попытались ворваться в крепость через ворота. В ответ на них полетели, пущенные катапультами, большие каменные ядра, которые кочевникам

наносили огромный урон. Они не ожидали, что в крепости было такое оружие, и засыпали её горящими стрелами днём и ночью.

Солдаты и жители города сражались на стенах и несли большие потери. Всё меньше становилось тех, кто мог оказывать сопротивление. Крепость находилась в осаде несколько месяцев. В городе начался голод, раненые умирали от ран. Возникли сильные пожары.

Дальнейшее сопротивление привело бы к бесполезной потере защитников, и Хушаху решил выступить из крепости, прорвать осаду и увести войска. Перед вынужденной сдачей города сожгли метательные машины, чтобы те не достались врагу. Войска с боем вышли из крепости, неся большие потери, вырвались из окружения, вместе с ними ушла часть жителей. Они спаслись за стенами Сюаньхуа — крепости, которая находилась южнее Дадина и была встроена в Великую Китайскую стену.

Монголы ворвались в Дадин и вырезали последних защитников города, которые с оружием в руках погибали, но не сдавались монголам. Кто уцелел, того связывали верёвками, избивали и уводили в рабство. Осенью столица была захвачена. Позднее, когда монголы ушли в свои аймаки (селения), цзиньцы восстановили Дадин, и она снова стала сильной крепостью. В 1214 г. при одной из её осад, Чингисхан получил ранение стрелой и снял блокаду, но позже крепость взяли и окончательно разрушили.

Верный полководец Джэбэ и сыновья хана Чагатай и Чжучи направили своих всадников на Западную столицу империи Цзинь, город-крепость Датун, как и Сюаньхуа, тоже была встроена в знаменитую стену. Благодаря мужеству гарнизона и жителей города, которые отчаянно сопротивлялись, Западная столица держалась непреступной крепостью, отправленная в помощь осаждающей армии цзиньского полководца О Туна была полностью истреблена. Защитники против осаждающих использовали катапульты с пороховыми бомбами, зажигательные «реактивные» стрелы, бросали со стен камни. Много погибло монголов под её стенами. Кочевники бросали проклятья защитникам, угрожали жестокой расправой, но взять Датун не смогли, город находился в блокаде.

В это время монгольская конница Мухали и ханского сына Угэдэя лавиной обрушилась в Маньчжурии на города, селения, стойбища кочевников, племена, населявшие эту землю. Монголы ломали сопротивление чжурчжэней, расстреливали стрелами из луков, рубили кривыми монгольскими саблями мирных людей, которые в ужасе разбежались в степь, прятались в лесах. Всё подвергалось огню и уничтожению. Такого массового истребления населения ещё не знала история этого края со времён хунну, даже во времена Железной империи, не было такого тотального истребления всего живого. Маньчжурия в течение 1211-1212 гг. была залита кровью и покрылась пепелищами.

На юго-востоке Маньчжурии войска Мухали и Угэдэя осадил Восточную столицу империи Ляоян, чтобы выйти на побережье Ляодунского залива, где заканчивалась на востоке Великая Китайская стена. Эта крепость

в провинции Ляонин защищала долину реки Ляохэ, по которой конница монголов могла легко ворваться на просторы Великой Китайской равнины и захватить стратегическое превосходство, угрожая Пекину.

Кочевники под командованием самого Чингисхана и его сына Толуя продвигались на северо-восток к речным долинам Нуьцзян (Нонни), Сунгари, вплоть до Амура, на земли, где была родина чжурчжэней. Волею судьбы кочевники не дошли до житницы Цзинь — Приморья. Пройдя по Маньчжурии, оставляя после себя безжизненное пространство, монголы обеспечили себе безопасный тыл. Страх перед нашествием монголов опережал их далеко вперед.

Сложным положением для Цзинь в 1211 г. воспользовался тысячник-маршал (юань-шуай) цзиньской армии, киданин Елюй Люгэ, который в Луньянь (к северу от современного Сыпина провинции Гирин) увёл с северной границы войска, состоящие из киданей. В связи с их бегством открывалась брешь в обороне, что помогло монголам оккупировать значительные территории Маньчжурии. Люгэ объявил о самостоятельности и запросил защиты со стороны монголов. Чингисхан заключил с ним договор и гарантировал относительную независимость и защиту нового государственного формирования. Собрав сотысячную армию киданей, Люгэ провозгласил себя главнокомандующим, а позднее, в 1213 г. стал Правителем возрождённого государства — Позднее Ляо (1213-1222 гг.). Его признали многочисленные кидани в губернии Ляоси, в области западнее реки Ляохэ провинции Ляонин. Он, тем самым, отомстил чжурчжэням за поражение империи Ляо в 1125 г. Люгэ мечтал возродить прежнюю империю киданей, но военная инициатива была в руках монголов, и он мог быть только вассалом и их орудием в борьбе с чжурчжэнями.

Джэбэ после очередной осады, летом 1212 г. разгромил цзиньский гарнизон в Датуне и спешил к крепости Сюаньхуа, расположенной северо-западнее Пекина, куда бежали разбитые полководцы. Взятие этой крепости означало выход на предместье Пекина, где заканчивались горные перевалы, ущелья и каменистое плато, идущие из Внутренней Монголии до севера провинции Шанси, неудобные для развёртывания лавинных атак кавалерии.

Успехи столь стремительного широкомасштабного наступления монголов в Маньчжурии в начальный период войны не вызвали тревоги и опасения в высших кругах империи. Уверенность в непобедимости чжурчжэньской армии, которая всегда одерживала победы, оставляло в покое императорский двор.

Цзиньские войска, которые около полувека не вели активных военных операций, не смогли противостоять бурному натиску армии Чингисхана, Мухали и Джэбэ в Маньчжурии. В Пекине были уверены, что монголы не прорвутся за пределы Великой Китайской стены. Падение Сюаньхуа ускорило продвижение монголов к цзиньской столице.

Во Дворце императора возникла паника. Военное ведомство приняло спешные меры и отправило навстречу монголам войска численностью

400 тыс. человек под командованием Ваньянь Чжунцзяня и Ваньянь Чэнюем. Они должны были перекрыть горные проходы и на узкой дороге в ущелье Е-ху-лин разбить врага. Это был единственный и короткий путь к Пекину.

В авангарде армии шли колонны китайских частей, они медленно двигались из-за большого обоза с излишней амуницией, за ними следовали цзиньские войска. Монгольские полководцы понимали опасность прохода большой группы войск в горных ущельях. Они отправили через них корпусы лёгкой конницы, а следом основные ударные войска.

Неожиданное появление монгольских кавалеристов на выходе из ущелья, привело в растерянность китайцев. Они не успели построиться в боевые ряды, и были смяты мощным натиском, их части превратились в толпу и бросились бежать. Степняки безжалостно рубили саблями, обезумевших от страха солдат. Китайцы перемешали цзиньские колонны, которые не могли оказать сопротивление и раскололись на небольшие отряды. Подошедшие основные монгольские ударные войска разбили цзиньскую армию. Ещё долго, как свидетельствуют летописные источники, груды человеческих скелетов лежали по дороге около ущелья. Потери цзиньской армии по подсчётам современников составили 300 тыс. убитыми. Численность армии и потери убитыми, явно завышены, чтобы в летописях предать трагизм событий.

В это время под городом Цзиньчжоу в провинции Ляонин конные полки цзиньской армии под командованием Джуху Гаоцзы отбросили монголов, и это остудило пыл хана. Он не стал тратить силы на открытую битву, это было не в его правилах, и, маневрируя, обрушил своих всадников на табуны чжурчжэньских лошадей, которых увели на север. Это были резервные кони для цзиньских ударных корпусов.

Осенью 1212 г. монгольский полководец Джэбэ с сыновьями Чингисхана Угэдэем и Чагатаем вновь напали на Восточную столицу Ляоян. После затяжной осады они не смогли взять крепость и ушли. Это был обманный маневр, монголы скоро вернулись и застали врасплох гарнизон и оставшихся в живых жителей, которые после тяжелой осады потеряли бдительность, ворота крепости были открыты. За стенами крепости люди в погребальных кострах хоронили погибших. Монголы ворвались в город и несколько дней грабили его. Многих несчастных жителей они убили, а оставшихся в живых, отправили в рабство, город опустел и полыхал пожарами.

Маньчжурия, северные области пров. Шаньси, северо-восточная часть пров. Хэбэй и вся пров. Ляонин, Ляодунский полуостров, были в руках кочевников.

В конце 1212 г. армия Чингисхана вышла на Великую китайскую равнину. Средняя столица Чжунду (Пекин) на удалении оказалась между войсками на западе — Чингисхана, на востоке — Джэбэ, а на юге младший сын хана Толуй взял стены крепости Баодин.

Впереди предстояло взятие Пекина, кочевники разгромили и спалили окрестности столицы. В обозе у них были тысячи повозок с неисчислимыми

богатствами ограбленных городов. Кочевники ушли в Монголию со всей занятой территории Цзинь, не оставляя гарнизонов. В целом кампания 1211-1212 гг. показала превосходство степняков на полях сражений.

Мирная передышка позволила восстановить разрушенные города и селения после страшного нашествия. При дворе вынашивали планы похода в Маньчжурию против Люге, используя случай ухода кочевников в свои степные аймаки и улусы.

Чжурчжэни решили пресечь столь очевидную демонстрацию угрозы территориальной целостности империи и отправили 60-тыс. корпус под командованием генерала Ваньянь Чэнюя, чтобы уничтожить самозванца. Люге призвал на помощь монголов, которые возвращались домой. Чингисхан отправил тумены Джэбэ, чтобы разбить карательный корпус Чэнюя. Елюй Люге начал наступление, вновь занял Ляоян и объявил его своей столицей империи Ляо, однако реально в его власти был лишь север Ляодуна.

Военно-политическая мощь Цзинь была подорвана, и противники чжурчжэней в Южном Сун и Западном Ся понимали, что последующие наступления монголов ещё больше ослабят империю. Не могло быть и речи о коалиции Цзинь с этими государствами против монголов. Все они находились в состоянии войны между собой, прикрываясь мирными договорами, которые закреплялись данью в пользу Цзинь. Южносунцы и тангуты стремились избежать прямого столкновения с монголами. Они заняли позицию выжидания в дальнейших событиях и не пытались встать на одну из воюющих сторон. Вряд ли война Чингисхана против империи Цзинь завершилась успехом, если бы против монголов объединились силы тангутов, чжурчжэней и китайцев, но каждое государство, опасаясь кочевников, оставалось равнодушным к судьбе соседей. Чингисхан уничтожал их поочередно.

Первые поражения вскрыли военно-политические проблемы Цзинь. Фактически империя Цзинь находилась внутри, на территории бывших империй Сун и Ляо, в которой была создана система подчинения многочисленных народов чжурчжэнями, хотя нет повода обвинять их в национализме и откровенном этническом притеснении, но эти народы имели меньше прав, чем чжурчжэни. Для китайцев и киданей чжурчжэни были захватчиками, а монголы представлялись им освободителями. Поэтому за цифрами больших контингентов цзиньских войск стояли проблемы их боеспособности, потому что большая часть цзиньской армии состояла из китайцев. На важнейшие участки фронта отправлялись чжурчжэньская кавалерия, но она не успевала противостоять монгольским прорывам, так как многонациональные цзиньские войска воевали по принуждению своих полководцев и не могли держать оборону и наступление. Император дорожил своей конницей, как стратегическим потенциалом своей власти и берёг её для критических ситуаций на войне, которые всё чаще проявлялись.

Июль 1213 г. вновь принёс войну в Цзинь на копытах монгольской конницы. Сначала Чингисхан прошёл по округам прежних военных действий,

и всё вновь сровнял с землёй. В ноябре монголы дали сражение у крепости Губэйкоу («коу» — крепость), которая закрывала в горах подходы к Пекину. Джэбэ инсценировал отход своих войск, за ними устремились цзиньские войска Ваньянь Цзана и Чжуху Гаоцзи, но попали в окружение и бежали в крепость, где комендантом был генерал Уланбар, киданин по национальности, и он сдал монголам крепость. Оставшись без защиты, остатки разбитых цзиньских армий изрубили яростные кочевники так, что дорога на 40 ли была устлана трупами.

Передовые части монголов пытались прорваться к Пекину, но их остановило мощное сопротивление на заставах. В сентябре того же года из ссылки был возвращён полководец Хэшери Хушаху, который был в опале за отступление из Северной и Западной столиц перед превосходящими силами противника (но он сохранил армию), и поставлен императором во главе войск, занимавших позиции к северу от Пекина. Хушаху был полководцем, который мог воевать с монголами и не раз спасал империю от поражения. Трусость императора, его пораженческое настроение поставили Хушаху перед выбором за судьбу столицы, и он ввёл войска во дворец Запретного города, где по его приказу убили императора и командующего Ваньянь Цзана, чья армия так бездарно пропустила основные силы монголов к Пекину. На престол в начале октября 1213 г. был возведён брат императора Удабу, которого нарекли Сюань-цзун (1213-1223 гг.).

Вокруг Пекина создалась угрожающая ситуация. К предместью столицы, для её блокады, подошли 5 тыс. монгольских всадников под командованием Котая и Хатая, с юга шли войска под началом самого хана, который был поражён мощностью оборонительных сооружений на подступах к Пекину. Хушаху, как главнокомандующий, назначил военачальником цзиньскими войсками Чжуху Гаоцзи, со словами, что если он проиграет, то лишится головы. Он должен был оборонять подступы к столице. Гаоцзи должен уничтожить монголов у моста через реку Хайхэ, чтобы не дать соединиться войскам противника. Из-за несвоевременных действий Гаоцзи, который упустил возможность разбить монголов на переправе, (хотя в первый день ему удалось уничтожить и отстоять берег реки) отступил и был разбит. Боясь наказания за поражение, Гаоцзи окружил дом Хушаху, из которого тот пытался бежать и, перелезая через забор, запутался в одежде и упал. Солдаты Гаоцзи отрубили Хэшери Хушаху голову.

В это сложное время в 1213 г. на границе Цзинь и Си Ся начались пограничные конфликты, тангуты были в обиде за отказ чжурчжэней помочь им в борьбе с Чингисом, когда в 1210 г. монголы разоряли страну. Конфликты переросли в войну, которая стянула огромные силы армии Цзинь, потому что тангуты под давлением монголов выставили все свои войска. Новый император тангутов Цзуньсян (1211-1223 гг.) был в 1214 г. втянут в войну с чжурчжэнями, которая продолжалась до 1224 г. Западное Ся ослабло от постоянных монгольских поборов, которые уже требовали участия армии тангутов в подготовке к

походу на Среднюю Азию. Южная Сун тоже начала нерегулярно выплачивать дань, что уменьшило приток денег на содержание цзиньской армии.

Военные операции не ограничились осадой Пекина. Великий хан разделил войска на три группы для масштабного охвата цзиньских округов, к северу от реки Хуанхэ. Первая — под командованием сыновей Чингиса — Чагатая и Угэдэя, под опекой Джэбэ была отправлена на запад и разрушила среднюю часть провинции Шаньси. Второй — командовал Мухали (в направлении на восток) и, дойдя до моря, пошёл на север, чтобы уничтожить на побережье несколько городов. На центральном направлении в Хэбэе и Шаньдуне развернул свои войска сам Чингисхан с младшим сыном Толуем, пройдя смерчем по этим землям.

В пров. Шаньдун монголы разграбили и уничтожили священную вершину горы Тай (или Тайшань), где находились многочисленные храмы. У подножия горы был построен огромный храм Владыки Восточного пика — высшего судьи душ умерших, напоминающий запретный императорский город в Пекине. Восхождение по лестнице от подножия до самого пика занимало несколько дней. На горе было множество храмов, которые привлекали массу паломников. Статуи архатов — святых, освободившихся от бесконечной цепи перерождений, нередко позолоченных, украшали храмы. В главных храмах, как и в императорском дворце, пахло «драконовой слюной», серой амброй, считавшейся лучшим благовонием, которое доставлялось из Аравии.

Все оккупированные территории подвергались невиданному и чудовищному по жестокости и бесчеловечности разгрому. Города разрушали до основания, пылали дворцы и храмы, были разграблены и безжалостно уничтожены великие произведения культуры и искусства, создававшиеся на протяжении многих веков. На пути завоеватели вырезали людей десятками и сотными тысяч, оставляя безжизненные территории. Пленных тоже не щадили и убивали тысячами.

Чжурчжени сконцентрировали свои войска, собрав их из многих провинций для обороны горных проходов в Шаньси, чтобы не пустить врага в Хэнань, где была житница страны. На пути, где пройдут монголы, они сгоняли крестьян в своё ополчение, чтобы не оставлять их врагу. Монголы использовали местное население в качестве живого щита при наступлениях и взятии городов. Они связывали десятки и сотни пленников и эту обречённую толпу под ударами кнутов и уколов копий двигали для близких подходов к стенам укреплений, чтобы стремительно броситься в сабельный бой и подавить противника. Часто живыми пленниками заваливали рвы перед стенами укреплений и создавали из трупов возвышения, чтобы ближе подобраться к защитникам на стенах, или заставляли их быть в качестве таранов при взломе ворот крепости. Много городов сдавались лишь из-за того, что осаждённые жители не могли стрелять в пленных родственников.

В военную кампанию 1213-1214 гг. монголы взяли 90 крупных окружающих городов, цзиньцам удалось отстоять только 14 городов, среди них Пекин,

который оставался в окружении. Императорский двор предлагал перемирие, и хан согласился. Он запросил неслыханную дань и требование признать независимость Ляо, возглавляемой Елюем Люгэ. Император пошёл на все условия, лишь бы монголы сняли осаду и ушли. Выполняя волю хана, Удабу отдал за него племянницу Юн-цзи, в приданное с ней были посланы по 500 мальчиков и девушек, 3 тыс. лошадей, золото и дорогие ткани.

Если бы император сосредоточил армейские силы под столицей, то мог победить уставшие монгольские войска, но откровенно дерзкие, смелые действия Чингисхана пугали цзиньский двор.

Монголы на самом деле не могли пойти на взятие Пекина, их силы истощились, и они нуждались в отдыхе, поэтому ушли в степи и прихватили неслыханные богатства, отданные им за перемирие и награбленное за время набега.

Чингисхану в 1214 г. исполнилось 52 года, и он хотел какое-то время провести в родных местах.

Монголы в ходе завоевательных походов познакомились с каменными и стенобитными орудиями, оценив их по достоинству, они вывезли специалистов в Монголию и наладили собственное производство этих орудий.

Несмотря на одержанные победы, Чингису приходилось внимательно следить за положением внутри своей страны. Источники свидетельствуют о волнениях и восстаниях то среди одного, то среди другого монгольского племени. В 1214 г. волнения происходили среди меркитов, в 1215 г. восстали «иностранные» тумены. Стремясь укрепить свою власть, Чингисхан жестоко подавил эти выступления. Опасаясь внутренних смут, он охранял тыл своей армии особо надёжными войсками. Все эти тревоги хана не могли помешать выполнению главной цели — уничтожению Цзиньской империи.

Когда монголы ушли на север в свои степи, император Сюань-цзун первым делом отдал приказ для нанесения удара Позднему Ляо, правителем которого стал Елюй Люге. Командующий войсками Ляодуна (сюаньфуши) Пусянь Ваньну с четырёхсоттысячной армией напал на Люгэ. Эта новость не удивила Чингисхана, он предполагал, что император нарушит договор перемирия. В ответ на действия чжурчжэней монголы перебили несколько сот тысяч пленных китайцев. Великий хан не торопился начинать новый набег, награбленное добро ещё не успели разделить, и среди монголов могли возникнуть роптания, а ему не хотелось «ссоры в своем доме».

Однако он отправил корпус Мингаля для осады Пекина и устрашения императора, а Мухали повёл свои войска на помощь ляоскому правителю. В августе-сентябре 1214 г. в нескольких сражениях цзиньская армия была разбита коалиционными силами Люге и конницей Мухали. Пусянь отступил на север Ляодунского полуострова.

В начале 1215 г. Мухали повёл войска на Западную столицу Цзинь — Датун, а затем во Внутреннюю Монголию на Северную столицу — Дадин.

Среди северных чжурчжэньских полководцев началась паника. После ухода Мухали кидане остались без поддержки. Пусянь Ваньну вернулся и вновь захватил Ляоян. Люге отступил на северо-запад пров. Ляонин к р. Силяохэ.

Цзиньский двор намеривался покинуть Пекин, чтобы спрятаться подальше от возможного нового наступления на Пекин. В это время император торопился на юго-восток. Пекин жил в осаде почти год, в этой самой большой столице империи проживало более миллиона человек. Нехватка продовольствия, эпидемии уносили тысячи жизней, которые оставались в своих домах, наполняя город трупным смрадом.

Весной 1215 г. был выработан план освобождения Пекина и доставки большого количества продовольствия. Было задействовано три корпуса: один под командованием генерала Юн Си с войсками из областей Чжуншань и Чжэньдин, второй корпус вёл Ухури Циншоу с 18 тыс. солдат из района юго-западного Дамина, ещё 11 тыс. армия. Обозы с провиантом и зерном вверили Ли Ину, продовольствие сопровождали несколько десятков тысяч воинов. Был разработан фактор неожиданности, чтобы разжать кольцо блокады и войти в город раньше, чем опомнятся монголы. Монгольские разъезды напали на обоз, которым командовал китаец Ли Ин, он был мертвецки пьян, (таким его и убили), погибли солдаты сопровождения, продовольствие и зерно попало в руки врага. Остальные войска, наступавшие широким фронтом, вместо того чтобы отбить обоз, развернулись и сбежали.

В апреле 1215 г. Пекин оставался в смертельной агонии, полуживые остатки гарнизона и жители капитулировали. Когда в открытые ворота ворвались кочевники, они убивали, истязали и пытали горожан, живые завидовали мёртвым, горы трупов заполнили улицы. Подождённый дворец цзиньских императоров горел больше месяца, но до этого монголы несколько недель вывозили вереницами обозы с награбленным добром из всех ворот Пекина. Над некогда цветущим, красивым, нарядным и шумным городом нависла мёртвая тишина. Пекин надолго потерял своё значение, его обходили стороной, говорили, что там слышны стоны людей и вой хищных животных.

Четыре столицы империи Цзинь: Дадин, Датун, Ляоян и Пекин представляли собой руины, со следами страшных пожаров и почерневшей спёкшейся человеческой кровью. Территория от Пекина на север, включая районы Маньчжурии, была потеряна и оказалась в состоянии полной анархии, где хозяйничали банды мародёров, разбойников и всевозможных князьков-самозванцев.

Чжурчжэни отвели свои главные силы на юг, в Шаньси и Хэнань. Больше они не представляли серьёзной силы в регионе. После сдачи Пекина император перевёл свою ставку в Южную столицу Кайфын. Цзиньский двор теперь контролировал только юг империи, связь с северными территориями была потеряна.

Монголы за четыре года войны завоевали в Цзинь около тысячи городов и укрепленных населённых пунктов, они не стремились наладить контроль

на захваченных территориях, им не нужно было обустривать гарнизоны, формировать свою администрацию. Их тактика заключалась в стремительных набегах мощными конными соединениями. Не зная страха, они уничтожали города и сотни тысяч людей во имя грабежа. Хитрость и жестокость не знала границ. Они подкупали военачальников, чиновников, культивировали предательство, плели интриги и заговоры.

Рыская по Восточной Азии, Чингисхан понимал, что на данный момент он не обладал той военной силой, чтобы одним ударом уничтожить цзиньцев. Затяжная война была не в правилах монголов. В длительных военных действиях они потерпели бы поражение, так как не имели базы военного снабжения, укрепительных сооружений и свежих резервов. Стратегия войны у монголов была как у исторически сложившихся кочевнических империй. У них не было общего постоянного наступления с закреплением на захваченных рубежах, перегруппировкой войск и ввода «свежих» сил для дальнейших наступательных действий.

Набеги кочевников заканчивались возвращением в свои степи с награбленными обозами. Обороняющаяся сторона вновь восстанавливала мирную жизнь до нового набега, поэтому территории в северных провинциях Цзинь на протяжении 1211-1212 гг. переходили «из рук в руки». Такие же действия повторялись после монгольского похода в 1213-1214 гг. С каждым новым возвращением монголы увеличивали территории захвата за счёт восстановленных мощных ударных сил из покорённых народов.

Чингисхан не мог успокоиться, пока не войдёт в Хэнань, где были поля с богатым урожаем, где была стратегическая продовольственная база всей Цзиньской империи, чтобы уничтожить её. Монгольский корпус Самухи, летом 1216 г., двинулся в глубокий рейд на юг, но горные проходы в долину Хуанхэ были крепко закрыты сильными крепостями, которые он не смог взять. Обходные горные тропы вымотали силы монголов, но они сумели выбраться на равнину и опустошили поля около города Жучжоу, до южной столицы Кайфына оставалось совсем немного. Спешно был вызван чжурчжэньский корпус конницы из пров. Шаньдун, он и отразил монголов. Отступая, они всё подвергли огню и грабежу.

В конце 1216 – начале 1217 гг. Чингисхан передал верховную власть верному нукеру, полководцу Мухали, поручив окончательно покорить Цзинь, и оставил ему несколько туменов всадников-степняков. Мухали передавались и многочисленные части, укомплектованные китайцами, которые стремились кровно мстить чжурчжэням. Сам Чингисхан готовился к покорению Средней Азии, где на торговых путях с Ближним Востоком процветали раннефеодальные и рабовладельческие государства с деспотической формой власти ханов и эмиров. Богатые города: Бухара, Самарканд, Хива, Хорезм, Мевр манили завоевателей. Слава повелителя мира не давала Чингисхану покоя. В течение почти двух лет он готовился к походу, собирая мощные ударные силы.

ВТОРАЯ МОНГОЛЬСКО-ЦЗИНЬСКАЯ ВОЙНА 1217-1229 гг.

Летом 1217 г. Мухали выступил в поход, пройдя по захваченным ранее северным территориям, и уничтожая очаги сопротивления, забирал то, что ещё можно унести в орду. В начале зимы он овладел значительной частью пров. Шаньдун. В это время чжурчжэни воевали с южносунцами. Провинциальные цзиньские чиновники предпочитали заключать сделки с монголами на взаимовыгодных условиях, тем самым способствовали их закреплению на занятых землях. Монголы, в свою очередь, привлекали всё больше местных жителей в состав своих сил и формировали из них целые армии. Осенью 1217 г. Мухали в пров. Хэбэй захватил центральный город Тайюань и другие прилегающие города. В это время Елюй Люге вновь нарушил границы Корё и вошёл на их землю. Монголы в этом нашли прецедент и вмешались, после чего Люге отступил, а корейский ван уплатил монголам «благодарственную» дань от местной провинции.

Чингисхан готовил своё войско для похода в Среднюю Азию. В Монголии были сосредоточены все основные его силы, а Мухали не мог ожидать подкреплений. Монголам было на руку то, что Цзинь в провинции Гуансу воевала с тангутами, а в провинциях Аньхой, Хубэй шли тяжёлые бои цзиньской армии с южносунскими войсками, которые в тяжёлое время ударили чжурчжэням в спину и атаковали с юга. Истекающая кровью и изнемогающая в неравной борьбе, Золотая империя вынуждена была вести войну на два фронта. Характерно то, что сунские полководцы даже в тяжёлое для их врагов время не смогли добиться какого-либо успеха в сражениях. Их армия была разгромлена чжурчжэньскими полководцами, а южносунскому императору оставалось только уповать на то, что земли, на которые он претендовал, ему вернут монгольские завоеватели. Когда император Южного Сун всё поймёт, он очень пожалеет о многом, но будет поздно.

Чжурчжэни перегруппировали свои войска и осенью 1217 г. вторглись в Западное Ся, чтобы разделаться с союзником монголов. Они подвергли осаде административные густонаселённые центры восточных районов, где были богатые сельскохозяйственные базы, и нещадно опустошили их. Тангуты просили помощи у монголов в борьбе с цзиньцами. Осенью армия Самухи соединилась с тангутами и развернула наступление на крепость Тунгуань в горах Циньлин, южной части пров. Шэньси и взяла её. Двигаясь в сторону резиденции императора Удабу Южной столицы Бяньляну (Кайфына), он громил слабые гарнизоны чжурчжэней, жёг селения и уничтожал людей, наводя страх на цзиньский двор.

Когда тангутский корпус отделился от монголов, после взятия крепости Тунгуань, чжурчжэни уничтожили его при Динси и шли следом за Самухи. Пытаясь избежать окружения со стороны чжурчжэней, Самухи начал отход на север, переправился через Хуанхэ, но попал в засаду корпуса Сюй Дина под городом Пиньян и потерпел поражение. С большими потерями, едва

унося ноги, он провалил два крупных похода. Операции последних лет показали, что Цзинь ещё сильная империя, и дальнейшее пребывание на вражеской территории могло грозить разгромом монголов.

В 1217-1220 гг. монголы каждую осень делали «зачистки» на занятых ранее районах, выступали в поход на земли, ещё не признавшие их власть, тем более что это было время сбора урожая и хорошей добычи. Они разбивали мелкие гарнизоны цзиньской армии, пытавшиеся сопротивляться, и принимали капитуляцию местных феодалов. С 1221 г. монголы начинают проникать в западные и юго-западные районы Цзинь. Власть на землях, подчинившихся монголам, оставалась в руках китайских, киданьских и даже чжурчжэньских военачальников, до этого воевавших на стороне Цзинь. Попытки цзиньцев заключить мир отвергались. Мухали вёл политику напряжения в Цзинь, и хотя крупных операций он не проводил, но руками китайцев и своих сателлитов из числа отступников от императора Цзинь он держал в напряжении цзиньский двор, потому что знал, что после побед в Средней Азии Чингисхан доведёт начатое до конца. Он тянул время. Вассалы, поставленные Мухали, продолжали укреплять свою власть на пожалованных монголами землях.

Мухали наступал на южные провинции, где преобладало китайское население, которое вступало в его армию против Цзинь. Из этих перебежчиков была создана «Чёрная армия», ею командовал китайский генерал Ши Тяньни. Кроме этого, в монгольских войсках ещё насчитывалось 46 китайских бригад, готовых сражаться за своё освобождение. В XIII в., вплоть до падения цзиньской империи, действовали повстанческие отряды «красных курток» и «чёрных знамён», которые отвлекали регулярные части от военных действий и наносили им урон. Китайцы во всех бедах в их стране винили чжурчжэней, так как последние пришли завоевателями, а монголы использовали китайский народ в борьбе с чжурчжэнями и насильно их гнали в свою армию, как освободители. Какой из них враг опасней, решить они не могли. Между двумя врагами китайцы оказались заложниками, которым выпала самая тяжёлая ноша войны.

Мухали не суждено было встретить своего господина и великого хана, он умер в 1223 г., ему исполнилось только 53 года. Это был волевой и талантливый полководец, ему принадлежали многие победы монгольской армии, он вошёл в мировую когорту исторических военных деятелей, которому установлен памятник в Улан-Баторе.

В том же, 1223 г., на 61-м году жизни умер чжурчжэньский император Удабу (Сюань-цзун), на престол вступил его сын Ниньясун — последний император цзиньской династии (1223-1234 гг.)

В 1225-1227 гг. в провинции Хэбэй прокатилась волна восстаний, которые носили антимонгольский характер, но эти восстания были не народные, а скорее восстания монгольской оппозиции среди вассалов. Монголы сумели усмирить бунтовщиков и жестоко наказали лидеров.

Чжурчжэни не могли в тот момент активно действовать против монголов, они воевали на два фронта с Южным Сун и Западным Ся. Поднять народную борьбу против монголов они не посмели, так как сами были ненавистными завоевателями Китая. Сами китайцы не могли выступить против монголов, так как были разделены на два враждебных лагеря, один из которых поддерживал монголов во имя борьбы с империей Цзинь, а другие были против всех завоевателей и боялись, не зная, кто одержит победу. Народ устал от войн, поборов, грабежей, насилия и рабства.

После покорения Средней Азии Чингисхан почти год был в Монголии, на Алтае, в Южной Сибири. Весной 1226 г. он привёл в тангутское государство основные силы своей армии, которая закалилась в многочисленных боях, приобрела опыт крупных сражений. По привычке во время похода, хан отдавался охотничьей страсти. Во время очередной облавы загонщики подняли куланов, но в этот самый момент конь встал на дыбы и хан упал наземь и сломал позвоночник. Монгольские полководцы просили хана перенести поход и вернуться в Монголию. Однако он был категорически против остановки военных действий. Чингисхан желал наказать тангутов за их предательство. Они нарушили условия двустороннего мирного договора и не отправили свои войска на разгром Хорезма.

В течение года шло массовое убийство и ограбление тангутов. Ханский сын Угэдэй принёс в жертву многие тысячи тангутов во имя выздоровления своего отца — Великого хана — Властелина мира. Чингисхан обещал государю тангутов сохранить жизнь ему и его семье за подписание капитуляции страны, которая лежала в руинах, а население подвергалось особенно жестокому уничтожению. Акт был подписан. Чингисхан обманул, и последний монарх Западного Ся и его семья были изрублены саблями озверевших монгольских солдат. Погибла страна, которая была брошена союзниками, одна против сильнейшего и жестокого противника. Погибла просвещённая тангутская культура, начался процесс исчезновения тангутов как этноса.

Чингисхан умер, и его смерть хранили в тайне даже по пути в Монголию. Его похоронили в бескрайней монгольской степи по обычаю предков в простой могиле кочевника. Существует версия, что его похоронили в крепком дубовом гробу, внутри обложенном золотом. Великий хан почитал древние законы монголов, и, скорее всего, его похоронили с такими же почестями, с какими хоронили монгольского воина, погибшего в бою — со скорбью и скромно. Он был повелителем половины мира, самым жестоким и бесчеловечным властелином, подвергавшим геноциду целые народы. Его преступления, изощрённые издевательства и пытки над людьми не имели аналогов в средневековой истории. Он владел несметными богатствами, которые не были целью его жизни, но они питали его огромную жадную армию грабителей. Он владел миллионами людей, и в этом Чингисхан видел назначение своей жизни, в руках которого были людские жизни, и он один правил их судьбами.

По степи, по его могиле прогнали табуны лошадей, которые сровняли следы погребения. Всех участников траурного процесса из числа пленных и рабов монголы убили и принесли в жертву верблюжонка, чтобы через год с помощью его матери по запаху его крови и остатков плоти найти могилу для поминальной тризны и забыть это место навсегда.

Смерть Чингисхана на время отложила завершение борьбы с Цзинь, и чжурчжэни получили передышку. После двухлетнего траура по Чингисхану был созван курултай для избрания нового хана Монгольского государства. Незадолго до смерти Великий хан желал видеть своим наследником Угэдэя, но многие готовы были провозгласить ханом его младшего брата Толуя, который пользовался популярностью в армии, обладал талантом правителя и полководца. Толуя убедили в несвоевременности быть великим ханом, и Угэдэй был избран Великим повелителем народов.

Осенью 1229 г. к новому монгольскому хану Угэдэю, прибыло очередное цзиньское посольство с просьбой о мире, однако хан это предложение отверг и отказался от траурных подношений в память о Чингисхане.

ТРЕТЬЯ МОНГОЛЬСКО-ЦЗИНЬСКАЯ ВОЙНА 1230-1234 гг.

В 1230 г. Угэдэй вместе с Толуем и Мунке повели войска на юг пров. Шаньси. Монгольский полководец Субудэй вёл вторую группу войск через пров. Шэньси. На реке Хуайхэ, где была граница Цзинь и Южного Сун, монголы рассчитывали ударить по чжурчжэням. Китайцы отказались пропускать монгольские войска через свою территорию, им пришлось повернуть назад и с боями двигаться вдоль южносунской границы, чтобы взять горные крепости Тунгуань и Ланьгуань, но это им не удалось. Операция кочевников провалилась, но северная группа войск переправилась через Хуанхэ и взяла несколько важных опорных пунктов чжурчжэней.

Субудэй в феврале 1231 г. подошёл к крепости Лоян в пров. Хэнань, где находился гарнизон в составе около 7 тыс. воинов, и блокировал её. Монголы обстреливали город из камнемётных машин, из крепости тоже отвечали ядрами, отправленными катапультами, что позволило держать кочевников на дистанции от стен. У защитников Лояна были пороховые заряды, начинённые зажигательной смесью, которые уничтожали всё в окружности ста метров. Но скоро кончился порох и каменные ядра, тогда катапульты заряжали простыми камнями и пускали на головы неприятеля. Из-за нехватки оружия защитники лили наконечники стрел из медных денег, каждую монгольскую стрелу они разрезали на четыре части и стреляли при помощи праща, плетей и трубок, сверху лили горящую смолу на тех, кто пытался по приставным лестницам подняться на стену. Комендант крепости Цяншен был на самых сложных участках осады, подбадривал солдат и жителей

города своей верой в победу. После трёх месяцев безуспешной осады монголы ушли, бросая проклятья героическим лоянцам.

В это время основные монгольские войска под командованием Толуя двигались на юг. Горными дорогами через перевалы, где стояли мощные крепости, пройти было невозможно. Толуй решил пойти на юг Хэнани и переправиться через реку Ханьшуй в пров. Хубэй. Основная задача всего этого похода заключалась в том, чтобы подойти как можно ближе с незначительными потерями к Южной столице — Бяньляну (Кайфыну), где была последняя ставка императора Цзинь.

Императорские войска решили дать бой монголам во время переправы. К месту перехода противника были направлены войска генералов Ваньянь Хэла и Ила Пуа. Однако монголы переправились раньше, чем предполагали цзиньцы. Тогда Хэла отошёл к Шуньяну, а Пуа решил сразиться с монголами у горы Юйшань, где выставил пехоту, а конницу спрятал за горой, чтобы с флангов атаковать неприятеля. Монголы разгадали план Пуа и, окружив его войска, разбили наголову. Следом был уничтожен корпус Хэла. Осенью 1231 г. Угэдэй вернулся на юг и переправился в пров. Хэнань через Хуанхэ на соединение с армией Толуя, после чего они двинули войска на Южную столицу. Осаду поручили опытному и старому соратнику Чингисхана Субудэю.

Угэдэй отправил посла к крепости Бяньлян (Кайфын) с предложением императору Ниньясу покориться, тот ответил отказом. Начался штурм.

Жители города и гарнизон, в котором было большинство чжурчжэней, построили баллисты из бамбука, на каждом фесе (выступе) городской стены их стояло больше сотни. Камнемётные машины были сделаны из огромного строевого леса, взятого в старых дворцах. Ядра для метательных машин были обтёсаны из больших камней, их заготовили тысячи. Монголы много раз испытывали на себе падающие с неба с огромной скоростью каменные ядра, которые прокатывались по монгольским рядам, нанося невосполнимые потери.

Но больше всего они боялись артиллерийского огнестрельного оружия. Это были чугунные шарообразные горшки, которые наполнялись порохом, а затем поджигались фитили через тонкое отверстие в горшке и запускались с помощью катапульт. Эти бомбы монголы называли «потрясающий небо гром», они сжигали всё на расстоянии 100 метров и пробивали железную броню огненными искрами. Защитники использовали против врагов «летающие огненные копья», когда в полость бамбука длиной больше метра, но маленького диаметра, засыпался порох и поджигался через тонкое отверстие — сопло. Такая «ракета» летела далеко и сжигала все в 100 шагах. Монголы, используя прикрытие из воловьих шкур, делали в стене ниши и прятались в них для обстрела защитников снизу, тогда сверху, осаждённые, спускали на цепях зажигательные бомбы, которые сжигали засевших стрелков вместе с воловьей шкурой. Раздражённые монголы нашли могилу матери чжурчжэньского императора, разрыли и осквернили её.

Осада длилась почти год, и только весной 1233 г. Субудэй начал мирные переговоры, Цзиньский двор принёс ему богатые дары, и осада была снята. Монголам нужна была перегруппировка войск и отдых. Подхода свежих дополнительных сил они не ждали, их не могло быть. Потери с двух сторон во время осады были огромные. Монголы ушли. Оставшиеся в живых защитники крепости восстанавливали разрушенные стены, внутригородские постройки. В крепости прошёл слух, что император собирается покинуть крепость, и солдаты взбунтовались. Тогда Ниньясу велел разрушить свой дворец, и солдаты успокоились. В крепости кто-то убил монгольского посла, возможно, это была провокация, но снова началась война.

После падения государства тангутов Западное Ся смертельная опасность нависла над цзиньцами. Император Ниньясу (Ай-цзун) отправил южносунскому двору послание со словами: «Монголы, истребив 40 княжеств, дошли до царства Ся. Уничтожив царство Ся, они пришли в наше государство. Если положат конец нашему царству, то непременно достигнут и царства сунского. Естественно, что когда нет губ, тогда мерзнут зубы». Но китайцы, ослеплённые старой враждой, выгнали посла с проклятиями.

Ниньясу (Ай-цзун) успел тайно перебраться в крепость Цайчжоу, окружённую со всех сторон водой, где разместились его последняя ставка, и куда спешили верные войска империи Цзинь. В течение 1233 г. монголы установили свой контроль на захваченной территории, а в августе Цайчжоу был блокирован войсками Тацира.

Кочевники решили в кровавой последней битве против чжурчжэней использовать южносунские войска, поэтому пошли на договор с китайцами о разделе земель Цзинь после окончательной совместной победы. Заключение союза с китайцами было посмертным предложением Чингисхана, чтобы две враждующие стороны оставили победу для третьей — монголам. Понадеявшись на союз, сунский император Ли-цзун направил свою армию в помощь монголам. Летом 1233 г. сунцы подошли к Цайчжоу и совместно с монголами приступили к штурму. Чжурчжэни были полны решимости, достойно сражаться до конца, их поддержали жители. Никто не хотел попадать в руки монголов, все знали из многочисленных примеров, что делают монголы с теми, кто сражается против них с оружием в руках.

Вот уже несколько месяцев длился штурм, защитники истекали кровью, как никогда враги проявляли упорство взять крепость, пленить императора публично и с позором провести в Монголию. Когда мужчин оказалось недостаточно, им на смену пришли женщины, они переодевались в мужскую одежду и выполняли тяжёлую работу: стреляли из луков, носили тяжёлые камни и бросали на головы монголам и сунцам, которые взбирались на стены по лестницам. Камнемётные машины, пороховые бомбы, зажигательные снаряды не сдерживали натиск врага, они были одержимы, и стойкость защитников их злила ещё больше. Сам император выходил к народу «для одобрения их». Начался голод, а перед крепостью монголы устраивали пиры и демонстри-

ровали обилие еды. В крепости съели сёдла, сапоги, ветхие литавры — всё сварено, дозволено есть старых и слабых людей. Войска питались тестом из человеческих и животных костей с зеленью. Нередко съедали целые отряды тяжелораненых солдат и инвалидов. Из топлёного человеческого сала делали зажигательные стрелы для поджога монгольских осадных орудий.

Монголы и китайцы всё же прорвали оборону и ворвались в западную часть города. Крепость была устроена так, что внутри её находились внутренние стены, отделяющие административный центр от жилых и ремесленных кварталов. Стенами был ограждён военный арсенал и гарнизон крепости. Защитники обречённо сражались днём и ночью, другого выбора у них не было. Император переоделся в простолюдина и с группой царедворцев пытался покинуть город, но, встретив у стен монголов, вернулся назад.

Незадолго до взятия крепости император отрёкся от престола в пользу принца Ваньянь Чэнлиня, который в историю вошёл под храмовым именем Мо-ди (последний император). Отрёкшийся император повесился, а тело его было сожжено. Ченлинь отступил в цитадель и пытался защищать её, но был предательски убит. Обгоревшие кости императора, сокровища, императорские регалии были разделены между монголами и китайцами. Золотая империя Цзинь, империя чжурчжэней, погибла.

Летом 1234 г. южносунские войска вошли в древний город-крепость Лоян. Они наивно поверили в договор с Угэдэем. Узнавшие об этом монголы сначала уничтожили второй сунский отряд, который тоже двигался в Лоян, а потом хитростью выманили китайские части из города и заблокировали его. В то же время монголы открыли плотины Хуанхэ, чтобы повысить уровень озера Цуньшондя, рядом с которым стоял Бяньлянь (Кайфын) — место дислокации всей южносунской армии, которая и утонула в страшном потоке мощного наводнения. Это было возмездие за недалёковидную политику китайских феодалов.

Так сунцы потеряли все свои приобретения от войны против Цзинь на стороне монголов, а монголы одним потоком уничтожили армию Южного Сун, без которой китайская империя стала лёгкой добычей коварных завоевателей. Снова, как некогда, после разгрома чжурчжэнями киданей, сунским властям не удалось воспользоваться плодами чужих успехов и побед, а грубые политические просчёты и слепая ненависть к чжурчжэням привели к тому, что гегемония в Восточной и Центральной Азии снова перешла к тем, кого они называли «варварами».

КРОВАВАЯ РОСА ИЛИ ГИБЕЛЬ ВОСТОЧНОГО СЯ

ПУСЯНЬ ВАНЬНУ

В сентябре 1215 г. генералу армии (сюаньфуши), губернатору Ляодуна Пусяню Ваньну, исполнилось 37 лет. Он нашёл редкие минуты отдыха, чтобы остаться наедине со своими мыслями и вспомнить прошедшие годы.

Профессиональная жизнь военного сделала его мужественным, сильным. Среди многих офицеров его отличала высокая, стройная фигура. Его монголоидное лицо с большими чёрными слегка раскосыми глазами, прямой небольшой нос и крепкие скулы подчёркивали твёрдость характера. Над верхней губой росли чёрные усы, спускавшиеся вниз на прямой подбородок. Длинные седеющие волосы были заплетены в косу и на затылке подвязаны колечком тёмной узкой лентой.

Ваньну сидел на камне скалистого берега, откуда далеко просматривался Ляодунский залив. На войне юноши быстро взрослеют, опережая свои годы, а мужчины становятся суровыми, закалёнными в сражениях и походной жизни. Его отец-тангут служил кавалерийским офицером в Западном Ся. Во время пограничного конфликта, спровоцированного Южным Сун в 1165 г, он был ранен и попал в плен китайцам. В те времена, с 1141 г. на протяжении почти полувека на Востоке Азии был относительный мир, и китайцы, заглаживая вину за нарушение мирных соглашений между тремя сторонами, передали пленных тангутов чжурчжэням. Отец продолжал служить в цзиньской армии, в тангутском полку под Лояном провинции Хэнань. Это был храбрый офицер, и его сын Пусянь, рождённый от тангутки, наследовал эти качества.

Пусянь был определён на службу в армию, затем окончил кавалерийскую школу. За смелость и отличную службу был отправлен на офицерскую подготовку и скоро стал младшим командиром в конном формировании. Прошли годы, он участвовал во многих боях против южносунцев, где на пограничной реке Хуайхэ нередко вспыхивали вооружённые столкновения. Позднее он воевал с монголами в Маньчжурии (ещё задолго до большой

войны) и командовал кавалерийским полком, умел побеждать, сохраняя жизни своих солдат. Его командирские способности были отмечены военным начальством, и он быстро продвигался по службе.

Когда началась война с монголами в 1211 г., Пусянь командовал конным корпусом. Он прикрывал подходы к Дадину, отвлекая на себя часть монгольских войск, и совершая тактический манёвр, увел свой корпус в горные ущелья, а затем неожиданно с фланга ударил по монголам, опрокинул их и ушёл на восток, теряя арьергард от преследующих кочевников. За четыре года войны он находился на важных участках фронта и был дважды ранен. За храбрость и умение управлять войсками ему присвоили звание генерала. Это был смелый и решительный командир, жизнь которого была связана с армией с 15 лет. Он один из немногих был награждён «Тигровым знаком», особым знаком с изображением тигра, который вручался полководцам.

Война дала дорогу полководческому таланту Пусяня Ваньну, но во дворце его не жаловали за прямоту и твёрдость характера. Честного и преданного генерала, каких было немного на службе императора, в 1214 г. назначили командующим войсками и губернатором в Восточную столицу империи Ляоян, провинции Ляонин.

Здесь был густонаселённый земледельческий район с богатыми городами и селениями, куда совершали грабительские набеги алчные кочевники.

В провинции Ляонин шли кровопролитные сражения между императорской армией и монголо-киданскими войсками за Ляоян, который во времена Ляо был столицей киданей, и Правитель Елюй Люгэ хотел вернуть её для нового государства Позднего Ляо. Монголы поддерживали этого бывшего маршала северо-западных пограничных войск цзиньской армии, ставшего вассалом Чингисхана.

Монголы опустошали империю Цзинь, её огромные северные территории Маньчжурии на протяжении трёх лет. Они прорвались за Великую Китайскую стену через горные проходы на побережье Ляодунского залива, грабили и тащили всё, что только можно увезти в свои степи.

Когда летом 1214 г. монголы возвращались на север домой, чтобы ранней весной 1215 г. вернуться и взять Пекин, император Сюань-цзун приказал Ваньну разгромить мятежника Люгэ.

В отсутствие кочевников Ваньну с четырёхсоттысячной армией напал на Елюй Люгэ. На поддержку киданей хан направил тумены Мухали и Джэбэ, которые в гуйжэньском сражении в сентябре 1214 г. разбили цзиньскую армию, оставив отдельные разбросанные её части. Пусянь собрал остатки войск и отступил в Ляоян.

Летом 1215 г. цзиньская группа войск Ваньну приступила к захвату северной части Ляодунского полуострова и островов в заливе. Елюй Люгэ без поддержки монголов решился на штурм Ляояна, подтянув большие силы киданей. Он хотел доказать своё превосходство над цзиньцами и показать

монголам полководческие качества, но Пусянь его разбил. Елюй затаил страшное желание отомстить.

В это время в центральных районах империи шли тяжёлые бои. Цзиньские войска больше не контролировали, утраченные на тот период, северные территории. Император перебрался в Кайфын. Цзиньские войска, которые ещё сражались в Маньчжурии с киданями Люгэ и монголами, оказались в зоне оккупации. Эти боеспособные части не могли пробиться в центр империи через передовые отряды монголов и с боями шли на соединение с войсками Ваньну. Его армия была многоэтническая, в ней служили потомки чжурчжэней, которые почти 100 лет назад были переселены из Приамурья и Приморья, а также тангуты, уйгуры, китайцы, корейцы, бохайцы и другие народности, проживавшие на территории Маньчжурии. К осени обстановка в этом регионе стабилизировалась.

Пусянь сидел на берегу залива и смотрел на закат солнца. Его мысли были заняты судьбой армии и мирного населения самого незащищённого на войне.

«Сидеть и ждать, как изменится ситуация после затишья, — рассуждал он про себя, — я не могу, нужно действовать, иначе после очередного набега монголы могут закрыть дороги на Ляодун и все на полуострове окажутся в «мышеловке».

Он решил собрать военный совет доверенных соратников по оружию и представить план действий. В начале октября 1215 г. генералы прибыли, но не в губернаторский дворец, где могли быть лазутчики и шпионы Люгэ и монголов, а в маленькую крепость среди многочисленных скал побережья. Здесь были верные боевые командиры, которые много лет служили с командующим и героически сражались в битвах и создали мощный бастион Ляояно-Ляодунской группировки.

Правой рукой и первым заместителем Ваньну был чжурчжэньский генерал, потомок приморского рода Ваньянь — Хэбо, который командовал кавалерией, его заместителями были чжурчжэнь Васу и уйгур Хасай. Командиром пехотных частей в Ляодуне был потомок бохайцев Гао Линь и его заместитель тангут Шэон, командир отдельного конного корпуса тангут — Макус.

Прибыл на совет и полководец Ваньянь Чжунцзянь, командовавший армией под Ляояном. Этот генерал был одним из дальних родственников императорского дома и гордо называл себя потомком Агуды. Ещё молодым офицером он прославил себя смелостью и отвагой, потому что всегда ходил в атаку в первых рядах среди рядовых воинов.

Губернатор встретил их в генеральском мундире кавалериста лёгкой кавалерии, которой он посвятил свою жизнь. На груди у него был железный панцирь из удлинённых прямоугольных пластин, закреплённых на кожаном подкладе. На поясе ремнём застёгнут короткий подол с нашитыми панцирными пластинами, закрывавшим в бою верхнюю часть бёдер. Шаровары внизу были заправлены в сапоги с невысокими голенищами. На голове окру-

глый конусный шлем с плюмажем, в котором красовался роскошный соболий хвост. Шлем внизу на заклёпках обрамляла бармица из длинных вертикальных пластин, защищавших шею и ключицу. На широком поясе, на ремне висел палаш в ножнах. Пусянь в приветствии приложил руку к сердцу и дружески проводил всех в просторную комнату. Он снял шлем, огляделся и сказал:

— Прошу, господа, располагайтесь, — Пусянь сделал паузу, и голос его стал твёрже, он продолжал, — над Ляояном и Ляодуном нависла угроза полного уничтожения наших войск и захвата территорий, потому что это часть империи Цзинь, а мы её солдаты. Монголы не потерпят присутствия у себя в тылу войск противника. Мы не сможем долго сопротивляться, так как не хватит сил, чтобы одолеть Мухали и Люгэ, а помощь к нам не придёт. Есть два пути и один из них — это принять последний бой, уничтожить много кочевников и погибнуть самим. Но я предлагаю другой путь: совершить стратегический маневр, чтобы сохранить то, что мы имеем. Выйти из подчинения Цзинь, создать государство и объявить независимость. Конечно, объявить независимость на той земле, по которой в Цзинь и в Монголию проносятся орды кочевников, наивно. Кидане постоянно воюют за возвращение своей столицы Ляояна. Нам нужно выиграть время, мы обязаны продержаться, у нас есть будущее, — он пристально всматривался в глаза каждому, — сейчас монголы полны решимости, покорить чжурчжэней. Я надеюсь, что цзиньская армия ещё сильна и будет долго сражаться против Чингисхана.

— А если монголы при возвращении из своей степи повернут все силы против нас? — спросил генерал Васу, — Разве мы удержим эту орду?

— Я думаю, Чингисхану на руку, если ещё одна территория отойдёт от Цзинь. Они нас оставят, но столкнут с киданями. Из войны мы просто так не выйдем, — ответил губернатор. — Мы примем любые условия, чтобы добиться создания своего государства, сохранить армию и спасти сотни тысяч людей от рабства.

Ещё долго на совете обсуждали важные проблемы армии, обстановку в Маньчжурии, и Военный совет решил готовить в начале ноября наступление на киданей, чтобы отбросить их далеко от Ляояна вглубь Маньчжурии.

В это же время Елюй Люгэ тоже собирал свои силы в районе р. Силяохэ, чтобы отбить Ляоян. К нему примкнула монгольская конница.

Через день после совета, когда генералы разъехались по своим армиям, Пусянь Ваньну и Ваньянь Хэбо пригласили корейского связного Кима, который числился в штабе Ляодунской группировки, как порученец губернатора по личным вопросам. На самом деле он служил у корёского генерала Пак Рек Хо.

Корейцы беспокоились за судьбу своей страны. Они понимали, что пока живёт империя Цзинь, и сражаются её армии, монголы не смогут напасть на Корё, и они поддерживали Ваньну оружием и продовольствием, которое доставлялось на полуостров сухопутными дорогами и каботажными судами по морю.

Связной Ким получил тайное письмо от Ваньну для Пака о согласовании места и времени переговоров с корейской стороной на их территории.

Ваньну приступил к подготовке наступления, и стал небольшими группами перебрасывать войска в Ляоян. Он не торопил события, нужно было сохранять выдержку, излишняя суета в подготовке к сражению может привести к ошибке в расстановке сил. Он знал, что военачальники его не подведут, и каждый из них получил приказ на выполнение своего боевого задания, чтобы вместе одолеть врага.

Мощная крепость Ляоян по всем требованиям фортификации была построена китайцами среди невысоких скалистых сопок ещё много веков назад, на левом берегу р. Хуньхэ (или Тайцзыхэ), левого притока р. Ляохэ. Крепости в Китае ещё в раннем средневековье строили не только как долговременные укрепления, но и как фундаментальные архитектурные сооружения, имеющие отличительные особенности и красоту каменного зодчества.

Во времена объединения киданей в Железную империю, они захватили её и дополнили новыми оборонительными надстройками. Эта крепость была в форме вытянутого прямоугольника с мощными, высокими каменными стенами, с выступающими круглыми башнями с ронделями на углах, восемь башен располагались по периметру стены, по две на каждую. В их верхней части были круглые площадки с узкими бойницами, откуда просматривалась широкая панорама прилегающей местности. Такие же бойницы были по всему верхнему уровню стен ширина, которых составляла почти четыре метра. Центральная башня с воротами главного входа представляла массивную, широкую, выступающую прямоугольную усечённую пирамиду. Когда-то над ней возвышалась воздушная трёхъярусная крыша восточной архитектуры из красной черепицы, которая держалась на колоннах. После взятия Ляояна монголами она была сожжена, разбиты круглые башни и бойничные укрытия на стене, чтобы крепость больше не имела оборонительной мощи.

Внутри крепости был роскошный Запретный город с дворцами и некогда красивыми цветущими садами и парками. Всё это в прошлом. В крепости осталось немного уцелевшего населения города и гарнизон цзиньских войск около 10 тыс. солдат.

В широких гористых распадках в 50 км. на востоке от Ляояна располагалась 30-ти тысячная армия генерала Ваньянь Чжунцзяня. В её состав Пусянь отправил на подкрепление из Ляодуна два пехотных корпуса по 10 тыс. солдат под командованием полковника Гао Линя. Объединённые войска получили приказ двигаться колоннами навстречу киданям.

Следом за ними выдвинулась 30 тыс. конница под командованием генералов Хэбо и Васу. В районе Ляояна они разделились и двумя кавалерийскими группировками с севера и юга пошли в обход через распадки сопки в тыл киданей. Это был рискованный манёвр. Можно случайно выйти на врага и раскрыть план неожиданного удара. Хэбо отправил в разведку опытных кавалеристов, которые проскакали 20 ли и вышли на пологую сопку, где

в низине обнаружили чужих коней и воинов, замаскировавшихся небольшими отрядами среди небольших рощ. Это была засада киданей. Командир разведки жестом подал команду, и десять всадников помчались назад, чтобы доложить Хэбо об обнаружении противника.

Кавалеристы Васу северным окружным путём тоже вышли в район вражеской группировки. Кидане, как и предполагали чжурчжэни, выставили в аррьергарде своих войск засады на левом и правом флангах. Их тактика строилась на ложном отступлении, чтобы заманить чжурчжэней подальше в свой тыл, в тесные распадки сопки, затем фланговыми ударами окружить их и разбить. Эта тактика была хорошо известна цзиньцам, и много раз применялась ими на войне против тех же киданей. Полководцев волновало, какими силами располагала засада и есть ли у противника какие-нибудь резервные силы.

Наступило время, когда два врага подготовились помериться силами, у каждого из них была надежда победы. На следующее утро они сошлись на широком поле. Люгэ выставил свою конницу рассыпным порядком, а перед ней, лучники изготовили свои смертоносные стрелы. Монголы на своих низкорослых, но выносливых лошадях не спешили вставать в боевые ряды, заняв выжидательную позицию позади киданей.

Конница Чжунцзяня пошла лавинной атакой, навстречу им полетели тысячи стрел, сбивая на ходу всадников. Чжурчжэни ответили не менее жестоким обстрелом, в рядах стрелков и кавалеристов противника послышались крики раненых, падали лучники, редели их ряды. Стрелы с двух сторон сыпались дождём, поле битвы устилалось убитыми. Конница киданей навстречу понеслась в лобовую атаку, оставшиеся лучники, выпустив все стрелы, обнажили мечи.

Две силы столкнулись на полном скаку, вздыбились лошади. Первые всадники, пробивая друг друга копьями, замертво падали, а их кони носились по полю с диким ржанием. В воздухе мелькали булавы, сабли, топоры, секиры, которые крошили, рубили воинов, и горячая кровь брызгами разлеталась в разные стороны, окрашивая коней и всадников в алый цвет.

В этот момент никто не думал о подвиге и славе. Инстинкт самосохранения в этой мясорубке заставлял биться до изнеможения. Ближний бой скоротечен, он требует нечеловеческой психологической и физической подготовки.

Вот наступил переломный момент, и кидане повернули коней, осыпая стрелами наседавших цзиньцев, помчались к засаде.

Монголы на этом этапе битвы не стали поддерживать своих вассалов. Конница цзиньцев догоняла отступающих киданей, саблями рубили их спины, вырывали арканами из сёдел, те падали и разбивались о каменистую землю, их топтали кони. Поле было покрыто трупами, слышны крики проклятий раненых и стоны умирающих воинов.

Чжунцзянь, находясь на сопке, следил за погоней. Командующий вслед кавалеристам отправил пехоту. В случае неожиданного появления всадников

противника, пехота становилась в круговую оборону в виде «ежа», чтобы осыпать противника стрелами и держать его на расстоянии копьями. Он знал, что конница Хэбо и Васу ждёт своего часа и не подведёт. Когда кидане начали отступать, их засада на левом фланге готовилась к удару, в этот момент неожиданно на них обрушились кавалеристы Хэбо. Кидане, не успев вскочить на коней, панически смешались в неуправляемую толпу, и вместо наступления и окружения цзиньцев сами были порублены и бежали врассыпную.

Сложнее была обстановка на правом фланге, где наступал Васу. Подоспевшие монголы спасли засаду киданей. Они ударили всей мощью кавалерии, перехватив инициативу, разбили войска Васу. Монголы бросились на наступающую конницу цзиньцев, развернулись и отступавшие кидане. Началось новое побоище, где обе стороны дрались насмерть. Конница Васу начала отступать. Двадцатитысячные пехотные войска Чжунцзяня построенные в «ежи» расчленили лавину монголов, которая носилась вокруг «ежей», теряя всадников от метких стрел, но пробить брешь сквозь копья им не удалось. Они не стали продолжать бой, умчались в долину. Их потери в этом сражении были невелики, но они спасли Люгэ от поражения. Обе стороны отошли.

Монгольский тысячник был доволен исходом битвы, потому что и кидане и цзиньцы были их врагами, и чем больше они уничтожали друг друга, тем меньше потерь у кочевников и прочнее их власть. Они подыгрывали киданям, как вассалам и их руками уничтожали любое сопротивление. Дойдёт очередь и до киданей, так как в мировом господстве монголам не нужны ни вассалы, ни союзники.

Потери в этой битве были огромные, только цзиньцы потеряли двадцать тысяч убитыми, а кидане более тридцати тысяч. В этом сражении цзиньцы доказали свою силу и надолго охладили пыл Люгэ по захвату Ляояна, который форпостом стоял на дороге в Хэбэй.

Пусянь Ваньну в ноябре 1215 г. присоединил прибрежные острова в Ляодунском заливе и провозгласил себя князем нового государства «Великое Чжэнь» (Дачжэнь). Его поддержал весь генералитет армии. Был торжественно принят девиз правления «Тянь-тай», что означает «Небесное согласие (благоденствие)» или «Единство Неба и Земли». Он вывел свои войска из боевых действий цзиньской императорской армии, направил их на Шэньчжоу и Гуанин и мощным ударом конницы разбил киданей Люгэ, захватив эти города.

Пусянь включил в своё государство территории Южной и Восточной Маньчжурии и собрался в поход в южные районы Приморья, Корейского полуострова — территории брошенной северной провинции Цзинь. В «Истории дома Цзинь» он был наречён как «Ляодунский злодей», предавший империю. Император в Кайфыне подписал Указ о лишении Пусяня Ваньну всех воинских званий и наград и запретил во дворце произносить его имя.

ВЕЛИКИЙ ПОХОД

Провинция Ляонин расположена на обширной равнине Сунляо. В среднем и верхнем течении Сунгари находится низменность, соединённая узкой долиной спускается на юг к р. Ляохэ. Окружённая почти непрерывной дугой горных цепей равнина Сунляо простирается на юг Ляодунского полуострова. Дальше эта равнина проходит полоской между горами и морем, и соединяется с самой большой в империи Великой Китайской равниной. На востоке Сунляо протянулась горная система Чанбайшань соединяющаяся на севере с Северо-Корейскими горами, разделёнными р. Тумыньцзян (Туманган), на горные хребты, межгорные впадины и речные долины. На востоке Корё горы занимают 80% Корейского полуострова.

Под защиту государства Великого Чжэнь стекались солдаты и беженцы, разбросанные войной по Маньчжурии и северным провинциям империи. Пусянь Ваньну, выполняя задуманное относительно границ своего государства, собирался пройти армейским корпусом к берегам Усури, там обустроить свои заставы и приступить к строительству оборонительных укреплений. Однако его планы нарушил всё тот же военно-политический соперник — Елюй Люгэ.

В начале 1216 г. Чингисхан встретился с правителем Позднего Ляо и в знак верности великому хану Люге попросил устроить в армию монголов своего сына. Тот был определён в Гуанин, который нужно сначала захватить у Ваньну. Для этой цели был направлен монгольский тумен полководца Мухали, к нему присоединились войска Люге, они захватили Ляоян, и Ваньну отступил на восток. После ухода монголов, в Ляоян снова вошли теперь уже чжэньские войска. Ляоян был «яблоком раздора» и переходил из рук в руки. Летом, после долгой осады кочевников, Пусянь сдал крепость и в знак союза с монголами отдал в их армию своего сына Тегэ, тем самым подтвердил вассальную зависимость от монголов. Он остался князем своего государства, на которое возлагал большие надежды в дальнейшей судьбе населения и своей армии.

Монголы на протяжении всей истории грабительских и захватнических войн принуждали зависимые государства «отдавать на воспитание» наследных князей или монархов под опеку хана. Это позволяло монголам влиять на внутреннюю и внешнюю политики своих вассалов, делать их более сговорчивыми и зависимыми.

В это время против правителя киданей Елюя Люге, внутри Позднего Ляо, сформировалась оппозиция. В высших уровнях власти были недовольны чрезмерно самостоятельными действиями правителя, не учитывавшего интересы правящей верхушки. Оппозиция провозгласила Новую империю Ляо, которая просуществовала три месяца и была разгромлена. Её лидер Цину бежал в Корё. В августе 1216 г. Люге решил покарать раскольника и вторгся на корёскую территорию с 90 тыс. войском. Кидане перешли

реку Ялуцзян (Амноккан) и вышли к крепости Куджу (Кусон), где их поджидала корёская армия во главе с командующим Ким Чхире, и наголову разбила непрошенных гостей.

Елюй Люгэ, используя расположение к себе монгольского хана и безнаказанность за свои действия, продолжал нарушать суверенитет государства Корё, но как только его войска входили на территорию этой страны, сразу получали мощный отпор. Его провокации продолжались в 1216-17 гг. и корёсцы на границе, на пути войск Люгэ поставили деревянный щит с предупредительной надписью «Вход воспрещен».

В ноябре 1216 г. Чингисхан возвращался в Монголию с большой добычей, чтобы обеспечить с запасом свою ненасытную армию, дать ей отдохнуть, собраться силами и подготовиться к походу в Среднюю Азию. Он направил конницу под командованием преданного друга Джэбэ и своих сыновей Чжучи и Угэдэя в юго-восточные районы Маньчжурии, чтобы быть уверенным в силе монгольской власти в этой части Азии.

Монголы подступили к Ляодуну и оккупировали его. Над Великим Чжэнь нависла опасность, но Джэбэ не стал рушить это государство, считая, что оно может пригодиться в политических манипуляциях, и не торопился что-то изменить.

Завоеватели вошли в Ляодун и расправились с теми, кого считали опасными для власти монголов. Среди многих был и Ваньянь Чжунцзянь. Его, представителя императорской фамилии, полководца, победителя во многих сражениях с монголами, жестоко казнили. На его шею одели кангу — тяжёлую деревянную плаху с отверстием посередине, наподобие колоды, которую обычно одевали уголовным преступникам. После издевательских пыток его изрубили саблями и оставили обезображенное тело лежать длительное время для всеобщего обозрения. Такую мученическую смерть принял этот замечательный полководец, честный и преданный воин-патриот.

После ухода кочевников Пусянь распорядился по буддийским канонам сжечь останки полководца и запечатать прах в глиняный сосуд, который ему передали монахи. В Приморье Пусянь построит в его память храм-усыпальницу, где воздадут почести храбрости и мужеству Ваньяню Чжунцзяню.

Монгольский набег смерчем прошёл по Ляонину и Ляодуну, и ушёл вместе с кочевниками в Монголию, оставив смерть, разруху и пожарища. Вассальную зависимость от монголов Пусянь принимал как унижение, но даже такой шаг в формальной услуге монголам не изменили его планов. Он ещё больше ненавидел этих жестоких поработителей. В отличие от Пусяня, его противник Люгэ был услужливым вассалом и прибегал к помощи монголов, используя их в своих корыстных целях.

После долгого отсутствия в Ляодун прибыл порученец Ким с письмом Пусяню о переговорах с генералом Пак Рек Хо, которое тайно состоится в Корё. В марте 1217 г. Пусянь Ваньну отправился на встречу в небольшой

корёский городок на берегу Западно-Корейского залива Жёлтого моря. Было утро, и свежий ветер с моря прибавлял бодрость перед ответственным разговором. В просторном доме дворцового типа за высокими каменными стенами встретились князь Великого Чжэнь и корёский генерал, член военного совета корёского вана Коджона. После обмена приветствиями и лёгкого завтрака из традиционных корейских морепродуктов с острыми приправами и овощами, начались переговоры.

Генерал Пак обратился:

— Князь, рад нашей встрече, наконец-то, мы увидели друг друга, — произнёс генерал и продолжил, — взаимопонимание и честность в наших отношениях вот уже несколько лет известны нашему вану, он просил передать тебе жемчужные подвески в золотой оправе с иероглифами «Мужество и Честь». Этой награды удостоиваются полководцы.

Генерал передал в руки Пусяня Ваньну небольшую резную шкатулку. Князь ответил:

— Господин генерал, спасибо за награду! — Пусянь слегка кивнул головой и продолжил. — Передайте Его Величеству эту кавалерийскую саблю, инкрустированную золотом, как знак наших добрых дружественных отношений и единства в борьбе с врагами.

Затем Пусянь сделал несколько строгое выражение лица и уже менее торжественно и тише сказал:

— Господин генерал, хочу тебе сообщить о Великом походе моих войск в северную провинцию ещё не покорённой Цзиньской империи.

Пусянь открыто посмотрел на Пака и сказал:

— Некоторые из этих территорий были предметом спора между чжурчжэнями и Корё, но сегодня другая обстановка в Азии. Мы создадим там форпост для борьбы с общими врагами.

Пак в знак согласия кивнул головой и добавил:

— Не забывайте, князь, киданей. Люгэ под защитой монголов будет продолжать вторгаться в нашу страну. Хотя он получает достойный отпор, но эти его действия осложняют и без того напряжённую ситуацию на Востоке.

— Мы для того и собрались, чтобы вместе действовать против любой силы, — ответил князь.

Переговоры продолжались долго, но стороны пришли к единству в том, что Дачжэнь и Корё будут соседями с общими границами, это будет способствовать дружественным отношениям двух государств. Генерал Пак Рек Хо и Пусянь договорились о негласном сопровождении корёскими отрядами чжэньской армии на север, о закупке продовольствия в пути следования. Генерал Пак подтвердил, что в случае нападения крупных сил киданей, корёские войска помогут армии Ваньну. На следующее утро князь покинул Корё.

Люгэ донесли об отъезде Пусяня. Используя подкуп и предательство, он направил наёмников в Ляодун, которые перебили дворцовую охрану, пле-

нили жену Пусяня и её родственников и под покровом ночи ушли от преследования по распадкам сопок.

Вернувшись, и узнав о страшном злодеянии киданей, Пусянь горько переживал эту трагедию, пытаясь узнать о судьбе жены и родных. Он даже отправлял парламентёров в стан Люгэ, но их убили. Жуткие картины виделись ему в отношении врагов к самым дорогим и любимым, они кошмаром преследовали его. Ваньну пытался найти преступников и подвергнуть их жестокому наказанию.

Он так и не узнает, что его семью увезли в монгольские степи и отдали в один из дальних улусов в услужение каким-то дряхлым старикам, чьи сыновья погибли на войне. Испытывая нужду и голод, его жена умерла на чужбине, а судьба других его родственников оставалась неизвестной. Его сын Тегэ находился у хана и ничего о нём, не было известно.

Из вещей жены, оставшихся во дворце, Пусянь взял длинную бронзовую заколку с золотым лотосом, нефритовый перстень и сеточку для волос, которой замужние женщины накрывали собранные в узел волосы. Всё это он бережно сложил в небольшой красный пенал и возил с собой, как оберег, который должен сохранить от беды любимую женщину — его верную жену. Пусянь Ваньну, обладая большой внутренней силой, собрал всю волю, преодолевая личную трагедию, продолжал готовить армию в поход.

Провинция Ляонин была превращена монголами в пустующую, истоптанную землю. Тысячи людей были уничтожены, многих увели в рабство в Монголию и на невольничьи рынки. Остаться здесь и нести потери с каждым приходом кочевников, было невозможно.

Создав государство, Пусянь убедился, что оно не даёт никаких гарантий политической и военной безопасности. Когда монголы покинули на время провинцию Ляонин, а кидане крепко засели в Ляоси, наступило время уходить с армией по проверенной разведкой дороге.

Как главнокомандующий он собрал генералов и старших офицеров для обсуждения похода, а потом сказал слова напутствия:

«Господа генералы и офицеры! Мы выступаем в дальний путь на северо-восток в губернии, утраченные Цзинь: Хулигай, Хэлань и Елань, где предки чжурчжэней и славный воин-император Агуда, создали государство Цзинь, завоевали Железную империю киданей и сунский Китай.

Многие из наших воинов смогут вернуться на землю предков. Другим она станет родным домом, — полководец глубоко вздохнул: он вспомнил о родине по рассказам отца, которую ни разу не видел, и продолжал. — Там, куда мы придём, мирная земля, её не коснулась война, и мы будем на ней жить. Но путь к этой жизни сложный. Нам предстоит пройти около двух тысяч ли. На подготовку к походу времени мало. Нужно быстро перебросить войска, чтобы опередить действия киданей, которые, узнав о походе, попытаются разрушить наши планы. Монголы находятся в своей степи, они собирают силы, им сейчас не до нас, но известно, что на дороге много кочу-

ющих разбойников, банд грабителей. Мы солдаты, победившие во многих сражениях, и в походе докажем, что мы сильная армия».

Обычно в марте в южной и восточной части Маньчжурии проходят последние снегопады, и стоит ещё холодная погода, весна наступает в апреле, но в 1217 г. неожиданно рано, в марте, пришла весна с тёплыми, солнечными днями, для Великого похода сложилось удачное время.

В день весеннего равноденствия под командованием генералов Хэбо и Хасая вперёд ушли две кавалерийские армии по двадцать тысяч всадников, с ними следовал арсенальный обоз под охраной и резервный табун лошадей. Им предстояло пройти за неделю почти 700 ли и выйти к реке Муданьцзян. Здесь ещё до первой четверти XII в находилась главная столица чжурчжэней, а ещё раньше располагалась Восточная столица королевства Бохая — Дунцин. Теперь эта была оставленная чжурчжэнями губерния Хулигай с небольшим населением. Монголы во время набега разорили её юго-западную часть, и ушли на юг. Сюда должны прийти две армии и разделиться.

Армии Хасая в провинции Хулигай приказано провести разведку, изучить обстановку по правому берегу реки Муданьцзян до впадения её в Сунгари, пройти берегом, повернуть на северо-восток и выйти к реке Уссури. В случае появления крупных сил врага необходимо было уйти в горный район в безопасное место, в бой вступать запрещалось. Армия Хэбо после ухода кавалеристов Хасая, с арсенальным обозом, резервным табуном лошадей должны были продолжать двигаться на юг Приморья в Хэлань.

Ваньянь Хэбо вёз письма губернатору Хулигай — Иясулу, губернатору Хэлани — Полигэ и правителю мэнъянь округа Сюйпинь — Угамыню, одному из потомков Баохоли, дальнего родственника императорской фамилии Ваньянь, к которой принадлежал и сам Хэбо. Военно-дипломатическая миссия Хэбо заключалась в обеспечении мирного, стабильного положения в регионе при сохранении власти местных губернаторов. Хасай и Хэбо после соединения в Приморье, должны были подготовить полевой лагерь для войск, идущих в Великом походе.

Остальные войска для марша были сформированы в четыре конные корпуса по пять тысяч кавалеристов и шесть пехотных дивизий по три тысяч солдат. В авангарде шла сотня лёгкой конницы, а впереди её на 8-6 ли (4-3 км.) конная разведка из 10 всадников. В арьергарде шёл обоз под охраной конницы и пехоты. Вместе с войсками вели табуны лошадей, это была особая забота, представляющая стратегический потенциал. Для них были назначены отряды, которые вместе с конюхами вели бдительную охрану от возможных нападений. Всего в поход, вместе с кавалеристами Хэбо и Хасая выступило около восьмидесяти тысяч солдат.

Вслед за войсками пошли беженцы: обездоленные, бездомные, потерявшие близких и родных, уходившие от страшной войны. Этим людям было в два раза больше, чем войск. Их для безопасности сопровождали караулы солдат. Длинная колонна, растянутая до горизонта шла по дороге, которая

прорезала горные ущелья и распадки, змейкой виляла в лесу между деревьями, прямой лентой пролегла по равнине, а потом круто поднималась в горы, без меры расстояния уходила всё дальше и дальше.

Люди уже прошли много дней, они понимали, что нужно преодолеть весь путь, собрав все силы и выдержать, но беженцы со своими пожитками, которые они несли в руках и на плечах, двигались медленно, представляя вереницу угрюмой толпы. С ними были дети и старики. Остро стояла проблема питания, голодные люди не могли долго идти. Изнеможенные падали на дорогу и умирали.

У кого были родственники, покойников уносили на обочину и сжигали в кострах, обкладывая их прах большими камнями. Безродных и одиноких умерших людей тоже предавали погребению, соблюдая религиозные традиции, не бросали их тела на съедение хищникам, которые, почуяв добычу, шли по дороге вслед за беженцами.

Чтобы предупредить начавшиеся случаи нападения на табуны лошадей, войсковой продовольственный запас, был объявлен приказ, что виновные за кражу, мародерство и подстрекательство к бунту, будут казнены на месте.

Пусянь Ваньну понимал, что критическое положение с продовольствием можно решить на первое время только за счёт неприкосновенного резерва армии. Он распорядился выдать людям трёхсуточный паёк риса, бобов, сушёной рыбы. Отправляли солдат на закупку продуктов у населения в маленькие разрушенные селения. При виде приближающихся вооружённых всадников люди убегали и прятались кто куда, оставляя пустые жилища, во дворах не было никакой живности, потому что даже в такие жалкие признаки существования людей к ним часто наведывались разбойники, чтобы ограбить несчастных, захватить их в плен и продать монголам в рабство. Солдаты Пусяня были несколько раз свидетелями подобных сцен и в бою с бандитами — торговцами людьми, рискуя своей жизнью, освобождали пленников, отправляя их в колонны беженцев, где с обречёнными людьми делились последними крохами.

Война опустошила Маньчжурию от севера до юга, поставила людей на грань между жизнью и смертью. Охота в лесах на диких животных была мало эффективной, звери тоже уходили от войны далеко в горы и прятались в глухой чаще.

Князь пригласил к себе Васу, старого боевого товарища, который после той страшной битвы за Ляоян стал инвалидом. Ему саблей отрубили левую руку, а копьём поломали голень. Он выздоровел, но сильно припадал на правую ногу и после долгой скачки на лошади, его нога ныла тупой болью. Васу знал хорошо армейскую службу и стал командующему помощником и доверенным человеком в секретных делах.

Пусянь рассказал Васу, что к Хэбо во время привала приехал Ким, передавший ему секретное письмо от генерала Пака, в котором были указаны координаты встречи корёского отряда и связных Ваньну, и сведения о корё-

ском отряде сопровождения. Письмо передал фельдъегерь и ждёт ответа. Вскоре фельдъегерь мчался с ответом Хэбо в сопровождении двух офицеров и пяти кавалеристов.

Однажды над дорогой поднялись невообразимые человеческие крики, которые перекатом двигались по колонне беженцев. Сотня охранного сопровождения бросилась на шум, и увидели, как конные разбойники-грабители избивали людей плётками, чтобы забрать у них последние. Увидев кавалеристов, те помчались прочь за сопку, но охрана не преследовала грабителей, потому что можно было угодить в засаду и потерять солдат. Настоящее боевое оружие высоко ценилось у бандитов на дорогах. Охрана вернулась обратно.

Подобных случаев в походе было мало. Против такого количества народа редко кто рискнёт поживиться чужим, тем более люди были почти оборванные и голодные. Люди шли, ими двигала надежда и вера оказаться в богатой стране «Сюйпинь-Хэлань», которая была в неизвестном Приморье, о нём в Великом походе, рассказывали как о спасительной земле, и это давало силы, чтобы идти вперёд.

В это время армия Хасая уже прошла вдоль реки Муданьцзян до впадения в Сунгари. Здесь остались пепелища после набега монголов. На всём пути они редко видели людей, которые прятались в зарослях береговых кустарников, вероятно там у них были шалаши, в которых они существовали. Чжэньцы не встретили никаких вооружённых отрядов и повернули на северо-восток к Уссури. Хасай после большого перехода, решил дать двухдневный отдых кавалеристам на берегу этой реки, и двигаться дальше на юг Приморья.

Хэбо встретился с губернатором Хулигая генералом Иясулу, и передал письмо своего князя. В письме было обращение:

*«Его Превосходительству
губернатору Хулигая
генералу Иясулу.»*

Господин губернатор! Исходя из всей сложной военной обстановки в империи Цзинь, ляодунская армия провозгласила государство Великое Чжэнь, чтобы сохранить армию и население от массового уничтожения монголо-киданьскими варварами. Мы ведём их в северные губернии империи Цзинь, пока не тронутые жестокой войной. Мы создадим своим трудом на этой земле неприступный бастион врагам и обеспечим мир на долгие годы. Мы полны решимости, вместе с тобой, идти к этой цели. Наша судьба в руках высших сил, которые предначертали борьбу во имя созидания. Мы создадим на северных землях новое государство, и предлагаю тебе участвовать в этом великом деле.

Князь Великого Чжэнь главнокомандующий генерал Пусянь Ваньну.

Губернатор внимательно прочитал и сказал:

— Монголы собирают силы, чтобы взять Кайфын, рано или поздно они придут сюда, и мы будем сражаться с ними, но силы наши небольшие и мы рассчитываем на вашу поддержку.

— Благодарю, губернатор за доверие и добрый приём, — сказал Хэбо.

— Генерал, — обратился к Хэбо губернатор.

— Я распоряджусь подготовить продукты в дорогу, проводников, а пока отдохните. Мы встретим достойно князя Пусяня Ваньну и проводим его на р. Суйфун. Ваньну прекрасный полководец, и мы его знаем.

Иясулу продолжал:

— Я напишу письмо губернатору Хэлани генералу Полигэ. Он встретит и окажет помощь в обустройстве армии.

Хэбо ещё раз поблагодарил губернатора и отправился к своим кавалеристам готовиться в дорогу, которая предвещала добрые встречи в Приморье.

Великий поход медленно двигался на север. Дни чередовались похожие один на другой. В условленном пикете офицеры охраны с полусотней кавалеристов встретились с корёским отрядом, с ними был Ким. Они привезли на повозках продукты. Ким попросил старшего офицера передать князю о своём прибытии. Встреча их была в большой полевой палатке корейского командира отряда сопровождения, который указал место нахождения следующего продовольственного обоза через три дня пути.

Ким сообщил, что корёская разведка узнала о концентрации киданей на пути похода. Пусянь, поблагодарив Кима, передал тяжёлый мешочек из плотного полотна для генерала Пака. Вероятно, там были золотые монеты или золотые изделия. Эта была плата за продовольствие, которым корейцы снабжали людей во время их похода. Продукты питания в большом количестве во время войны стояли очень дорого не только в Маньчжурии, но и в Корё. Ким сообщил, что он едет с секретным заданием в Цзинь, и они долго не встретятся. Затем все разъехались по своим направлениям.

На завтра, в полдень, во время общего привала в небольшой роще, под бдительной охраной состоялся военный совет.

Кроме заместителей командующего и командиров корпусов прибыли старшие офицеры. Все расположились на походных войлочных скатках вокруг разведённого костра. Пусянь увидел в их лицах усталость, потому что в этом сложном переходе нормального отдыха не было, а короткий сон на привалах плохо восстанавливал силы.

Он понимал большую ответственность перед солдатами и обездоленными людьми, которые верят в него, и готовы сражаться с врагами, чтобы преодолеть все трудности и победить. Пусянь не имел права на ошибку, поэтому решил посоветоваться с опытными военачальниками.

— Господа генералы и офицеры, я получил от разведки донесение о выступлении киданей против нас и мы должны быть готовы к этому сражению, — воззвал Пусянь.

Старый даосский монах духовник Ваньну воскликнул:

— Дух Тай-и — бога голода и войны продолжает преследовать нас и мы должны молить Небесного государя и собрать все свои внутренние силы в борьбе с врагами. Всё что вы сегодня решите, приведёт нас к победе!

Он вытянул руки вперёд и тихо произнёс какие-то слова, только ему одному известные. Он смотрел в глаза офицерам, как будто вселял магические силы. Потом он тихо ушёл на край поляны и сидя на коврике молился.

Пусянь продолжал:

— Господа, приказываю засветло, обустроить лагерь, чтобы хорошо отдохнуть. Завтра днём все четыре кавалерийские дивизии вывести из походного марша и кавалеристам заменить свежих лошадей из табуна. Пехотным дивизиям подготовить всё вооружение и перегруппироваться из колонн похода в отдельные боевые части. Всем на подготовку два дня. Караулам и охранным частям усилить бдительность, чтобы никто, включая беженцев, не смог отделиться из колонн.

Потом командиры рассказали о положении в подразделениях, о потерях, о состоянии здоровья солдат. Пусянь поблагодарил офицеров за службу и отправил в свои части, кроме заместителей и кавалерийских командиров.

Когда все командиры разошлись по своим частям, Пусянь устало сел к костру и задумался. Перед ним находились однополчане, служившие с ним лет десять-пятнадцать. Он им дал возможность пообщаться при редких встречах. Однако при самых добрых отношениях он не позволял панибратства и с достоинством держал себя, что перед генералами, что перед императором Цзинь и монгольскими полководцами. Может быть, монголы его до сих пор не убили, потому что видели в нём мужественного и волевого человека. Монгольские полководцы с уважением относились к смелым и сильным противникам. У Ваньну остались хорошие впечатления от Мухали, его внешнего вида и умения держать себя, сильная личность Джэбэ. Это не дикие кочевники-полководцы, они умные политики, стратеги и дипломаты, которые знают чужие языки, интересуются культурой завоёванных стран и, к сожалению, её же уничтожают вместе с людьми.

Елюй Люгэ, тоже образованный полководец, но все свои просчёты перекладывает на других, хитрый, изворотливый, когда нужно нести ответственность, подставляет под удар подчинённых. Люгэ — подлый и жестокий человек.

Ваньну после долгой паузы как бы кашлянул в кулак, и все успокоили свои эмоции и прекратили разговоры. Он задумчиво произнёс:

— Нужно подумать, как наказать киданей, ведь у нас, сейчас преимущество. Мы знаем время и место их нападения.

— Мы с генералом Шэоном двое суток назад под утро рассуждали относительно возможного нападения на нас, — начал свой разговор Васу, — у меня ночью ныла нога, а у него поясница.

Все рассмеялись.

— Вот пусть генерал и поделится своими мыслями, — завершил Васу.

Шэон серьёзно начал докладывать:

— Князь, Васу говорит верно, план получился простой, потому что мы знаем расположение противника, — он сделал паузу и продолжал, — мы не будем прятаться, а сядем ему на плечи, в арьергард, как кавалерийские части, догоняющие основные войска. У Люгэ всегда войска на подхвате, т.е. дополняются по ходу из-за разбросанности его армии.

Наступила тишина, все задумались. Риск был велик, если раскроют. Кто-то предложил:

— А если идти открыто, спокойно как «свои», а потом ударить всеми силами?

— Но мы не знаем их численности, а вдруг за арьергардом идут засадные или резервные части? — с сомнением в голосе сказал Гао Линь.

— Тоже верно, — ответил Пусянь.

— Ещё что скажете, господа командиры? Думайте!

— Князь, я думаю, что план генерала Шэона верный, — чётко сказал Макус.

Пусянь внимательно посмотрел на всех, в их лицах он увидел решительность и утвердительно сказал:

— Пусть будет так. Биться будем всеми конными корпусами сразу. Поскольку решено бить врага в обход, готовьте их к длительному маршу. Главное держать противника на дистанции, чтобы не потерять инициативу при внезапности. Знамёна на марше свернуть, по ним могут узнать принадлежность кавалеристов.

Конницу поведут Шэон и Макус. Завтра, во время движения похода определим расстановку пехотных частей на направлении удара и выставим из них «ежи», — завершил Пусянь.

После военного совет все поспешили в войска.

«Ёж» — заслон, своего рода «каре», которого ни монголы, ни кидане пока не брали — это живая крепость из солдат, закрытая щитами и атакующая тысячами стрел, а выставленные копыта напоминают ежа с поднятыми иголками. Такую крепость не пробьёшь, это было чжурчжэньское тактическое изобретение в годы войны с киданями и сунцами.

На следующий день без суеты и шума в лагере шла подготовка к предстоящей битве с врагом. В указанный день, кавалерия выдвинулась с марша, пошла за сопки на запад. Пройдя лёгкой рысью и шагом около трёх часов — остановились. Шэон и Макус определялись на местности, повернув северозападнее, конница двигалась между сопками, покрытыми лесом и кустарником. Дозорные впереди заметили истоптанную копытами весеннюю грязь и вовремя ушли, так как вскоре по этой грязи на восток пронесся большой отряд всадников. Шэон сказал Макусу:

— Нашли, теперь нельзя торопиться, нужно подождать.

Через час вдали послышался топот коней, и опять в ту же сторону проскакало ещё большее число кавалеристов. Наблюдатель, следивший на сопке за движением в долине, сообщил, что всадников прошло не менее десяти тысяч. Время подходило к полудню.

Шэон рассуждал:

— Наши походные колонны сейчас находятся на горной дороге, где-то юго-восточнее и скоро выйдут на равнину.

— Пора! — воскликнул Макус.

— Пора! — повторил Шэон.

— Мы раздавим этих проклятых киданей, как ползучих гадов, и пусть небеса даруют нам победу!

Такого напряжения командиры не испытывали давно, огромной была тревога, что вдруг, ещё какой-нибудь отряд киданей подойдёт позже, и они будут обнаружены.

— По времени все кидане должны выходить на исходные позиции и ждать появления колонны на дороге, предвкушая неожиданное нападение. Нужно успеть, пока они не развернулись в боевые порядки, — заключил Макус.

Кавалерия двинулась рысью, перевела коней в галоп, а потом в карьер. Кони неслись на врага, словно обезумевшие в большой лошадиной лавине. Впереди показались спины врагов.

Чжэньцы влетели глубоко в гущу киданей, массой своих лошадей сдавили в кучу их конницу. Вырваться из этого переплетения было невозможно, и когда на флангах киданьские кавалеристы поняли ужас ситуации, кинулись врассыпную, но их догоняли стрелы, пики, дротики, а ближних били палашами.

Авангардные ряды киданей повернули коней, и попали навстречу своей же коннице, сбивая друг друга, кони падали вместе с всадниками, другие кони мяли и топтали упавших воинов. Кавалеристы Шэона и Макуса, имея преимущество, рубили врага налево и направо. Грязь смешалась с кровью, и эта окрашенная жижа, летела из-под копыт в разные стороны.

Двадцать тысяч всадников как ястребы клевали добычу. Страшные крики, вопли, ржание коней слились в рёв битвы, словно кони и люди превратились в диких зверей. Всё человеческое, что было в людях, куда-то исчезло. Смерть собирала дань тысячами жизней, а злые духи хватили души и тащили их Великому князю тьмы — владыке загробного мира, где их будут сортировать за грехи на земле.

Часть киданей, вырываясь из этого месива, сбивалась в отряд и вновь вступала в битву, оказывая сопротивление. Ещё один их отряд с флангов собрался строем и бросился в атаку. Чжэньцы не ожидали такого напора, и сеча продолжалась. Киданям отступать было некуда, они были прижаты к сопкам, поэтому отчаянно дрались, но всё равно были разбиты. Они так и не дошли до дороги, чтобы неожиданно первыми ударить по колоннам Великого похода и победить.

Из четырёх корпусов вернулись три. Пять тысяч смелых и отчаянных воинов-кавалеристов погибли во имя спасения жизни других. Среди погибших лежал генерал Макус. Киданьская сабля ударила полководца сзади по шее, когда вражеское копьё сбило его шлем. Генералу едва исполнилось сорок пять лет, из них тридцать лет он служил в армии. Все горько оплакивали павших воинов.

Два дня горели погребальные костры. Монахи в белых траурных одеяниях призывали духа Утраты. Пепел Макуса запечатали в глиняный сосуд. Князь бережно обернул тканью сосуд с прахом Макуса и поставил в сундук рядом с сосудом Ваньня Чжунцзяня. После похорон кавалеристов в жертву принесли свиней, купленных у корейцев на деньги казны. Кто знал, что вместо обеда они будут использованы для ритуального сожжения. Согласно буддистским обрядам в жертву разрешалось приносить только домашних животных: свинью, овцу или корову.

Эта была блестящая победа над киданями, демонстрация полководческого таланта, предвидения и интуиции на основе боевого опыта, смелости, силы и отваги воинов. А ещё помощь корёсцев в борьбе с общими врагами. Кидане потерпели сокрушительное поражение, на поле битвы полегло двенадцать тысяч их воинов, около десяти тысяч были ранены, а ещё не меньше двадцати тысяч в панике бежали с поля боя. Чжэньцы проявили великодушные к побеждённым, разрешили легкораненым киданям собрать всех своих раненых и погибших воинов.

Победа вселила в людей уверенность, придала им новые силы, и они продолжали путь.

На одном из участков дороги из придорожного леса вышел большой корейский отряд с развёрнутым боевым знаменем. Его командир — бригадный полковник парадно построил своих солдат и отдал честь Пусяню Ваньну в знак уважения и признательности полководческому таланту князя. Ваньну ответил на приветствие. Затем снял с пояса кинжал и вручил его корейскому командиру в знак признательности за постоянную поддержку в походе.

Бригадный полковник сказал, что сопровождение корёской стороны завершилось, так как через три дня беженцы придут в губернию Хулигай на р. Муданьцзян.

Прошли дни. Великий поход продолжал путь по губернии Хулигай. По дороге встречались брошенные сожжённые селения, на полях торчали сухие стебли прошлогодних сорняков. После нашествия монголов, здесь мало осталось людей, и обрабатывать поля было некому. Люди уходили ближе к крепостям, чтобы в случае появления кочевников, спрятаться за каменные стены. Однако в северных районах губернии монголов не было. Здесь сохранилась мирная жизнь, стояли селения и люди копошились на земле, готовили поля к распахке. Губернатор Иясулу встретил Ваньну и сопровождал его с небольшим отрядом.

В конце апреля завершился Великий поход, и перед людьми открылись просторы долин Приморья. Тяжёлая, холодная и голодная дорога осталась позади.

Уставшие люди, совершившие невероятный переход из страшного военного прошлого, где смерть и горе были ежедневным испытанием, радовались, что остались живы и говорили: «Слава силам небесным, что привели нас в страну «Сюйпинь-Хэлань», пусть будет долгая и счастливая жизнь нашего князя Пусяня Ваньну!»

Ещё перед походом Ваньну сказал Хэбо, о том, что когда они придут в Приморье, то провозгласят новое государство, которое назовут Восточное Ся (Дун Ся).

— Почему Восточное Ся? — спросил Хэбо.

— Есть западнее Цзинь, у отрогов Тибета, как ты знаешь, страна, которая называется Западное Ся, там живёт сильный, смелый и просвещённый народ, пусть и Восточное Ся будет страной смелых, мужественных, непокорённых людей, — ответил Пусянь.

— Что же, — многозначительно протянул Хэбо. — Всё зависит от нас, каким оно станет. Я всегда поддержу и помогу во всём, что будет иметь значение для тебя и всех тех, кто с нами пришёл.

— Спасибо Хэбо, — князь посмотрел на генерала, — именно тебе поручаю первым прибыть в Приморье и оценить обстановку. Я не знаю, кто лучше справится с этим.

Хэбо проявил себя незаурядным дипломатом. Он рассказал в Сюйпине всё о событиях в Ляодуне и Ляояне, расположил к себе правдой о положении в цзиньской империи, о стремлении Пусяня создать в Приморье сопротивление монгольским захватчикам. Хэбо и Хасай уже ждали своего князя и главнокомандующего, их армии расположились полковыми лагерями в долине на берегах рек недалеко от столицы северной провинции Сюйпиня. Правитель еланьского мэнъяня генерал Угамынь пригласил Пусяня, Хэбо, Хасая, Васу, Шэона, Гао Линя и Иясулу в столицу.

СЮЙПИН — СТОЛИЦА СЕВЕРНОЙ ПРОВИНЦИИ

Приморье благодатный край на юге Северо-Востока Азии. Здесь зелёное царство широколиственных лесов, кустарников и разнотравья. Тёплое морское течение с юга наполняет водную среду заливов множеством видов рыб. Ещё пять тыс. лет назад на побережье Японского моря люди занимались рыболовством, сбором моллюсков и морепродуктов, а Приханкайская низменность относится к древнейшим неолитическим очагам земледелия. Разнообразие и изобилие животного и растительного мира способствовали ранней оседлости и созданию первобытных культур. В средние века этот

регион не утратил своего значения в использовании людьми естественных даров природы.

Территория Приморья на три четверти занята горами. На севере, северо-востоке края расположена Сихотэ-Алиньская горная область. Подножие её скалистых хребтов омывают воды Японского моря, а на континентальную часть они уклоном понижаются и переходят в средние и низкие скалистые сопки, покрытые густым лесом, прорезанные ущельями и распадками, в которых бегут многочисленные небольшие горные реки. Это горообразование занимает 80% всей площади края.

На юго-запад Приморья, на побережье Японского моря спадают отроги Восточно-Маньчжурской горной области, из которой берут начало много рек, среди них самая большая р. Суйфун (Раздольная), которые впадают в Амурский залив. Пойма этой реки Суйфун с её притоками соединяется с Приханкайской низменностью, образуя Раздольнинско-Приханкайскую равнину с разбросанными по ней низкими и мелкими сопками. Северо-восточнее этой равнины лежит долина р. Уссури, которая с гор Сихотэ-Алиня несёт свои воды в Амур. Климатические условия позволяют вести производящее хозяйство: земледелие и скотоводство.

После смутного времени XI – начала XII вв, связанного борьбой ваньяньских племён с сепаратистами и с корейцами, чжурчжэни прочно обосновались на бывших бохайских землях. Они занялись земледелием и скотоводством, построили на равнинах селения.

В 1118 г. Дигунай (Эсыкуй) на плодородные земли в долину р. Раздольной (Суйфун) привёл еланьские племена из района р. Сучан, и они заселили городище, которое было построено бохайцами, о чём свидетельствуют фрагменты керамики и черепицы «бохайского времени», а также монеты 712-741 гг. найденные в земле городища. Начался новый расцвет богатейшего края, который был запущен прошедшими войнами. Для усиления власти Эсыкуй в 1122 г. перенёс военную ставку мэнъянь из Елани в Сюйпинь, где и возглавлял северную провинцию на основании указа императора Ши-цзуна. В нём сказано: «Елань и Сибунь отстоят друг от друга 1 000 ли..., чтобы обитающим в Субини [Еланьским Ваньянь] нельзя было забыть корней своих, повелел называть, управляемый его родственниками [Еланьскими Ваньянь] мэнъянь, Еланьским мэнъянь».

Разгромив сунский Китай, её северные и центральные провинции вошли в состав цзиньской империи и начались массовые переселения чжурчжэней из Приамурья, Приморья в южные районы Маньчжурии и в провинции Хэбэй, Шаньдун и Хэнань — на Великую Китайскую равнину. Эти переселения продолжались до середины XII в. На Амуре чжурчжэней почти не осталось, а в Приморье сохранилась часть населения, которая обеспечивала войска продовольствием. Северная провинция была крупнейшим центром коневодства, где войсковые табуны насчитывали до полу-миллиона голов.

Эсыкуй вплоть до своей смерти в 1147 г., реконструировал и укреплял бывшие бохайские городища: Сюйпинь (Южно-Уссурийское), Щит Сюйпиня (Западно-Уссурийское), (Южный вал) Краснояровское и (Золотую долину) Николаевское на р. Партизанской (Сучан), которые представляли административно-экономические и ремесленные центры.

Победоносные цзиньские войны с киданями, тангутами и сунскими китайцами, обеспечивали империю и северную провинцию большим числом военнопленных для возведения валов городищ, строительства дорог. Чжурчжэни выбирали строителей из числа пленных, которые возводили красивые колоннадные дворцы в империи Ляо для киданьских правителей, питавших слабость к роскошным дворцам и мавзолеям, потому что чжурчжэни в тот исторический период ещё не освоили технологию дворцового строительства и не знали способов изготовления черепицы и черепичных крыш. Бохайцы, предшественники чжурчжэней в Приморье знали черепичное производство, но кидане большинство ремесленников угнали в рабство в свою Железную империю.

Освоение многоотраслевого производства чжурчжэнями происходило постепенно. На правах победителей они использовали технические достижения киданей, китайцев и тангутов. В сравнительно короткие сроки уже в середине XII в. научились обжигать из глины фарфоровую посуду, кирпич, кровельную черепицу, изготавливать бронзовые зеркала, бумагу, порох, тушь и лаки. Значительное влияние на них оказал опыт их предшественников — бохайцев, а также соседнего государства Корё.

К началу XIII в. население приморских губерний составляло не более 40 тысяч человек. Сюда входили чжурчжэни, небольшое число потомков бохайцев, мохэских племён и местных аборигенов северных окраин провинции.

Все мужское население в возрасте с 15 до 50 лет подразделялось, на известные в империи Цзинь военные формирования моукэ — 100 и мэнъань — 1000 воинов, но в северных губерниях численный состав этих подразделений был значительно меньше. Моукэ — это военные поселения, которым правительство в процессе их формирования на льготных условиях выделяло казённые наделы, тягловый скот, инвентарь. Рядовые селяне моукэ обеспечивали себя всем необходимым и при этом выполняли обязанности перед государством по поставкам продукции земледелия и скотоводства. Чжурчжэни с детства были хорошими всадниками, метко стреляли из лука, владели мечом и другим холодным оружием. Постоянная военная подготовка была залогом безопасности всего населения от внезапного вторжения врагов.

Они чем-то напоминали формирование казаков на Амуре и Уссури во второй половине XIX в., которые были землепашцами, а как служивое сословие охраняли восточные границы Российской империи.

С начала монголо-цзиньской войны Приморье было отрезано от основной территории империи, монголы разграбили Маньчжурию, уничтожили

сотни тысяч людей. И только одно спасло Приморье, от вторжения кочевников, это их уход на юг, чтобы разгромить цзиньскую империю и армию.

На юге Дальнего Востока жил трудовой народ: гончары, мастера кровельной черепицы, металлурги, кузнецы, ткачи. На полях и пастбищах трудились земледельцы, скотоводы и коневоды. На побережье заливов жили рыбаки и моряки, в маленьких бухтах у пирсов стояли небольшие парусные суда. Этот народ до войны с монголами платил налоги в казну, и обеспечивал империю оружием, продуктами питания, рыбой, тканями, кожей, мехами, табунами лошадей для чжурчжэньской конницы.

Люди селились в тех местах, где складывалась их хозяйственная деятельность. В основном это были долины рек. Они строили неукрепленные поселения и маленькие укрепленные поселения-городища. На морском, скалистом берегу стояли небольшие укрепленные посёлки, защищавшие жителей побережья от пиратов и других непрошенных гостей. Городища по расположению на местности назывались равнинные и горные.

Равнинное городище, город-крепость Сюйпинь, отличалось своей монументальностью и мощью среди других городищ всей провинции. Оно строилось руками пленников Цзинь, которых собрали из побеждённых государств Восточной Азии и они внесли новые черты в чжурчжэньское градостроительство, потому что чжурчжэни в ходе своего становления и утверждения государства жили в небольших городищах и поселениях.

В плане городище имело вид неправильного четырёхугольника площадью в 100 га, общая длина его валов составляла 4 км. Стены этой крепости были не каменные, а возводились из земляных валов высотой до 10 метров, шириной в основании около 25 метров, а верхний уровень имел ширину 4 метра.

Известно, что метод трамбовки при создании рукотворных сооружений очень древний, им пользовались ещё много тысяч лет назад в Малой Азии, а также при строительстве Великой Китайской стены ещё в III в. до н. э. Валовые укрепления сооружали по определённой технологии. Это была тяжёлая и трудоёмкая работа, в которой участвовали сотни и тысячи людей. Строились такие валы несколько лет.

В фундамент вала закладывали обвязку в виде клетей из стволов деревьев, в которые насыпали грунтовую смесь из глины, чёрной земли, супеси и плотно утрамбовывали. На сформированное основание устанавливали сборно-разборные деревянные каркасы, засыпали в них такую же грунтовую смесь с содержанием глинистой массы и снова трамбовали. Каркасы переносили на другие слои, толщина трамбованной массы не превышала 15 см. Так, слой за слоем, с помощью трамбовочных каркасов поднимали высоту валов. Слои имели гамму различных смешанных цветов, в зависимости от грунта: серо-жёлтого, светло-коричневого, бурого и чёрного. Это оттого, что для отсыпки вала землю носили из траншей, которые копали здесь же, в северо-западной и северо-восточной стороне, возводимого укреп-

пления Сюйпинь. Постепенно траншеи превратились в широкие и глубокие рвы, которые заполняли водой из Суйфуна. Ширина рвов достигала 20-25 м, а глубина 4-6 м. Уровень воды во рвах регулировали с помощью специально построенной платины.

Для укрепления городища одного вала и двусторонних рвов было недостаточно, и на его верхнем уровне по всем сторонам были построены 44 фронтальные башни. Перед валами городища были насыпаны дополнительно (по два ряда) земляные укрепления, не позволявшие противнику вплотную подойти к крепости и взять её приступом.

На каждой стороне вала встраивали тяжёлые, крепкие ворота. Проёмы вала держали их плотными пластами. Ширина крепостных ворот была не более 3,5 м, а высота 3 м. Несущие столбы ворот стояли на фундаменте из больших ровных камней, чтобы под собственной тяжестью они не проседали в землю. Ворота были изготовлены из толстых брёвен, скреплённых скобами и сбитых под углом гвоздями. Прочные железные навесы удерживали их на опорах. Вход в ворота защищали изогнутые траверсы с траншеями для обороны. По краям этих оборонных валов возведены башни с ронделями, которые полукруглыми выступами обеспечивали обстрел противника во фланг. Ещё дальше от ворот были возведены редуты.

Южные ворота Сюйпиня считались главным, парадным входом в городище и были оформлены наряднее, чем другие, над ними возвышалась большая двухскатная двухъярусная черепичная крыша серого цвета на деревянных колоннах, украшенная глиняными скульптурами голов драконов с устрашающим оскалом и выпученными глазами. Все головы покрыты чешуёй, а вокруг них расположены высокие языки пламени. Эти скульптуры защищали от злых духов и являлись оберегом от коварных пришельцев.

Внутри крепости от южных ворот шла центральная улица шириной 3,5 м, выложенная каменными плитами, проходящая через весь город и доходившая до северных ворот. От восточных ворот к западным тоже шла дорога, мощённая камнем шириной 2,5 м.

В центре города размещалась небольшая площадь с двумя колоннадными зданиями павильонного типа с черепичными двускатными крышами с лёгким прогибом на конце, а карнизы поднимались вверх, во «взлёт». Эти здания общественного назначения имели одинаковую площадь 200 кв. м. и были похожи в архитектурном исполнении. Их отличали цвета внешних стен и настенная роспись.

Они стояли параллельно друг другу, разделённые каменной дорогой, ведущей к кургану, который был окружён кольцевой каменной дорожкой. Курган был обнесён полукруглым валом высотой 3 м. На кургане стояло каменное изваяние черепахи со стелой на спине и каменными извивающимися драконами, которые венчали стелу. Черепаха — символ вечности и вечного покоя. Здесь, в кургане, в каменной гробнице похоронен правитель Приморья, князь Эсыкуй (Дигунай) из царствующего рода Ваньянь.

Он один из сподвижников первого императора Агуды, его близкий друг, организатор военных походов против киданей империи Ляо и самозванца Гао Юнчана, провозгласившего себя в 1116 г. императором Великого Бохая.

В северо-западной части крепости за небольшим прямоугольным валом высотой 2,5 м. располагалась резиденция губернатора. Въезд в неё был по дороге в парадную арку, ворота которой были украшены фигурной черепицей, концевые диски верхней черепицы изображали личины мифических животных. На коньковой части черепичной крыши ворот установлены скульптурные барельефы в виде голов рогатых драконов. Сама крыша была уложена серооливковой кровельной черепицей в форме желоба выпуклой поверхностью вверх. Рядом с аркой на постаментах стояли скульптуры драконов и Будд.

За аркой с правой стороны стояло круглое двухэтажное здание диаметром 8 метров. Широкая лестница и арочный резной навес, покрытый черепицей, над узким входом, сочетался с аркой ворот в единой архитектурной композиции. На втором этаже была площадка с маленькой дверью, к ней по окружности здания вела деревянная лестница с перилами. Окна на первом и втором этажах были узкие, похожие на бойницы. Это была сторожевая и оборонительная башня на случай нападения врагов на крепость, но в мирное время, судя по культовым принадлежностям внутри здания, это был небольшой буддийский храм Неба и Земли или конфуцианская кумирня.

Прямо за ней находился колоннадный дворец, где нередко совершались общественные обряды, ритуалы, поучения молодёжи, согласования по мирским вопросам, наказания лиц, нарушивших общественные обычаи и нормы поведения. Здание прямоугольной формы площадью 300 кв. м., высотой 6 метров. Сосновые фусты (деревянные колонны), подобранные под один диаметр, стояли в ряд через два метра по всему периметру, а также в самом здании. Они были установлены на каменных базах, их основания по всей площади помещения были обвязаны брёвенчатой решёткой, засыпаны землёй, утрамбованы, а затем квадратными каменными плитами выложен пол. Низкий фундамент снаружи дворца по периметру был облицован кирпичом.

Высота колонн была размечена таким образом, чтобы придать крыше прогнутый рельеф с поднятыми вверх карнизами. Обрешётка из прочных деревянных материалов крепилась сверху на колонны с помощью железных скоб и угольных кронштейнов.

Крыша уложена серой керамической кровельной черепицей, которая имела форму желоба. Её изготавливали по шаблону и обжигали в печах. Чжурчжэньская кровельная черепица делилась на два типа: нижняя и верхняя. Нижнюю черепицу укладывали на обрешётку крыши вогнутой стороной вверх, плотно подгоняя, друг к другу, верхнюю — вогнутой стороной вниз, она покрывала стыки между нижними черепицами, предавая крыше волнообразный вид. Длина керамических желобов 30-32 см, ширина по хорде 13-18 см, толщина 1,5-2 см. Верхнюю черепицу размещали на кар-

низе крыши, украшали концевыми дисками диаметром 12-16 см и толщиной 1,5-2 см с изображениями зооморфных существ, напоминающих демонов-львов, и другими объёмными фантастическими животными. Основное назначение этих устрашающих клыкастых пастей заключалось в сохранении чистоты помыслов, тех людей, кто приходил сюда. Чтобы выложить крышу площадью 300 кв. м, требовалось около 12 000 черепиц. Крыша была тяжёлая, и только колонны, их прочная деревянная обвязка и толстый настил могли выдержать такую нагрузку. Поэтому дворцовые, административные, общественные и храмовые здания имели колоннадную систему опор крыши.

Стены изготавливались из связанных или сплетённых прутьев — «плетень», стеблей гаюляна или камышового тростника, росшего в избытке на Ханкайской низменности. Его возили на конных повозках или быках. Пучки тростника вязали в толстые фашины и устанавливали между колоннами, их крепили к столбам скобами встык или сбивали большими гвоздями. Плотничные гвозди были кованые, четырёхгранные, длиной 10-30 см, с уплощенной шляпкой. Они вбивались под разным углом. При деревянном строительстве использовались различные инструменты: топоры-тёсла, топоры-колуны, ножи и пилы, молотки и плоскогубцы.

Затем стены штукатурили, выравнивали до гладкой поверхности, стыки со столбами промазывали глиной, чтобы не было щелей. После просушки красили в светлые тона и рисовали на них цветные картины с изображениями цветов жёлтого лотоса, Будды в величественных позах, летающих драконов. Эти рисунки чередовались на стенах между колоннами.

Вход во дворец вела широкая лестница. По краям арочной двери стояли каменные черепahi. Внутри, в глубине здания стояла величественная статуя Будды. Перед ней большой квадратный жертвенный камень со следами ударов. На стенах висели полотнища с поучающими буддийскими сутрами. Вдоль длинных стен на высоких изящных каменных подставках были установлены скульптуры Будды, священных животных, духов предков. В центре зала на каменной базе стоял на трёх ножках сферический чугунный котёл, в котором разводили очищающий огонь.

С буддизмом чжурчжэни познакомились рано, ещё до создания государства. Возможно, это духовно-нравственное мировоззрение им было передано корёскими монахами, но его влияние было ещё недостаточно убедительным, потому что у чжурчжэней были древние традиции язычества. В конце X – начале XI в., культовые буддийские символы стали проникать от киданьских буддистов. Не исключено, что буддистские традиции, сложившиеся в королевстве Бохай в VII-X в, приняла чжурчжэньская племенная элита, считавшая бохайцев родственным народом.

Когда в 40-х гг. XII в. чжурчжэньская империя завоевала весь северо-восток Китая, в 1142 г. династия Сун официально признала себя цзиньским вассалом, тогда происходило заимствование чжурчжэнями высокоразвитой многовековой культуры Китая не только в сфере материального производ-

ства, но и в духовной жизни. Чжурчжэни переняли три религиозно-этических учения: буддизм, даосизм, конфуцианство и трансформировали их с традиционным первобытным шаманизмом, отражавшим их мир, создав цзиньский вариант духовного мировоззрения.

Справа от дворца находилось арсенальное здание площадью 80 кв. м. Это была одноэтажная постройка колоннадного типа с черепичной крышей, в которой хранилось оружие, в соответствии с его назначением, оно было аккуратно разложено на стеллажах и в нишах. Здесь был большой запас вооружения на случай нападения врагов.

Внутренний город представлял резиденцию губернатора. Здесь находились жилые и административные здания площадью от 40-50 до 80 кв. м.

Размеры городища были ограничены валом, поэтому приходилось учитывать каждый клочок земли и компактно размещать все строения. Большую часть территории города занимали жилища горожан. Прямые улицы разделяли город на кварталы. В каждом квартале было несколько дворов, плотно стоящих друг к другу. Двор — это семейная усадьба с домом, хозяйственной постройкой в виде маленького амбара на столбчатых опорах и продуктовым погребом около дома. Дворы разделялись земляными «заборами» в виде утрамбованной насыпи до 50 см высотой.

Дома у чжурчжэней были деревянные каркасно-столбового типа. В среднем дом имел площадь 40-50 кв. м, но встречались дома с большей площадью. При строительстве дома, определяли его площадь и по периметру будущего дома вкапывали столбы диаметром 20-30 см на расстоянии друг от друга 80-100 см, на глубину 20-90 см. Высота стен была не более 2 м. Для дома размером 6x8=48 кв. м. нужно было вкопать 28 столбов. Для длинных стен — $9+9=18$ столбов, для узких $5+5=10$ столбов. На столбы каркаса по периметру делали обвязку из балок, чтобы придать большую устойчивость.

Между столбами ставили стены по такой же технологии и из тех же материалов, что и стены в общественных зданиях. Разница состояла в том, что основание дома засыпали земляной завалинкой и трамбовали от размыва водой.

Крыша строилась двухскатная. Опорой для крыши служили специально высокие столбы каркаса в двух противоположных узких стенах, а между ними в одну линию вкапывали столб или два в центре самого дома, это зависело от длины дома. На эти столбы закрепляли коньковую балку. К коньковой балке и обвязке столбов каркаса дома крепили гвоздями обрешетку из досок или жердей, на которую стелили покрытие крыши: бересту, солому или тростник. Бересту вымачивали в горячей воде, расправляли и укладывали сверху вниз внахлест, по краям закрепляли тонкими жердями и прибивали небольшими гвоздями к обрешётке. Солому или тростник увязывали небольшими снопами и плотно укладывали на крыше в два слоя, перекрывая сверху стыки. Для прочности их прижимали верёвкой по всей

длине изнутри обрешётки крыши, щели на стыках крыши и стены обмазывали глиной или набивали мхом.

Потолочных перекрытий в доме не было. Потолком была двухскатная крыша, от этого внутренний объём дома казался большим. Эту верхнюю часть под крышей чжурчжэни использовали для хозяйственных нужд. Там на перекладинах были развешены необходимые повседневные вещи, домашняя утварь, сушёные лекарственные травы, оставляя свободную площадь на полу. Пол был земляной хорошо утрамбованный, застеленный циновками.

В стене дома проделывали маленькое окно, которое, возможно, затягивали мочевым пузырьём крупного рогатого скота, пергаментом. Жилища в ночное время освещались огнём очагов и светильниками в виде керамической чашечки, куда наливали масло периллы (судзу) и опускали фитилёк. Эту масленичную культуру выращивали в Приморье, из её семян изготавливали масло для приправы в пищу и для освещения.

В центре узкой стены на навесах устанавливали дощатую входную дверь шириной 80 см и высотой не выше 1,5 м. Чаще вход в дом располагался на южной солнечной стороне, для сбережения тепла. Изнутри дверь утепляли шкурами или грубой мешковиной, набитой соломой. Дверные ручки были выполнены из железных колец диаметром 10 см, и крепились пробоями. Закрывали двери обычным железным крючком.

Рядом с домами строили амбары в виде квадратных домиков без окон с двухскатной крышей. Высота домиков была не выше 1 метра. Оригинальность их в том, что они стояли на столбчатых опорах — сваях, высотой 1,5 метра от земли и напоминали сказочные «избушки на курьих ножках». Эти домики имели одинаковые, стандартные, размеры 16-25 кв. м. и одинаковое расстояние между столбами: 4х4 м и 5х5 м. На вкопанные сваи прибивали настил из толстых досок, который служил полом, а на нём возводили домик. На дверь, расположенную к жилому дому навешивали замок. Амбар был хозяйственной постройкой для хранения оружия, различной посуды, рыболовных снастей, продуктов питания и мешков с зерном. В летнее жаркое время амбары использовали как спальные домики, потому что в глинобитных домах летом было сыро и прохладно.

В дворовый комплекс усадьбы входил погреб, где в деревянных ящиках под крышкой хранили в холоде мясо, рыбу, ягоду, овощи. Погреб закрывался крышкой на замок.

Важнейшим условием для жизни людей и уюта в доме является тепло. Спустя 800 лет в современных домах и квартирах появился обогреваемый электричеством тёплый пол, «прообраз», которого широко применялся у чжурчжэней. В письменных источниках имеется сообщение, что у чжурчжэней... «вокруг комнаты устраивается земляная постель, под которой разводят огонь. На этой постели спят, едят, живут. Называется она «каном». Кан — это оригинальная система отопления в доме от нагретого пола тёплым воздухом костра. Состоит она из трёх элементов: 1 — очага (костра), 2 —

дымоходных каналов в полу в виде тоннелей, перекрытых сверху камнями, 3 — вытяжной трубы. Вообще каны были известны в Приморье ещё в раннем железном веке около 3 тыс. лет назад, но они не были так распространены, как в средние века на юге Дальнего Востока.

Отопительную систему в земле начинали строить до возведения каркаса стен. После укладки камней на кан, достраивали стены и укрывали крышу. Для очага выкапывали овально-продолговатые ямы 50х100 см, глубиной до 50 см с пологим подъёмом, чтобы сидя на краю костровой ямы, удобно было закладывать дрова в топку и выгребать золу. Очажную яму облицовывали с двух сторон высокими вертикально поставленными каменными плитами, а сверху на них клали крышу тоже из каменных плит. Очажную яму обычно располагали от угловой части дома справа или слева от входной двери.

От костровой ямы в полу прорывали два-три параллельных дымоходных канала на расстоянии 20 см друг от друга, шириной в 15-20 см и примерно такой же глубины. Эти каналы шли вдоль одной стороны дома, поворачивали полукругом и продолжались вдоль второй стороны дома. Затем каналы объединялись в один канал-устье, который выходил под стену наружу. В уличный конец канала вставляли вытяжную трубу из полого ствола дерева. Предварительно дерево раскалывали клиньями или распиливали вдоль, выбирали сердцевину, обжигали внутреннюю поверхность, а потом плотно соединяли раствором глины и обвязывали проволокой. Для устойчивости трубы делали подпорки или поперечным деревянным кронштейном крепили к стене. Чтобы труба не закрывала дымоход, пропиливали овал внизу ствола. Трубу с каналом обмазывали глиной.

Дымоходные каналы внутри обмуровывали глиной, иногда в каналы клали продолговатую плоскую гальку, которая, нагреваясь, горячим воздухом костра, давала дополнительное тепло. Сверху каналы закрывали плоским песчаником или крупной галькой. Кан, чтобы не дымил, всю поверхность его промазывали глиной.

Внутри дома около стены в дымоходный канал, идущий к трубе, ставили задвижку, чтобы после прогорания костра не вытягивалось тепло камней. Такой двухсекционный «Г»-образный кан имел лежанку шириной 1-1,5 метра.

Известен простой, односекционный кан с отоплением всего одной стороны дома и прямой лежанкой в 1 метр. Наиболее распространённый был трёхсекционный «П»-образный кан с двумя костровыми очагами. Он строился не по двум, а по трём сторонам дома, и его каналы соединялись в одно устье выходного канала с трубой. Второй тип «П»-образного кана отличался лишь тем, что одна боковая секция была короче другой. Хозяйственные площади перед костровой ямой на свободной части пола в разных семьях использовали по-своему. Если топили один кан, то нужно было задвижкой перекрывать другой дымоход, иначе дым выходил не только в трубу, но и через второй очаг.

Один из очагов использовали как печь. Костровую яму облицовывали камнями и из них делали прочный свод, обмазывали его глиной, оставляя вверху свода отверстие типа конфорки, которая закрывалась железной крышкой. Чжурчжэни для строительства канов применяли огнеупорную глину, которая распространена на территории Приморья. Её использовали не только для отопительной системы, но и для рудных плавильных печей, для обжигательных печей черепицы и глиняной посуды.

Сравнительно часто встречаются жилища с двумя расположенными друг против друга канами, каждый из которых мог быть как одинаковой, так и отличительной конструкции, например, один из них «Г»-образный, а второй «П»-образный. Как дополнительное тепло в домах, в период сильных морозов, могли использовать переносные железные жаровни, хотя жилище, обогреваемое каном, было достаточно приспособлено к приморской зиме. Кан занимал 60-70% жилья, а свободная площадь находилась чаще в центре дома и использовалась для хозяйственных и производственных нужд.

В Суйпине в начале XIII в., как и в другой провинции и губернии цзиньской империи существовало социально-экономическое неравенство. В домах с «П»-образной отопительной системой, с боковыми секциями почти одинаковых размеров, отсутствовали ступы, продовольственные лари. Около домов этого типа не было свайных амбарчиков, других хозяйственных построек. Вероятнее всего, дома такого типа принадлежали людям, состоящим на государственном обеспечении. Это могли быть чиновники, офицеры. Дома этих людей располагались в центральных кварталах, ближе к площади города.

В одном из таких домов жил чиновник с высоким положением из окружения губернатора. В интерьере его дома отсутствовали хозяйственно-производственные признаки. Земляной пол был застелен циновками. На кане лежали шкуры медведей, тигра, на них маленькие подушечки и свёрнутые одеяла. Свободную площадь дома заполняла маленькая лёгкая китайская лакированная мебель, привезённая из центральных районов империи. Низкие переносные столики стояли в углу. Во время еды их ставили на кан, потом убирали. Тумбочки и комод находились около кана, в них лежали женские и мужские аксессуары: зеркала, пудреницы, косметика. На стены крепили подвесные шкафчики для фарфоровых ваз, различных скульптурок из кости и бронзы, в том числе Будд. Почти во всех городских домах люди хранили маленькие скульптурки духа предков, которые чаще были сделаны из глины.

В домах такого типа была лёгкая поперечная стена с узкой раздвижной дверью посередине, которая разделяла жилую площадь на две комнаты: для родителей и детей. Возможно, по-другому делили дом на комнаты, когда вдоль посередине ставили раскладную деревянную ширму с шёлковыми расписными секциями, какие в то время использовали в домах Японии, Корё и Южного Сун. Ширму раскладывали по мере необходимости.

Утверждать о наличии стен или их отсутствии трудно, потому что от всего содержания этого дома археологам достались лишь фрагменты поливной и фарфоровой посуды, длинные бронзовые женские заколки, красивое бронзовое зеркало с рельефным рисунком на обратной стороне, миниатюрная скульптурка Будды, бронзовые инкрустированные серебром поясные накладки-пряжки с рельефным изображением тигров и драконов. Здесь же обнаружены в большом количестве монеты Чун-нин тунбао (1102-1106 гг.), китайские монеты (1022-1032 гг.), северосунская монета XI в., Тянь-си тунбао (1017-1021 гг.) и Юань-фэн тунбао (1078-1085 гг.). Сунские бронзовые монеты — Мин-дао юаньбао (1032-1033 гг.), Хуан Сун тунбао (1038-1053 гг.), Чжэн-хэ тунбао (1111-1117 гг.). Были в Цзинь в обращении и бумажные деньги, но они не сохранились.

В зажиточных домах входные двери закрывали на навесные замки довольно сложной системы. Они делались из двух заготовок: одна — полый цилиндр, переходящий в стержень, который продевался через дверной пробой; другая — пружина со стержнем, которую в сжатом состоянии вводили в цилиндр и закрывали, тем самым, запирая замок. Известно несколько типов замков и они отличались принципом вхождения пружины в цилиндр. Все замки изготавливались индивидуально и имели свои «секреты». Ключи были в виде плоского, тонкого и узкого железного бруска, сторона которого пропиlena вдоль и концы отогнуты в стороны в виде упора — «усиков» для сжатия пружины. Другая сторона загнута петлёй для подвязки. В середине ключа был изгиб-стопор, чтобы он не провалился в цилиндр.

Рядом с богатыми хозяевами в небольших домах жила прислуга.

В других домах с «П»-образным с укороченным каном жили люди среднего достатка из числа «третьего сословия», не связанные с ремесленным производством и занимали второй социальный уровень в городе, они тоже жили в центральных кварталах. У них, на площадке перед укороченным каном, была кухня с вкопанной в землю каменной ступой, в которой тяжёлым каменным пестом крушили крупы в муку с помощью простого приспособления.

Около ступы вкапывали два несущих столбика, на них крепили круглую из ствола дерева поперечину над центром горловины ступы и в ней делали направляющий пропил. К каменному песту привязывали крепкую верёвку и перебрасывали через поперечину. Другой конец верёвки привязывали к рычагу-педали, когда ногой рычаг опускали, пест поднимался. Принцип действия веревочно-ударный, при котором зерно крушилось в муку. Ступа была неотъемлемой частью в домах. В них могли толочь в муку не только зерно, но и травы, орехи, кости рыб.

В жилищах богатых людей рядом со ступой в землю был вкопан кухонный продовольственный ларь для приготовления еды, которую готовили на конфорке очага в железных кастрюлях или чугунах. Рядом с домами обе-

ВРЕМЯ БОЛЬШИХ ПЕРЕМЕН

спеченных людей были амбарчики с мешками зерна и всякого «добра», полные закрома в погребках под защитой замков. В домах было уютное убранство, дорогая посуда и припрятанные деньги.

Ремесленные, трудовые люди жили в остальных кварталах города, в их домах были чаще «Г»-образные каны или два автономных «Г»-образных кана, потому что всю свободную площадь дома занимали профессиональные мастерские. Здесь были небольшие плавильные горны и кузнечные наковальни, гончарные станки, ямы для вымачивания шкур у скорняков, обрабатывающих шкуры для сапожников и портных. Эти мастера в своих домах шили кожаную обувь и одежду. Ткачи на небольших ткацких станках изготавливали различное полотно и ткани. В домах ремесленников был разнообразный набор профессиональных инструментов.

В их маленьких кухонных уголках, с целью экономии места, вместо ступ использовали ручные небольших размеров мельницы (жернова) из гранита или песчаника. Диаметр мельницы составлял 33,5 см., а общая высота двух жерновов 17,5 см. Преимущество таких мельниц в том, что их можно было вынести из дома и молоть муку на улице. В этих тесных жилищах люди жили и работали, готовили еду, растили детей.

Днём в городе над домами шёл топочный дым, в районе стены вала в небо поднимались чёрные клубы дыма от плавильных горнов, там стоял грохот от ковки кузнечными молотками по раскалённым заготовкам. По дорогам ездили всадники, конные повозки ввозили из сельских поселений зерно и овощи на городской рынок. Земледельцы в городе покупали изделия ремесленников. Вся эта ежедневная размеренная суeta и составляла городскую жизнь.

Внутри города находился небольшой гарнизон, который днём и ночью на городских валах вёл дозор за равниной перед крепостью, солдаты-стражники охраняли ворота и досматривали все ввозимые грузы в город, следили, чтобы в город не пробрались подозрительные люди. С вечера до утра по городским улицам проходили стражники, ночью всем жителям запрещалось ходить по городу. В северных губерниях, как и в Цзинь, время с семи вечера до пяти часов утра делилось на пять двухчасовых страж.

В Сюйпине было около 500 жилых домов, не во всех домах имелись усадьбы, но даже при этом город представлял собой плотное домостроение, в котором средняя площадь дома составляла от 40 до 50 кв. м. Чжурчжэньская патриархальная семья жила самостоятельно в собственном жилье. Из исторических источников известно, что семьи чжурчжэней в начале XIII в. состояли в среднем из 6-8 человек. Если предположить, что одному человеку, независимо от возраста, приходится 2 кв. м. кана при общей его площади в доме в 16-20 кв. м., то население города Сюйпинь составляло более 4 тыс. человек, не считая военного контингента, который жил отдельно в укрепленном городке и редутах.

Хорошо утрямбованная дорога шириной около 1,5 чжан (мера длины, 3,2 м) была ровной и прямой. Это был главный тракт, проходивший через Приморье с юга на север, и соединяющий побережье заливов, Хэланьскую, Еланьскую губернии с долинами верховья р. Уссури. Он проходил среди долин и возвышенностей, где издревне жили земледельцы в своих небольших поселениях.

Дорога пошла на подъём и обогнула сопку. Перед взором всадников открылась панорама, где в долине на невысокой речной террасе левого берега Суйфуна показался город-крепость. Дальше она спустилась в долину и до самого города была выложена плоскими большими камнями, по её краям возвышался бордюр, а на обочинах прорыты неглубокие водоотводные каналы.

В лучах солнца издали очерчивались верхние линии высокого, мощного вала. Генералы Ваньну ещё раньше оценили неприступность этого оборонительного сооружения. В ландшафт вписывались возвышенности и низины, по которым протекали притоки Суйфуна, их берега заросли густым кустарником и рощами, через которые поблёскивали в воде «солнечные зайчики», раскрывая целую речную систему, где удачно расположилась столица. Современные названия рек: Гранитная, Борисовка, Раковка и Славянка, плохо вписываются в топонимику исторических событий, размывая самобытный колорит далёкого прошлого Приморья.

На подъезде к городищу по обе стороны дороги стояли в ряд кавалеристы лёгкой и тяжёлой конницы в железных доспехах, в лучах солнца они отливались стальным блеском. Одни воины держали в руках пики с цветными шёлковыми флажками, другие — штандарты бархатистого чёрного цвета с вышитыми золотыми дисками солнца, всё ещё символизирующие чжурчжэньскую армию. Гостей встречал губернатор Елани Шимынь.

В открытые городские ворота торжественно проехали Ваньну, губернаторы, сопровождавшая свита и охрана. Они проследовали по центральной улице на площадь, повернули и направились во дворец Внутреннего города. На это шествие пришли городские жители, они заполнили площадь, прилегающие улицы и с любопытством разглядывали приезжих людей и шептались, спрашивая друг у друга: «Новый император приехал, кто он, откуда, что будет дальше?»

Во дворце было праздничное убранство, горел жертвенный очаг, около которого буддийские монахи в жёлтых хитонах, подняв вверх руки, что-то произносили, обращаясь к небу, бросали сухие травы в очаг, из которого поднимался вверх лёгкий белый дымок, наполняя зал дворца приятными ароматами.

Соратники Ваньну, губернаторы и правители мэнъянь прошли первыми во дворец, встали около высокой статуи Будды и повернулись лицом к участ-

никам шествия, заполнившим зал. Здесь были знатные и известные люди: военачальники, чиновники, богатые горожане, ремесленники. Посередине, через весь Дворец, от входа к стопам Будды была растелена жёлтая с красным полотнянная дорожка. Жёлтый — цвет буддизма, а красный цвет — оберегал, очищал и сохранял от нечести, и зла.

Когда все гости заполнили дворец, монахи тихо ушли, в зале наступила тишина. Двое стражников открыли двери дворца, в центр зала прошёл церемонимейстер и, повернувшись к людям, громко произнёс:

«Пусянь Ваньну — князь государства Восточное Ся, наш государь и господин!».

Вошёл Пусянь Ваньну, остановился, и все в зале преклонили колени, он прошёл к губернаторам, повернулся к людям. Генерал Угамынь встал перед Ваньну и вручил ему золотой жезл Власти, а на шею повесил Знак — символ Признания — золотое ожерелье из тонких листьев, напоминающих листья приморского женьшэня, соединённые кольцами.

Князь вышел вперёд, поднял левую руку вверх с жезлом Власти, а правой рукой поднял меч клинком вверх, и произнёс: «Клянусь служить государству Восточный Ся, и защищать его до последней капли крови!» Все в зале поднялись со словами восторга, напоминающими боевой клич воинов перед атакой.

В это время на улице зазвенели медные тарелки, загремели барабаны, а на крепостном валу послышались долгие залпы пороховых петард. По городу глашатаи возвещали о князе и новом государстве. В городе до позднего вечера продолжался праздник.

Наступил новый день весны 1217 г., шёл второй год правления Пусяня Ваньну под девизом «Тянь-тай», когда он 1215 г. принял титул «небесного вана». В Восточной Азии с древних времён привилегию провозглашения в качестве девиза своего правления имел только Сын Неба — китайский император. Попытки восточных царьков и племенных вождей провозглашать свои девизы воспринимались китайцами как дерзость и вызов быть равным с монархом Поднебесной империи. Ещё девизы имели корейские ваны, которые всегда были вторыми после Китая по силе и мощи своего государства. Эти исторические устои разорвал первый император киданей Елюй Абаоцзы, основатель Железной империи Ляо. Право на девизы завоевал Агуда и следующие императоры Цзинь. Утверждение девиза своего правления, мог позволить только смелый, мужественный монарх, каким был Пусянь Ваньну.

Началось строительство нового государства Восточное Ся (Дун Ся) на земле, оставленной империей Цзинь, в которую входили территории современной провинции Гирич КНР (Маньчжурии) с долинами рек Муданьцзян, Тумэньцзян (Туманная), Суйфэньхэ (Раздольная), вплоть до Сунгари. К новому государству перешла Верхняя столица Цзинь — Хуйнинфу, а также северные территории Корейского полуострова и побережье Восточно-

Корейского залива и вся южная часть Приморья. Когда-то, при императоре Холу (Сицзуне), Хуйнинфу была столицей империи, украшенная пышными и величественными дворцами и храмами. Внутри её располагались обширные парки «для рассеивания дум императорских», а окрестности окружали охотничьи угодья.

Территория государства Восточное Ся была почти в два раза больше площади королевства Корё, или равнялась размерам современного среднего европейского государства как Австрия, или Болгария, но население Дун Ся в соотношении с площадью было незначительным и составляло около 300 тысяч человек.

Государство строилось на земле тунгусов, на которой, сменяя, друг друга жили мохэ, бохайцы, чжурчжэни. Переселенцы пришли на северную территорию империи Цзинь, которая исторически оставалась чжурчжэньской и не была занята монголами. Здесь формировалась новая культура на лучших традициях чжурчжэней и народов Восточной Азии. Государство это являлось многоэтническим чжурчжэньским государством, а переселённое население назвалось восточносясцами. Можно допустить и название чжурчжэнями Восточного Ся. Например: современных граждан России, живущих на территории Российской Федерации независимо от национальной и этнической принадлежности, будь-то русский, татарин, якут или нанец, за границей называют — русскими.

Ваньну сосредоточил в своих руках всю военно-политическую власть. Опора этой власти держалась на его армии, силе правителей мэньань и начальников моукэ, имевших неограниченные полномочия в военных поселениях, напоминающих роль военных комендантов, что соответствовало условиям военного времени в Восточной Азии.

Он сохранил цзиньскую государственную систему управления. Военные губернаторы (дунтунсо) и чиновники ведали хозяйственными, материально-учётными структурами, как наследие цзиньского администрирования, заимствованное у сунского Китая. Эта громоздкая пирамида различных управлений, филиалов, контор была упрощена, но сохранились названия чиновничьих должностей, о чём свидетельствуют тексты клише печатей, которые выпускали для Дун Ся цзиньские филиалы, перешедшие на службу нового государства. Эти филиалы находились в бывшей северной столице Цзинь — Хуйнинфу и, возможно в других городищах, расположенных в провинции Хулигай. Государственными языками были признаны китайский и чжурчжэньский, как средство общения между людьми. Этнически различные жители страны между собой могли разговаривать на своём языке. Письменные документы чаще составлялись китайскими иероглифами, но много документов оформлялось чжурчжэньской иероглифической письменностью.

Северо-восточная часть Маньчжурии и Приморье не пострадали от монгольского нашествия, но в условиях военной изоляции и сокращения численности населения, экономика этих районов свернулась до уровня

натурального потребительского хозяйства. Сократилась площадь пахатных земель, уровень животноводства, в том числе коневодство, перестало быть производящей отраслью.

Новому государству необходимо было обеспечить работой около двухсот тысяч беженцев и использовать их для поднятия экономики страны, создания крепкой обороны. Такими проблемами ни князь, ни его окружение ещё не занимались.

Ваньну и Хэбо решили посоветываться с генералом Угамынем и высказать своё мнение о сложившейся ситуации.

Правитель мэнгань когда-то командовал конным корпусом в цзиньской армии, участвовал в боях и был дважды ранен. Император отправил 35-летнего кавалериста на землю предков Ваньянь руководить всеми приморскими делами. Опыт командира пригодился ему в управлении большим хозяйством, которым вот уже 20 лет он руководит и хорошо знает Приморье.

Угамынь пригласил Ваньну и Хэбо в уютный домик, где на кане лежали тигровые шкуры, на них стояли низкие маленькие столики. На их лакированной поверхности были расставлены фарфоровые пиалы и амфорообразные сосуды, наполненные фруктовыми напитками. Рядом со столиками находились берёзовые тески с плотными крышками, сохранявшими тепло, там лежали печёные шарики из рисовой муки фаршированные рыбой, завернутые в большие листья черемши.

Угамынь предложил гостям присесть к столикам, и сам, пристраиваясь поудобнее, сел на кан и начал разговор:

— Дорогой князь и уважаемый генерал! Ещё в конце 90-х годов цзиньские чиновники управления государственной собственности составили карты земельных участков северной провинции пригодных для посева зерновых, выращивания огородных, садовых культур, а также пастбищ. Они промерили их площади и поставили в подотчёт земельному ведомству для учёта посева, сбора урожая и размера налогов в пользу казны. Здесь отмечены все полезные земли.

Губернатор встал, принёс документы, свёрнутые в пенале и развернул их на кане перед Ваньну. Князь посмотрел на карту с геометрическими фигурами и расчётами.

— Это фактически географическая карта. Этот документ будет нам полезен позднее, но речь идёт о настоящем времени. Сейчас конец апреля. Мы с Хэбо думаем отправить часть людей на поля, чтобы они успели посеять зерно, других на строительство поселений для земледельцев.

— Я сам думал, чем кормить людей, — ответил Угамынь, — ведь жителей во всей северной провинции почти в шесть раз меньше, чем пришло. Я сначала растерялся, когда узнал число беженцев.

Угамынь посмотрел на князя и понял, что он ждёт ответа, который поможет ему решить задуманное.

— Князь, у нас сейчас много людей и в этом наша сила. Необходимо приступить к распашке тех полей, которые расположены в долинах рек в стороне оз. Ханка. Это плодородные земли довоенных лет давали высокие урожаи, и обеспечивали зерном почти целую провинцию. Они заросли и это хорошо. После вынужденного отдыха они будут давать урожай ещё больше.

Хэбо спросил:

— А где взять зерно для посева, и чем пахать?

— У нас много земледельческих орудий: плуги, лопаты. Если не хватит, сделаем сохи с железными наконечниками.

— Когда монголы пришли в Хулигай, но были там недолго и ушли, мы сохранили плуги и лопаты. Железа на такое население нам хватало, и мы не стали из лопат и плугов делать оружие. Я знаю, что во многих поселениях сохранили старые рабочие плуги, их жалко было переделывать. Соберём часть орудий в селениях моукэ. С зерном похуже, но с прошлого года мы сохранили запас зерна, на случай если придётся воевать.

Ваньну довольно вздохнул и сказал:

— Я думаю этого достаточно. Здесь много рыбы, дикого зверя, в лесу достаточно съедобных полезных трав, до нового урожая люди с голода не умрут.

— Лошадей для распашки используем своих, конюхи сохранили табуны, падёж коней в походе был не большой, — подсказал Хэбо. — Через два-три года у нас будут новые табуны.

— Когда люди начнут работать, им некогда будет бояться монгольского нашествия и быстрее успокоятся их души об утрате близких, — сказал Угамынь.

Князь добавил:

— Генерал прав, если люди будут жить страхом перед нашествием, считай, что мы зря защитили и привели их сюда. Это мы, их военачальники, должны думать об их защите, а люди должны трудиться и создавать мощь государства и его оборону, тогда они будут уверены в своих силах.

За разговором они провели весь вечер и наметили большие планы в развитии Восточного Ся.

В первые дни своего правления Ваньну считал важнейшей задачей решить судьбу огромного числа переселенцев, среди них сотни семей с детьми и стариками. Они получали поддержку в питании, но нужно дать им возможность работать и жить, тем более что в Приморье много полезной пустующей земли и заброшенных полей, куда следует приложить руки.

Чиновники из Сюйпиня в течение нескольких дней занимались распределением беженцев. Они собрали их большими группами для создания военно-земледельческих поселений. Им передали рабочий скот, сельхозинвентарь, строительные инструменты, семена. За всё это они должны были рассчитываться с казной в течение нескольких лет.

Эти группы направлялись в Приханкайскую низменность, где среди речных долин была плодородная земля. Распашка земли, посевы зерновых и огородных культур, строительство поселений и жилья, всё это легло на плечи трудоспособного коллектива от подростков до стариков. Их формой существования стал труд с рассвета до заката. Люди понимали, что они получили то, чего их лишила война на истерзанной родине. Ещё они понимали, что за них эту работу никто не сделает и зимой не накормит и не обогреет тёплым каном.

Здесь по-соседству, на юге находилась тайга с кедрово-широколиственным лесом, где кедры высотой 15-20 метров, толщиной в обхвате в четыре руки, давали урожай с одного дерева несколько мешков шишек. В этих местах было много зверя и дичи, а реки отличались многообразием видов рыб. Это была природная поддержка в питании людей. Зима здесь короткая с декабря до марта, весна теплая, лето жаркое и продолжительная солнечная осень.

Продолжалось формирование новых моукэ на землях в долинах рек на юг и восток от Суйпиня, где в настоящее время расположены Анучинский, Михайловский, Надеждинский, Уссурийский, Шкотовский районы Приморского края.

Ваньну надеялся, что через два года земледельцы и скотоводы смогут в достатке обеспечивать продуктами питания всё население государства.

Восточное Ся находилось на военном положении под постоянной угрозой монгольского вторжения или агрессивных действий со стороны киданей Позднего Ляо. Князь собрал правителей мэнъянь, губернаторов, генералов для разработки государственной оборонной программы.

В этой программе предусматривалось строительство городов-крепостей и укреплений для отдельных гарнизонов. Причём каждая крепость должна создаваться по своему плану с учётом рельефа местности. Из опыта цзиньско-монгольской войны известно, что монголы практически не могли взять горные крепости в ущельях и на крутых склонах, которые охраняли важные проходы к тылам цзиньцев. Со стен крепости хорошо простреливалась прилегающая местность, и подойти к ней было невозможно. На склонах монголы не могли развернуть стенобитные и камнемётные устройства, которые поджигались и подрывались бомбами из крепости. Лишь только предательство цзиньских военачальников из киданей открывали ворота крепостей.

Существовавшие городища VIII-X вв, ещё со времён мохэ-бохайского времени устарели и требовали реконструкции. Их можно было бросить и создать рядом новые укрепления, но они располагались на удачно выбранном месте на возвышенности рядом с рекой. Их оставили для земледельческих поселений. Много старых равнинных городищ, было перестроено в цзиньский период в XII в, но их фортификацию нужно было строить заново и они всё равно не отвечали требованиям войны с монголами. Поэтому

Пусянь отказался от строительства крепостей на равнинах. Он считал, что не стоит тратить время и труд на бесполезную затею.

Только мощные горные городища могут противостоять монгольскому нашествию. Они должны стать не только крепостью, но и административными, ремесленными центрами. Для этого потребуются силы десятков тысяч людей, которые должны работать много лет. Для определения места строительства городищ необходимо провести инспектирование южных районов Восточного Ся.

Для защиты рубежей страны создавались пограничные заставы в губернии Хулигай на правом берегу до среднего течения р. Сунгари и в устье р. Муданьцзян, на юге губернии небольшие пограничные укрепления строились на опасных стратегических направлениях из центра Маньчжурии. Пограничные поселения представляли военно-земледельческие моукэ из расформированных пехотных полков и гражданского населения, пришедших из Ляодуна и Ляояна.

Особое внимание уделялось развитию металлургии, изготовлению оружия. Заготовка продуктов — труд земледельцев, скотоводов и ремесленников, всё это передавалось в ведение губернаторам и их чиновникам, которые отвечали за развитие и наращивание оборонного потенциала во всех губерниях.

Пусянь назначил военным министром Ваньяня Хэбо, командующими армиями назначены Хасай, Гао Линь, министром безопасности и пограничной службы Васу. Министром общественных работ (строительство крепостей) назначен Угамынь, он же оставался правителем мэнъянь Суйпиня.

В начале лета Ваньну, Васу и Хэбо с княжеской охраной из преданных кавалеристов, участвовавших в боях вместе со своим командующим, отправились в штаб армии Гао Линя недалеко от столицы. По дороге они вели разговор об отправке в ставку корёского генерала Пак Рек Хо военной делегации под руководством Хэбо. Нужно управиться с переговорами, пока князь будет вести инспектирование южных районов Приморья. Васу и Хэбо к этому времени должны подготовить секретные документы об установлении дипломатических отношений с Корё, найти преданного и честного человека, которого можно было отправить послом в соседнюю страну. Этот серьёзный разговор решили продолжить через некоторое время.

К Ваньну обратился Хэбо:

— Князь, на сегодня у нас 60 тыс. кавалеристов и необходимо их переформировать в шесть дивизий. Ты же знаешь, что это профессиональные воины, которые в армии по 10-15 лет и им не знакомо понятие воин-земледелец или воин-ремесленник как в моукэ, поэтому они должны оставаться регулярными частями на государственном содержании, тем более обстановка заставляет нас держать армию наготове.

— Я знаю, генерал, что это преданные, смелые воины из разных народов, которые прибыли к нам ещё в 1214 г. из цзиньской армии провинции

Шаньси и Хэнань. Сейчас сложно содержать такую армию. У нас люди полуголодные и раздетые.

— Что ты предлагаешь?

— Что я могу предложить. Придётся согласиться с тобой и разделить их на шесть дивизий. Пусть две останутся под Сюйпином, четыре отправим на юг, на берег заливов, там сытнее и ближе к Хулигаю, где всего два мэнъяня из трёх-четырёх десятков моукэ.

— И ещё Хэбо, они должны строить небольшие крепости с мощной обороной. Эти крепости необходимо расположить на скалистых сопках у дорог и над входами в большие распадки.

— Васу! — позвал Хэбо.

— Подбери себе хороших комдивов. Собери, что необходимо для обустройства, посоветуйся с Угамынем, он поможет. Позже мы решил со строительством городищ

— Хорошо генерал, я всё исполню.

— Вот и провели военный совет, — смеясь, сказал Ваньну.

Пока они беседовали, прошло время, и показались посты военно-полевого лагеря, где их ждал Гао Линь.

На поле был построен полк для торжественной встречи князя и военного министра. Лагерь представлял палаточный городок на берегу реки, обнесённый метровым земляным валом. В пять рядов, ровно по линии, стояло около ста палаток. Палатки похожие на шатры с конусным верхом, в основании прямоугольной формы, площадью 25 кв.м. Каркасы сделаны из жердей, на них раскатан утеплитель из войлока, а сверху на него натянута плотная ткань на растяжках, конус палаток внутри подпирали высокие столбы. Обогревались палатки каном, земляной пол был застелен циновками. У каждого солдата была толстая войлочная подстилка, наподобие матраца и шерстяное одеяло.

После осмотра лагеря Пусянь, Васу и Хэбо поблагодарили командиров за порядок в расположении части и отправились в штаб армии Гао-Линя.

Через несколько дней князь, Угамынь, Хэбо выехали из Сюйпиня. Правитель мэнъянь знакомил с окрестностями столицы:

— Князь, здесь с давних времён занимаются земледелием, потому что на полях находят каменные мотыжки, которыми обрабатывали небольшие участки земли. Правитель Эсыкуй по приказу императора переселился со своим родом в 1122 г. на эту плодородную долину, на которой жили бохайцы. Чжурчжэни увеличили поля и создали житницу для империи и армии, обеспечивая продуктами питания и десятками тысяч лошадей.

С ростом населения развивалось земледелие, ремесло, с 1130 г. реконструировались и достраивались три старых равнинных городища, которые составляют центр земледельческого района. Это крепости «Сюйпинь» (Южно-Уссурийское городище), «Щит Сюйпиня» (Западно-Уссурийское городище) и «Южный вал» (Красноярское городище).

— Спасибо Угамынь, нам сейчас нужно очень много строить, давайте все переправимся через реку на другой берег?

— Сейчас подведут судно, я дам команду, — ответил он.

Около деревянного причала стояли две большие шестивёсельные лодки и парусник похожий на огромную лодку с высокими бортами и длинным загнутым носом. Это было небольшое парусное судно с плоским дном, способное подходить к берегу и плавать при малой воде. На судне была команда речников, состоящая из старшего, рулевого на корме и шести гребцов веслами. Судно развернули и на его борт по сходням вошли шесть человек, за узцы завели на палубу их лошадей. Гребцы поставили прямой парус, который наполнил ветер, кормовой отвёл рычаг длинного руля, течение реки повернуло судно от берега, и парусник пошёл по воде.

— Хэбо, поднимемся вон по тому склону наверх сопки, — утвердительно сказал князь, показывая рукой вперёд.

Они переправились на другой берег, где находилось равнинное городище с невысокими валами. Всадники обогнули его, и понеслись по равнине, а потом по склону сопки поднялись наверх. Ещё дальше по его гребню стояли скалы с острым утёсом. Сверху открывалась панорама большой красивой долины, которая уходила к горизонту. Земледельцы распахали её на большие ровные квадратные поля, которые чередовались зелёными полянами. Как на ладони была видна крепость Сюйпинь, со своим городом-спутником, ленты блестящих рек, берега с берёзовыми рощами. Тёплый ветер ворошил гривы коней, и они раздували свои ноздри, вдыхая чистый свежий воздух.

Внизу, под ними находилась крепость «Южный вал» — (Красноярское городище), защищавшая правобережную долину и южные подступы к Сюйпиню. «Южный вал» имел стратегическое превосходство над равнинными городищами, с трёх сторон его защищали склоны высоких сопки, на одной из которых стояли всадники.

— Господа, я уже давно обратил внимание на эту скалистую дугу! Мы будем здесь строить крепость — горную крепость и объединим Сюйпинь с двумя городищами в одно мощное укрепление. Это будет столица Восточное Ся — город Кайюань, — торжественно воскликнул Великий князь и, обращаясь к Угамыню, произнёс:

— Дорогой Угамынь, вот тебе работа на несколько лет. Собери знающих людей, пусть они подумают, начертят план столицы, проведут расчёты, и вместе посмотрим после моей поездки на юг государства, время у тебя достаточно.

Окружающие Пусяня, рассматривали окрестности с высоты, но не выражали восторга относительно предложения князя, как-то скептически и осторожно относились к его словам, он это понимал и лишь усмехнулся. Среди них был геомант, который по расположению местности, строению почвы, течению реки, определял удачное место построек в соответствии с расположением таинственных сил земли. Эта духовная теория определяла зависимость человека

от окружающего пространства и называлась «фэн-шуй» или корёская версия «пхунсу». Геомант поддержал решение Пусяня о строительстве столицы. Он сказал, что это будет прекрасный город, на который упадёт огненный камень, и он будет предан забвению, но его последние слова никто не расслышал. В это время подул сильный ветер, и на небе появились серые облака.

Князь и его спутники спустились вниз, к подножию сопки и кони мчались по ровному полю к переправе, где на речной глади перекачивались волнистые барашки.

Когда всадники возвращались в столицу, Угамынь долго молчал, а потом не выдержал и спросил:

— Князь, а почему ты хочешь назвать столицу Кайюанем, а не каким-нибудь другим названием?

— Эта трагическая история и она научила меня по-другому вести войну против киданей и монголов, — задумчиво ответил Ваньну.

— В 1214 г. я был командующий (сюаньфуши) войсками в Ляонине и обосновался в Кайюане — губернском центре, тогда цзиньские войска потерпели сокрушительное поражение от мятежника Люгэ и монголов, и нам пришлось бежать в Ляодун. Спустя два года мы отбили эти территории и одержали победу, отбросив Люгэ далеко вглубь Маньчжурии. Вот в память об этих печальных, но победоносных событиях новая столица будет называться Кайюань. Я верю, что мы всегда будем одерживать победы над врагами, — завершил Пусянь свой рассказ.

Князь работал над созданием обороны государства с утра до поздней ночи, его оптимизм и вера в своё дело предавала уверенность подчинённым, и они тоже трудились над реформами, законами, выезжали по делам в отдалённые уголки государства.

В середине лета, как планировалось в реформе армии, первая конная дивизия в составе 10 тыс. кавалеристов отправилась в район бухты Посьет на постоянное место службы. Ещё через месяц, ушли две дивизии на равнины среди сопки около Амурского залива, чтобы построить там военные городки. Четвёртая дивизия ушла к Уссурийскому заливу.

Наконец, оставив все дела в Суйпине, князь собрался в долгожданную дорогу. Он долго готовился к этой поездке, выслушивал доклады чиновников и губернаторов, они ему приносили планы существующих городищ и даже какие-то старые чертежи укреплений, которые чжурчжэни использовали в перепланировке бохайских и корёских крепостей, прислушивался к предложениям правителей мэньань, которые хорошо знали географию своих территорий. Ваньну собирал любую информацию о возможном строительстве новых городищ и делал записи. Он отказался от большого сопровождения, выбрал из военного ведомства самых необходимых людей для работы: чертёжников, рисовальщиков, землемеров, специалистов земляных работ. Ваньну с Хэбо, Хасаем и с кавалеристами охраны во второй половине августа выехал из столицы.

Дорога, которая пролегла от Суйпина проходила по равнинной местности, петляя между небольшими сопками. Здесь были возделаны поля зерновых культур, которые были засеяны мягкой пшеницей, просом, ячменём, чумизой, гаолянном, гречихой, горохом, соей и фасолью. Главными культурами были чумиза и соя. На береговых террасах в небольших, чаще неукреплённых поселениях, рядом со своими полями жили земледельцы. Таких поселений по всей долине было не много из-за малочисленности населения, хотя раньше это был основной земледельческий район Приморья. Весной эти земли распахивали не только плугами с чугунными лемехами и отвалами, но и древними традиционными сохами с железным насошником. В качестве тягловой силы и перевозки тяжёлых грузов использовали волов.

Когда чжурчжэни создали своё государство и вели почти непрерывные войны с соседями с начала XII в., лошади были стратегическим потенциалом для пополнения конницы, и их запретили использовать в хозяйстве. После потери Цзинь территорий Маньчжурии и Приморья она утратила связи со своей «северной провинцией», поставки лошадей в империю прекратились, и сократилась их численность, поэтому лошадей мало использовали в хозяйстве и их табуны редко встречались на пути следования.

Ваньну и его спутники видели сады японской вишни, уссурийской сливы, целые рощи тутового шелкопряда, плантации арбузов и тыквы, конопли — для ткачества и производства масла, а также уже известную масленичную периллу (судзу). На окраинах поселений, на грядках росли лук, чеснок, лук-порей, горох и другие огородные культуры.

Иногда им казалось, что они едут где-то в провинции Ляонин или около Лояна в провинции Хэнань, где Ваньну и Хэбо служили в конном полку младшими командирами много лет назад. Большие луга, поля, зелёные рощи, заросшие густыми лесами сопки, тёплый климат Приморья создавали впечатление срединных районов Китая.

Чем дальше они ехали от столицы, тем чаще встречались плохо обустроенные маленькие селения. Скорее это были какие-то временные, наспех сделанные обиталища людей. Рядом с ними, в распадках между сопками и где только было возможно, находились распаханые участки земли, где колосья ещё только набирали силу. Видно, что это новые поля, распаханые переселенцами в мае. Они сумели освоить большие площади и трудились на полях от восхода солнца до заката. У них даже не было времени, чтобы построить жильё. Они выкопали неглубокие полужемлянки и закрыли их крышей в виде шалаша, другие ставили лёгкие юрты, палатки.

Ваньну подумал, что с такими трудолюбивыми людьми можно не только засеять всё Восточное Ся, но и её горы превратить в мощные крепости.

В конце второго дня пути они подъехали к городищу с высокими земляными валами. Оно стояло препятствием на дороге в узкой долине между

сопками и р. Суйфун. Навстречу им ехали всадники. Во главе их был губернатор Хэлани Полигэ. Он поприветствовал князя, Хэбо, Хасая и сказал:

— Это «Перепелиное гнездо» — так ласково называют эту маленькую крепость местные жители. Здесь в кустарниках и высокой траве на берегу реки и склонах сопки много гнёзд, — он рукой обвёл панараму долины и продолжил, — крепость эта была построена бохайцами, позднее чжурчжэни достроили её и подняли валы, потому что она охраняет вход в долину. Другой дороги здесь нет, кроме как по густым зарослям сопки.

Княжеский вояж подъехал к крепости, и перед ними открыли красивые новые ворота с высокой одноярусной черепичной крышей с загнутым вверх карнизом, концы которого по периметру отделаны круглыми дисками с рельефными изображениями пасти драконов. Конёк крыши украшали скульптурки тигров, словно они готовились к прыжку друг на друга, а между ними, точно живые стояли журавли с поднятыми головами, как символы долголетия и благополучия. Это было творение ремесленников-беженцев, которые пополнили население городища.

Необычность украшения ворот поразила гостей, и они с приподнятым настроением въехали в город. Губернатор познакомил князя с начальником гарнизона моукэ. «Перепелиное гнездо» было поселением земледельцев и ремесленников: кузнецов, ткачей, гончаров, которые свои изделия поставляли в Сюйпинь и земледельцам близлежащих селений. Ухоженные ровные улицы демонстрировали порядок и заботу жителей о своём городе. В центре находилось небольшое колоннадное здание общественного и религиозного назначения и маленькая площадь, куда уже собирались горожане. После объезда крепости, их пригласили на обед, где угощали овощами, печёными рябчиками и перепелами, рыбой в луковом отваре и фруктовыми напитками. В память о прибытии в этом поселении местные кузнецы преподнесли подарки Пусяню, Хэбо и Хасая. Это были искусно сделанные ножи в ножнах. Всадникам сменили уставших лошадей, и они продолжили путь.

— Здесь начинается дорога в Хэлань на юг, на берег тёплого моря (залив Посьета), а потом мы поедem вглубь губернии среди скал — сказал Полигэ. Они съехали с дороги на поляну и остановились. Ваньну передал Хэбо письмо, скреплённое печатью, в круглом бамбуковом пенале, для корёского вана и бронзовую личную верительную бирку с надписью «Пусянь Ваньну губернатор Ляодуна, главнокомандующий северными войсками», а также разрешение на выезд из страны, подписанное Васу. Этот документ необходим для корёских пограничников, он свидетельствует о том, что его предъявитель официально въезжает в страну, чтобы избежать допросов о причинах приезда. Хэбо приблизился к князю и шепотом поинтересовался:

— Князь, почему ты передаёшь старую верительную бирку.

— Потому что тебя на корёской границе будет встречать Ким, и он знает эту бирку, в подтверждении того, что ты действуешь от моего имени. Мы

только сейчас начинаем изготавливать печати, бирки, другие государственные знаки и скоро я вручу тебе личную золотую бирку Ваньня Хэбо. Через год Пусянь вручит Хэбо драгоценную из золота бирку, которая станет предметом поиска исследователей.

Они рассмеялись, понимая, что самое лучшее в их жизни ещё впереди.

— Хорошо князь, я постараюсь, — ответил Хэбо.

— Я знаю Хэбо, только ты сможешь выполнить это секретное и опасное поручение. Будь осторожен, там, во дворце вана, не всем нравится наше стремление улучшить отношения с Корё. Ким негласно со своими людьми будет охранять миссию. Когда вернёшься, тебя будут ждать в одном из укреплений на юге, его покажут сопровождающие. Да хранят тебя добрые духи!

Пусянь, Хэбо и Хасай обнялись наудачу. В Корё с генералом поехали ещё три верных человека, по губернии к границе их сопровождал Полигэ с 10 небольшим отрядом всадников. Командиру отряда дан приказ ждать их возвращения.

Князь и Хасай повернули коней от развилки на северо-восток в крепость «Золотая долина» (Николаевское городище). На дороге их должен был встречать Шимынь, но вместо него прибыл начальник моукэ, которого хорошо знал Хасай, и доложил, что губернатор повредил ногу и ждёт всех в маленьком городище.

К вечеру они добрались в небольшое городище с низкими валами. Их встречали чиновники ведомственного управления, начальник гарнизона моукэ с небольшим отрядом, прибывшим из крепости «Золотая долина».

В крепости были уже расставлены палатки, а в чугунных котлах варились мясо изюбря. Ваньну и Хасай вошли в дом, где лежал Шимынь с перебинтованной ногой. Губернатор неудачно спрыгнул с лошади, подвернул ногу, и она опухла. Рядом суетился лекарь. Он сказал, что наложил хорошие мази и к утру опухоль спадет. В дом принесли большие деревянные тарелки с горячим мясом, овощи, ягоду и рисовые лепёшки. Князь, Хасай и Шимынь поужинали. Губернатор рассказывал много интересного о своей губернии, о возможном расположении будущих крепостей и обещал их показать.

Наутро, действительно у губернатора прошла опухоль, и он встал на ноги. Все двинулись в путь. Дорога шла по распадку и петляла между сопками, потом среди тёмного леса. Они ехали долго и сделали привал, чтобы кони отдохнули и попили воду из протекающей мелкой речушки. Снова ехали, поднимаясь наверх сопки и, наконец, увидели, перед собой внизу зелёную большую долину в ярких солнечных лучах.

На ней возвышалось равнинное городище «Золотая долина». Это Николаевское городище расположено недалеко от с. Николаевки в Партизанском районе на левом берегу р. Водопадной, у слияния с р. Партизанской (Сучан). Ещё в период расцвета своего королевства, бохайцы построили здесь небольшую крепость. В годы киданьской агрессии и разгрома Бохая, эта крепость осталась в стороне от военных действий.

В начале XII в. была разрушена корёсцами. Чжурчжэни восстановили её, но старые укрепления уже не имели оборонной мощи.

Пусяню Ваньну понравилось стратегическое расположение этого поселения на плодородных землях.

— Мы построим здесь красивый город с колоннадными дворцами, здесь будет поистине золотая долина, — сказал он губернатору и продолжил, — начнём мы это строительство весной.

Весной 1218 года началось строительство, которое завершилось в 1222 г. на седьмой год девиза правления «Тянь-тай». Площадь городища равнялась 33 га, в плане имело вид равнобедренной трапеции со скошенными углами, ориентированными по сторонам света. Тысячи людей трудились над возведением землянных стен. Были заново построены мощные крепостные валы длиной около 2 км, кроме северо-западной стороны, которая выходила на крутой берег реки. Вал высотой 10 м, в основании шириной 25 м, а в верхней части — 2 м был построен с уклоном под углом 45° в сторону городища и со всех сторон облицован вплотную уложенным галечником. С трёх сторон крепости был прокопан ров шириной 20 м и глубиной 3-4 м, который заполнялся речной водой. Строители создали искусственный проток. Дно рва и реки находились на одном уровне, и река огибала городище. Когда потоки воды во время паводков выходили из берегов, что не редко бывает с горными реками, угрозы размыва вала не было, так как он был сложен из утрамбованной плотной глинистой почвы, обложен и укреплен камнями. Оборону вала дополняли 12 встроенных башен. Двое ворот защищали «Г»-образные валовые траверсы.

Въезд в городище, вероятно, был по пантонному мосту. В Юго-Восточной Азии связывают несколько лодок, на них кладут деревянный настил из обвязанных стволов бамбука, получается плавучая платформа. Такие платформы соединяются канатными узлами, и получается мост любой длины, который легко разбирается благодаря особым узловым креплениям. Возможно, сообщение с крепостью было по вантовому мосту. Подвесные дороги были известны с древних времён в Китае, Корё, Японии и странах Юго-Восточной Азии.

Главной частью городища был Внутренний город площадью в 40 000 кв. м. с комплексом буддийских храмов, стоящих на высоких земляных платформах. Крыши этих храмов были богато украшены черепицей и скульптурными мифологическими фигурами. Парадная трёхпролётная арка, через которую в храмы проходили люди, символизировала путь очищения. Перекрытия арки выполнены из ажурной серой черепицы с коцевыми дисками с зооморфными изображениями. На коньке крыши установлены скульптурные барельефы голов рогатых драконов. Опоры арки были изготовлены из мощных стволов деревьев, на которых резчики создали объёмные зооморфные фигуры, изображения птиц, растений, а художники расписали их яркими красками.

В городище были квартальные застройки по производственным признакам. В одной части жили монахи, в так называемом тихом районе, в другой части были ремесленные кварталы с кузнечными мастерскими, деревообработкой, ткацким производством. Большую территорию городища занимали усадьбы земледельцев. Ещё там была цитадель из отдельно обвалованного участка с дворцовыми постройками на фундаментах — платформах, их пологие откосы украшал травяной покров.

«Золотая долина» стала одним из духовных центров государства, куда съезжались простые люди, чиновники, высокое начальство Восточного Ся. Именно здесь археологами была найдена часть бронзовой верительной бирки в форме рыбки с гравированной на ней надписью: «Командующий левой доблестной охраны Нелицзи». На торцевой стороне бирки была гра-

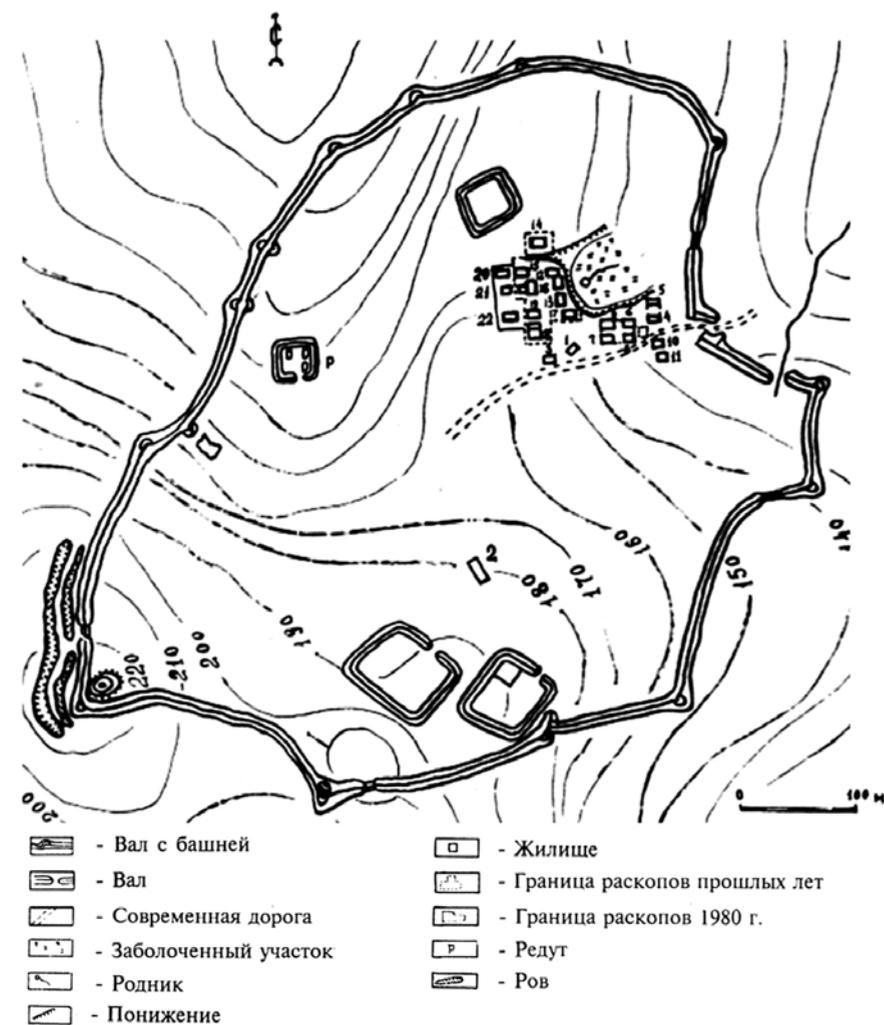

Рис. 6. План Екатериновского городища.

вировка с надписью: «при соединении совпадает». Вероятно, эта бирка принадлежала военачальнику.

На следующий день князь и его сопровождение уже ехали на юго-восток, на строительство крепости «Южный щит» (Екатериновское городище). Археологический памятник находится в 2 км от с. Екатериновка Партизанского района.

— Скоро князь увидишь то, о чём мы говорили в Сюйпине ещё в мае, — загадочно сказал Шимынь.

— Несколько тысяч переселенцев строят большое горное городище, — торжественно произнёс он.

— Да, здесь благодатный край, растёт виноград, абрикосы, слива, вишня. В сопках много оленей, тигров, а в распадках пасутся фазаны, — дополнил Хасай — любитель поохотиться.

Князь торопился посмотреть, как начинают осуществляться его планы. Ещё издалека он увидел посёлок из полуземлянок, маленьких глинобитных домиков, палаток и юрт, но все эти жилища были аккуратно поставлены в ровные ряды, как в военном лагере. Это и не удивительно, потому что дисциплина строителей была возложена на военных и начальников моукэ. Князь был строг и нетерпим к беспорядку.

Крепость строилась на склонах неглубокого распадка между двумя сопками. По его дну протекает ручей, который условно делит городище на северную и южную части. Работы велись на всей площади крепости в 27 га. Здесь трудились три тысячи человек. На внешних склонах сопки вырубали растительность, мотыгами и лопатами срезали пологие подъёмы. На внутренних склонах сопки сотни людей копали террасовидные площадки. Они делали вертикальные стены, широкие, ровные земляные площадки для жилищ, которые каскадом должны размещаться по окружности сопки. Край площадок укрепляли камнями, чтобы предупредить сползание земли от ливневых дождей. Грунт с сопки переносили для строительства валов.

Распадки перекрывали двумя 8-ми метровыми валами с севера и юга. Верх сопки выравнивали для отсыпки невысокого вала. Общая протяжённость валовой обороны составляла около 2 200 м. Вокруг крепости копали ров шириной 10 м и глубиной до 3 м. Этот грунт переносили в стены крепости. На территории городища отсыпали грунт, трюбовали его под площадки высоких фундаментов колоннадных зданий. На многочисленных повозках, запряженных волами и лошадьми, везли на строительные площадки камни скальной породы, глину, землю то, что было под ногами у землекопов.

Пусянь был доволен темпами строительства, и что Угамынь, как министр общественных работ, правильно распределяет переселенцев на объекты оборонного строительства. Ещё летом министр отправил несколько тысяч людей на восстановление западного пограничного вала на правом берегу р. Муданьцзян в губернии Хулигай.

Всё мужское население привлекалось на общественные работы. Общественные работы одна из форм принудительного, обязательного участия взрослого мужского населения в строительстве огромных сооружений, когда каждый податный человек отрабатывал в пользу государства определённое количество дней в году. Такая форма принудительного труда с древних времён использовалась в Китае для строительства каналов и дамб, ирригационных систем, Великой Китайской стены, крепостей, императорских дворцов.

В Китае, во времена Сун, Тан и более ранние эпохи, сроки общественных работ иногда доходили до 90 и более дней в году. Такая форма классовой эксплуатации тяжёлым бременем ложилась на крестьянские плечи и отрывала их от земли, что пагубно влияло на состояние сельского хозяйства и приводило мелких производителей к обнищанию в разряд зависимых, крепостных.

В Восточном Ся общественные работы считались патриотическим долгом по защите страны, так как основные объекты строительства имели оборонное значение. Кроме общественных отработок, Ваньну в 1218 г. создал специальные строительные подразделения, которые работали только на строительстве крепостей. Эти строители были на содержании государства, получали «заработную плату» в виде натурального продукта необходимого для жизни работающих и их семей.

Городище «Южный щит» строилось шесть лет. Это была горная крепость с высокими валами, укрепленными сопками, которая могла держать круговую оборону. Боевую мощь городища поддерживали 14 башенных выступов — ронделей. С внешней стороны перед крепостью находились две линии рвов глубиной до 3 м и шириной в 20 м. Они сдерживали противника от прямого приступа стен городища.

Внутри города на террасах были построены дома усадебного типа с амбарчиками для хранения продуктов и хозяйственного инвентаря. Размеры жилых домов были в пределах 5х6 м. Внизу, на выравненном распадке, городская территория была застроена прямоугольными обвалованными участками, которые соединялись дорогами. В северной части городища находился «Внутренний город», площадью 1 200 кв. м., его защищал вал шириной 10 м и высотой 4 м. Эта была административная и общественная часть города с большими глинобитными и колоннадными зданиями, стоящими на высоких земляных утрамбованных фундаментах.

В южной части — располагались ещё два «Внутренних города» прямоугольной формы площадью 50х60 и 40х50 м, обнесённые валами. В них также на земляных фундаментах находились построенные рядами многочисленные постройки, напоминающие жилые дома, только больших размеров — в среднем 13х14 м. В этих помещениях находились продовольственные запасы, оружейные и пороховые арсеналы, глиняные сосуды для бомб и гранат на случай долговременной осады противником. «Внутренние города»

— это оборонные объекты, их валы имели оборонное значение и охранялись караулами.

На территории города были и другие валовые укрепления «редуты», в которых находились караульные помещения для круглосуточного патрулирования города и его стен.

В городище были только одни ворота. Они были укреплены «Г»-образными траверсами. В валу имелись ещё два канала-тоннеля для выхода ручья и сточных вод, между ними вал имел полукруглый выступ для двухсторонней обороны этих тоннелей, через которые могли пройти враги.

Крепость была построена весной 1223 г. со статусом военного центра мэнъянь и южной резиденцией Пусяня Ваньну. Этот фортпост охранял границы от набегов приморских поморов, японских пиратов.

Ваньну и его сопровождение весь день провели на строительстве городища. Уставшие, они ушли отдыхать, чтобы утром снова отправиться в путь. Пусянь напомнил Шимыню разговор о новом городище.

— Князь, место о котором я говорил, находится далеко. Необходимо вернуться на дорогу, а чтобы быстрее добраться до места придётся ехать по узкой дороге в тайгу, — он продолжал, — там водятся тигры.

— Опять тигры, уж не пугаешь ли ты меня, или мы потеряем время напрасно?— Нет, место замечательное, я думаю, что тебе оно понравится. Я в губернии много обошёл дорог и троп. Здесь есть хорошие природные бастионы, но это самое лучшее.

Пусянь сменил тон, и сказал помощнику, чтобы ранним утром седлали лошадей.

Только поднялось солнце, всадники в сопровождении охраны уже ехали по дороге. Она шла по всему побережью, дугой огибая залив Петра Великого, от залива Находка, заходя в заливы Восток, Уссурийский, Амурский, Посъет и дальше по берегу Корейского полуострова. От неё шли дороги по долинам вглубь Приморья, одна из которых вела в Сюйпинь и на Уссури.

Эта прибрежная дорога, была проложена ещё в до бохайское время, скорее ещё в раннем железном веке, в I тыс. до н. э., когда она была конной тропой. Лошади в Приморье появились во II тыс. до н. э. в эпоху бронзы, во времена набегов кочевников из Прибайкалья и Забайкалья. Пастушьи племена, пройдя равнинами Приамурья и Маньчжурии до восточных окраин, спустя время, ушли на родные пастбища, оставив здесь частицы материальной культуры и лошадей.

Конная тропа превращалась в узкую дорогу, по которой в заливах и бухтах оседали племена ихтиофагов (пожирателей рыб и маллюсков), оставившие в древних ямах многослойные раковинные кучи. Море кормило людей, а благоприятный климат способствовал обживанию побережья. Бохацы освоили эти места и построили причалы в небольших бухтах, из которых рыбаки выходили на лодках в море ловить рыбу, а торговые небольшие

одномачтовые парусники кабатажем вдоль берега из порта в порт ходили в государства Когурё, Силла, Китай и Японию.

Лёгкая пелена утреннего тумана закрывала дорогу и виды её окрестности. На побережье во второй половине августа солнце прогревает залив настолько, что вода становится похожей на «парное молоко» и долго сохраняет это тепло. Суша за ночь быстро остывает и тёплый воздух моря, выходя на берег, превращается в мельчайшие капельки тумана, до тех пор, пока солнце не поднимется высоко в небо и высушит эту влажность. Снова с высокой горы виднелось море, которое на этот раз было в белой туманной дымке, через которую слышался лёгкий шум волн и свежесть солоноватого запаха моря.

Ехали долго, потом с дороги повернули на широкую тропу под кронами высоких деревьев. В лесу было прохладно и тихо. Тропа поднималась в горы, высокие деревья уступали кустарникам, тропа становилась узкой тропинкой, и, наконец, исчезла. Идти стало трудно, лошади обдирали ноги об жёсткий кустарник. Всадники вышли на вершину, покрытую орехом маньчжурским, ольхой кустарниковой, дубом монгольским с небольшими полянками высокой травы. Перед ними окрылся огромный горный амфитеатр, представляющий кольцо из высоких крутых сопки со скальной вершиной на западном склоне, внутри которого был распадок, через который бежал ручей. Сопки подпирали долину левого берега р. Партизанской (Сучан).

Пусянь Ваньну был очарован пейзажем, казалось, сама природа создала условия для горной крепости, которую нужно достроить оборонительными укреплениями. Он обратился к Шимыню:

— Спасибо Шимынь, ты сделал мне подарок, эта будет идеальная крепость и хорошая связка укреплений на одной реке. Мы назовем её «Грозная скала» (Шайгинское городище).

Шимынь глубоко вздохнул, что угодил суровому князю. Время летело быстро. Пусянь, губернатор и начальники военных поселений Елани объездили много распадков с горными уступами в границах дорог и поселений. Землемеры отмечали точки, делали пометки на своих картах, рисовали схемы подходов к предполагаемым объектам. Возможно, что некоторые из этих планов, так и останутся на бумаге. Чиновники военного управления отмечали на карте горные отроги, стоявшие над распадками и долинными низинами, в которых Пусянь видел будущие мощные крепости. Одна из них Дубовая сопка в Шкотовском районе.

По всему маршруту, где бывала инспекция, чаще встречались небольшие равнинные укрепленные и неукрепленные валами поселения, которые были основаны в бохайское время и с XII в., они использовались чжурчжэнями, но особого оборонного значения не имели, потому что эти районы были в глубоком тылу, созданной ими Цзиньской империи. Достраивать и перестраивать эти небольшие равнинные крепости, не было смысла, они

потеряли стратегическое значение и оставались как населённые пункты, где жили ремесленники и земледельцы.

Князь не ставил перед собой задачу самому определить все будущие крепости, он хотел убедиться в пригодности отдельных горообразований для постройки мощных крепостей.

Как глава государства, он объездил почти всю губернию. Его интересовали поиск и разработка новых железных рудников, производство оружия и орудий труда, расширение посевных площадей и другое, что обеспечивало силу государства.

«Чтобы оборонять государство, нужно людям иметь то, что они будут защищать, за кого они будут сражаться, тогда ненависть к врагам, которые хотят всё это отобрать, будет сильнее страха монгольского нашествия» — думал Ваньну.

Прошло 12 дней в напряжённой работе. Князь и Хасай возвращались в столицу в Сюйпинь.

В это время Хэбо вернулся из Корё. Он остановился в Майском городище, расположенном на левом берегу р. Комиссаровки в Ханкайском районе, площадь его составляла 140x150 м, высота вала 2-3 м, его защищали несколько башен. Городище являлось административным центром маленьких поселений, расположенных в недалёкой окружности. В XI в. его построили кидане, основным населением были бохайцы под властью Ляо. Позже городище перешло в руки чжурчженей.

На границе его встретил отряд, который исследовал южные районы Хэлани и нашёл несколько удобных возвышенностей и скал, имеющих превосходство над прилегающей местностью, на которых можно построить

небольшие опорные оборонительные крепости. Среди них мысовидный уступ высотой 10 м на террасе р. Грязной около с. Кравцовки в Хасанском районе.

Позднее, здесь, в 1220 г. будет построено Гусевское городище. Крепость площадью 600 кв. м. с земляным валом высотой 2 метра, служило сторожевой заставой, где воины вооружены луками и стрелами, копьями, боевыми топориками, железными рогатинами, вели дозор за долиной реки.

Для боевых действий они в арсенале имели пластинчатые панцирные железные доспехи, защищавшие грудь и спину. Пластины размером 87x27-20 мм крепились тонкими сыромятными нитями или сухожилиями внахлёт в отверстия по краям пластин на плотную ткань или кожаную подкладку. Нагрудники и спинные части доспехов соединялись по бокам ремешками и застёгивались на пряжку. Доспехи напоминали современные армейские бронежилеты.

Дополнительным защитным вооружением был короткий подол, его изготавливали из прямоугольного отреза грубой ткани или кожи, на который крепили железные пластины как на доспехи, оборачивали вокруг пояса и затягивали широким ремнём. Подол защищал тазобедренную часть туловища.

Шлем — боевое наголовье делали из кованой полусферы или широких дугообразных пласти, которые веерообразно раскрывались и крепились клёпками на кольцевой обруч. На вершину шлема крепили трубочку для плюмажа (украшение из перьев или хвостов пушных зверей). К передней, лицевой стороне наголовья клёпками крепили налобник, в его центральной части чеканом выбивали две листовидные выпуклины, напоминающие приподнятые брови и пластину, закрывающую нос до верхней губы. К задней части обруча и по бокам, клёпками крепили бармицу, собранную из железных прогнутых наружу пластин, чтобы она закрывала шею, верхнюю часть лопаток и ключицы, виски и скулы, оставляя открытыми глаза и рот. Такое вооружение было у воинов-приморцев в первой четверти XIII в.

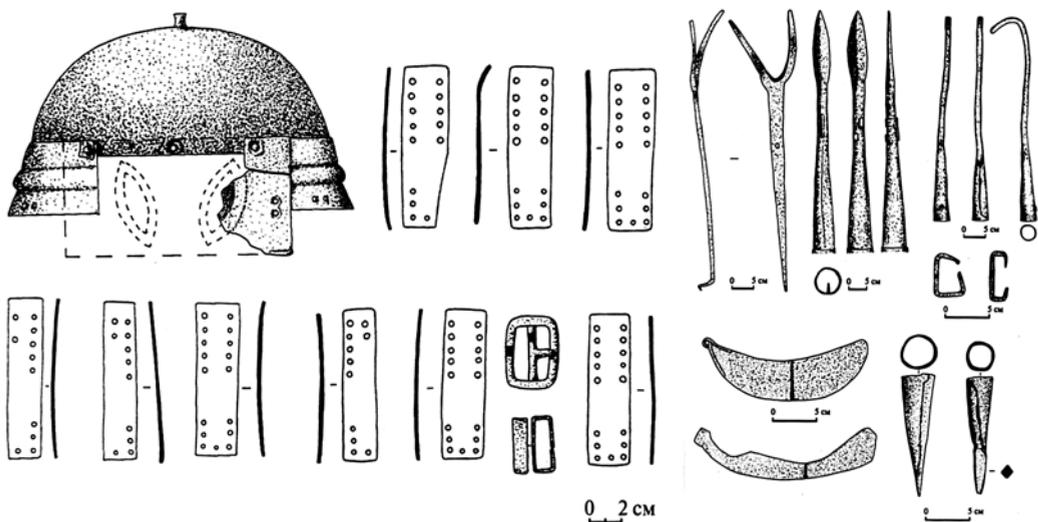

Рис. 7. Шлем, панцирные пластины от шлема и панциря, пряжка, обоймица, оружие и орудия труда Гусевского укрепления (по Н.Г. Артемьевой и В.А. Хореву).

ВРЕМЯ БОЛЬШИХ ИСПЫТАНИЙ

Благодаря упорству, настойчивости и воли Ваньну в течение лета и осени военным ведомством были исследованы многие районы по р. Уссури, побережью Японского моря, центральных территорий Елани, Хэлани, Хулигая и определено расположение 40 горных городищ.

Оборонная система заключалась в построении крепостей на горных отрогах и крутых сопках на определённом удалении друг от друга в местах, где проходят основные дороги, соединяющие экономические районы. В Приморье известна разветвлённость дорог, идущих от Елани на суйфунскую

равнину к р. Уссури, от Елани, через Хэлань на северо-восток Маньчжурии в губернию Хулигай. Небольшие городища, как военное поселение моукэ, должны охранять дорожные перевалы, долины рек, равнины с высоты укрепленных сопок.

Большим горным городищам-крепостям отводилось роль административных и командных управлений мэнъянь с мощными гарнизонами и центрами оборонного ремесла.

Исходя из бохайской и чжурчжэньской традиции в государстве Восточное Ся были утверждены три столицы: Верхняя, Южная и Северная. Северная столица находилась в горном городище Чэнцзыхоушаньчэн близ озера Цзинбоху в провинции Гирич, Южная — располагалась тоже в горном городище Чэнцзышань, на юго-востоке провинции Гирич. Главная — Верхняя столица город Кайюань будет построена на месте «Южного вала» (современного города Уссурийска). Эти столичные города государства должны иметь особенные укрепления, исключаяющие взятие их врагами.

Пусянь понимал, что положение его страны зависело от обстановки в Маньчжурии и действий Чингисхана. Никто не знал его планов, Ваньну знал, что монголы готовятся к сокрушительному походу в Цзинь. Тогда почему кочевники сквозь пальцы смотрят на Восточное Ся. Что-то они зловещее затевают, но об этом степь молчит.

Ваньну встретился с Хэбо в своём доме. Хэбо рассказал о сложной обстановке в Цзинь:

— Мухали не ведёт больших сражений, но держит в напряжении Кайфын. Монголы переманивают цзиньских китайцев на свою сторону, чтобы ослабить силы чжурчжэней. Мухали отправлял посольство в Южный Сун, чтобы китайцы выступили вместе с монголами, но те всё торгуются, боятся прогадать, а, если честно говорить — трусят. Когурёсцам не понятна позиция цзиньского двора, на данный момент силы цзиньцев превосходят монгольские, и резерва у них нет, можно изменить обстановку в войне. В тоже время известно, что китайцы не хотят поддерживать чжурчжэней. Они думают, что с разгромом Цзинь всё успокоится и окончится война. Чингисхан находится в Монголии со всеми своими войсками. Очень тревожно, что он задумывает. Если монголы пойдут в Маньчжурию, то нам будет очень трудно, они нас раздавят, а может, они пойдут в Корё?

Пусянь внимательно слушал, и спросил Хэбо:

— А как наши дела в Корё?

— Господин Пак, ссылаясь на решение корёского вана, передал мне, что не раньше следующего года направят специалистов, знающих строительство горных крепостей, они готовы сотрудничать. Корёсцы готовы к установлению дипломатических отношений с Восточным Ся, и в любое время ждут посольства, чтобы официально утвердить наши отношения.

Люгэ держит на их границе свои войска, создавая напряжённость. Он ведёт себя вызывающе, так как нет сил, которые остановили бы его наглые

действия в Маньчжурии. В нём всё ярче выражается злость оскорбленного киданя, у которого отобрали в 1125 г. Железную империю, к которой, в общем, он не имеет никакого отношения. Он вошёл в роль защитников киданей и готов установить власть во всей Маньчжурии.

Корёсцы могли бы наказать Люгэ, выйдя за пределы своего государства, но тогда дело обернётся войной. Монголам с одной стороны это выгодно. Кидане и когурёсцы без их вмешательства в сражениях ослабят друг друга. Чингисхану пока нет дела до Корё, но с другой стороны монголам не нужна лишняя война, которая может вызвать антимонольское сопротивление не только в Маньчжурии, но и в Цзинь.

Они ещё долго говорили о войне, дальнейшей судьбе государства.

Прошло всего пять месяцев, а было сделано уже очень много. Для Восточной Ся сложилась благоприятная обстановка никакой угрозы со стороны не было. Ваньну, почему-то торопился, его что-то тревожило, он это понимал, но сделать с собой ничего не мог и своё беспокойство внешне не показывал. Это оттого, что ему хотелось самому основательно заложить фундамент во всё, что формирует военное государство: строительство городищ, земледелие, развитие оборонного ремесла. Нет, он ни строил, ни пахал, но проявлял участие во всех делах и требовал чёткого их исполнения.

Осенью земледельцы собрали хороший урожай. На следующий год создавались условия для расширения посевных площадей. Зерно, собранное с полей, засыпали на хранение, как семенной фонд, поэтому потребление его было ограничено.

В земледельческих поселениях начинали заниматься домашним животноводством, которое пока не обеспечивало потребности людей, поэтому дикое мясо и дичь занимали основное значение в питании людей. Охотничьим оружием служили копья, стрелы с плоскими наконечниками, которые наносили смертельные резаные раны, петли, самострелы. Охотились на медведя, дикого кабана, изюбра, косулю.

Речное и морское рыболовство обеспечивало восточноясыцев круглый год. Морскую рыбу привозили с побережья в большом количестве. Керамические грузила, железные рыболовные крючки широко представлены на раскопках средневековых поселений, а также кости рыб семейства карповых, косатки, створки раковин моллюсков.

Собирательство кормило людей кедровыми, лесными орехами. Жёлуди, ягода, грибы, съедобные, лекарственные травы и корни заготавливались вплоть до нового урожая. Интересная находка миниатюрных бронзовых ножей длиной 7 см с лезвием 2 см для подрезания корней растений, соседствующих с женьшенем, чтобы при выкапывании не повредить корень жизни.

Прибыли корёские строители горных крепостей, их в качестве ведущих строителей отправили на «Грозную скалу» (Шайгинское городище), «Страж долины» (Ананьевское городище) в Надеждинском районе и столичный город Кайюань, где перестраивается «Южный вал» (Красноярская кре-

пость). Они на местах будущих крепостей под руководством военного ведомства чертили планы городищ, на основе данных землемеров, прорисовывали схемы укреплений, делали расчёты объёмов работ. Им помогали строители переселенцы, которые были знакомы с фортификацией.

В создании этих крепостей Пусянь видел силу своей власти и мощь военного государства. Особенное отношение у него было к строительству Кайюаня. Он хотел построить город, какого не было ещё на территории Приморья и во всей Маньчжурии со времён империи Ляо. В ноябре 1217 г. на строительство земляных валов столицы было отправлено около 30 тысяч человек.

Пусянь Ваньну готовил посольство в Корё. Послом в соседнюю страну был назначен далёкий родственник Хэбо из древнего рода Ваньянь, которому Пусянь подписал верительную грамоту. Вану Корё Коджону и членам его семьи были подготовлены дорогие подарки. В декабре посольство отправилось в Сондо (ныне Кэсон) — столицу Корё, что находится в 60 км от Сеула. На границе Корё их встретили и сопроводили в столицу.

В январе пришли известия посла из Кэсона, в котором сообщалось о восстаниях корейских крестьян, о сложных делах в экономике страны и провокациях киданей на границе Корё.

Первые мартовские лучи солнца предвещали хорошую и тёплую весну.

На «Грозной скале» начали выкорчевывать деревья, рубить кустарник, убирать растительность по всей территории будущей крепости. Вырубленные ветки кустов собирали отдельно, чтобы летом из них строить глинобитные стены для домов. В крепости «Южный щит» шла работа по увеличению высоты вала по всей его длине, для этих работ начальник строительства просил направить ещё две тысячи человек.

В Кайюане шли большие работы по подготовке оснований валов, поверхность земли предварительно выравнивали, чтобы основание вала было монолитным и прочным. Земля на поверхности легко поддавалась лопатам. Пусянь получал донесения о строительстве на других городищах.

В конце марта пришло ещё одно донесение от посла: «В Корё собирают силы для отражения киданей, если они начнут наступление внутрь страны. Официально в Кэсоне меня уведомили, что у них достаточно сил, чтобы очередной раз прогнать врагов, и нет основания для привлечения сил со стороны Восточного Ся. Совместные действия могут вызвать недовольство монголов, как факт создания коалиции. Ван Коджон с добрыми чувствами относится к Великому князю».

«Теперь понятно, почему молчат в Корё о действиях Люгэ. Они боятся осложнить международные отношения между Корё, монголами и Восточным Ся, — подумал Пусянь. — Ну, что, подождём, как дальше будут разворачиваться события на Ялуцзяне (Амноккане)».

Пусянь жил ожиданием апреля, ему хотелось побывать в земледельческих поселениях, посмотреть распашку новых полей, потому что десятки

тысяч людей будут работать на строительстве крепостей и их нужно кормить. Ещё он хотел побывать на Уссури. Неожиданно в начале апреля, когда Пусянь собирался в земледельческие районы, в Сюйпинь прибыли Васу и Гао Линь. По их встревоженным лицам Пусянь понял, что-то произошло. Он поприветствовал своих старых друзей, которых не видел около пяти месяцев, пригласил в свой кабинет и только тогда стал расспрашивать:

— Что могло случиться, что вы вдвоём приехали от южных границ Хулигая?

— На берегу Муданьцзян появились монголы во главе с их тысячником Тоганчи, они требуют, чтобы ты явился к нему, как монгольский вассал, — голос Васу дрогнул.

— Да, что-то у них не ладится, — протянул Пусянь, — но голос его был спокоен.

— Васу, что ещё известно об их появлении, и Ким меня не предупредил об этом?

— Ким не мог знать, что монголы придут, он наверняка сейчас в Цзинь — ответил Гао Линь.

— Значит, их прислал не Мухали? — теперь Пусянь смотрел вопросительным взглядом.

— Мухали со своим монгольским малочисленным войском крепко засел в империи, если он уйдет хоть на время, китайцы могут не выдержать натиска цзиньцев и разбегутся. Мухали держит крепко руку на горле их военачальников, которые боятся за свою шкуру, а те в свою очередь, под страхом смерти заставляют воевать своих солдат и грозят наказанием их семьи.

— Чингисхан в Монголии, он на Орхоне или Керулене, точно я не знаю, — задумчиво протянул Васу.

— Может быть, это провокация не без помощи Люгэ или какой-то бунт в среде монголов. Нет-нет, это не может быть, — Пусянь махнул рукой.

— Только сумашедший человек поднимется против хана, он таким быстро ломает хребет и в страшной боли бросает в степи на съедение хищникам, — продолжал он, — недавно от нашего посла в Кэсоне я получил донесение о наглых действиях киданей против корёсцев. Да, я понял, монголам надоел Люгэ, он зарвался в Маньчжурии и это раздражает Чингисхана, вот он и отправил своего Тоганчи.

— Ты помнишь князь? — спросил Гао Линь, — как тогда, под Ляоси, в 1214 г. разбил один из его отрядов, и он был зол, — посмеиваясь, продолжал Гао Линь.

— Ну, ладно, пусть это он помнит, хотя воин он сильный и бесстрашный, — равнодушно сказал Ваньну.

Про себя он подумал, что прав был, когда думал, что настанет время, и монголы обязательно нас с киданями столкнут лбами, чтобы мы порубили друг друга во имя побед Чингисхана. Жаль, как это не понимает Люгэ, этот «маленький хан» заигрался властью.

— А сейчас отдохните с дороги, никуда монголы не денутся, к нам они не пойдут, они будут ждать. Сейчас уже ночь, а завтра, в 11 часов, всё обсудим.

Пусянь встал, поднялись и его генералы, они попрощались и ушли. Он в раздумьях вышел из кабинета в соседнюю комнату, где была его спальня.

Васу и Гао Линь пошли в гостевой дом, где повар приготовил им вкусный ужин, и они крепко заснули.

Пусянь долго не мог сомкнуть глаз, Люгэ взбудоражил память о жене, князь так и не мог простить себе, что не уберёг её.

Проснувшись, как никогда поздно, в 7.00 часов утра, Пусянь выпил чашечку бодрящего душистого чая и сел «за бумаги».

У Пусяня состояли на службе двое слуг — один тангут по имени Тингво, другой китаец-повар — Ли Фэн. Это были верные люди. Тангута он выкупил вместе с семьёй из рабства и оставил при себе, потому что он был родом из тех мест, где родился его отец. Тангут оказался добрым и честным человеком.

Китаец стал преданным слугой, за то, что когда-то Ваньну спас от смерти его пожилых родителей и переправил их по своим каналам в Южная Сун, где жила их родня. Когда китаец узнал, что его родители в безопасности, он пришёл к Пусяню и стал служить его семье. Если бы тогда этот китаец остался с его женой, то наверняка спас её, даже ценой своей жизни, но Пусянь взял слугу с собой в Корё.

Ваньну старался не корить судьбу, ведь дело не в ней, а в жестокости войны, где враг ищет уязвимые места своего противника. Если он не может победить в бою, то использует подлые приёмы, чтобы добиться мнимой победы, больно ранив в сердце. Пусянь приказал себе оставить мысли о прошлом, другие заботы требуют от него быть решительным и мужественным, каким его знают все в государстве.

В 11 часов собрался военный совет, где были Васу, Гао Линь, Хэбо, Шэон, Угамынь. Хасай находился с войсками на юге Приморья.

Выслушав разные мнения, решили отправить две дивизии на учения в Хулигай, но одна дивизия будет располагаться недалеко от Муданьцзяна. На встречу с монголом поехали Ваньну и Гао Линь.

На следующий день князь и Гао Линь с сотней всадников покинули Суйпинь и поехали, а Шэон, вслед повёл конную дивизию. На третий день их встречал губернатор Иясулу и правители мэньаней.

— Великий князь, монголы отсюда в 100 ли расположились по ту сторону небольшой реки в юртах и кибитках, ведут себя тихо, и никуда не выезжают из своего стана. Я отправлял к ним своих людей, пригласил их тысячника Тоганчи в гости. Монголы передали ему моё приглашение, он поблагодарил, но ехать отказался в силу зятости делами, хотя какие у него дела, сидит и ждёт твоего приезда, — сразу после встречи доложил Иясулу.

— Это хорошо, что ты оказал честь принять гостя, — доброжелательно ответил Пусянь, — нужно дать знать монголам, что мы приехали и пусть они выберут место встречи.

Конная дивизия ушла к одному из небольших поселений и остановилась у подножия невысокой сопки, поросшей большими деревьями и кустарником, среди камней бежала мелкая речушка с чистой прохладной водой. Кавалеристы из обозных повозок достали палатки и строили лагерь.

Иясулу отправил на берег несколько всадников, они воткнули в землю пику с кожаной сумкой, где лежало письмо, и ускакали.

Монголы переправились через реку и передали сумку своему тысячнику. Спустя некоторое время монголы вернулись и положили сумку на место. Вскоре ответ монголов был в руках Иясулу. В письме было написано: «Пусянь Ваньну, завтра в 8.00 часов утра, жду тебя и ещё трёх твоих людей без оружия в моём лагере».

Утром лодка с Ваньну, Гао Линем и его помощником пристала к монгольскому берегу, их проводили в юрту Тоганчи. В центре полумрачного круга юрты на подушках сидел тысячник и молча сверлил долгим взглядом вошедших. Рядом стояли нукеры, держа руки на навершии рукоятей сабель.

— Что молчите, — произнёс он.

— Как надо приветствовать ханского посланника? — Тоганчи крутил в руках плётку.

Эти слова монгола всё расставили на свои места. Пусянь понял, что нужен им для переговоров и произнёс:

— Здравствуй Тоганчи, прославленный воин великих монголов, — и с достоинством слегка кивнул головой.

Тоганчи бросил плётку, встал и произнёс с другой интонацией:

— Здравствуй Пусянь, смелый воин, я вижу, ты по-прежнему силён и храбр. Ты стал князем, пойдём под солнце, нам есть, о чём поговорить.

Он вышел первый, потом Пусянь, последними вышли телохранители монгольского посланника.

— Ты веришь своим людям, которые прибыли с тобой?

— Да, верю, потому и пришёл с ними.

— Зря, не верь никому, продадут.

Пусянь молчал, он держал паузу.

— Седьмого дня Елюй Люгэ осадил корёскую крепость и подтянул войска. О его подготовке к нападению мы узнали, и я приехал к тебе.

— Ты должен подписать этот документ, — монгол показал на длинный и толстый пенал из бамбука с двух сторон закрытый плотными бронзовыми крышками, обвитый синей лентой с большой печатью.

— Что в нём?

— Твоё право на жизнь.

Тоганчи открыл пенал и вынул большой свёрнутый свиток. На китайском и монгольском письме было клятвенное обязательство о союзе с Великим ханом в разгроме киданей.

— В чём заключается моя помощь, — Пусянь хитрил и тянул время, чтобы больше узнать, чего добивается этот посланник.

— Мы вместе должны разбить Люгэ, он выходит из подчинения, хан перестал ему доверять.

— А вдруг хан перестанет доверять мне.

— Ты заслуживаешь доверия, иначе не было бы этого разговора. Хан уходит в большой поход, а ты останешься здесь верным вассалом в своём государстве, пока не позовёт тебя Великий хан. Мы начнём борьбу с киданями, но потом уйдём.

— Как долго ты будешь воевать?

— Мы будем здесь долго, к нам подойдёт большое войско.

— Когда мы вместе пойдём на киданей?

— Скоро, ты узнаешь.

— А если я побью Люгэ, что дальше будет?

— Мы оставим тебя и корейцев в покое, живите, как знаете.

Тоганчи расстелил свиток с витееватыми иероглифами, написанный хорошим каллиграфом.

Пусянь прочитал китайский текст, но не всё мог разобрать в струйчатом монгольском письме, которое было принято из уйгурского алфавита, но он понял, что текст на двух языках одинаковый. Перед ним поставили китайский письменный прибор, наполненный различными кистями, такие приборы находились во дворцах именитых сановников, эти кисти стояли очень дорого.

Он выбрал тонкую средней твёрдости кисть, макнул в тушеницу, снял о её края капли туши и лёгким движением руки мягко начал писать: «Князь Восточного Ся Пусянь Ваньну». Дату он не написал, в таких документах этого не требовалось, потому что эта подпись определяла дальнейшую судьбу человека, случалось и так, что подпись делала подписавшегося заложником на всю жизнь, или приводила к приговору, как это случилось с Люгэ. Пусянь верил в судьбу и знал, что путь его в борьбе за свою независимость. Он выполнит договор, а всё остальное в жизни он совершит сам.

Когда тушь высохла, к Тоганчи подошёл монгольский чиновник, свернул свиток, вложил в пенал, обернул его лентой, намазал концы чем-то клейким и нагретой на огне медной квадратной печатью оставил отпечаток. Пенал передал Тоганчи, а печать вложил в кожаный мешочек, подвязанный на поясе, и молча ушёл, при всей этой церемонии, он не проронил ни единого слова.

Монгольский посланник показал на расстеленные ковры и сказал:

«По нашему обычаю, гость перед дорогой должен быть сыт, и отвесть варёную баранину».

Подали красивые большие фаянсовые пиалы, наполненные ароматным мясом. Тоганчи усадил гостей и сел сам. Мясо брали руками, запивая бульоном, кости бросали на поляну, где их подбирали собаки и убегали в сторону. Еда оказалась вкусной с каким-то особым ароматом приправ. Рядом с ними во время обеда монгольские музыканты маленьким оркестром исполняли свои песни на национальных инструментах моринхур и цан (ударные). Согласно легенде — популярный национальный трёхструнный инструмент моринхур сотворён из гривы и хвоста крылатого коня, издающий при полёте чарующие мелодии.

Потом в пиалы поменьше налили тёплый травяной чай. Тоганчи посоветовал сразу его не глотать, а подержать во рту. Чуть-чуть горьковатый, но потом его вкус распался на приятную мятную свежесть с лёгким сладким послевкусием. Монгол объяснил, что эта трава растёт в Монголии, она появляется ранней весной на кочках около небольших теплых озёр. Эта трава редкая: из неё готовят напитки для избранных.

Тоганчи встал, поднял вверх голову к небу, что-то пошептал, посмотрел на Пусяня, повернулся и неоглядываясь пошёл в юрту. Другие монголы проводили гостей к лодке, и, не прощаясь, повернулись и ушли.

Дозорные ранним утром видели, как монголы ускакали в степь.

Пусяня и его сопровождение встречал Иясулу, командир дивизии, несколько чиновников. Все сели на своих лошадей и поехали. Ваньну молчал, и никто не смел, о чём-то его спросить. Ехали долго, потом Пусянь сказал Иясулу:

— Я всё понял, что Люгэ напал на Корё и хан от него отвернулся, но я не могу понять, чего нужно ждать...

Иясулу молчал, потом сказал, продолжая мысли Пусяня,

— Значит, монголы будут выступать, но когда и какими силами. Этот Тоганчи хитёр, он нас заставляет ждать.

— Нет, — сказал Пусянь.

— Мы будем готовить армию к выступлению, потому что мы многим обязаны корёсцам, они наши союзники, и сейчас монголы нам сами дали право действовать. Но всё получилось неожиданно, как впрочем, любую войну никто не ждёт, она приходит и ломится в дверь. Мы военные сами её порожаем и сами её уничтожаем. Простите, за эту минутную слабость.

Ваньну пятками сапог слегка стукнул по крупу лошади, и она помчалась по дороге. Все пустились вслед.

В конце апреля Люгэ прекратил провокации на границе Корё, снял войска и увёл вглубь Маньчжурии, скорее всего за р. Силяохэ, среднее её течение, оставив большой гарнизон в крепости Ляояне. Вероятно, он узнал о встрече Ваньну и Тоганчи, его это остановило, испугавшись двойного удара, он спрятался, зная, что сейчас в горных районах никто с ним воевать не будет.

Как быстро он узнал о военной коалиции. Кто-то из монгольских степей предупредил его, «уши» есть в степи, в горах и в стане хана.

Пусянь возвращался с Гао Линем в Сюйпинь.

— Хорошо, что пока так всё завершилось, но мы не знаем, что случится завтра в Маньчжурии, — произнёс Гао Линь, обращаясь к Пусяню.

— Обстановка, действительно сложная. Нам нужно опередить монголов. Победа над Люгэ, это гарантия нашей жизни. Чингисхан поведёт армию в Семиречье и это надолго. Ему не хочется оставлять в тылу мятежи и киданьские войны. Если они первыми пойдут на Люгэ, они подвергнут разгрому Корё, а может быть и нас... Мы только начинаем строить новую жизнь в Восточном Ся.

Пусянь так и не побывал на Усури, на посевной, но многое увидел у земледельцев в Хулигае. Они рассказали ему, что сеют такие же злаковые культуры, какие растут в Приморье и природа и климат очень похожи, что неплохая земля на равнинах Сунгари, но земля в долинах Суйфуна плодороднее и даёт больше урожая.

Ему хотелось поскорей попасть домой, чтобы посмотреть строительство Кайюаня и всё-таки отправиться на Усури. Хэбо и Угамынь справлялись со своими делами, и за два летних месяца с начала июня до середины августа Пусянь объездил территорию от Усури, до морских заливов, ему хотелось самому видеть, как строятся крепости, как растёт новый урожай. Он жил, происходившими переменами в государстве и они его вдохновляли, давали новую жизненную силу.

Но Ваньну всё время думал об усилении сил в Маньчжурии, необходима дополнительная переброска войск на юг, чтобы не дать врагу овладеть инициативой в случае его активных действий. Князь отправил Хасая с двумя дивизиями к оборонительной (Великой) стене, к границе Корё.

ВОЙНА

В начале мая 1218 г. Елюй Люгэ, ушёл в отдалённые районы Маньчжурии и за лето собрал большое войско, в сентябре двинулся вновь от Ляояна на Корё. Он считал что, разгромив корёсцев, вернёт былое доверие у Чингисхана и утвердит себя преданным вассалом, в его планы входило уничтожение Пусяня Ваньну, чтобы стать единственным хозяином положения в регионе.

Чингисхан действовал продуманно, он оставил в империи Цзинь небольшую часть своих войск под командованием Мухали. Китайцы в монгольском нашествии видели защиту против чжурчжэньских завоевателей, хотя приход монголов принёс разруху и уничтожение сотен тысяч людей. До тех пор пока Цзинь не будет уничтожена, Чингис не собирался расширять агрессию против других стран Восточной Азии, тем самым он не дал им повода создать коалицию против монголов.

Западное Ся, Южная Сун были безразличны к цзиньской империи, только в Корё понимали, что если чжурчжэни будут разбиты, то монголы уничтожат всех поодиночке. Монголы не были ещё готовы захватить всю Азию. Оставляя перепуганных тангутов, китайцев и корёсцев, Чингис решил захватить Среднюю Азию, сформировать новую сильную армию, приобрести боевой опыт, создать огромный военный потенциал, а потом всё это обрушить на Восточную Азию и уничтожить всех. Если бы монголы начали войну, то разбросанным монгольским туменам было сложно воевать на два фронта с Корё и Цзинь. Могло случиться так, что цзиньские войска пришли бы в Маньчжурию и не известно, состоялся бы поход Чингисхана в Среднюю Азию.

Люгэ в сентябре повёл 40 тысячную армию, чтобы взломать пограничную оборону Корё и ворваться на её территорию. Кидане перешли Ялуцзян (Амноккан) и захватили пограничные крепости Ыйчжу, Соксон. У притока реки Чхончхонган они взяли укреплённый город Понсан и двинулись на город Анбук (Анджу). Военный правитель Чхве Чхунхон оказал сопротивление, но сил у Люгэ оказалось больше, чем у корейцев, прорвав их оборону, продолжали продвижение по дороге к Анбук. В Корё ещё не прекратились крестьянские восстания, которые были вызваны снижением закупочных цен на продукцию земледелия. Смутное время отмечено кризисом в верхах и депрессией власти. Люгэ использовал сложности внутреннего положения в стране, и помощь Восточного Ся была своевременной.

Правитель Нового Ляо даже не представлял, что совсем недалеко от корёской границы находились 30 тысяч кавалеристов Хасая и Шэона, которые много раз наносили поражения киданям.

С северо-востока корёской территории со стороны Чхонни Чансон оборонительной (Великой) стены длиной в 1 000 ли двинулась конница Хасая из двух дивизий. Для Люгэ атака его давних противников, да ещё на территории Корё, была неожиданной, передовые отряды киданей были снесены с дороги, по которой они шли в Анджу. Со стороны Согёна (Пхеньяна), навстречу войскам Люгэ, шла тяжёлая корёская конница под прикрытием лучников.

Киданьский Правитель после десятидневных боёв в Корё, в четвёртый раз вынужден отступить, конечно, он мог дать сражение и показать свой полководческий талант на поле битвы, но после этого он потерял бы всё: и власть, и армию. Люгэ отступал по другим дорогам, чтобы не попасть в засады, он всячески избегал открытых сражений и начал играть в прятки с противником.

В это же время р. Амноккан перешла монгольская конница и по привычке разграбила корёские пограничные города и селения. В один из таких набегов монголы встретили киданьские войска, и завязалось сражение. Кидане понесли большие потери и под ударами монголов продолжали отступать. Монголы их гнали к границе и вернулись в Корё, где они стали

проявлять лояльность к корёсцам, объединённые целью уничтожить Люгэ. Правитель киданей покинул Ляонин, поговаривали, что его видели в провинции Хэбэй, где тепло и сытно.

Корёские, монгольские и восточно-сяские войска союзными не назовёшь, но в истории известны случаи, когда противные силы временно консолидировались ради уничтожения общего врага, который мешал каждому идти по своему пути.

Монгольские воины и кавалеристы Шэона устроили заставы на основных дорогах, ведущих в Корё, но кидане не появлялись и дни их ожидания были длинные и скучные.

В конце октября монголы неожиданно снялись с позиций, и ушли на северо-запад, однако они оставили в Корё своего наблюдателя посланника, а с ним не менее 200 человек для изучения языка, истории и культуры государства Корё. Фактически, это были официальные резиденты, вездесущие сборщики информации о стратегических возможностях Корё, как в плане экономического потенциала, так и в плане оборонных объектов.

Хасай увёл кавалеристов в зимний лагерь у подножья гор Чанбайшань, недалеко от него, в небольшой крепости расположились солдаты Шэона.

Эта осенняя война не принесла никаких результатов. Союзники действовали несогласованно, не было попыток окружения киданей или навязывания им разгромной битвы. Создавалось впечатление, что монголы пришли не сражаться с Люгэ, а с боями выгнать его за пределы Корё и сохранить ему жизнь. Такие как Люгэ нужны монголам, они создавали напряженные отношения в Маньчжурии, чтобы на тихой, безмятежной почве не появился тот, кто принесёт монголам много новых проблем.

Экономические и политические сложности в государстве не дали корёсцам возглавить антикиданьскую борьбу, а брать инициативу в свои руки в чужой стране никто не осмелился. Люгэ ушёл и когда и где он появится, никто сказать не мог.

Пусянь Ваньну, находясь в Сюйпине, был занят строительством крепостей. Он очень был расстроен, что войска трёх государств, имея численное преимущество, упустили возможность раз и навсегда покончить с киданями, и что Люгэ остался жив. А этот человек мог совершить ещё много подлых и мерзких поступков.

Он помнил разговор с монгольским тысячником и подписанные обязательства в отношении помощи монголам. Всё чаще какая-то неведомая сила подталкивала на решительные действия против Люгэ, его кровного врага, который по древним обычаям должен быть убит, иначе на опозоренный или оскорблённый род, который не мог или не пытался защитить свою честь, падёт проклятие на многие последующие поколения.

Пусянь не был язычником, он твёрдо следовал учению дао, где олицетворялись верховные законы Неба, определяющие порядок в обществе, и кто их нарушал, обязан был понести бескомпромиссную кару и для Люгэ,

в этом мире, он видел только одно наказание — смерть. Он дошёл до высшей точки своих преступлений и переходит в свою противоположность — расплату.

Какое-то внутреннее чутьё подсказало ему, что Люгэ готовится наступать на Корё. Действительно интуиция князя не подвела. Этот киданьский правитель, думал, что всех обманул, усыпил бдительность, и пока все снова соберутся, он успеет неожиданным ударом разгромить корейцев.

Князь и Хэбо взяли несколько сот всадников суйфунской дивизии и отправились к Хасаю и Шэону. Они задумали установить дозоры на правом берегу реки Ялуцзян (Амноккан) в старой крепости. Когда-то её построили когурёсцы, а потом она перешла к чжурчжэням, позже её завоевали кидани, и вновь она стала чжурчжэньской, точнее цзиньской. Долгое время её охраняли корёсцы.

Лазутчики из опасной разведки приносили ценные сведения об обстановке вокруг Ляояна. Последнее время там часто стали появляться киданьские разъезды до сотни всадников.

Эти новости заинтересовали Ваньну. Корёсцы направили Ваньну две тысячи подготовленных воинов горных стрелков, которые как змеи подбираются к врагу и насмерть бьют отравленными стрелами. Хэбо начал подтягивать кавалерию вдоль границы Корё.

Прошло ещё два дня. Разведчики на подступах к Ляояну передавали на расстоянии по цепочке сигналы, от пикета к пикету на вершинах сопок. Это были краткие «солнечные зайчики» от бронзовых зеркал.

Пусянь получил сообщение, что большая группа всадников в богатых доспехах и охранников копьеносцев въехала в крепость.

«Ну вот, все крысы собрались в каменном мешке, пора готовить крысоловку. Нужно не пропустить момент, когда они решаться выйти из крепости!» — сказал Хэбо, глядя на князя.

Через день из крепости в разные направления выехали всадники по окрестностям, это была разведка, чтобы удостовериться, что никого с крепостью нет, всё было тихо, тем более прошёл лёгкий снег, на котором не было ни каких следов, как гарантия безопасности и отсутствие поблизости врагов. Люгэ был уверен во внезапности нападения.

Шэон доложил, что в крепости не менее пятидесяти тысяч воинов и рядом на расстоянии 40 ли нет никаких воинских формирований.

— Князь, у нас тридцать тысяч кавалеристов и две тысячи корёских стрелков. Наши соотношения в полтора раза меньше.

— Нет Шэон, у нас в два раза больше силы, вера в победу и ненависть к врагу пятикратно, так или нет?

— Князь, ты ещё не прибавил мои силы!

Пусянь рассмеялся, по-дружески хлопнул по плечу Шэона, который был настоящим воин, которому тридцать шесть лет, а он уже столько воевал и одерживал побед, хватило бы на жизнь нескольких воинов.

Люгэ повёл войска на старую крепость, которая находилась в стороне от дорог и пограничных укреплений. Ваньну ждал этого момента. Он вместе с Хэбо разработал план, чтобы киданей взять «в клещи». Две дивизии с двух сторон ударят по флангам, а третья — пропустит врагов и ударит в тыл. Корейцы будут бить стрелами под углом по авангарду тоже с двух сторон.

На завтра князь и Хэбо наблюдали выход своих врагов на небольшую равнину между сопками. Плотные колонны шли одна за другой. Они заняли всю равнину так, что если они развернуться, то им будет тесно. Ваньну сидел на коне, у которого на крупе была застёгнута короткая попона из воловьей кожи, на шее пластинчатые щитки. Голени обвязаны кожаной лентой, которая берегла ноги лошади от ушибов и переломов. На князе был нагрудный доспех с коротким подолом. Сверху на бёдрах, коленях и голенях были застёгнуты на ремешках железные накладки-пластины. Из оружия у него был палаш, к седлу с правой стороны привязан плотный колчан с несколькими дротиками, боевой топор висел на седле слева. На голове был любимый шлем с соболиным хвостом, бармица из плотных узких пластин, от шлема на переносицу спущена узкая стальная стрелка.

Пусянь поднял палаш, и с вершины сопки раздалась выстрелы мощных разрывных пороховых самострелов, которые белыми яркими звёздами прочертили след в небе и взорвались в гуще киданей. Корёские лучники, встали во весь рост, начали стрельбу из длинных усиленных луков, почти метровые стрелы с бронебойными наконечниками, которые в сечении представляли квадрат или ромб тысячами летели в колонны киданей. Стрельба была настолько мощная и прицельная, что киданьские всадники буквально, как скошенные валились с коней.

С флангов по киданям ударили две кавалерийские дивизии, ведомые Хасаем. Третьей дивизией командовал Шэон, он ударил конницей в тыл киданям и смял их. Невидимая смерть от стрел, неожиданное окружение привело крадущихся киданей в замешательство, как загнанных хищников в облаве. Они смешались, сбились в огромный конный табун, а потом попытались оказать сопротивление, но потеряли инициативу.

Постоянная выучка наступающих солдат, прошедших много боевых сражений, сделала их мощными ударными силами, способные лавиной появляться перед противником, а в случае опасности, маневрируя, отступить, чтобы перегруппироваться и ударить с новой силой, пусть даже меньшим числом по сравнению с врагом. Каждый воин знал своё место в боевом порядке и поэтому легко перестраивался в массе несущихся всадников с воинствующими криками, от которых у врагов «кровь стыла в жилах». Врезаясь в противника, они разделялись на ударные потоки, как стрелы влетали в его середину и напором подавляли его.

Эта древняя тактика наступления кочевников, но гибкостью ловирования, умением найти слабое место в наступлении или обороне противника и смелостью обладали далеко не все воюющие армии.

В ближнем бою заблестели мечи, их звон эхом перекликался по распадкам сопки и отражался ещё большим звоном о каменные скалы. Неистовые наступающие приморцы с воинствующими криками морально подавляли киданей, они дрогнули и, повинуясь страху, кинулись в разные стороны. Враг побежал, и в их спины летели стрелы, дротики, арканы, стаскивавшие всадников под копыта лошадей.

В первой киданьской колонне, поняли всю трагедию панического бегства, именно там находилось всё командование киданьского войска, которое должно было быть среди рядов своих солдат. Беспечность парадного строя вылилась в скорое поражение.

Авангардные колонны развернулись в наступательную линию, и бросились на чжурчжэней. Среди киданей сгруппировалось несколько сот кавалеристов под командованием их генералов, и среди них был Люгэ. Он оценил обстановку и эти кавалеристы пытались выставить заслон отступающим их воинам. Они сумели остановить часть бегущих солдат и ввести в наступающий строй.

Обстановка в центре битвы стала критической, потому что Хэбо не мог перебросить хоть сколько-нибудь конницы и помешать перегруппировке противника в ходе боя. Шэон направил в этот контрудар свой конный резерв в тысячу всадников. Одна стрела угодила ему в ногу, потом он почувствовал сильный удар в бок и упал с коня. Несколько воинов окружили его кольцом, прикрывая своими конями, не давая врагам подойти к лежащему на земле полководцу. Они отбили его и вынесли с поля битвы.

Люгэ медлил с ответным натиском, он думал, что сейчас пойдёт вторая волна наступающих. Его обманул манёвр Шэона. И вдруг, чудо, словно небесные силы добра вели справедливую борьбу против зла, из двух распадков сопки вылетела лавина корёской конницы с яркими штандартами. Они неслись в авангард киданьской колонны, где их союзников уже теснили превосходящие силы Люгэ, для того чтобы пробить дорогу и броситься в свободную лошину от гибели.

Пусянь Ваньну на высоте небольшой скалы со своего командного пункта наблюдал отход большого отряда киданей и бросился к своему коню. Он закричал охране и небольшому резерву кавалеристов. Его конь от натяжения уздечки поднялся на дыбы, потом бросился вниз по пологому спуску, за ним устремились все воины, даже рассыльные, которые передавали приказы командирам в ходе битвы, тоже поскакали вслед за своим князем.

На равнине шло настоящее побоище. Лишённые командования, кидане уже не сопротивлялись, а отбивались, чтобы сохранить свою жизнь, но это их не спасло. Жёлтая, сухая трава была пропитана вязкой кровью, в которую всё чаще падали бездыханные тела киданей. Другие — бросали оружие, становились на колени и молили пощады.

Пусянь этого не видел, страсть поединка со своим врагом была настолько велика, что он пробился бы через сотни киданей, чтобы схватиться насмерть с Люгэ.

Бежавшие за Правителем Нового Ляо, кидане чувствовали обречённость, они не стремились держаться общего боевого порядка, а маленькими группами убегали и стремились спрятаться среди многочисленных ущелий и распадков, оставляя своего Правителя на произвол судьбы. Всё меньше воинов оставались в его гонке. Скоро вокруг него осталось чуть больше сотни верных людей и личной охраны. Кони под седаками устали после боя и быстрого бега, они храпели, как обычно храпят загнанные лошади, а потом падают и тихо умирают. Люгэ и его окружение выскочили на округлую небольшую сопку и остановились, дальше они двигаться не могли.

Пусянь и его конница тоже остановились у подножия сопки, окружив её кольцом. Он видел несколько растерянного Люгэ, но его взгляд, брошенный на Ваньну, был надменно-вызывающим. Таким же взглядом он смотрел на Пусяня много лет назад на одном из приёмов во дворце императора в Пекине. Люгэ всегда завидовал ему за его смелость, открытость и успешное продвижение по службе, хотя этому разжалованному маршалу цзиньской пограничной охраны завидовать, и корить судьбу, нет причины. Он выбрал тот путь, который привёл его к печальному концу.

— Елюй Люгэ, ты можешь отпустить своих людей я их не трону, но если ты им прикажешь сражаться, то я их расстреляю стрелами. Выходи на поединок! — громко сказал Пусянь.

На сопке была тишина, несколько человек подъехали к Люгэ и что-то говорили, и снова было тихо. Люгэ тронул поводья лошади, и она пошла вниз. Окружение Правителя застыло в ожидании предстоящего действия. Люгэ смело подъехал к Пусяню на небольшое расстояние и остановился. Охрана стояла вплотную со своим князем.

— Ты Ваньну, звал меня на бой, я готов.

— Люгэ, прежде чем мы будем драться, скажи, где моя жена.

— Я не знаю, её увезли монголы и когда её пленили, они относились к ней как к благородной особе и посадили в кибитку обоза, идущего в Монголию, больше ничего сказать не могу.

— Зачем ты её пленил.

— Я хотел построить свою империю, а ты сражался за Ляоян и не отдавал его мне, ты мне мешал взять власть над всей Маньчжурией.

Пусянь выехал вперёд, вынул палаш, тоже сделал и Люгэ. Они пошли друг на друга, и началась дуэль. С первых минут боя, уверенность и сила, были на стороне Пусяня. Люгэ достойно защищался и даже ударил мечом князю по руке, но в какой-то момент Люгэ не осторожно открыл грудь и Пусянь ловким движением вонзил палаш в горло врага, который выронил оружие и свалился с лошади. Только тогда князь схватился за рану, лезвие меча попало между латными щитками, и глубоко разрежало мышцу левой руки, она повисла, а кровь, пропитав рукав, сбегала на землю. К нему подскочили воины и сняли с лошади.

Его охрана следила за схваткой и держала луки, чтобы пустить стрелы в случае смертельной опасности их князя. Всадники Люгэ спешили, сдались в плен и бросили оружие к ногам победителей.

Кидане в битве были разбиты наголову, они потеряли убитыми около пятнадцати тысяч, а оставшихся в живых и раненых, более двадцати пяти тысяч, повели в плен на север в Восточное Ся. Часть их войска разбежалась по распадкам и ущельям.

В этом сражении погибли семь тысяч воинов Восточного Ся и три тысячи корёсцев. Было очень много раненых, среди них замечательный военачальник и смелый кавалерист Шэон, копьем ему пробило бок, он часто терял сознание от невыносимой боли.

Корёские лекари всё делали, чтобы облегчить ему страдания и ночью он скончался.

Воинов, погибших в битве, перевезли на территории Хулигая и торжественно предали огню по буддийским канонам. Их пепел собрали и отнесли в горы, на месте сожжения поставили камень с датой сражения. Эта траурная церемония длилась несколько дней.

Жители Сюйпиня встречали победителей. Эта была радость победы и скорбь утраты. На храмах и центральных воротах города были вывешены белые полотнища — в знак траура. Монахи в жёлтых хитонах в храмах били по муюи колотушками. Этот музыкальный ударный инструмент представлял собой вырезанную из дерева голову рыбы больших размеров, полую внутри.

Тело Шэона привезли в массивном, очень плотном деревянном гробу, который был настолько герметичным, что долгое время мог стоять, пока не совершится погребальный ритуал. На площади Сюйпиня тело Шэона положили на помост, обложили поленьями и сожгли до пепла, который запечатали в глиняный сосуд.

Ваньну выполнил свои обязательства перед монголами в разгроме киданей. Он обеспечил для них прочный тыл и стабильность в Маньчжурии. Ваньну своими действиями помог отвести от Корё опасность вторжения кочевников. Государство Новое Ляо ещё номинально существовало до 1222 г., в нём кипели интриги, ссоры кланов богатых князей, вождей племён. В военном и политическом отношении оно уже не играло никакой роли в Маньчжурии и развалилось на мелкие племенные улусы.

СТОЛИЦА КАЙЮАНЬ

1219 год пришёл по китайскому календарю в феврале. Это был четвёртый год правления Пусяня Ваньну под девизом «Тянь-тай». Он стал новым этапом в жизни Восточного Ся — государства на Дальнем Востоке и северо-востоке Маньчжурии. Временный союз с монголами против киданей, поход

Чингисхана в Среднюю Азию на ближайшие несколько лет создали благоприятные условия дальнейшего развития государства. Совместные действия чжурчжэней и корёсцев в разгроме Люгэ укрепили добрососедские отношения.

После ранения, Пусянь долго не мог выздороветь, рана оказалась тяжёлой и была угрозой ампутации руки. Он был и в более сложных поединках и сражениях, но в короткой схватке с Люгэ Пусянь почувствовал, что дерётся с какой-то нечестью, настолько был подлый и коварный враг. Корейские лекари всё сделали, чтобы сохранить руку, они провели сложную операцию, и жизнь вернулась к Пусяню. Лечебные травы и хороший уход сделали своё дело, он пошёл на поправку. Его повар готовил еду по-китайским рецептам, добавляя какие-то стебельки и корни трав, которые только ему были известны, из большого разнотравья Приморья, а также кормил персиками — фруктами бессмертия и длинной лапшой — символом долгой жизни. Пусяню прислуживала молодая девушка сиделка Чунь-лянь.

Много лет назад она жила в родительском доме в провинции Ляонин. Её отец был зажиточным скотоводом, и в его хозяйстве были овцы и лошади. Когда пришли монголы в 1212 г., они сожгли дом и убили отца, который успел спрятать жену и двух дочерей в маленьком гроте в горах, недалеко от дома. Потом они долго скитались, пока не пришли в Ляодун, но в этих трудных скитаниях от болезни умерла младшая сестра, которой едва исполнилось 5 лет, а потом умерла и мать. На грани голода одиннадцатилетнюю сироту Чунь-лянь подобрала добрая женщина, когда масса обездоленных людей двинулась на север за войсками Ваньну, так она оказалась в Приморье. Трудолюбивая и прилежная девушка попала в дом лекаря в Сюйпине и помогала ухаживать за его тремя маленькими детьми.

Лекарь был известным врачом и пользовался уважением среди горожан, он лечил Пусяня, так Чунь-лянь оказалась сиделкой у князя. Скоро она приглянулась ему. Тонкие её пальчики аккуратно накладывали повязки на раны, тёплая гладкая маленькая ладошка поддерживала голову Пусяня, когда поила его отварами и чаем. Личико Чунь-лянь было открытое, чистое с детской непосредственностью, ясные глаза смотрели искренне, с добротой. Её нежный голос напоминал утреннее пение птиц в саду. По возрасту, она должна быть замужем, ведь девочек выдавали замуж уже в пятнадцать лет, а ей уже шёл девятнадцатый год.

Военное затишье, наступившее в Восточной Азии, дало возможность заняться строительством крепостей и дальнейшим развитием земледелия, металлургии.

Ваньну с головой окунулся в создание новой столицы — Кайюань, которая возводилась под руководством Угамыня. Его советниками были корейские строители горных крепостей. Князь мечтал построить красивый город и соединить крепость Сюйпинь, расположенную на противоположном — левом берегу р. Раздольной, в общую систему обороны.

На невысокой террасе в долине реки стояла небольшая Краснояровская крепость (Южный вал), обустроенная чжурчжэнями в XII в. Долина переходила в скалистые широкие уступы, изрезанные оврагами, ещё выше находилось ровное плато. Всю эту пересечённую местность, окружали подковообразно крутые склоны сопки, вершина одной из них на юге переходила в горный утёс.

В течение года на равнине по береговой линии к склонам подковообразных сопки строили земляной вал в основании шириной 14 м. На всём его протяжении равномерно отсыпали грунт и тромбовали в плотную массу, чтобы на него насыпать следующий пласт. Землю для пластов переносили из Краснояровского городища, которое оказалось в границе строящегося Кайюаня. В плане новая столица государства представляла крепость в виде треугольника площадью 180 га.

Объёмы земляных работ были грандиозные, поэтому Пусянь направил в Кайюань дополнительные силы из десяти тысяч пленных, такое же число киданей он отправил на строительство «Грозной скалы», которая требовала тоже огромных земляных работ. Эти военнопленные работали под присмотром охраны. Их поселение находилось отдельно, в построенных своими руками полуземлянках и деревянных домах. Они имели строгий приказ, что в случае побега их ждёт смертная казнь. Пусянь обещал, что после пяти лет добросовестной работы на строительных объектах он отпустит киданей домой.

Строительство крепостных валов очень трудоёмкая физическая работа: на тележках, носилках и в плетёных корзинах люди перетаскивали тысячи кубометров грунта из земли и глины, его поднимали на высокие и крутые склоны сопки и отрога по дороге-серпантину. Вал укрепляли камнями скальной породы. В процессе строительства использовали подъёмники в виде канатных блоков.

Вал строился с учётом отвесности скал, что исключало возможность захвата крепости врагами, а его внутренняя сторона была более пологая, чтобы защитники города могли быстро сосредотачиваться на опасных участках стены в случае её штурма. Западная сторона городища частично укреплена двойным валом. В стенах крепости не были построены угловые и промежуточные башни, но на валах оборудовали двенадцать широких площадок — барбет для камней.

В валу были прорыты 14 тоннелей, многие из них являлись шлюзами для вывода сточных вод за пределы крепости. Все они были укреплены травесерсами. Парадными или центральными были двое ворот. Главными являлись северо-западные ворота шириной 10 метров и имели сложную оборонительную систему. Вход в крепость из ворот вёл по узкому коридору протяжённостью 30 м с поворотом почти на 90° вовнутрь городища. После чего правая от входа сторона вала делает «Г»-образный поворот, образуя «ловушку», где наверху вход охраняли лучники. Над всеми воротами находились площадки для катапульта.

Внутри крепости по дну оврагов текли ручьи, дополнительно было оборудовано 20 водоёмов на случай осады города.

В плане городище имело нетипичную планировку для крепостей чжурчжэней, которые возводили стены по сторонам света. В крепости пере-сечённый рельеф из возвышенностей и оврагов делил городище на две части, его стороны были укреплены оборонительной насыпью и редутами. Несколько редуты размещались вдоль внутренних стен, около ворот и шлюзов. Отдельные редуты использовались как гарнизонные караульные помещения для круглосуточного дежурства в городе и его стенах. Редуты вдоль стен имели назначение арсеналов, где хранилось оружие и керамические шаровидные сосуды как метательное взрывное устройство. На территории городища во многих местах были многотысячные скопления каменных ядер разного диаметра и веса для катапульт.

В юго-восточной стороне, на скалистом плато, на самой высокой части крепости возводилась цитадель князя, площадью 35 га, с высотой вала до 6 м, с мощной фортификацией. Цитадель должна была олицетворять власть и силу государства. От цитадели вниз, все большие уступы были застроены прямоугольными оборонительными валами.

Внутренняя территория столицы в фортификационном плане имела оборонительный каскад перекрывающих друг друга обвалованных укрытий до самой равнинной низины.

В то же время крепость как столица государства должна иметь вид красивого города с дворцами, храмами, яркими общественными зданиями и кварталами добротных усадеб горожан с их производственными мастерскими.

Земляные работы и сооружение крупных зданий и дворцов шли одновременно, и строительство внутри города напоминало жизнь большого муравейника, где действия каждого человека были подчинены общему коллективному труду, как на конвейере.

В северо-восточной части перед оврагом на высоких больших уступах в этих обвалованных участках площадью 1 и 1,2 га. сооружались земляные платформы. В их отсыпку кроме земли, вместе с глиной закладывались материалы разобранных домов, строительный мусор старого Краснояровского городища.

Это были платформы-фундаменты для крупных колоннадных зданий общественного, административного и культового назначения. Если чжурчжэни в XII в. подобные колоннадные строения строили без фундамента, прямо на земле, то теперь они находились на возвышенных утрамбованных отсыпках, как строили в Корё или Китае.

Пусянь вместе с архитекторами размещал большие дворцовые здания, которые должны создавать красоту, объёмность и мощь столицы.

На обвалованной территории в 1 га, построили 4 колоннадных здания с черепичными крышами, они представляли архитектурный ансамбль, в котором, по высоте и оформлению, выделялось одно центральное здание с наве-

шенными по краям крыши чугунными колокольцами. В многоугольнике в 1,2 га, был построен храмовый ансамбль, особенность его оформления в изяществе двухскатных черепичных «взлетающих» крыш и их коньков с расписными головами драконов, фениксов и львов. Карнизы крыш украшают большие круглые керамические диски с фигурами демонов, фениксов и бодисатв.

В комплекс вписывались буддийские храмы, внешне они ничем не отличались от даосских, только перед их входом сооружались 4x9 м террасовидные площадки. Эти площадки служили для установки ретуального колокола, барабана, гонга и ударного инструмента в виде изображения рыбы. По буддистским традициям монахи бьют в четыре предмета перед утренним чтением сутр. Большой колокол звонит для предков, барабан из кожи животных (бычей кожи) — для животных, гонг в форме облака — для птиц, а рыба, вырезанная из дерева — для существ, живущих в воде.

Среди духовного архитектурного ансамбля, воздвигли храм-усыпальницу павшим соратникам и воинам Пусяня Ваньну, защищавшим молодое государство.

Валы небольшой высоты 0,5 м. и 1 м, не имели оборонного значения, это были вертикальные земляные изгороди, на которых расположились клумбы, стены, обвивались плющом, а травяной зелёный газон по периметру создавал впечатление паркового оформления изгороди живыми цветами. Резные арки под двускатной крышей, на которых расставлены расписные глиняные изваяния тигров и драконов, открывали проход к храмовым комплексам и правительственным зданиям в этих обвалованных комплексах.

Храмовая архитектура впитала лучшие традиции киданьской, китайской и корейской техники строительства культовых сооружений.

Однажды, в тёплый июльский день Пусянь пригласил Чунь-лянь выехать на прогулку по берегу реки среди красивых берёзовых рощ, она застенялась и убежала в дом, но через некоторое время вышла, и, склонив голову, подошла к Пусяню со словами:

— Великий князь, я не могу тебе отказать в прогулке, но что об этом будут говорить люди.

— Чунь-лянь, в каждом человеке живет добрый и злой дух, тот, кто трудится и этим доставляет себе радость, жизнь его наполняется счастьем и он ко всем относится с добротой, а злость от лени и зависти. У нас больше радостных людей, и я хочу с тобой вместе радоваться жизни.

Они уехали далеко в рощи, и бродили по прибрежным лугам с запахом свежести, и тонкого аромата полевых цветов и незаметили как наступил вечер. В такие поездки, они всё чаще уезжали вдвоём, и время расставания стало для них очень трудным. Пусянь и Чунь-лянь признались друг другу в любви.

За работой и заботами на строительстве дни и недели пролетали быстро. Пришла в октябре золотая осень, насыщенная яркой политрой красок.

Прежде чем лунный старец — божество бракосочетания свяжет жениха и невесту красной нитью, нужно обратиться к гадателю, который по данным о времени и годе рождения, связывающим семейные узы, даст заключение о том, будет ли брак счастливым. Это делалось по календарному двенадцатилетнему животному циклу, год свиньи был последним, и знание под знаком, какого животного родился человек, было важно для гадания.

Совершением таинства обряда содержания духовной и телесной чистоты Чунь-лянь монахини женского монастыря определили её чистые помыслы и непорочность, что было важно для замужества с князем. Её до свадьбы оставили в монастыре постигать жизненные заботы и изучать с монахинями различные писания: «Книгу Нефритового ларца» — астрологическое сочинение, «Толкование по пунктам Алмазной сутры» — пересказ основных положений буддизма, «Дхарамапитака» — часть буддийского канона — собрание священных текстов, «Лотосовую сутра» — популярное буддийское сочинение.

Она сама шила себе несколько пар туфелек, украшая их искусной вышивкой, чулки из шёлковой материи. Это была проверка мастерства невесты.

Пусянь Ваньну целыми днями был в разъездах со своими помощниками в делах строительства государства. Хэбо и Угамынь, как и губернаторы, непокладая рук, работали над строительством укреплений оборонной программы. Только Васу очень сильно болел, у него стала сохнуть и чернеть нога, он температурил и чувствовал, что скоро придёт конец, хотя Пусянь всё делал для спасения своего боевого товарища, и около него постоянно находились лучшие лекари.

В цитадели — резиденции Великого князя возводилось 12 построек под черепичной крышей, среди них 6 дворцовых колоннадных здания, разделённые между собой «С» — образными валами.

В столице было построено 14 высоких дворцовых колоннадных строений с сероватыми черепичными крышами, коньки которых имели разнообразные скульптурные изображения хищных и зооморфных животных, они создавали парадную красоту нового города.

Мастера кровельной черепицы демонстрировали умение отливать различные виды плоской и полуцилиндрической декарированной декорированной черепицы различных размеров и орнаментов, оригинальные способы укладки и крепления черепицы на крышах дворцов. Карнизы украшались концевыми орнаментированными дисками диаметром от 13 до 18 см. с объёмным изображением растений и зооморфных существ. Рисунки растений напоминают маньчжурские астры, пионы с лепестками, стеблем и листьями. Зооморфные существа с львиными головами с большими выпуклыми глазами и надбровными дугами, короткими носами с расширенными ноздрями, выпуклыми щеками с широкой пастью, не то в улыбке, не то в оскале.

От цитадели шли выложенные камнем дороги к двум многоугольным комплексам, от них дороги вели к воротам города. Дороги разделяли город

на кварталы, которые прямыми улицами подходили к террасам внутренних склоном сопок, где размещались жилые усадьбы, охватывающие и равнинные части города. Жилища с хозяйственными дворами располагались на удалении друг от друга на 4-5 м, в них ещё находились ремесленные площадки. Столица была построена среди окружающих её равнинных полей, где большую часть населения составляли земледельцы. Рядом находились кварталы ремесленников, горных металлургов, кузнецов-оружейников.

Главные ворота крепости находились на стыке северо-западной части и берегового вала, который был построен вдоль реки прерывистой стеной. Они были украшены высокой и широкой двускатной крышей серой черепицы, на его коньке водрузились большие головы драконов с торчащими округлыми рожками, с выпученными глазами и широко раскрытыми пастью с поднятыми вверх языками.

Внутри города, за воротами открывался вид огромного городского пространства, где рельеф создал впечатление города построенного каскадом, над которым возвышаются красивые колоннадные дворцы со светло-сероватыми черепичными крышами, по-восточному загнутыми вверх карнизами.

Фортификационное и городское строительство подчёркивало высокий уровень знаний архитекторов, строителей, которые могли оптимально вписать в ландшафт городища широкий спектр жилищных, административных, общественных зданий, производственных ремесленных центров.

Для производства черепицы требовалось огромное количество сырья, потому что для изготовления 1 тысячи черепиц требовалось более 2 куб. м. глины. Если для одной черепичной крыше в 200 кв. м. необходимо было уложить 9 тыс. черепиц, то чтобы обеспечить крыши Кайюаня необходимо было около четверти миллиона черепиц. Производство черепицы было налажено на строительстве всех крупных городищ и достигало большого масштаба, где уже работали ни одиночки-ремесленники, а профессиональные группы по производству строительной керамики.

Черепицу формовали на шаблонах, сушили. Обжиг её проходил в печах при температуре 1100-1150°C. Топка печи представляет сводчатую камеру. Внутренние размеры камеры около 2x1,70 м, высотой 1,5 м. Дымоходы — жаропроводные каналы, расположенные с топкой печи, равномерно прокаливают весь объём заполнения. Во время обжига под воздействием окислительной среды в сырце начинается переход окиси железа в закись. Именно она предаёт черепку серый цвет. По окончанию сгорания дров, верх печи засыпают слоем земли толщиной 30 см, формируют из неё «чашу» и в эту ёмкость наливают определённое количество воды, которая предотвращает поступление кислорода внутрь черепка. Этот «восстановительный» процесс улучшает качество керамики и увеличивает прочность. Печь постепенно охлаждается в течение почти трёх суток. Объём загрузки черепицей зависил от объёма камеры обжига, где заготовки устанавливаются плотно друг к другу, компактно на ярусах несколькими рядами. В некоторые печи помещалось

до 1 840 плоской черепицы, известна самая большая камера печи с объёмом около 5 куб. м.

Таким способом прокаливали глиняные горшки. Поверхность некоторых сосудов после печи обмазывали ангобой особым видом обмазки из специально приготовленной глиняной массы серого и чёрного цветов, после чего ложили, предавая полированный блеск.

Подобные печи строились в «Грозной скале» и «Золотой долине», т. е. там, где требовалось большое число черепицы для зданий колоннадного типа, административных и общественных строений. Печи, как правило, размещались за пределами городищ, где имелись пластичные отощённые песком пласты глины и в избытке вода, поэтому производство черепицы начинали в тёплое время года.

В апреле 1220 г. Чунь-лянь стала женой Пусяня Ваньну. В храме «Зелёного дракона» — символа весеннего возрождения в природе, во время свадебной церемонии им подали суп брачного согласия, который полагалось есть в честь божества согласия и единения Хэ-Хэ. Музыканты собрали большой оркестр из цитр, цимбал, различных дудочек, флейт, барабанов и

звонких тарелок. В небо поднимали воздушные змеи в виде мандариновых уток — символ супружеского согласия. В Кайюане и Сюйпине целый день было веселье, танцы, фейерверки, театрализованные представления, в кабаках на столах было много недорогой еды, чумизового хмельного напитка в чайничках. Торговцы в лубяных коробах разносили еду и сладости. Ряженые «добрые духи» раздавали девушкам и детям игрушки, глиняные бусы и свистульки, яркие праздничные ленты. А через девять месяцев у них родилась дочь, которой дали имя Юэ-Ся, созвучное с названием государства Дун Ся.

В 1221 г. в Кайюане уже просматривались черты большого административно-хозяйственного центра государства, с дальнейшим строительством столицы совершенствовалось государственное управление. Резиденция Пусяня Ваньну ещё находилась в Сюйпине, он собирался переехать в цитадель после её окончательной постройки, и расположить военное министерство Хэбо.

Осенью того же года, в пятую годовщину гибели полководца Чжунцзяня, совершено было погребение праха генералов Чжунцзяня, Макуса, Шэона в храме «Полководца пяти дорог», названного в честь божества, управляющего жизнью и смертью в даосской мифологии. Здесь же похоронили и Васу, он умер в страданиях, но до последнего дыхания старался хоть немного, по мере возможности, помогать Пусяню, хотя бы добрыми советами. Этот полководец был смелым и честным воином. Пусянь исполнил своё обещание и торжественно, с воинскими ритуалами, похоронил своих друзей.

В центре храма, в полу сделали нишу, куда поставили сосуды с пеплом героев, затем над нишей соорудили усечённую пирамиду из базальта, на которой закрепили бронзовую чашу для поминального огня. На передней стороне пирамиды выбили имена военачальников, которые отдали жизнь за Восточное Ся.

Монахи в жёлтых даосских поясах хором произносили заслуги полководцев, ударяли в барабаны и били бронзовыми тарелками, отгоняя злых духов, а затем перед храмом развели костёр и сожгли заколотых свинью и овцу их пепел разбросали в реку.

Вскоре Указом князя из Северной столицы Чэнцзыхоушаньчэн и бывшей цзиньской Верхней столицы Хуйнинфу в Кайюань перевели чиновничий аппарат. Различные их структуры были расположены в юго-западном направлении от центральной части города на господствующей обвалованной возвышенности, прикрытой оврагом. Здесь находились комплексы колоннадных зданий, административные помещения с производственными мастерскими и жилые усадьбы чиновников больших размеров: 128, 120 кв. м., в них было несколько канов. Помещения делились поперёк каркасной перегородкой.

Поражает архитектурной красотой колоннадное здание площадью 153 кв. м. (9х17 м). Черепичная крыша крепилась на 50 колоннах: 10 рядов по 5 колонн. Разнообразие форм, орнамента, размеров чжурчжэньской кро-

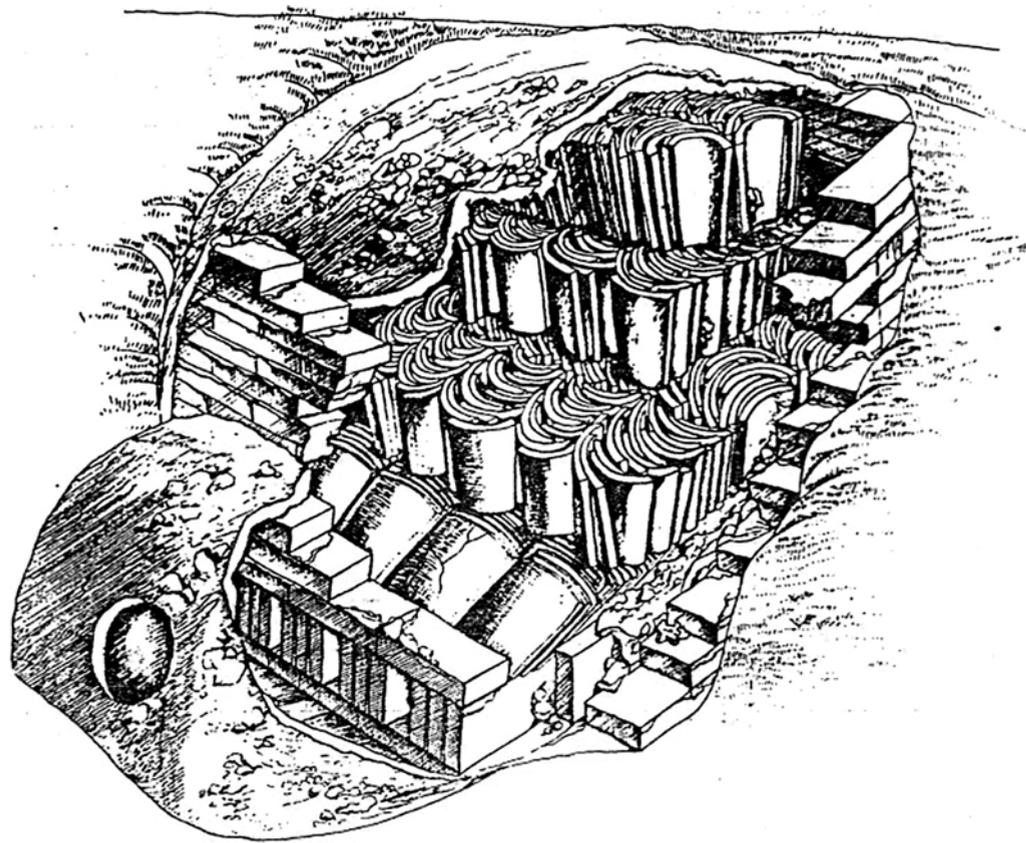

Рис.8. Черепичная печь.

вельной черепицы описать очень сложно, потому что существуют десятки видов. Сама керамика и укладка черепичной крыши — это произведение искусства. Второе колоннадное здание находилось рядом, его площадь 120 кв. м. (17x7 м).

В центре первого здания колоннадного типа археологи обнаружили фрагменты от 10 бронзовых зеркал. Некоторые были разрублены как металлолом. Здесь же оказались бронзовые нашивные украшения в виде четырёхугольных звёздочек. Их было найдено около 2,5 тыс. штук, а также рассыпанные монеты. Вероятно, здесь находился сбор цветных металлов. В этом же комплексе находились бронзовые эталонные гири, а также бронзовые, чугунные и железные гири, плечики для безменов. Можно сказать, что здесь была палата мер и весов, у которой под контролем находились свои плавильни. Бронзу переплавляли и отливали в формы определённого веса гири. По внешнему виду гири похожи на односторонневыпуклую шайбу с заovalенной окружностью. Диски отшлифованы и на их поверхность нанесена гравировка. Эти эталонные гири имели вес 1 цянью (3,7 г) 10 цяней или 1 лян (1 лян — 37 г), 40 цяней, 80 цяней, 1 цзинь (чуть больше 500 г), 3 цзиня.

Иероглифические надписи на поверхности нанесены штихелем. Декоративное оформление выдержано в одном стиле, но упрощаются от уменьшения веса гири. На диске в 3 цзиня представлена наиболее длинная и полная надпись на двух плоскостях гири. На верхней — лицевой стороне обозначено количество разновесов в наборе, вес гири и регистрационный номер в виде знака «ди» — «земля». В качестве номеров использовались иероглифы из древней книги обучения грамоте «Цянь цзы вэнь» — «Тысячесловника». На обратной стороне, такая запись: «В день третьего месяца седьмого года эры правления Да-тун, наблюдавший за изготовлением чиновник Сун Чан, производитель работ Вэй Сяону». Все обнаруженные в Приморье диски поражают сходством в оформлении и написании текста, будто бы исполнены одной рукой. Весовые эталоны перешли от сунского Китая к чжурчжэням Цзинь, а затем в Восточное Ся.

Эпиграфические памятники — письменные источники, их короткие надписи оживляют далёкие события, как голоса из глубины веков, как бы повествуют, раскрывая колорит и дух того времени, как важные исторические фрагменты государственного устройства Восточного Ся.

Обращение монет находилось под контролем казны, однако государство не выпускало своих денег, а использовало бронзовые монеты китайских династий Тан (618-907 гг.) и Сун (960-1127 гг.), а также империи Цзинь (1115-1234 гг.). В ходу были монеты как ранних, так и поздних эпох. С образованием первого в Китае централизованного государства Цинь (221-207 гг. до н. э.) утвердилась круглая форма монет с квадратным отверстием в центре, но размеры и масса монет со временем менялась. Монеты имеют бордюр по краям диаметра на обеих сторонах и по внутреннему квадратному отверстию.

В Китае императоры вводили новые монеты с названиями эр своих правлений и принимались многочисленные попытки вывести из обращения старые монеты, которые продолжали хождение на протяжении сотен и тысяч лет. Самые многочисленные монеты «Кай-юань тунбао» («Имеющая хождение ценность Начала правления») были выпущены в 4-й год эры правления У-дэ (621 г.) весом в один цянью (3,7 г.) равная десятой части лян. С этого времени «цянь» стал обозначением монет и денег вообще. В VIII в. для отливки монет по всей стране в 99 местах были построены печи и ежегодно производили до 327 тысяч связок, т.е. свыше 300 млн. штук. Способ

Рис.9. Бронзовые монеты различных эпох и достоинств.

обращения — в связках по 1 000 штук («гуань») — сохранилась до начала XX в. Номинал монет в VII-XIX вв. в Китае считался «вэнь» весом монеты в 1 цянь. В Сун, во второй половине XI в. отливались монеты в 2, 3, а также в 10 вэней, вес последних был ниже 10 цяней, поэтому они обесценивались, и номинал их снижался.

Первые цзиньские монеты появились в 1157 г., достоинством в 1 вэнь. Они копировали сунские монеты. Многочисленные крупные монеты «Да-дин тунбао» в 10 вэней, которые отливались с 1178 г. при правлении цзиньского императора Ши-цзуна, а также сунские монеты «Чун-нин тунбан» в 10 вэней были наиболее востребованы в обращении в городах Восточного Ся, но не играли большой роли в сельском хозяйстве, где доминировало натуральное хозяйство. В Восточной Ся, как и в Цзинь было большое число разнообразных монет различных эпох и времён предыдущей тысячелетней истории Китая.

Среди эпиграфических находок особое место принадлежит печатям. Печати, специально изготовленному предмету в государстве, как и во все Восточной Азии, предавали особое значение, для заверки подлинности написанного документа, на бумаге или пергаменте. Право иметь печать, делать её оттиск, мог чиновник или представитель военного ведомства, действующий от имени власти. По клише печати можно определить название правительственного учреждения и его функции. Как правило, чиновники вели учёт и контроль поставки зерна, мяса, других продуктов питания, материальные ценности, объёмы производства цветных и чёрных металлов, отчисление налогов от производителей и торговли. Запись, скреплённая печатью, становилась официальным документом, который регистрировался в том или ином ведомстве, от имени которого действовал чиновник.

Печати, изготавливались из бронзы, имели квадратную форму со стороной от 50 до 72 мм, и весом от 370 до 421 г. С глубокой древности в Китае печать, изготавливаемая, как правило, из нефрита в форме квадрата, была символом чиновничьей власти. Текст на печати исполнялся китайскими иероглифами, нередко стилизованными под древние знаки. Такая форма надписи, с одной стороны, придавала ей торжественность и связь с вековыми традициями, а с другой стороны, припятствовала прочтению её непосвящёнными, а соответственно и затрудняло подделку, поэтому их берегли и относились как к важной государственной собственности.

С 1221 г. изготовлением печатей занималось ведомство Шаофуцзянь, которое перевели из бывшей Верхней столицы Цзинь — Хуйнинфу, так как после 1218 г. этот город уже принадлежал Восточному Ся. На территории Кайюаня была найдена печать с китайским текстом на клише «Елань мэнь-ань — чжи инь», что переводится как «Печать Еланьского мэнь-ань». На обратной стороне печати двумя вертикальными строками выбита надпись «Изготовлено ведомством Шаофуцзянь двенадцатый месяц седьмого года Тянь-тай», т.е. в 1222 г., а с 4-го года Да-тун (1227 г.) печати изготовляло Министерство церемоний.

На первых этапах развития государственности в Восточное Ся пользовались печатями, которые были даны военным поселениям, подчинявшиеся в 1214 г. империи Цзинь на территории южных провинций Маньчжурии. Так в Шкотовском районе, на Новонежинском городище — военном поселении Чжэньань была найдена печать квадратной формы со стороной 63 см, на её клише написано: «Тун чжи чжэнь ань цзюнь цзе душ и ши инь», переводится как «Помошник цзедуши (правителя) поселение Чжэньань». Когда в 1214 г. командующий войсками Ляодуна Пусянь Ваньну обосновался в долине р. Ляохэ северо-восточнее современного Шэньяня, его центр — Сяньпин-фу был на месте современного Кайюань, уезд Юйшань был поднят в ранг военного поселения с названием Чжэньань, и по этому поводу была изготовлена и выдана печать цзиньским ведомством. После известного поражения, войска Пусяня из этого района ушли. Один из военачальников этого поселения сохранил печать и когда Ваньну увёл войска на север, эту печать использовали на Новонежинском военном поселении моукэ под названием

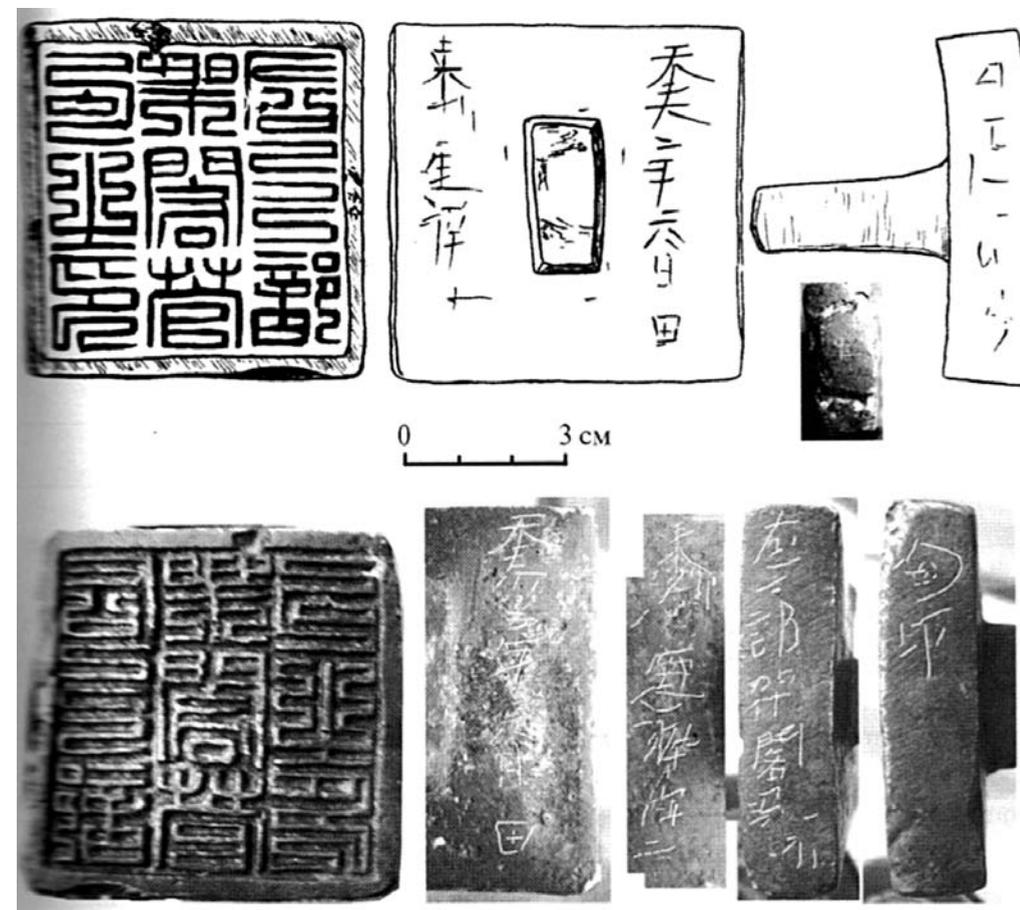

Рис. 10. Бронзовая печать (по А.Л. Ивлиеву и В.А. Лынша).

Чжэньань, потому что чжурчжэни сохранили прежнее название, перенеся его на новое укрепление, также как Ваньну перенёс названия г. Кайюаня.

Печать, редкая находка, особенно в Приморье, в этом вина грабителей археологических памятников, которые ищут оригинальные предметы культуры, эпиграфические находки, тексты которые имеют историческое значение и дают ключ к изучению государственного устройства, этих приступников интересует только материальная выгода от продажи исторических ценностей.

В Китае известны 32 печати времени Цзинь и Восточного Ся, на которых повторяется текст «гоудан гунши», что в переводе «гоудан» имеет значение — ведать, вести дела, исполнять, распоряжаться, действовать, а «гунши» — государственное, общественное, казённое дело; служебные обязанности, канцелярские дела. Чиновники «гоудан гуань» были основными действующими лицами ведомств и учреждений.

Ведомство Шаофуцзянь изготовляло пайцзы — верительные бирки. Пайцза выдавалась персонально государственному деятелю, и подтверждала его принадлежность к определённому рангу власти. Они изготавливались из золота, серебра, бронзы, железа, дерева, в виде тонкой прямоугольной, с заоваленными углами пластины и подвешивались к поясу, через отверстия в пайцзе. Эту верительную бирку вручали и временно уполномоченному чиновнику в выполнении ответственного задания, как удостоверение личности.

На пластине были иероглифические надписи, определяющие полномочия её владельца или указания в содействии предъявителю бирки. Наиболее известны пайцзы в танском Китае, но широкое распространение они получили во времена китайской династии Сун, их переняли цзиньские власти. Пайцзы были в обращении в государствах Восточной Азии, и в Восточном Ся.

На Шайгинском городище, при раскопках в 1976 г, была найдена пайцза размером 3x65x222 мм. с шестью выгравированными чжурчжэньскими вертикальными золочеными иероглифическими знаками, которые переводятся как «Государственная доверенность». Пайцза датирована 1220 г, вероятно, она принадлежала какому-то высокому чиновнику, контролирующему ход строительства этой крепости или проверяющему поставки продовольствия.

По заданию военного министерства и пограничной службы изготавливался ещё один вид оригинальной верительной бирки, которая состояла из двух половинок, и при их стыковке составляла одну целую бирку. На торцевой её части так и было написано: «при соединении совпадает». Одна часть находилась у военачальника, а вторая хранилась в казне. Во время передачи письменного приказа, указа, распоряжения, фельдъегерь представлял военачальнику свою часть бирки, и если она совпадала с частью бирки военачальника, то он действовал согласно письменному документу.

Это были меры предосторожности, чтобы избежать исполнения ложных распоряжений, которые могли исходить со стороны врагов, как внешних, так и внутренних.

После выполнения поручения посыльный возвращал бирку в казну, потому что в казне среди прочих ценностей она находилась под охраной. Такая традиция была введена в Китае в эпоху Тан и Сун, когда они вели войны с киданями, которые тоже использовали эти меры безопасности. Эти бирки переняли чжурчжэни, в войне с киданями и Китаем.

Ведомство для сбора и обмена бронзы и серебра — «бронзовый двор», подчинённое казне, также имело подконтрольные плавильни, связанные с переплавкой цветных и драгоценных металлов. Бронза высоко ценилась, поэтому она учитывалась в обороте цветных металлов и изделия из бронзы в виде скульптурок, ювелирных изделий, культовых предметов, зеркал — имели регистрационные надписи чиновников «бронзового двора» — инспекторов или ревизоров.

Рис. 11. Бронзовые зеркала (по В.А. Хореву)

Зеркала имел диаметр от 62 до 180 мм, с барельефными изображениями на обратной стороне. Отливались они не только как туалетный аксессуар, и как составляющее духовного мира чжурчжэней, их барельефы чаще отражали сюжеты светской жизни, мифологии и природы, магические символы.

Так на одном из зеркал, найденных в «Страже долины» (Ананьевском городище) имеется регистрационная запись: «Сяньпинь чжоу сыту сы...», что переводится как: «Управляющий имеряк приказа культа и просвещения округа Сяньпинь». На бортиках некоторых зеркал имеется гравировка «Тун юань гуань» — «Чиновник бронзовый двор» или «Цзянь као(?) гуань» — «...наблюдающий, инспектирующий чиновник». На одном зеркале с изображением фантастических животных, была надпись: «Цин Гай сделал зеркало по собственному рецепту. Оно отгоняет несчастье, пригодно для рынка, долго будет хранить обоих родителей, благодетельствует сыновей и внуков, сделает Вас чиновником, обеспечив высокий пост, продлит Вашу жизнь».

Чиновники бронзового двора находились не только в столице, но и в больших городах государства, где имелись плавильни цветных металлов и ювелирные мастерские, но регистрировали всё, что сделано из этого металла на «бронзовом дворе», ими учтено значительное число бронзовых изделий. Несмотря на культовое назначение многих бронзовых предметов, они регистрировались чиновниками, как государственное достояние цветных металлов.

Пусянь Ваньну, как и население государства были глубоко религиозными людьми, о чём свидетельствуют в их домах различные культовые предметы, чаще это маленькие скульптурки Будд, духов предков, обереги, ритуально-магические предметы, позволяющие обращаться к небу, почитая его духов.

На протяжении многих веков в Китае, а затем в Цзинь и Восточном Ся сосуществовали, большей частью довольно мирно, триада религиозно-этических учений: конфуцианство, даосизм и буддизм.

Основная база этих учений представлена философией общественной жизни в окружающей среде, т.е. нормами человеческого бытия.

Конфуций (551-479 гг. до н. э.), рассматривал взаимоотношения человека в обществе, призывал выполнять долг перед людьми.

Даосизм, его основатель легендарный мудрец китайской древности Лао-Цзы (604-517 гг. до н. э.) проповедывал уход от суеты жизни на лоно природы, поиск различных путей достижения долголетия и бессмертия. Даосизм ратовал за естественность человеческого бытия, что активная сексуальная жизнь есть как раз один из способов достижения долголетия. Ему приписывается знаменитый трактат «Даодэцзин» («Книга о пути и добродетели»), положивший начало философии даосизма. Впоследствии Лао-цзы был обожествлён и почитался, в частности, как бог кузнецов и торговцев скобяными изделиями.

Буддизм, связанный с именем Сиддхартхи Гаутамы, возник в VI в. до н. э. в Индии и был принесён в Китай в первые века нашей эры, где было широко распространено представление, о том, что после смерти душа человека переселяется либо в другого человека, либо в животное. Чем больше человек совершил грехов, тем хуже его участь в следующем перерождении в иную оболочку. Затем идёт колесо перерождений — то есть бесконечный переход души после смерти из одной телесной оболочки в другую, в зависимости от деяний, совершённых в данном рождении. Популярным был обряд оставления в живых или выпуска на волю различных живых существ, если духу Земли совершить достойное подношение из каши, молока и другой простой еды. Считалось, что подобное благодеяние будет зачтено при определении дальнейшей судьбы человека.

Религиозная сторона этих учений исходит из трансформированного первобытного отражения окружающего мира: фетишизма, анимизма, тотемизма, истоки, которых уходили в верхний палеолит (50-30 тыс. лет тому назад). Этот религиозный эклектизм прослеживается во многих памятниках Восточного Ся, где официальная религия, воплощённая в храмах, службах монахов и предметах их культа соседствует с пережитками первобытного мировоззрения, в частности шаманизмом, когда среди буддистских аксессуаров находят шаманские маски, как в Шайгинском городище. Маска размером 230x155 и весом 470 г. не могла быть защитным оружием по возможностям обзора, плотного прилегания к лицу, молодоступности воздуха для дыхания и очень маленькими были отверстия для рта и носа. Также и небольшие зеркала, нашитые на одежду, во время камлания должны отражением изгонять зло, вывести пороки человека и оставить в изображении добродетель, так как зеркало при ежедневном пользовании накапливает энергетику и различную мимическую характеристику, взгляд и эмоции чувств. Традиционный танец, при котором танцовщицы в ярких одеждах махали зеркалами, отсвечивая зеркальными блесками, не давали злым духам войти в человека. Ритуальные танцы демонстрировали особенности национального духовного мира, передачу чувств, отношения между людьми и эмитировали виды хозяйственной деятельности.

Монетовидные на подвесках календари — амулеты со знаками Зодиака тоже относятся к буддистским предметам культового назначения, которые

Рис. 12. Монетовидные календари-амулеты (по Н.Г. Артемьевой).

играли роль оберега и астрологических расчётов. Люди обращались к гадалкам, и те выбирали по календарю счастливые дни для начала того или иного дела. Календари-амулеты — поистине образцы творчества ювелиров и мастеров литья, на дисках диаметром в 5,5-6,3 мм. У всех этих амулетов с одной стороны размещены чёткие изображения животных — 12 знаков зодиака с иероглифическими обозначениями, а на другой стороне у разных амулетов сцены из мифологии и жизни людей, символы долговечности: бессмертный аист, черепаха и змея и другие магические значения.

Календари-амулеты в образах животных, являются пережитком тотемизма, а жертвоприношения священных животных, относятся к сохранившимся языческим оргиям. На календарях изображены двенадцать животных — знаков зодиака. Легенда гласит, что Будда пригласил всех животных на празднование первого Нового года, но пришли только 12 животных. Будда почтил явившихся, присвоив им имена 12-летнему «зверинному циклу» годам календарного цикла, в том порядке, в каком животные приходили к нему. Последовательность была такой: мышь, бык, тигр, заяц, дракон, змея, конь, овца, обезьяна, петух, собака, свинья. По другой версии животные пришли проститься с Буддой перед уходом в нирвану.

Календарь в Китае был окутан святостью. Каждая её династия утверждала свою собственную хронологию. Императоры этих династий провозглашали в качестве девиза правления эру или несколько эр, с летоисчислением. Не имея своего календаря, соседние племенные союзы и новорожденные государства Восточной Азии, кроме государств Корейского полуострова, принимали в пользование китайскую хронологию, что рассматривалось китайским двором факт признания зависимости перед сильным соседом.

Гражданский Новый год в Китае с эпохи средневековья отмечают в первое новолуние после вхождения солнца в созвездие Водолея, что в переводе на григорианский календарь происходит не ранее 21 января и не позднее 19 февраля.

С язычеством связаны «тигриные пряжки», накладки, бляхи — тонкие выпуклые железные пластины с фигурными краями. Эти предметы известны среди находок в Шайгинском, Николаевском, Новогиреевском,

Новонежинском и Ананьевском городищах. Орнамент на них представляет художественный набор символов, связанных со стилизованным изображением окружающей природы и животного мира: листья, завитки лозы, спирали, птички, черепаховые панцири и другие линии и зигзаги. Пряжки имели стилизованную форму морды тигра или дракона.

Дракон в Китае — Повелитель дождя, единение двух сил — Неба и Земли, Огня и Воды, именно в этих средах обитает дракон. Дождь своими потоками связывает воедино небо и землю. Он символ власти, добра и справедливости, но и гроза тому, кто нечист и совершил проступок. Дракон в Китае по «Книге гор и морей» многоимённый: Тигровый, Водяной, Откликающийся, Веселящийся, Дракон-Светильник — обладает разными свойствами. Тигровый дракон хуцзяо мог излечивать. Драконы из Великих Пустынь Запада используются как ездовые животные. Дракон-Светильник Чжэнчэн дарует ветер и дождь, освещает Великую Тьму. Поклонение ему и силам природы и есть спасение всего живого на земле. «Тигровые пряжки» это защита от злых духов и отражение мироздания в сознании людей. Тематика пряжек китайского происхождения, получившая широкое распространение среди чжурчжэней после заваевания Китая, и вместе с беженцами из Китая и Маньчжурии появилась в Приморье и стала широко культивироваться среди населения в оберегах.

Мифология, устные легенды, предания как особенности национального фольклора хранили традиции, воспитывали новые поколения в духе уважения к своей культуре и памяти предков.

В VIII-XI вв. в Китае началось развитие профессионального устного сказа. Первыми такими рассказчиками были, видимо буддийские монахи, которые пересказывали понятным народу языком житие Будды и других святых подвижников. Предполагают, что они вели свой сказ по картинам-фрескам, нарисованным в пещерных храмах и изображавших деяние Будды и его учеников. Постепенно, привлекая всё больше слушателей в храм, рассказчики стали использовать взятые из китайского фольклора сюжеты, не имеющие прямого отношения к буддизму. Они лишь вводили в эти сказания некоторые буддийские мотивы, пытаясь показать бренность земного существования, никчёмность и суетность человеческих стремлений. Буддийский сказ был запрещён в XI в, но устный рассказ не перестал существовать, что породило зрелищное народное искусство.

Божество, святые, добрые и злые духи, демоны, феи, легенды, где добро побеждает — вместе с нравственно-философской концепцией учения вселили в людей веру и терпение, а также страх перед наказанием за грехи. Было велико желание через страдания и земные муки приобрести «хорошую жизнь в потустороннем мире» или дать обет из милосердия к живым существам спасти их от прегрешений перед ликом Будды.

Считалось, что Будда в таких случаях сам возлагает на голову дающего обет руку и как бы пророчески присвоение ему в будущем звание боди-

Рис. 13. Календари-амулеты.

сатвы, то есть буддийского святого. Желаящих стать бодисатвой всегда бывало немало, но причислялись простые смертные к лику святых крайне редко.

Очень редки и находки скульптурок этих святых, хотя популярность их среди буддистских верующих была значительна. Это связано, скорее всего, с угрожающими действиями преступных копателей, которые с металлоискателями, опережая археологов, выхватывают из шурфов ценные археологические находки. Среди браконьерских раскопок на Новонежинском городище, случайно найдена фигурка, бодисатвы Гуаньинь — на санскрите Авалокитешвара, отлитая из бронзы с позолотой высотой 3 см. Гуаньинь изображена сидящей, её левая нога подогнута в позе лотоса, правая — согнута в колене. Ступни ног соприкасаются. Левая рука опущена вдоль туловища и является опорой для фигуры, правая — спускается по колену вниз. Лицо монголоидное. Хорошо видны прорези глаз и бровей, нос плоский, переходящий сразу в рот.

Причёска бодисатвы высокая, уложенная буклями, впереди украшена ободком с изображением Будды. Одета она в длинную тунику с поясом на талии и глубоким вырезом впереди. Сверху, спадающий по плечам и спине мягкими фалдами хитон, скреплённый заколкой на плече. Грудь её украшало ожерелье, со завязанным узлом под воротом и спускающимися концами. Фигура исполнена в реалистической манере, которую копировали в разные времена. Обычно Гуаньинь изображали в белом одеянии, сидящей на белых лотосах. Она являлась одним из трёх божеств буддийского пантеона богиней милосердия и добродетели.

Гуаньинь могла облегчить страдания, утешить, спасти, простить, отпустить грехи, а также считалась богиней-чадоподательницей. К ней обращались с молитвой женщины в надежде родить ребёнка. Гуаньинь провожала души в нирвану, к Будде. На поминках, воздающих по усопшему, читались молитвы трём буддам — то есть будде Шакьямуни, Гуаньинь и Майтрейе, символизирующим прошедшее, настоящее и будущее.

Она была самой почитаемой в народе среди ботисатв и святых. В Китае до VIII в. она была известна в мужском обличье, характерном для ботисатв, а после перерождения в женском.

Среди прочих тридцати трёх её изображений большой популярностью в народе пользовались картины, на которых Гуаньинь любит отраженной в воде луной. Считалось, что подобные изображения имеют благожелательный смысл.

Одна из интересных находок жезла в Кайюане — олицетворяющий буддийский космос. Вкладывался жезл в руку одному из четырёх помощников Будды. Этот символ изготовлен из белой бронзы длиной 21,5 см. Средняя часть жезла имела круглый стержень-держатель длиной 8 см, диаметром 2 см, разделённый на пять зон. Концы жезла симметричны: один конец держателя заканчивался головой тигра, из пасти которого выступал четырёхгранный стержень. Боковые стороны тигровой головы усложнены головами

рогатых драконов, из пасти которых вырываются, возможно, пламяобразные отростки. Эти отростки, создавая полукруг, соединяются со стержнем в пасти тигра. На стержне-держателе при помощи чекана нанесена регистрационная надпись: «Управление чжэнсы области Линьхуан (фу)». Указанная область находилась на месте современного Линдунцзе в верховьях Шарамурэн на территории Внутренней Монголии (КНР). Раньше это была Верхняя столица Железной империи киданей Ляо, которую в своё время завоевали чжурчжэни. Возможно, что этот жезл попал в Приморье вместе с переселенцами из районов Верхней столицы Цзинь в ходе создания государства Восточный Ся.

Весь этот религиозный спектр определял социаль-нравственное поведение в сознании чжурчжэней.

ВЕЛИКОЕ ЕДИНЕНИЕ

*Я сделал всё для своего народа,
потому что впитал его несчастье —
боль рабов, страдания, унижения его,
геноцид, и пусть я погибну в борьбе,
но народ будет свободным и счастливым.*

Ли Куан Ю,
первый президент Сингапура.

После победы над Елюем Люгэ и развала промонгольского марионеточного государства Новое Ляо в Маньчжурии наступило время хаоса, князьки и племенные вожди силой перекраивали территории, захватывали лучшие земли, расширяя свои владения, доводили до обнищания местное население. Рядовые пастухи и земледельцы опять попали в жернова локальных батальи и уходили от войны, некоторые просили убежище в Восточном Ся.

Пленным киданям, после пяти лет добросовестной работы, Пусянь подписал вольную, но большая часть их осталась, пополнив население государства. Другие кидани ушли на родину, но вернулись обратно с семьями и ещё с беженцами, гонимыми военными раздорами в Маньчжурии.

Между Восточным Ся и Корё наладились широкие торговые отношения. Корейские кузнецы, гончары и архитекторы помогали в развитии ремесла и возводили города в Приморье. Как опытные корабли они вместе с чжурчжэнями строили на верфях морские суда под парусом и большие лодки с одной мачтой класса река-море. Такие судёнышки поднимались по рекам, где строились речные причалы. Вероятно, маленький речной флот находился на Суйфуне и Сучане, где кроме парусников ходили на лодках с вёслами, а может быть, имелись небольшие баржи, ведомые «бурлаками».

Изображение небольшого одномачтового судна с косым рейковым парусным вооружением, прочерченное острым предметом на тулове сосуда, найденного в «Грозной скале», тому подтверждение. Строительство городов-крепостей с большим потенциалом оборонительной прочности вселяло уверенность Ваньну в обеспечении длительного сопротивления, при котором неприятель мог нести большие потери, что давало возможность отстоять свою независимость.

В нём скрывалась надежда что, находясь на периферии северо-востока Восточной Азии, его государство могло остаться в стороне от завоеваний монголами территории Азии. За Приморьем, севернее, находилась бескрайняя тайга, уходящая далеко в холодные широты, монголам-степнякам в таёжных дебрях среди гористого ландшафта, марей и болот делать было нечего.

Весной 1223 г. Пусянь Ваньну официально объявил Кайюань столицей государства и своей цитаделью, на одной из высоких башен установил свой штандарт в виде голубого небесного полотнища с изображением золотого полутигра-полудракона, держащего в одной лапе меч, а в другой — колосья злаковых. Тогда же Пусянь принял второй девиз правления Да-тун («Полная гармония» или «Великое единение»). Под «Великим единением» Пусянь Ваньну имел в виду, объединение всех людей, не зависимо от национальной принадлежности их религии и культуры, которые общими усилиями создают экономическую и военную мощь нового государства. В единстве цели, благополучия и мира Пусянь видел полную гармонию.

В эту весну Чунь-лянь родила Пусяню второго ребёнка — мальчика, крёстным отцов стал Ваньянь Хэбо, который, с согласием родителей, назвал его Шилу, в честь прародителей чжурчжэней. Счастливые родители весь июль провели вместе в окрестностях Кайюаня и выезжали на оз. Ханка, где Хасай обеспечил сильную охрану, чтобы государь мог отдохнуть и наслаждаться семейным счастьем, и мир им казался безграничным.

Вернувшись в начале августа в новую столицу, жизнь князя снова была во власти повседневных забот и многочисленных дел. Добраивали Кайюань, реконструировали стены Суйпиня, строительные работы продолжались в «Грозной скале». Уже было построено много средних и маленьких горных городищ, тысячи строителей продолжали возводить намеченные крепости на скальных отрогах и крутых сопках в речных долинах.

В оборонной отрасли работали ремесленники различных специальностей: металлурги, кузнецы, гончары, плотники. Они создавали различные типы каменётных установок, оббивали камни для ядер, изготавливали глиняные бомбы и гранаты, стреломёты, наконечники стрел, копий, дротиков, палаши, ножи и другое оружие, всё это находилось под охраной в арсеналах городищ.

Велись поиски новых рудных местонахождений. В Приморье имеются многочисленные, но маломощные рудные ископаемые бурого желез-

няка, они залегают на небольшой глубине или слабыми жилами выходят на поверхность. Их находили в гористых районах, легко обнаруживали в слоях осыпей оврагов, в береговых террасах, в скальных пластах около ручьёв и рек, где вода выдавала эту породу сталистым блеском ржавчины.

Рудокопы выбивали зубилами и кувалдами серо-коричневатую руду, дробили её и перевозили к плавильным печам, которые строили недалеко от места добычи. Эти печи, вернее, плавильные ванны строили трапециевидной формы из кирпича или базальтового камня. Они были длиной от 2 до 3 метров, ширина её задней части — 1,2-2 м, а устья в пределах 1-1,4 м. Высота свода печи, сложенного из кирпичей и обмазанной огнеупорной глиной не превышала одного метра. На верху свода находилось отверстие для выхода отходов процесса горения. Перед устьем выкапывалась сливная камера, выложенная кирпичом или камнем. Размеры камеры от 30-60х20-30 см. К печи прокапывали каналы как в канах, через них нагнетался воздух с помощью кожаных мехов, которые крепились в вырытых ложах. Для регулировки подачи воздуха в каналах стояли железные заслонки, поэтому трубы как средства тяги не требовалось. Искусственное дутьё создавало большую силу горения, а значит и температуру плавки, чем естественный приток воздуха.

В плавильную ванну послойно укладывали дроблёную руду с древесным углём. При сгорании угля с помощью принудительной воздухоподачи, создавалась температура до 1200°C и более для окислительно-восстановительного процесса превращения руды в железную крицу — пористое сырьевое железо. Из устья крица вытекала в сливную камеру и застывала в формовочном каменном ящике. Кричные полуфабрикаты транспортировали в города, в ремесленные центры для переработки в готовые изделия. Производительность плавильной печи была около 30-50 кг крицы за одну плавку, которая длилась 5-6 часов. Из 50 кг крицы выходило 20-30% чистого железа, в готовой продукции и того меньше. На руднике строили 3-5 печей. Плавильные печи принадлежали государству и все выплавки, и их сбыт были под контролем правительственных чиновников, под их же вниманием сооружались всё новые железоперерабатывающие центры. Пятнадцать металлургических печей построено в Шайгинском городище, восемь в Скалистом. Плавильные печи были на Новонежинском, Лазовском, Горнохуторском, Ананьевском, Екатерининском и других городищах.

Главная задача металлургов-кузнецов заключалась в изготовлении большого числа наконечников стрел, копий, мечей, боевых топоров, других видов оружия. Особенно массовыми были черешковые, кованые, в поперечном сечении прямоугольные, гранённые — бронебойные наконечники. Эти изящные и красивые на вид изделия с длинным пером до 12 см имели мощную убойную силу. Стрелы с такими наконечниками, пущенные из усиленного лука пробивали насквозь лошадь и железный доспех, в зависимости от толщины панцирных пластин.

Кузнецы ковали доспехи, наголовные шлемы, индивидуально по размерам воинов, это защитное вооружение делалось по заказу военного ведомства и на его деньги. Каждый воин моукэ обязан содержать в боевой готовности свою амуницию и беречь государственное имущество, в случае его порчи в бытовых условиях, воин обязан за свой счёт приобрести новое снаряжение, а за халатное отношение получал жестокое наказание.

Металлообрабатывающее производство по объёму и высокому уровню изготовления было организовано в столице государства. Именно здесь были найдены фрагменты корсета-керасы, которые были распространены в Евразии в раннем средневековье и использовались вместе с наплечниками. К корсету-кирасе прикреплялся длинный подол со свободным запахом. Панцирные пластины имели размеры ширина 90 мм, длина 135 мм, толщина 2 мм. Такой панцирь был тяжёлым вооружением воинов-копьеносцев. Корсет закрывал грудь и спину воина.

Во всех крупных городах — крепостях, в городищах на уровне моукэ, создавались ремесленные кварталы металлургов, казённые производственные площадки с плавильными печами, горнами и кузнечными мастерскими, где работали не менее 30-50 человек. Здесь были формовочные ящики и ямы с запасами каменного и древесного угля. Нередко в этих мастерских

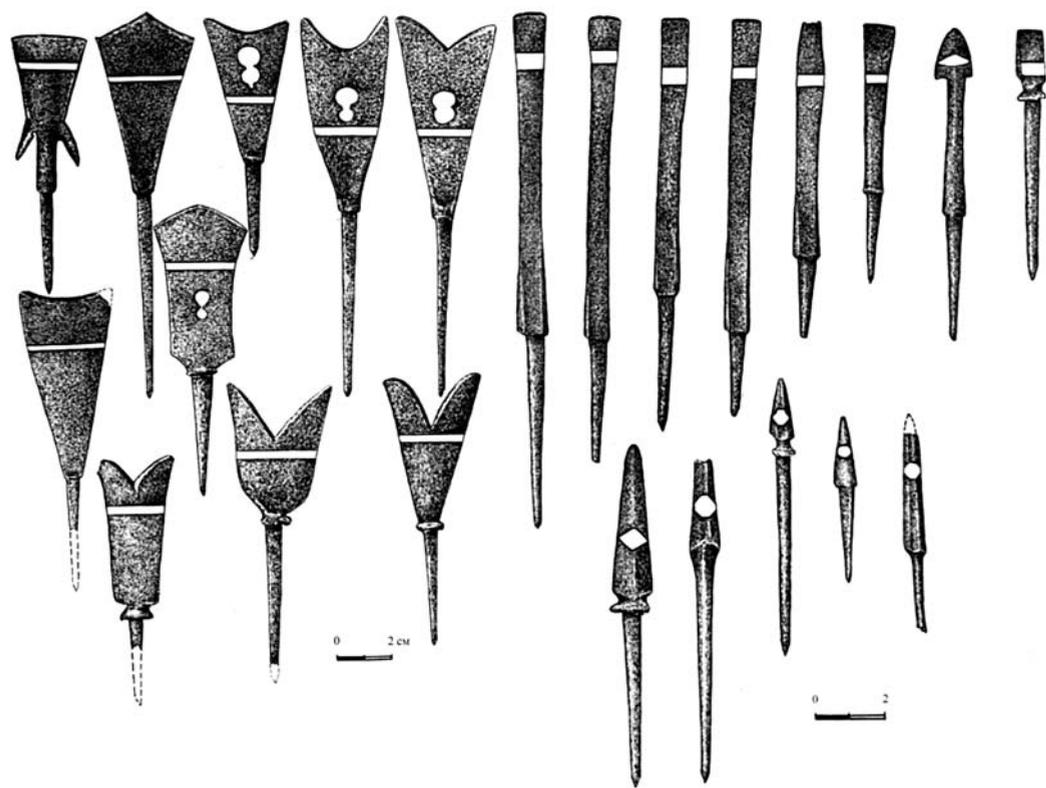

Рис. 14. Плоские и гранёные наконечники стрел (по В.А. Хореву).

находились небольшие сборы лома для вторичной переплавки. Территории мастерских были огорожены высоким плетёным забором, а сверху её площадь накрывалась лёгкой двухскатной крышей из жердей и настилом, каким выкладывали крыши жилых домов. Поскольку площади этих производственных участков были большие 40x10 м, то опорные столбы крыши были не только по углам, но и поддерживались промежуточными несущими опорами.

Для увеличения производственных мощностей, перестраивали жилые дома под мастерские. В таких домах кан был короткий и прямой, соединённый с вытяжной трубой для лучшей тяги. Очаг играл роль горна, на котором в тиглях плавил металл и обрабатывали здесь же на наковальне. Создание дополнительных кузнечных помещений, а также обработка металла в домашних условиях в очагах канов свидетельствует о большом спросе изделий из железа, и прежде для нужд обороны и для земледелия. Такие производственные помещения металлообработки известны на городищах Красный Яр и Красный Мыс и других поселениях.

Кузнецы использовали разнообразные кузнечно-слесарные инструменты: молоты-кувалды, клещи, молотки, а также зубило, напильники, клещи, пассатижи, чеканы, пробойники и свёрла. Для изготовления этих инструментов применялась инструментальная сталь.

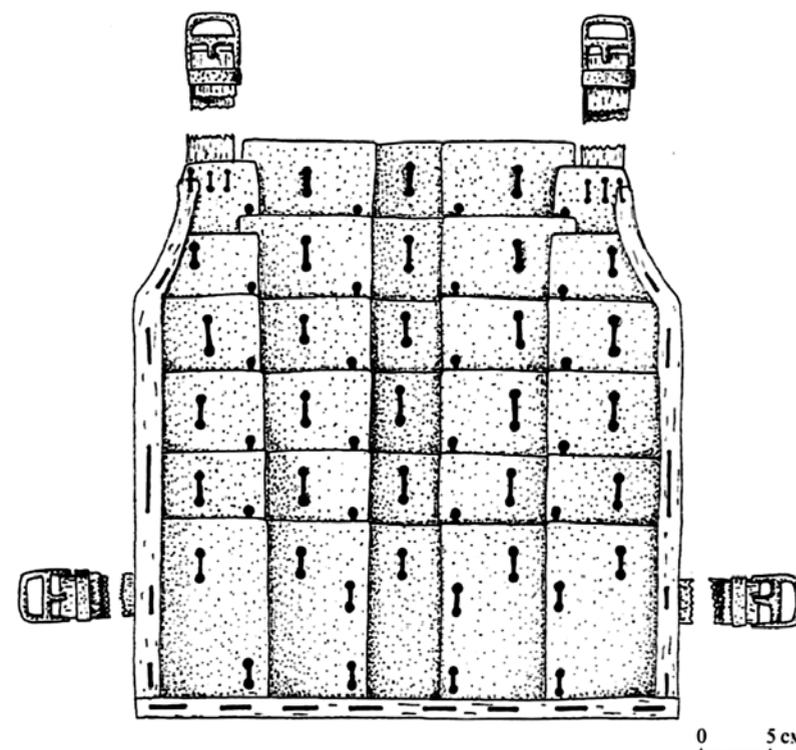

Рис. 15. Реконструкция тяжёлого панциря-нагрудника (по С.Д. Прокопец)

Все производственные комплексы по изготовлению железных изделий и орудия труда для их изготовления, поражают повсеместным сходством, что говорит о создании определённых стандартов для оборонной металлургической отрасли, которая была в руках государства, и строго им контролировалась.

Наряду с казёнными артелями кузнецов, бытовали и надомные кузнецы, которые покупали кричное железо, а затем готовые изделия продавали на рынке или выполняли частные заказы. Чаще маленькие горны делали в виде углубления, соединяющегося с внутренним каналом кана дополнительным дымоходным каналом, вырытым, как и основные, в материке. Горн выложен тремя камнями, расположенными по бокам и снизу, создавая ящик разме-

Рис. 16. Кузнечно-слесарный инструмент.

рами 35x20 см. и глубиной 15 см. Эти мастера вели учёт поступаемого сырья и продукции, отчисляли налог в казну.

В домашних маленьких горнах плавил металл в тиглях. Некоторые орудия труда и оружие исполнялось с высоким качеством, и на них мастер ставил своё клеймо, как гарантию изделия и рекламу своего товара.

Мастера огненного цеха знали разные приёмы обработки металла: ковку, сварку, пайку, серебрение, золочение, литьё, штамповку и термическую обработку, волочение проволоки. Они умели сваривать железо со сталью, ковать миниатюрные железные украшения и наваривать их на железную основу. Кузнецы умели сваривать стальные части изделий, обеспечивая высокую температуру более 1200°C, при которой получались аккуратные тонкие швы. Такие швы накладывались на железные кастрюли, защитные шлемы, габаритные изделия. Ещё мастера отдельные металлические детали соединяли клёпками.

Кузнечным мастерам было известно чугунное литьё. Лучшая по качеству крица шла на дальнейшую переработку в горнах, а малопригодная для кузнечной обработки, путём вторичной переплавки с добавлением высокоуглеродистых присадок, а также из бурого железняка при температуре 1300°C получали жидкий чугун. Его отливали в формы для изготовления втулок для ступицы колёс, лемехов и отвалов для плугов. Из жидкого чугуна, с помощью форм делали котлы. Наряду с литыми чугунными котлами чжурчжэни пользовались железной посудой: коваными котелками и мисками. Посуда из чугуна и железа, была долговечной и ценилась наравне с фаянсовыми и фарфоровыми изделиями.

Ремесленники знали тайну инкрустации тончайшей серебряной проволокой железных изделий для пряжек конской сбруи, поясных пряжек и ажурных бляшек на одежде. Мастера-ювелиры из меди и её сплавов изготавливали поистине художественные произведения искусства. Это были украшения — браслеты и кольца, серьги и шпильки. Как декоративный материал из неё изготавливали детали поясов, конской сбруи, отливали зеркала. Они применяли несколько типов сплавов: оловянная бронза, оловянно-свинцовая бронза, свинцовая бронза, свинцовая латунь и другие виды. Большинство изделий изготовлено из оловянно-свинцовой бронзы, которая в расплавленном виде хорошо растекалась в полости литейные формы. Литьё выполнялось несколькими методами: в двусторонние формы, в односторонние формы с крышкой, по отisku готового предмета, по восковой модели.

В Восточном Ся с ростом числа населения и строительства, высоко поднялось производство керамики и больше всего посуды, строительных и облицовочных кирпичей, кровельной черепицы. Художественно-керамические объёмные фигуры животных и зооморфных существ, украшали крыши, фасады, входы в общественные здания, и храмы в новых городах. Они создавали красоту и парадность. Для контроля и упорядочения керамического

производства создавались гончарные комплексы, эти специализированные мастерские находились в ведении государства.

Развитое земледелие, высокие урожаи зерновых культур требовали особой гончарной тары: вазовидные, горшковидные сосуды, тазовидные, корчаги, большие шаровидные горшки с крышками для защиты пищевых запасов от грызунов. Большие зерновые тары до 200 цзинь (цзинь мера веса, чуть больше 0,5 кг) и более, с развёрнутой горловиной для удобной засыпки зерна. Такие ёмкости лепили ленточным способом, заглаживая стенки лощилом только снаружи. Декоративный орнамент по окружности из ломанных и волнистых сплошных линий имел магическое назначение оберега содержания ёмкости от злых сил, не имеющих возможность пройти через замкнутый рисунок.

Основную массу сосудов и другой посуды изготавливали на гончарном круге. Типовые сосуды горшковидной формы выше тулова имели суженное плечико, переходящее к расширенной горловине, венчик на верхнем крае сырого горшка отгибали наружу с придачей ему гладкой заovalенной формы. Гончары использовали меру длины — «цунь», которая равняется 3,2 см, или «чи» — 30 см, но мы для понимания размеров будем использовать современные величины. Самые большие сосуды этого типа имели высоту 65 см, диаметр венчика 35 см, диаметр дна 28 см. Тазовидные формы тоже имели разные объёмы, но в среднем их высота 22 см, венчик имел диаметр 34 см, а дно 26 см. Вазовидные сосуды лепили высотой 18-25 см.

В домах простых людей станковой керамики было мало, больше лепной посуды, закалённой в огне домашних очагов или изготовленной гончарами надомниками. Однако, даже такая керамика ручной работы, залащивалась и украшалась простым орнаментом, но при этом ассортимент и назначение керамических изделий в каждой семье был большой: около 10 сосудов, не считая обеденных мисок. Для обеспечения 5-6 тысячного населения города, необходимо было около 10 000 сосудов, поэтому производство гончарных изделий имело постоянный спрос.

Поскольку речь идёт о создании многоотраслевой военной экономики, то нельзя не сказать об изготовлении керамических шаровидных «огненных снарядов». В городище «Горная скала» в здании дворцового типа, которое являлось арсеналом, под черепичной крышей, были сосредоточены шаровидные сосуды, размером 7-13 см, здесь же множество доловидных наконечников стрел, большое число ножей-резаков от составных копий. В Лазовском городище в свайном амбаре-летнике, на 6 кв. м. находились сотни маленьких керамических сосудов. Все сосуды изготовлены из плотной керамики, имели узкое горлышко в 2-3 см. Большой арсенал шаровидных сосудов находился в Кайюане. Ещё среди этого типа полых керамических изделий были сдвоенные, сросшиеся сосуды, как «сиамские близнецы», с двумя устьями — бинарные снаряды. Эти сосуды являлись заготовками, которые в случае нападения врага, должны быть заполнены зажигательной смесью с

компонентами пороха (селитра, сера, измельчённые сухие древесные и травянистые волокна).

Ещё во времена цзиньско-китайской войны 1125-1141 гг. обе стороны использовали систему арбалетов, стрелявшие огненными стрелами и «огневые кувшины», заряженные порохом, которые забрасывались катапультной на сотни метров.

Используя опыт военных сражений на территории Китая, Пусянь Ваньну приказал на всех оборонительных укреплениях создать большой запас шарообразных глиняных сосудов до 50 см. для метания камнемётными машинами на большие расстояния, во избежание приближения противника для штурма крепостей. Гончары также изготавливали огромное количество небольших шарообразных толстостенных глиняных сосудов в качестве ручных пороховых гранат, которые при взрыве обладали большой поражающей силой от проникающих убийственных осколков.

Среди гончаров были и частновладельческие надомные мастера, которые свои изделия отличали персональными знаками-тамгами, демонстрируя своё качество изготовления на рынке. Чаще такие специалисты создавали эксклюзивные высокохудожественные керамические произведения искусства на заказ.

Из глины они изготавливали мелкие, но необходимые изделия: пряслица для веретён, льячики, тигельки, фишки для игр, массивные рыболовные грузила, тушеницы — керамические бруски с продольной канавкой, которая имеет двусторонний наклон к центру, где в углублении растиралась тушь или киноварь.

Глиняные бусы, свистульки, игрушки как ходовой не дорогой ассортимент продавался в торговых лавках.

Глиняная посуда исполнялась разными технологическими приёмами, среди них глазурованная, фаянсовая и фарфоровая, высокие узкогорлые сосуды похожие на амфоры, вазы с наклепными ажурными венчиками округлыми туловами орнаментированные розетками или штампом из геометрических линий, построенных в узоры. Такие сосуды чаще украшали убранство богатых домов.

В кухонной сервировке использовали не только глиняную, но и деревянную, чугунную, железную, берестяную посуду, поэтому дефицита в потребительском спросе населения на неё не было.

Ваньну хотелось увидеть всё это в едином оборонном комплексе и проверить, как выполняются его указания относительно увеличения мощи вооружения. Организация поездки Великого князя была поручена военному министру Хэбо, который умел торжественно с некоторым пафосом провести важные государственные мероприятия. Он решил сделать выезд главы государства для демонстрации стабильности мирной жизни, вселить людям уверенность, что их труд сыграл большую роль в военной мощи Восточного Ся.

В начале августа 1223 г. Пусянь отправил Хэбо и Угамыня с инженерами строительного ведомства в равнинные и горные городища военных поселений моукэ, расположенных на северо-востоке от столицы. Это современные Михайловский, Анучинский, Чугуевский, Хорольский районы Приморья, где находились поселения. Их задача заключалась в проверке полной боеготовности населения и его передислокации из неукрепленных сельскохозяйственных поселений в укрепленные городища в случае наступления врага.

Пусянь поехал на юго-восток государства вместе с генералом Хасаем и сотней его кавалеристов. Ещё в сопровождение Пусянь взял из Сюипиня отряд земледельцев моукэ из 30 всадников, в полной боевой экипировке. По известному тракту, соединяющему долину реки Уссури с морским побережьем, шли конные отряды во главе с князем и Хасаем со штандартами главы государства, боевыми знамёнами, свидетелями побед под Ляояном, Ляодуне и в Великом походе.

Там где они в 1217 г. проезжали мимо убогих лочуг переселенцев-земледельцев, теперь стояли городища-поселения с добротными усадьбами из жилых домиков и хозяйственных амбарчиков. На лугах паслись стада коров и табуны лошадей.

Развитие хозяйства средневекового населения Приморья носило комплексный характер с развитым ремеслом и земледелием. В межсезонный период в поселениях занимались не только ремонтом изделий из металла на дому, а и производством железа из руды и металлолома, а также изготовлением оружия и орудий труда, бытовых вещей, как для собственных нужд, так и на обмен и продажу. Деревообрабатывающее ремесло было распространено во всех поселениях, так как дерево играло важную роль в качестве основного строительного и поделочного материала. Инструменты для обработки древесины находились почти в каждом доме. Среди них пилы для продольного и поперечного распила, долота, перовидные свёрла, ножи, стамески и резцы-лошкарки.

Это свидетельствовало, что формирование и расселение переселенцев в военно-земледельческие поселения было по профессионально-производственной и социальной принадлежности. Пример этому население Ананьевского городища («Страж долины»).

Пусянь Ваньну по дороге ехал на юг к городищу «Страж долины», что в 84 ли от Кайюаня, среди множества однообразных сопки, где в широких равнинных распадках были возделаны поля. Земледельцы отвоёвывали у дикой природы участки земли, заросшие густым орешником, липой, клёном и высокой травой. Обрабатывать новые земли очень трудная работа и требовалось много сил и терпения.

Ещё издали была видна высокая сопка, стоящая по середине долины р. Ананьевки (р. Эльдуга), впадающая в р. Раздольную (р. Суйфун), на фоне голубого неба чётко обозначился тёмный земляной вал.

Конница князя по крутой узкой дороге, укрепленной прерывистыми валами, подъехала к восточным воротам, которые снаружи были защищены «С»-образным траверсом. В валу грозно возвышалась сторожевая башня, охраняя ворота и угол крепости над обрывом сопки. Вторая башня, в удалении 70 м, была встроена в выдвигающийся углом наружу вал городища, и через свои бойницы контролировала безопасность ворот.

Начальник гарнизона и воины моукэ на лошадях встретили высоких гостей в полном боевом вооружении, с копьями в руках, на поясе у них висели палаши, за плечами колчаны со стрелами, приложенные к седлу луки, боевые топоры или дротики.

Кавалькада вошла в крепость. Прямо перед ними находился редут, защищавший ворота изнутри. Всадники спешили, Пусянь, Хасай и начальник моукэ поднялись по внутренней, пологой стороне вала, который наверху имел ширину три метра, чтобы со стены оценить практичность обустройства городища его обороноспособность и осмотреть прилегающий ландшафт.

Ваньну понравился замечательный вид, всё просматривалось, как на ладони: и сопки, и поля со зрелыми зерновыми культурами, дальние распадки, заросшие кустарником с небольшими озёрами и болотцами, около которых хорошая охота на зверя и дичь.

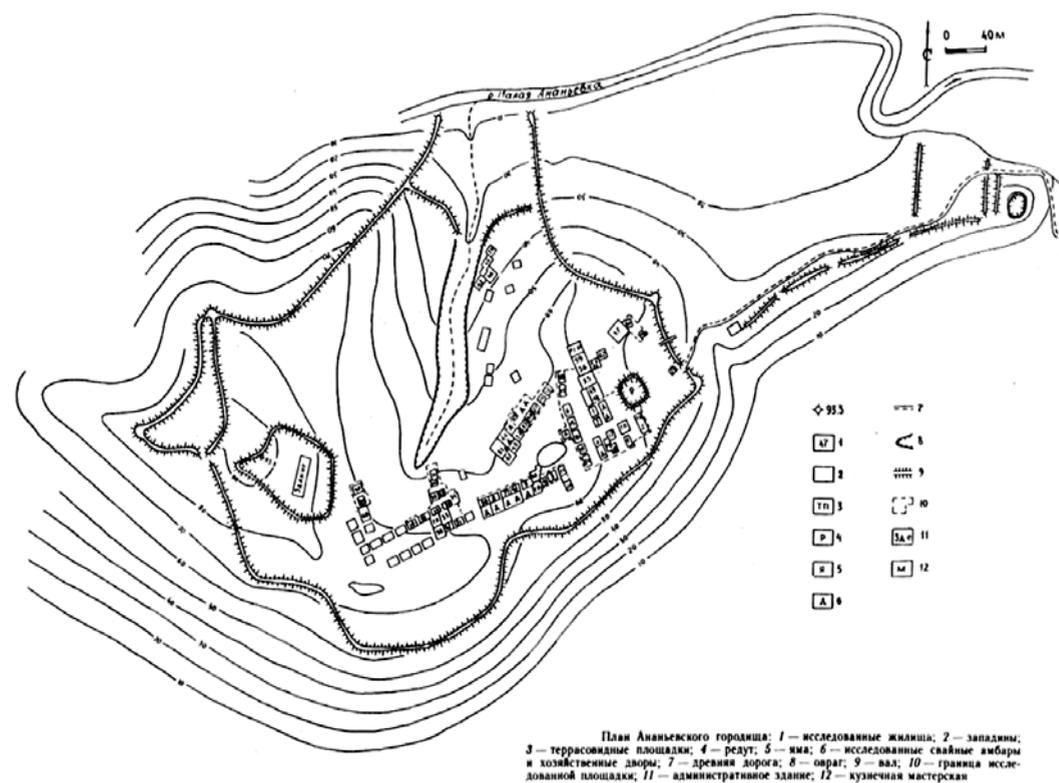

Рис. 17. План Ананьевского городища (по В.А. Хореву).

В плане городище не имело строгой геометрической формы. Вал проходил по краю сопки и на севере с разрывом спускался между оврагом по склону в покрытую кочками болотистую пойму реки Малой Ананьевки. Овраг глубоко врезался в сопку до середины городища. Он, с двух сторон, в месте окончания болота, был перекрыт земляными укреплениями, которые соединялись с валом, закрывая доступ врага в городище.

Южная сторона скалистого отрога к подножию сопки имела голову-кружильную 90 — метровую высоту. Пусянь повернулся в сторону городища, перед ним террасами по южному склону расположились усадьбы с хозяйственными дворами. По улице бегали дети под присмотром стариков. Земледельцы собирали урожай с полей: просо, ячмень, сою и в больших плетёных корзинах из стеблей гаоляна на повозках везли в западную часть городища. Там за укрепленным валом территории, площадью около 4800 кв. м. находились большие амбары на сваях. Дальше, на краю городища, располагались ремесленные кварталы, где над мастерскими шёл дым от кузнечных горнов.

Проходя по валу, Пусянь оценил чередующиеся широкие площадки для установки разнокалиберных метательных машин. Внизу вдоль стены небольшими горками уложены округлые речные гальки, базальтовые ядра диаметром от 15 до 30 см. Большое скопление, около 900 этих смертоносных камней находилось около восточных ворот. Каменотёсы оббивали их из глыб в скалах недалеко от крепости и привозили на подводах.

От западных ворот в северном направлении шёл дугой большой дополнительный вал, который через 70 м соединялся с основным валом, создавая замкнутое пространство — «ловушку». В случае штурма городища враг наступал не через мощные западные ворота, а рядом специально сделанные менее крепкие ворота, думая, что это прорыв в крепость, но попадал в эту «ловушку». В валах, вокруг этого тупикового пространства были встроены башни для поражения противника, попавшего в западню.

Пусянь прошёл по городищу, зашёл в кварталы ремесленников, где кузнецы у своих горнов ковали серпы, так как уборка урожая ещё не закончилась, и эти орудия были необходимы для завершения страды. Готовое оружие находилось в арсенале, в специальном складе около амбаров, потому что эта обвалованная территория охранялась и была под контролем военного ведомства.

В условиях военного положения в городище находился военный чиновник в должности «танья», имеющий полномочия «подавлять, подчинять силой, усмирять». Такая должность была учреждена в империи Цзинь в годы правления императора Сюань-цзуна (1213-1223 гг.). «Танья» исполняли полицейские функции подавления и усмирения бунтовщиков в войсках и народе. Они подчинялись «дутанья», находящимся в военном министерстве и в административном управлении. Эта карательная система была введена и в Восточном Ся. Об этом свидетельствует печать, найденная в

«Страже долины». На бронзовой печати квадратной формы значился иероглифический текст из четырёх иероглифов в два столбца «танья чжи инь» — «печать танья». На обратной стороне печати виден девиз правления «Тяньтай» князя и основателя государства Пусяня Ваньну, соответствующий 1215-1223 гг. Столичные чиновники этого ведомства периодически проверяли общественный порядок среди населения и докладывали об обстановке в городищах и поселениях.

Жизнь населения городища была полна повседневными заботами. Они были глубоко верующими людьми. Люди носили обереги и почитали небо и предков. Их верования были разнообразными: от первобытного суеверия, связанного с анимизмом, тотемизмом, магией, шаманизмом, до буддизма, даосизма и конфуцианства. В мировоззрении существовал эклектицизм, и никто не посягал на личное духовное убеждение.

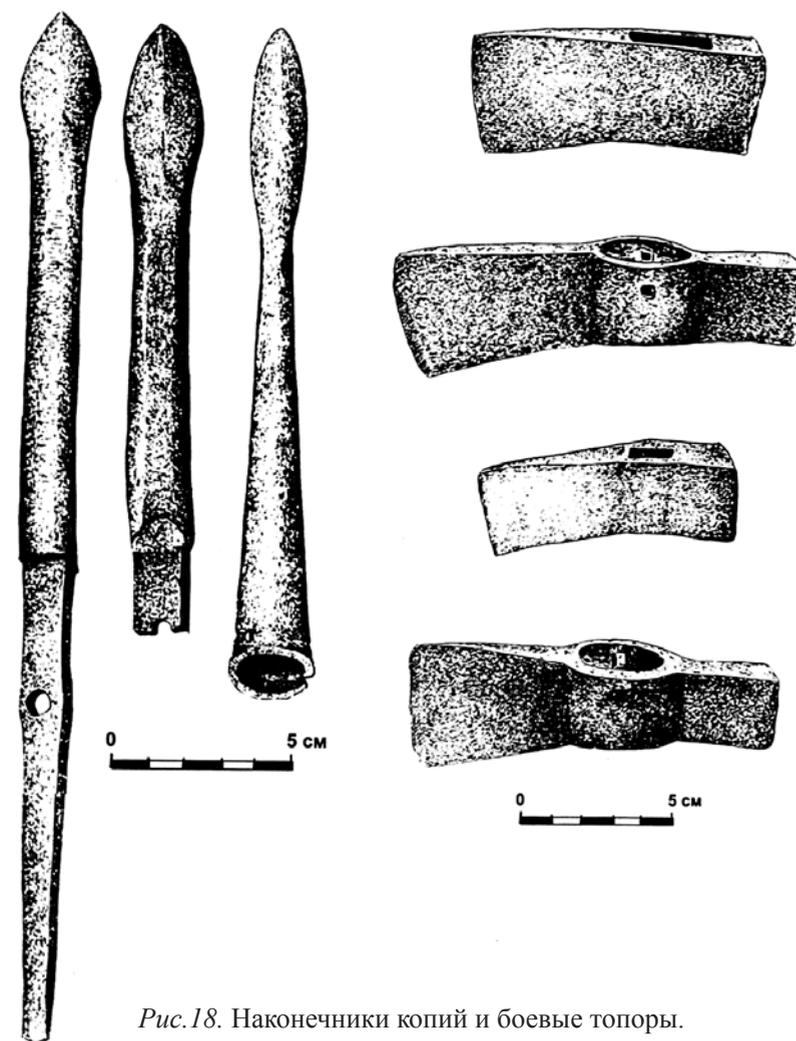

Рис.18. Наконечники копий и боевые топоры.

Здесь, в жилищах найдены маленькие скульптурки духов предков, бодхисаттв и будд размером от 31 до 65 мм. По ним можно представить внешний облик и стиль одежды жителей средневекового Приморья. Создавая скульптурки из металла или глины, ремесленники брали за основу собирательный образ современников. Это были женские и мужские фигурки. Лица круглые и овальные, есть слегка вытянутые. Надбровные дуги плавно переходят в выпуклый нос или приплюснутый. Глаза с разрезами: раскосыми или намечены тонкими черточками, миндалевидными, овальными. Губы прямые или изображены лёгкой изогнутой линией, есть чётко очерченные пухлые, но короткие и маленькие.

Причёски поражают разнообразием и выдумкой мастеров. Одна исполнена продольными прядями на висках, а на лбу и затылке они собраны в пучок овальной формы. Другая причёска похожа на высокие начёсы в виде буклей. Ещё вариант, где из-под шапочки на лоб выступают аккуратно расчесанная чёлка. Оригинальная причёска на одной скульптурке: разделённые на прямой пробор волосы на лбу двумя прядями спускаются к вискам и проходят за уши, заканчиваясь за ними, затылок гладко выбрит. На другой голове волосы разделены на прямой пробор и на затылке заплетены косичкой.

Фигурки одеты по-разному, но обуты все в мягкие невысокие сапожки. Через плечи перекинута тесёмка или ремни-помочи, поддерживающие

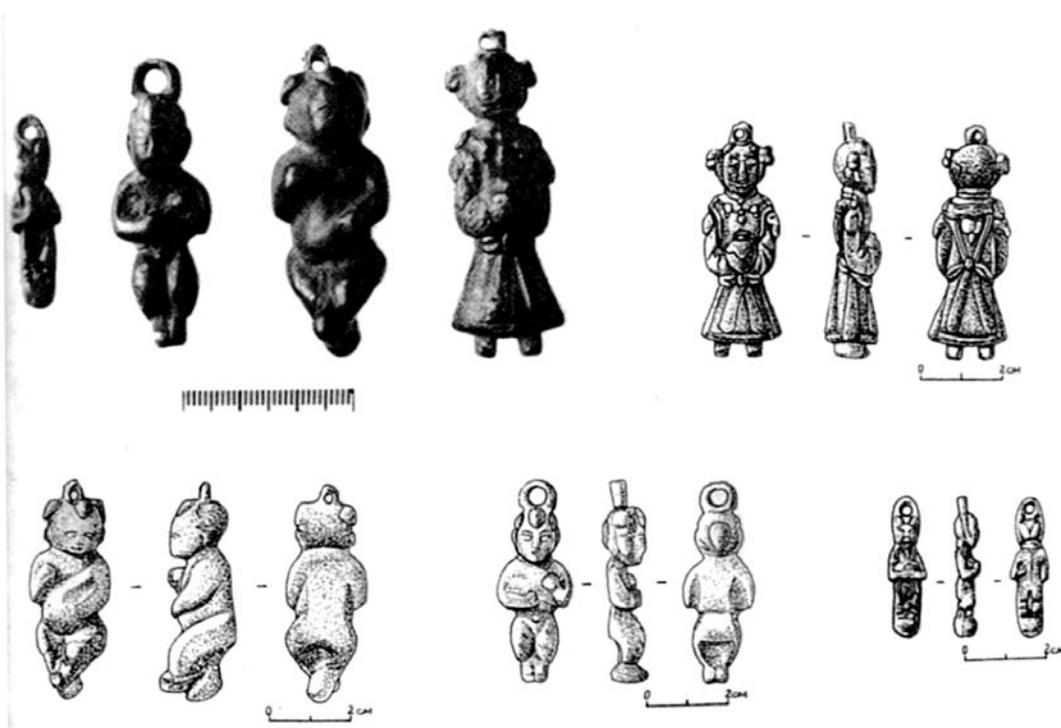

Рис. 19. Статуэтки — духи предков.

штаны типа шаровар. Верхняя одежда у некоторых напоминает стёганку без рукавов, воротник широкий, стоячий. На других — укороченный сюртук. На некоторых фигурках видны длинные халаты до пят, перетянутые на талии широким поясом.

На скульптурках отражены различные виды национальной одежды этносов, населявших Восточное Ся.

В жилищах находили женские аксессуары: булавки, шпильки для волос, серьги, нагрудные и наручные украшения из камня, стекла, бронзы, серебра и золота. Особыми туалетными принадлежностями были бронзовые зеркала разных диаметров с разносюжетными барильефными изображениями, имеющие ценность высокохудожественных произведений.

На одном из них была картина беседки с четырёхскатной черепичной кровлей, увенчанная невысоким шпилем. Стены раздвижные. Внутри беседки перед зажжённой лампой сидит человек, играющий на цитре. На края беседки с потолка фалдами свисают шторы из плиссированной ткани. Рядом с беседкой растёт сосна — символ постоянства и твердости. Её ствол обвит змеей, как признак вечного обновления природы, а вместе они олицетворяют долголетие.

На многих зеркалах с внешней стороны изображены мифические сюжеты, бытовые сцены, природные сюжеты. Они отражали отношение людей к окружающей действительности, стремлению к возвышенным чувствам, гармонии человека с природой и были популярны у женщин в те далёкие времена.

При исследовании Ананьевского городища («Стажи долины») собраны предметы для настольных игр в шахматы и кости. Бронзовая фишка в виде плоской шашки диаметром 26 мм, на одной стороне изображала китайский иероглиф «ши» — «офицер». На другой — изображение самого офицера во весь рост в доспехах с подвешенным на поясе палашом. Подобные шахматные фишки найдены в Шайгинском городище («Грозной скале»), а в Сюйпине была обнаружена фишка с рисунком катапульты. Эти фишки относятся к китайским шахматам под названием «сян ци» — «слоновые шахматы». Ещё чжурчжэни играли в «шуань лу» — нарды и в «альчик» — «бабки». Надкопытный сустав ноги у животных использовался для игры в кости. Костью (битком) сбивали другие такие же кости, расставленные в определённом порядке, похожие на игру в мини «городки». Игральные кости найдены во многих городищах Приморья.

«Страж долины» был классический пример строительства горных укреплений, где «...мастерски использовали сопки, господствующие над равниной, реки, их притоки и протоки, болота, позволяющие усилить оборону крепости, избежать возведения высоких валов, обеспечить защитников питьевой водой»

В этом городище жили земледельцы, охотники и рыболовы, плотники, кузнецы и наряду с основной трудовой деятельностью большое внимание

уделялось военному обучению. Постоянной тренировкой и муштрой занимались не только состоявшие на действительной службе, но и запасные военные поселенцы. Оно представляло моукэ — военное поселение земледельцев и ремесленников, готовых взять оружие на защиту своей крепости и государства.

Моукэ и более крупные — мэнъань являлись производственными территориальными сельскохозяйственными общинами. В зависимости от исторических условий наполняемость этих формирований менялась. В 1116 г. в моукэ входило 300 дворов, а десять моукэ составляло один мэнъань.

Рис. 20. Изделия из бронзы. Справа — игральная фишка и пинцет. Внизу — вертлюг и скульптурка духа предков (по В.А. Хореву).

В 1183 г. в моукэ входило 327 дворов, а в 1215 г. мэнъань имел 5 моукэ и в каждом отряд состоял из 30 воинов. После 1215 г. мэнъань уже состоял из четырёх моукэ по 25 воинов в каждом. Традиционное военное цзиньское формирование передано Восточному Ся, так как основное население Приморья состояло из выходцев многонациональной Цзиньской империи.

В одном из жилищ археологами была найдена часть пластинчатого доспеха в виде нагрудника. Длина сохранившейся части 27 см, ширина 15,5 см. Длина каждой пластины 90 мм, ширина 25 мм. В этом же жилище под корнями большого дерева находилась ещё одна часть панциря (60 пластин). Это объясняет, что среди многочисленных орудий из металла, большее их число относилось к предметам вооружения и защиты.

Подобные части панцирей обнаружены на Лазовском, Новогордеевском, Гусевском городищах. Реконструкция Лазовского панциря показывает, что он имел форму прямоугольника размером 65х60 см, набран из 189 пластин. Известны размеры отдельных пластин от 78х28 до 83х29 мм.

В Восточной Ся земля принадлежала государству и передавалась в бессрочное пользование военно-земледельческим формированиям моукэ. Моукэ распределяло земельные наделы семьям, за которые они расплачивались натуральным налогом. Усадьба с хозяйственным и скотным двором, рабочим инвентарём находилась в собственности семьи.

Мужчины были заняты земледелием, скотоводством, ремеслом, строительством, там, где был тяжёлый физический труд. Женщины больше были заняты домоводством и воспитанием детей, они работали на своих огородах, в садах при сборе урожая, были вышивальщицами, пряли шерсть, шили лёгкую одежду для семьи. Не известно был ли у них левират, так как в условиях войны было много вдов с детьми на руках, о социальной помощи тогда не имели представления. Возможно, они пополняли семьи родственников, чтобы коллективно выжить в сложных условиях.

Семейно-правовые отношения в Восточной Азии, складывались тысячелетиями, в ходе развития национального самосознания, культуры, норм исторически сложившегося общественного бытия, духовно-нравственных правил. У каждого народа есть свои определённые устои и законы семейных отношений, их регламентация. Неизвестно насколько влияла китайская и корейская этика семейных отношений на чжурчжэней, и какие новые черты они приобрели в Восточном Ся, но в любом случае жёны были зависимы от мужей, но насилие в семье порицалось.

Широко были распространены заповеди женщины «саньцунь» (подчиняться отцу, мужу, сыну). Глава семьи пользовался неограниченной властью над женой и детьми. Решение главы семьи было обязательным и окончательным для всех её членов. После смерти отца главой семьи становился старший сын, который наследовал землю и имущество, заботился о младших братьях и сестрах, помогал им материально, особенно при вступлении в брак. Старший сын и после женитьбы жил с родителями, вёл всё хозяйство.

В Корее женщины официально имён не имели. Они назывались по отцу или после вступления в брак по мужу — «дом такого-то» (имя мужа). В кругу семьи девочку называли ласковым именем: «лотос», «аккуратная», «сокровище» и др. По традиции фамилия ставится перед личным именем. У мальчиков было несколько имён, причём в простых семьях считалось, чем грубее имя мальчика в детстве, тем легче будет последующая жизнь.

Древний обычай сокрытия личного имени, а также связанный с культом предков уважение к старшим способствовали тому, что, например, в Корее, этикет запрещал младшим обращаться к старшему по имени. Поэтому широко использовались термины родства: «старший брат», «мать такого-то», «тётя», «дядя», «дедушка».

Ещё с древних времён в Восточной Азии семьи обычно были многодетны. Смертность в раннем возрасте, особенно среди новорождённых была велика, и поэтому рождение ребёнка сопровождалось целым рядом суеверных обрядов, чтобы оградить его мать от злых духов, от дурного глаза, навета, оговора и т. п.

Интересен обычай усыновления детей. Обычно усыновляли детей своих родственников. Иногда усыновление носило характер примачества: мальчика брала семья, в которой не было сыновей, и когда он вырос, его женили на одной из дочерей. Нередко усыновление носило характер религиозного ритуала, совершаемого с целью ограждения ребёнка от несчастий. Например, ребёнка из семьи, где дети долго не жили и умирали, усыновляла многодетная семья, в которой дети выросли здоровыми и трудолюбивыми, или новорождённому подбирались приёмная мать из числа женщин, родивших и воспитавших много здоровых детей. В таких случаях ребёнок оставался жить у двоих родителей, но приёмные родители считали его своим ребёнком, оказывали ему внимание, делали подарки. Когда ребёнок вырос, он к своим приёмным родителям относился как к родным.

Парадные колонны всадников покинули городище и направились в стоящие на пути земледельческие поселения, где их встречали как дорогих гостей.

Через два дня кавалеристы подошли к «Грозной скале», которая становилась крупным административно-ремесленным центром после Кайюаня.

Пусянь помнил, как несколько лет назад, они пробирались с Шимынем сквозь дебри тайги, чтобы определить место будущей крепости, теперь туда вела дорога среди сопки по которой они вышли в долину реки, пройдя какое-то расстояние, они оказались перед крепостью.

Отряд остановился, чтобы с расстояния оценить мощь, стоящую на скалистых отвесных склонах сопки, по которым шли высокие валы с грозными башнями и сосредоточены многочисленные виды укреплений, позволяющие сделать её неприступной.

Дорога подвела к основанию сопки и продолжала подниматься вверх к воротам в юго-западной части вала. Перед самими воротами на резных

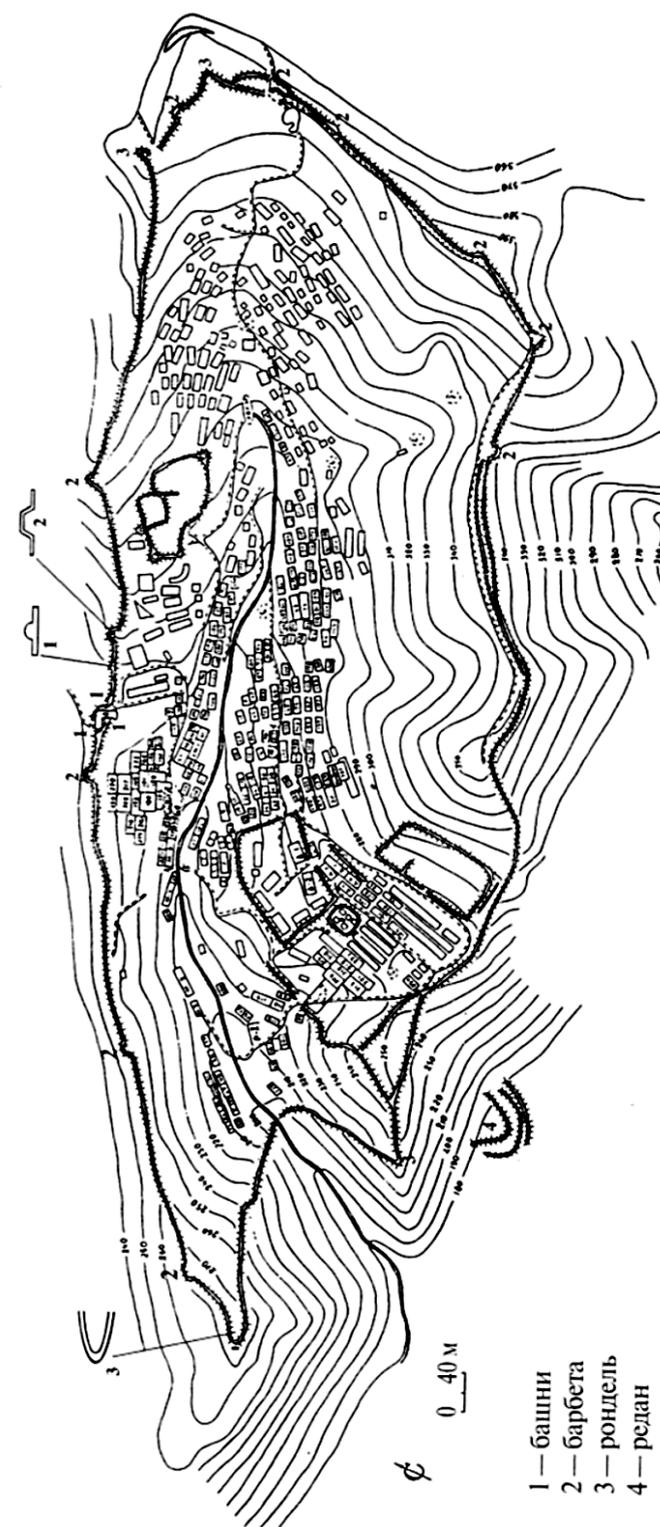

Рис.21. План Шайгинского городища.

четырёх столбах была установлена двухскатная черепичная крыша с огромными глиняными головами тигров-драконов со страшными осками. Рядом, через специальный канал-шлюз, проходил из крепости ручей.

Справа, восточнее от ворот, по склону спускался клином вал (редан — уступ) — открытое полевое укрепление, состоящее из двух фасов (валов) под углом 60-120°, выступающий в сторону противника (во внешнюю сторону), защищавший дорогу перед воротами и ложбину у подножия сопки, продолжался прямо по склону на восток. Высота стен поражала воображение, сколько нужно насыпать и утрамбовать пластов земли, чтобы создать такой вал, перед которым человек становился беззащитным.

Недалеко, внизу, возле подножия сопки, построен подковообразный редут с высотой вала 3 м и шириной 18 м. Около него на лошадях выстроился караул, приветствуя своего князя и главнокомандующего.

Слева, западнее от ворот, вал поднимался по склону к скалистой вершине горной гряды, самой высокой точки вала.

Пусяня, Хасая и кавалеристов встречали Правитель маньяна и губернатор Шимынь.

— Князь, мы тебя ждали в восточных главных воротах, где на сопке приготовлен лагерь и кухня для кавалеристов. Наш конный разъезд предупредил, что ты свернул с основной дороги на нашу рабочую дорогу, по которой мы обеспечиваем город дровами и продовольствием, — сказал Шимынь.

— Дорогой Шимынь, мне захотелось с южной части, с долины посмотреть на стены крепости, здесь они самые высокие и отлично закрывают пологий спуск сопки. А теперь веди нас в свой лагерь, все устали и проголодались, — ответил Пусянь.

Конница, гремя подковами, быстро прошла по центральной улице мимо жилых кварталов, не оставляя пыли, так как дорога была вымощена галечным булыжником. Они поднялись на восточную сопку, заросшую редким кустарником и высокой зелёной травой. Первозданная растительность покрывала склон, спускавшийся к валу и восточным воротам с парадным въездом в крепость. Вся эта территория городища ещё не была застроена, лишь проторенная грунтовая дорога прорезала этот участок крепости.

С этого склона были видны северо-восточные ворота, где тоже была дикая природа, и не было дороги. Предстояло ещё большое строительство, ведь крепость строилась только пять лет.

Расставлены палатки. В стороне от них — коновязь из вкопанных перекладин.

— Князь, вам с генералом Хасаем приготовили еду в государственной резиденции, прикажете направиться во дворец? — спросил губернатор.

— Шимынь, а чем ты будешь кормить солдат и воинов моукэ? — задал вопрос Пусянь.

— В этом году в тайге много оленей, мы приготовили мясо на вертеле, а в котлах уху из речной рыбы.

— Давай не будем терять времени и пообедаем здесь, в лагере, а раз много оленей, можно на днях поохотиться, у нас Хасай прекрасный охотник, но лучше его не брать, он всю дичь перебьёт, — сказал князь, кивнув в сторону Хасая.

Пусянь, Хасай и Шимынь рассмеялись и пошли к большой палатке, которую для них, на всякий случай приготовили.

Через два часа, после обеда Хасай приказал Правителю мэнъянь «Грозной скалы» сменить уставших лошадей воинам моукэ и отправить домой в «Страж долины» под командой их начальника, а дальнейшее почётное сопровождение князя поручить его воинам. Хасай сказал, что они пойдут в «Южный щит», а потом его воины вернуться.

Правитель мэнъяня пригласил подняться Пусяня и Хасая на вал, чтобы оценить грандиозность крепостного строительства, их сопровождали ответственные специалисты из строительного ведомства и чиновник отдела вооружения.

Прежде чем осматривать крепость, один из руководителей строительства раскрыл перед Пусянем секретный план вала «Грозной скалы» и прокомментировал князю особенности его строительства для долговременной обороны.

Горные городища принципиально отличались от равнинных городищ тем, что валы строили по рельефу, который максимально мог быть естественным укреплением, дополняя искусственными сооружениями, осложняя приступ и взятие их противником.

В основе защиты «Грозной скалы» был вал длиной 3 600 м, проходивший по гребню крутых сопки и горной гряде. Крепость была, как бы растянута, с востока на запад. Северная и южная стороны вала имели общую длину около 2 800 м. Западный вал короткий и проходил по труднодоступным отрогам. Восточная сторона охватывала склон шириной около 500 м, и была уязвима в случае её штурма, но оборонительные укрепления были построены таким образом, что они перекрёстным огнём держали мощную оборону.

Высота вала зависела от сложности природных препятствий, чем круче склон сопки, тем меньше высота вала, поэтому на отвесных скальных участках стена возводилась до 3 м, на пологих склонах восточного и частично южного до 6-8 м.

Слабые участки были и на южной части вала, который опускался на склоны сопки, но строители усилили эти линии обороны дополнительными валами.

Защита крепости увеличивалась фортификационными строениями. Над воротами и по всему валу через 50-160-300 м, были отсыпаны площадки от 8x5 до 10x15 м на внутренней стороне от бруствера, которые называются барбет. Эти площадки подготовлены для размещения камнеметательных машин — баллист, бросающих большие ядра, стреломётов, стреляющих с лафета стрелами, заряженными взрывчаткой, разных типов катапульта, кото-

рые словно град обрушивают на головы врагов сотни камней. Подступы к крепости, и, прежде всего к воротам, блокировались редутами из нескольких линий обороны. Они имели ещё рондели для обстрела вражеских флангов и прикрытия переднего края.

Все ворота в городище, а их четверо, шириной и высотой не более 3 м, их встраивали в уже построенный вал, как бы пробивали для них тоннель, его свод укрепляли балками.

Оборону главных, восточных ворот обеспечивали продолжавшийся вал, создающий узкий коридор на входе, встроенная валовая башня у ворот, барбет-площадка для метательных орудий и редут. Восточная стена вала высотой около 6 м, выходила углом (редан) в основании сопки. На ней находился рондель — полукруглый выступ над внешним краем крепостного вала, контролирующий подступы к главным, воротам, где перед входом стояла украшенная высокая, длинная арка из серой черепицы со скульптурными изваяниями чудовищных голов с раскрытой пастью.

Арка держалась на шести попарно вкопанных столбах. Вход в северные ворота, с восточной стороны прикрыт выступающим углом вала, а с западной стороны, выдвинутой башней с ронделем. Башни строили не только для усиления обороноспособности ворот, но и самого вала, по его окружности были пристроены выдвигающиеся от стены 9 башен, одна из них отстояла на 13 м, и была фактически бастионом с большим поражающим эффектом.

Верхний уровень вала имел ширину 3 м, внешний край его имел защитную стенку высотой 1,5 м, прорезанную узкими бойницами, она прерывалась площадками для оборонных орудий.

Вал возводился пять лет, вместе с ним строился город трудом многих тысяч людей.

Пусянь поднялся на угол восточного и южного направления вала, где возвышалась круглая башня на крепком основании, выступая на три метра от стены, в верхней её части довольно просторная площадка для лучников с большим обзором прилегающей местности.

Через бойницу он увидел живописную картину солнечной долины р. Сучан, её берега, покрытые плакучими ивами и цветным ковром полевых цветов, вдалеке, спускаясь к пойме реки, возвышались покатые сопки идущие за горизонт.

Дальше, на южной стене, Пусянь прошёл через вторую мощную башню. Сверху он увидел, что вдоль вала внутри городища шла дорога, она завершалась в том месте, где от основного вала шёл под острым углом, почти параллельно, второй дополнительный вал около 200 м. Здесь вал несколько спустился по пологому склону и дополнительный вал укрепил уязвимое место на южно-восточной стороне вала.

Шимынь начал объяснять Пусяню:

— Князь, вот там дальше, за поворотом стены, из распадка вал поднимается на вершину сопки, а потом снова идёт вниз, т.е. вал углов входит

в городище. Эти валовые края соединяются стеной, по которой мы идём. В результате строители создали треугольную валовую «ловушку», окружённую двумя башнями и камнемётной площадкой. Если противник попадает на этот участок между стен, он будет уничтожен.

Пусянь посмотрел на руководителя строительства, и похвалил за хитрую фортификацию:

— Ты хорошо придумал, закрыл склон ложным участком вала, перекрёстный обстрел.

— Князь, благодарю тебя, это система обороны многих горных крепостей, где рельеф позволяет поставить «ловушку», она заимствована у наших корёских друзей, мы приняли их предложение, силами своих специалистов провели расчёты и построили. Ещё, позволь обратить внимание на защиту южных ворот, она чем-то напоминает прикрытия восточных, только отличается масштабами вала. Здесь вал от «ловушки» опять углом (редан) спускается в ложбину с пятидесятиметрового склона и поднимается вверх в районе южных ворот. В углу находится мощная башня, а наверху её бастион. У подножия самой сопки большой редут, который контролирует долину реки, в нём круглосуточно боевое охранение.

— При въезде в городище, я обратил внимание на этот мощный уступ, который играет большую роль в обороне и не позволит подойти противнику к стенам для штурма.

Вся княжеская свита прошла над южными воротами, с которых виден городской распадок сопки, по которому протекает ручей, по обе стороны ручья вверх каскадом поднимаются дома.

— Господа, мы уже подходим к западной, самой высокой точке вала, где стоит скальная гряда, такая же прочная и сильная как наша «Грозная скала». Отсюда крепость видна с высоты «птичьего полёта» и вниз смотреть страшновато, здесь на внешней стороне высота до земли больше 60 метров, мы прошли по валу около 1,5 км, если позволишь, князь, мы все отправимся в город, — сказал Шимынь.

Пусянь засмеялся, он знал, что губернатор боится высоты, но уважал его твёрдость характера, настойчивость и исполнительность.

Все спустились с крепостного вала на дорогу, где князя ждал эскорт с княжеским штандартом. Он вскочил на коня и поехал вверх по дороге, чтобы познакомиться с жизнью ремесленного города, который был кузницей оружия, один из главных государственных арсеналов. В городище была разветвлённая сеть дорог, по которым можно было проехать в любой квартал города и вдоль основания вала, чтобы подвести в любое место необходимое вооружение.

Крепость-город или городище «Грозная скала» (Шайгинское городище) занимает площадь 45 га — 7,5 цин (цин — мера площади, чуть более 6 га.). Планировка и застройка городища зависела от рельефа местности, как и строительство вала. Городище находилось в подковообразном распадке сопки, по дну которого протекал большой ручей, похожий на небольшую речушку.

Строительство города началось внизу по обе стороны ручья, в районе южных ворот, выходящих в долину реки. Этот ручей образовался от ключа, который бил из глубины восточной возвышенности, он сбегал вниз и уходил из городища через известный канал-шлюз. Люди берегли этот источник воды, и его небольшое русло было обложено ровными плоскими камнями, как маленький канал, через который были переброшены небольшие мостики.

По мере увеличения населения городища, росло и домостроение, но в отсутствии ровных площадок в распадке, город рос вверх, по противоположным склонам сопки, для этого в них прокапывали широкие террасы, чтобы в них могли поместиться целые улицы. Ступени террас укрепляли камнями во избежание осыпей.

Население города, как и во всех городах Восточной Ся, формировалось по профессионально-производственным и социальным признакам на отдельные кварталы. Ремесленники занимали всю северную территорию городища. В северо-западной части города жили металлурги, их дома на террасах тесно стояли друг к другу, вытянутые улицей. В стороне от их жилищ, ближе к ручью, находились кузнечные мастерские с плавильными печами, кузнечными и плавильными горнами. Металлурги на ручье построили каскадом несколько небольших дамб для обеспечения водой, необходимой для своего ремесла.

Дорога привела Пусяня к мастерским, где над кузнечными горнами шёл чёрный дым, в их горнилах лежали, раскалённые до оранжевого цвета куски металла. Мастера с прокопчёнными лицами, ловко, отработанными движениями оббивали на наковальнях тяжёлыми и лёгкими молотками красные заготовки, придавая им форму наконечника копья. Рядом в ящике с песком лежали готовые изделия: наконечники копий, стрел, кованые длинные

гвозди, дверные петли, всё то, что необходимо для жизни и обороны жителям города.

Пусянь выслушал отчёт чиновника вооружения, который положительно отзывался о выполнении государственных заказов на оружие ремесленниками «Грозной скалы». Пусянь приказал в благодарность названным мастерам выдать из казны вонаграждения за их труд.

Дальше всадники поехали в объезд распадка в юго-восточную часть города, где размещались административно-хозяйственные кварталы, чтобы посмотреть арсенал, продовольственные запасы на складах и зерновые закрома.

Они объехали территорию, где жили и работали в своих жилищах надомные мастера: ювелиры, косторезы, оружейники, кожевники и гончары, их улицы находились восточнее ремесленных мастерских.

На другой стороне ручья на террасах склона тоже находились кварталы с домами строителей, плотников, земледельцев. Жилища горожан, в большинстве имели площадь от 40 до 50 кв. м. с хозяйственными постройками и свайными амбарчиками, представляющими усадьбы. В усадьбах, где не было хозяйственных построек, оборудовались производственные дворы.

Квартальное деление городищ, как на секции, и расположение их на расстоянии, были мерами предупреждения пожаров, при соблюдении чистоты и порядка дворов и улиц. За этим следили назначенные квартальные и чиновники городской управы.

В стороне от шумных кварталов ремесленников на юго-восточном склоне на территории 80x120 м, располагались дома чиновников, служебные помещения, продовольственные склады, зернохранилища, арсенал, всё, что составляет стратегический запас города и государства, всё, что сделано трудом многих тысяч тружеников, хранится здесь под охраной. С западной стороны этой территории была валовая изгородь длиной 50 м. и высотой в 1 м. В центре этой изгороди, в проёме стояла арка под двускатной крышей, столбы которой украшены наклепными глиняными дисками с изображениями Будды, цветов, тигров, мифических сюжетов.

Пусянь, Хасай и всё его сопровождение въехали под эту арку и направились по дороге, которая их вела к крепостному валу, где на той его стороне находилась «ловушка», которую наблюдал Пусянь с верхнего уровня вала. Князь решил сразу осмотреть всю эту административно-хозяйственную часть города. Шимынь, находящийся рядом с князем, отвечал на вопросы, которые интересовали его, хотя по расположению аккуратно построенных в ровные улицы зданий, он понимал их назначение.

Дальше дорога огибала этот склон и проходила около ещё одного обвалованного участка высотой 1 м, площадью 50x100 м на крутом южном склоне. Здесь тоже находились склады, а на выровненных в сопке площадках лежали большими горками каменные ядра, разложенные по соответствующим диаметрам. Недалеко, под навесом, аккуратно на подставках были уложены разо-

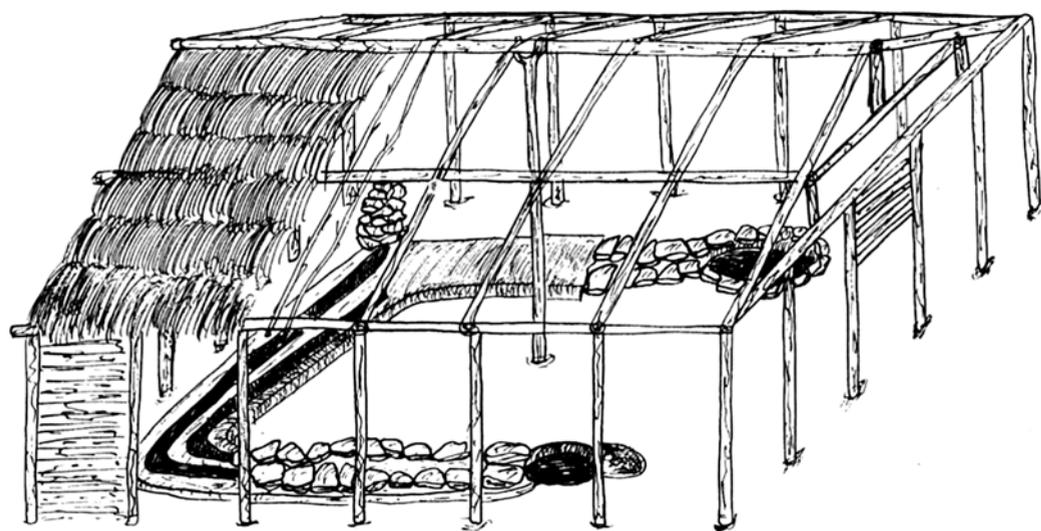

Рис.22. Реконструкция жилища с каном.

бранные комплекты камнеметательных машин. Большая часть этой территории пустовала. Такие же горки «ядерного» арсенала находились в нескольких местах около вала, где подготовлены площадки для метательных орудий.

Слева находился большой редут, площадью 26х26 м, в котором были построены три помещения, где жили и несли караульную службу охранники, состоящие на государственном обеспечении, своего рода «вневедомственная охрана» всей этой большой административно-хозяйственной территории.

Северо-восточнее, расположилась пятиугольная площадь огороженная невысоким валом, на нём была высажена низкорослая трава, а вал обвит плющом. Вход на эту площадь украшала высокая арка в виде павильона с широкой двускатной черепичной крышей. В глубине площади на высокой платформе находилось дворцовое здание под черепичной крышей с изогнутыми вверх карнизами, а перед ним с двух сторон тоже на платформах возвышались два храма с буддистскими, традиционными зооморфными фигурами на коньке, покрашенные в красный цвет. Высокие здания и храмы украшали город и были видны со всех его сторон.

Объехав всю эту территорию, Пусянь отправился к хранилищам, где в центре хозяйственной территории юго-восточного участка в ряд стояли склады и амбары.

Шимынь и правитель мэнъянь предложили на выбор осмотреть ряд продовольственных складов, которые представляли постройки амбарного типа на сваях и погреба.

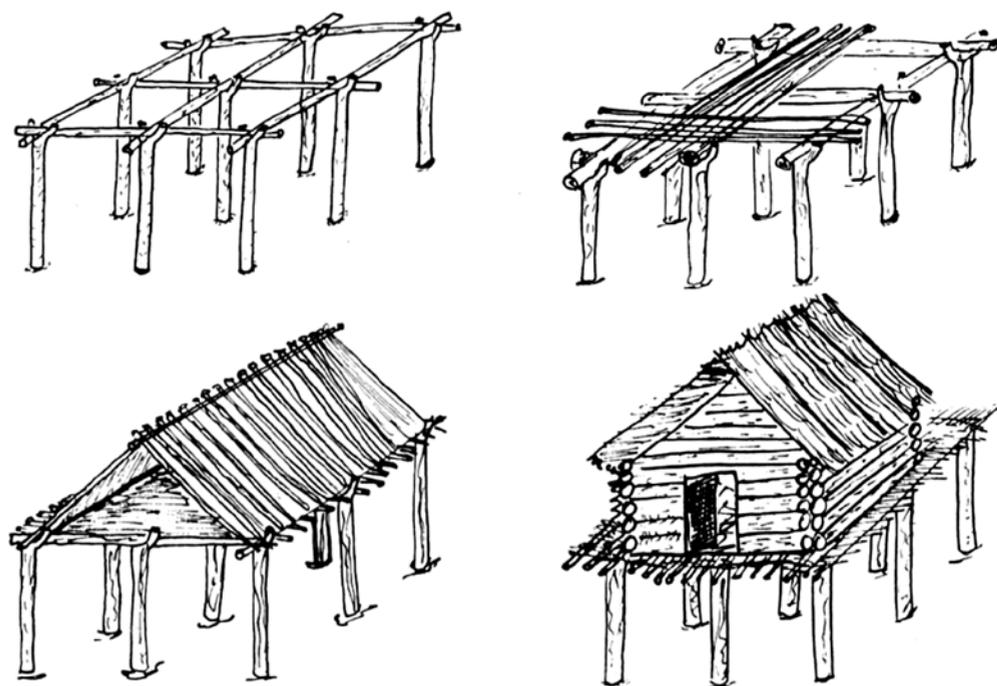

Рис.23. Реконструкция хозяйственного амбара.

Пусянь показал на большой амбар площадью 48 кв. м., стоящий на 12 сваях, амбаров таких размеров больше в городе не было. Здесь ему показали подвешенные на верёвочных петлях, многочисленные связки сушёной рыбы, около 3 инь (инь — мера веса — от 1 000 до 1 250 кг в разные периоды истории Китая).

— Князь, — обратился губернатор, — на этом ряду 10 амбаров размерами 5х5 м. полные сушеной рыбы. Чуть ниже, в 10 амбарах хранится сушеное мясо диких животных: оленя, изюбря, дикой козы, кабана, а также много сушеной говядины. Это были запасы продовольствия на случай длительной осады крепости. Эту продукцию отправляем и в другие крепости.

Шимынь приказал своему помощнику принести кусок сушеного мяса. Пусянь взял его в руки и понюхал. Запах был свежий и чуть-чуть с дымком, по твердости он не уступал камню.

— Да, такое мясо можно хранить годами, — воскликнул Пусянь.

— Мы периодически проводим замену сушеного мяса на свежесушеное, а старые куски отдаём на общий стол в котлы строителям во время работы и их семьям, как натуральную оплату. Мясо не теряет своих качеств, только варить его нужно дольше обычного. Наш повар час назад, по моему указанию, сварил несколько кусков оленины двухлетней давности, прошу тебя попробовать, — обратился Шимынь к князю.

Два человека на носилках принесли котёл, который был доверху наполнен мясом. Шимынь первый взял кусок, чтобы всех убедить в его качестве.

Попробовал и Ваньну варёную оленину и отметил, что по вкусу она ничем не отличается от свежины.

Пусянь осмотрел погреба, где в больших глиняных сосудах объёмом в один ху — хранилась солонина (1 ху — мера объёма в 50 литров).

— Князь, зерно, сушеные грибы, ягода и арсенал находятся в домах под черепичной крышей, которые мы прожгли, направляясь к храмам.

Они на конях подъехали к одному из зданий размером 6х8 м, где их ожидал охранник с ключами. Открыв двери, в середине длинной стены, на земляном полу стояли большие сосуды в один дань (1 дань — 100 литров), наполненные зерном и закрытые глиняными крышками, чтобы мыши и другие грызуны не кормились за счёт стратегических запасов. Три таких здания общественного типа под черепичной крышей относились к зернохранилищам. В остальных трёх зданиях было аккуратно расставлено оружие, на полках уложены пластинчатые доспехи и шлемы.

Все мужчины в своих домах имели полную военную амуницию и оружие. Кроме этого в арсенале находились большие запасы копий, наконечников стрел, мечей, и других рубящих и ударных видов оружия, которые составляли собственность государства и в случае войны распределялись по назначению.

Пусянь и Хасай осмотрели продовольственные склады и зерновые хранилища, где было в достатке запасов продуктов зерна нового урожая. Строгий учёт и контроль большого хозяйства вели чиновники, которые всё

подсчитывали и фиксировали в своих документах. Их просторные усадьбы находились рядом с территорией государственного добра, которое было на их ответственности.

У населения города были свои запасы продовольствия на долгое время, вплоть до нового урожая, в случае необходимости, продукты питания можно было купить или выменять у земледельцев в равнинных поселениях, которые не так далеко располагались в своих малоукрепленных поселениях и «Грозная скала» в случае опасности была для них надёжным убежищем. Они, как и жители города, станут на её защиту.

После поездки по городищу и стратегическим объектам, уставшие Пусянь и Хасай, направились в цитадель, это была отдалённая застройка на востоке крепости, куда вела дорога по пустынному склону.

По дороге, на небольшой поляне под открытыми навесами работали камнетёсы, они оббивали каменные валуны в шаровидные ядра для камнеметательных машин. Большие ядра использовали не только для машин, но и для ручного бросания с вала на головы врагов, если они попытаются подняться на вал.

Недалеко, под такими же навесами плотники мастерили эти самые камнеметательные машины из просушенной древесины. Размеры этих машин-баллист, как и их мощность, были различной. В их рабочем арсенале были топоры, пилы для поперечной и продольной распиловки брёвен, тёсла, долота, свёрла.

Плотники умели изготавливать эти орудия разных размеров и мощностей, они были сборно-разборные, и собирались с помощью запорных клиньев, стяжек канатами через пробойные отверстия. Станина для установки металлического механизма изготавливалась из толстого бруса, к нему прибивались проушины для крепления станины в землю с помощью железных костылей. Такие комплекты они видели на арсенальной площадке, вероятно, их делали эти ремесленники, которые понимали всю ответственность своей работы. Они делают это во имя защиты своего города, дома, семьи.

Цитадель имела большую площадь около 2600 кв. м., была окружена земляным валом высотой 1,5 м и шириной 3 м. В горных городищах не строили деревянные заборы или частоколы во избежание губительных пожаров, которые могли уничтожить в короткое время все деревянные постройки. На Востоке Азии с древних времён ограждения и стены выполнялись из камня или утрамбованной земли.

В то же время земляная отсыпка, служившая изгородью, в случае пожара использовалась для засыпки пожаров, которые были самой страшной бедой, они порой уничтожали дотла целые селения и города.

В цитадели было несколько дворцовых зданий под черепичной крышей с глиняными изваяниями, создававшими торжественность и духовную сосредоточенность. Отдельно защищённая площадь с дворцовой постройкой, с красочной входной аркой была резиденцией князя.

Рядом территория, разделённая валами на две части, в валу встроена арка с двухскатной крышей с резными деревянными столбами-опорами для перехода из одной площади в другую. Первый обвалованный участок площадью 1200 кв. м. где стояли на террасовидных отсыпках большие жилые здания, среди них дом Правителя мэнъянь. Участок защищён башней площадью 9x9 м. Внутри башни была лестница, ведущая наверх к бойницам.

Ещё одна большая площадь около 1400 кв. м. находилась за невысоким земляным валом. В центре этого участка располагалось здание жилищного

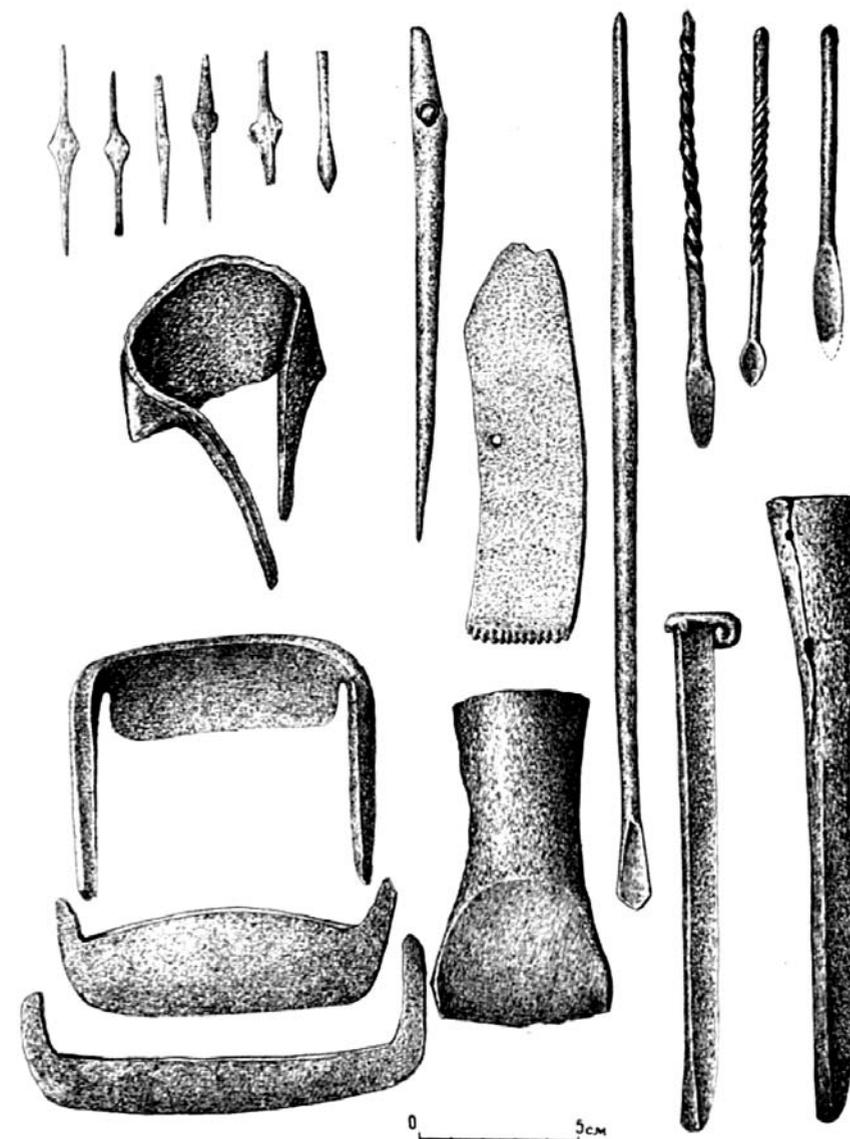

Рис.24. Деревообрабатывающий инструмент: свёрла, скобели, пила, тесло, долото, стамеска.

типа площадью в 108 кв. м. Кроме небольшого кана, в нём не было никаких признаков жилья, вероятно, это был зал для общественных собраний, это подтверждает отсутствие хозяйственных построек. Рядом на террасовидной площадке находилось ещё одно здание 84 кв. м. с входом с середины дома. Недалеко от общественных зданий стоял большой просторный дом губернатора.

«Грозная скала» был средневековым городом — военно-политическим и административно-экономическим центром, где было около 700 дворов с населением не менее 6 тыс. человек, что могло соответствовать численности мэнъянь. Кроме этого, продолжавшееся строительство городища предусматривало увеличение населения ещё на 3 тысячи. Это городище было кузницей оружия с крупнейшим арсеналом. Сюда часто приезжали столичные чиновники с проверками, об этом свидетельствует найденная на раскопках серебряная пайца уполномоченного посланца Великого князя и печать чжичжуна — чиновника, ведавшего организацией экзаменов в столичных городах.

На следующий день Пусянь и Хасай со своим отрядом и воинами моукэ отправились в городища «Южный щит», и «Золотую долину», где они пробыли несколько дней с той же миссией, что и в «Грозной скале».

В конце августа в Кайюань вернулись почти одновременно Хэбо и Угамынь, Пусянь и Хасай. Гао Линь тоже прибыл в столицу после поездки в губернию Хулигай. В провинции Хулигай новые городища не возводились, но были проведены большие работы по укреплению и восстановлению чжурчжэньских крепостей, оставшихся от цзиньской империи. Был достроен старый вал, идущий на юго-восток от р. Муданьцзяна к горам, его длина составляла 100 км, а высота 4 м, через который ещё в 1217 г. проходил Пусянь со своим войском в Приморье.

Чжурчжэни в Восточном Ся переняли у корёсцев опыт строительства городищ на горных кручах и отрогах, их традиция возведения горных крепостей начиналась ещё с эпохи Когурё. Конструкции когурёских крепостных стен состоят в основном из камня, очень редко из камня и грунта. Чжурчжэни использовали любой материал при возведении валов. Каменные валы чаще всего беспорядочно укладывали или подгоняли глыбы друг к другу вплотную в тех местах, где невозможно закрепить земляной вал. Стороны городищ, которые выходили на крутые обрывы, практически не укреплялись. Отработанная система когурёских горных крепостей с продуманной фортификации во многом использована чжурчжэнями. Поражает сходство многих элементов оборонительных сооружений.

Некоторые горные городища становились центрами ремесленного производства, имели статус города по общественно-политической значимости и оборонной мощности, хотя многие из них по численности населения не превышали 2-3 тысяч жителей: «Южный щит» (Екатериновское городище) 27 га, «Золотая долина» (Николаевское городище) 30 га, Лазовское — 35 га,

Новонежинское — 30 га, Смоляниновское — 74 га, Скалистое — 84 га, Чугуевское — 24 га.

Небольшие городища имели значение сторожевых военных поселений — моукэ, они строились на местах стратегического значения — горных перевалах, охраняющих долины рек, дороги: Васильевское, Анучинское — 20 га, Тигровое, Ключи, Красномысовское, Известковая и Стоговая сопка — 12 га, Ананьевское — 10,5 га, Известковая Сопка, Дубовая Сопка — 6,5 га, Константиновское, Зареченское — 15,2 га, Новопокровское, Стоговая Сопка 12 га, Красный мыс — 12 га, Сибайгоу — 10 га, Горнохутарское — 7 га. и другие городища, стоявшие на страже государства.

ТРЕВОЖНЫЕ ВРЕМЕНА

Пусянь, после долгой разлуки вернулся домой, где его ждала Чунь-лянь и дети.

— Вот, смотри, что я принёс, — Пусянь из седельной сумки вынул небольшое бронзовое дерево с птицами на ветках.

— Что это?

— Это «родовое» дерево, мне его приподнёс монах, когда я был в храме в «Золотой долине». Старенький служитель храма, очень мудрый человек, много рассказал о жизни своего народа и я как-то под впечатлением много рассказал, что передал мне когда-то отец.

— Теперь, князь, ты сам глава своего рода. Ты посадил росток и дерево в твоих детях, будет расти дальше. От внуков, оно будет ещё больше и крепче, в нём будет много ветвей, а птицы на ветках это души твоих родителей и их родителей. Эти души птицей улетают, чтобы вернуться на землю в образе новых поколений, и так будет всегда. Вот тебе дерево из благородной бронзы, это святой металл, он хранит историю людей, потому, что им пользуются давно, когда ещё не было железа и он хранит в памяти их жизнь, — сказал он мне.

— В некоторых родовитых семьях, чьи предки здесь живут многие поколения, есть такие деревья, и хочу, чтобы в нашем доме оно прижилось, — сказал Ваньну и обнял жену.

— Как хочется жить долго и счастливо, — вздохнула Чунь-Лянь.

— Я видел, как люди трудятся с большим желанием и верой в светлое будущее. Они готовы для этого работать, не покладая рук. Я объехал всё государство и хочу сказать, что народ у нас не бедствует, у всех достаточно еды и одежды. Люди поддерживают друг друга, живут большим военно-трудовым коллективом.

Пусянь с семьёй провёл несколько прекрасных и счастливых дней на любимых местах на р. Иистой.

Осень принесла тревожные сообщения: в Тайюане умер наместник Чингисхана, его верный соратник, полководец и политик — Мухали. Назначение нового наместника могло усилить военную активность монголов в войне с цзиньцами, а значит изменить обстановку на Востоке Азии, но это не произошло. Монголы не вели активных наступательных действий, но держали напряжение и вели выжидательную тактику, стравливая китайцев и чжурчжэней, потому что в распоряжении наместника было не более 20 тыс. монгольских воинов, не считая киданьских и других немонгольских отрядов.

Так случилось, что вслед за Мухали, в 1223 г. умер император Золотой империи — Удабу (Сюань-цзун), Новый император Цзинь — Ниньясун в военно-политическом отношении шёл по течению событий. Война приняла затяжной характер без крупномасштабных операций, но всё же чжурчжэни отступали, сдавая свои центральные территории империи.

В начале 1224 г. из столицы Корё — Кэсона, от посла Восточного Ся, было получено сообщение о том, что новый монгольский посол Чу Ку Ю был убит. Его свита совершала грабежи в пограничных селениях р. Амноккан, уверенная в безнаказанности под прикрытием нового ставленника Чингисхана на территории Цзинь. Новый посол пренебрёг рассудительностью сохранять формальные отношения с властью Корё до прихода Чингисхана, и за это поплатился жизнью.

Однако ответных карательных действий со стороны кочевников в отношении корейцев не последовало, у них не было возможности наказать обидчиков, но они разорвали мирные отношения.

Чингисхан с 1219 по 1221 гг. завоевал всю Среднюю Азию. Она была разрушена и опустошена. Первой пала Бухара — центр Хорезмского царства, в феврале 1220 г. монголы осадили Самарканд. Знать сдала город, и большая часть жителей была истреблена, в живых оставили только ремесленников, которых угнали в Монголию. В 1221 г. был взят Мевр, оказавший монголам серьёзное сопротивление. В отместку за это по приказу хана были разрушены плотины, питавшие цветущий край, который стал забытым уголком пустыни. Одним из главных методов завоевателей, стремившихся парализовать волю и сопротивление противников, был террор. Всякая попытка города оказать сопротивление влекла за собой беспощадное истребление всего населения.

В 1222 г. на север Индии в область Пенджаб вторгся Чингисхан, преследуя правителя Хорезма Мухаммеда, который просил убежища в Дели, но, получив отказ, был вынужден бежать в Иран. Кочевники, опустошили северные районы Индии и ушли вслед за хорезмшахом. Иран встретил захватчиков упорным сопротивлением, и его северные земли были подвергнуты опустошению. Узнав о смерти Мухаммеда, Джэбэ и Субудэй, обогнув Каспийское море, проникли в Азербайджан и Грузию, они разорили Закавказье. На Северном Кавказе, они столкнулись с аланами и половцами и

победили первых подкупом половецкого хана Котяна, которому вскоре пришлось просить помощи у русских князей.

Монголы спустились с гор в южные русские степи, где им противостояли дружины русских княжеств Киева, Чернигова и Галича. 31 мая 1223 г. на реке Калке Субудэй разгромил русско-половецкие войска. Из-за несогласованности, отсутствия единого командования погибли: Великий князь Киевский Мстислав Романович Старый и князь Черниговский Мстислав Стягославич; а Галицкий князь Мстислав Удалой, вернулся домой ни с чем.

В Крыму монголы заняли Судак и ушли в волжские степи, где в битве против болгаров они потерпели поражение в районе Самарской Луки, в ходе этого четырёхлетнего похода монголы несли потери. Скоро Джэбэ и Субудэй вернулись в Среднюю Азию, где их ждал Чингисхан. Весной 1225 г. орда повернула лошадей на восток и пошла на южную Сибирь, Алтай в Монголию.

Как прекрасны были родные просторы, наполненные свежестью запахов степных трав. Чингисхан объявил отдых своим войскам. Кочевники разошлись по домам с разделённым награбленным добром, которого в их полунитских улусах хватало на короткое время, потому что кроме пастбищного хозяйства у них ничего не было.

В марте 1226 г. Чингисхан вместе с сыновьями Угэдэем и Толуем двинул своё войско на тангутов и нанёс им сокрушительный удар. В течение года монголы разоряли Западный Ся, массово уничтожая людей и их культуру.

В феврале 1227 г. умер старший сын Чжучи, который после войны 1223 г. уехал в свой улус на север Арала, где долго болел. Болезнь Чжучи была непонятна, он угасал, возможно, его постепенно травил, те, кто думал о будущем престолонаследнике Чингисхана.

Летом того же года, после падения с лошади во время охоты Великий хан сломал позвоночник и медленно умирал, он скончался в августе 1227 г. Ко времени смерти первого всемонгольского хана владения монголов охватывали огромные территории Северного Китая, часть Южной Сибири, Среднюю Азию, Восточный Туркестан и часть Ирана.

Известия о вероломном нападении на тангутов и почти полное их уничтожение, после которого страна уже никогда не поднялась из руин, и смерть Чингисхана создавали у правителей государств Цзинь, Южная Сун и Корё паническое состояние. После двухлетнего траура и затишья в Монголии, на р. Керулен в сентябре 1229 г. собрался курултай, где избрали нового хана Угэдэя — сына Чингисхана.

Пусянь Ваньну понимал, что новый огонь войны вновь разгорается, но это уже будет пожар во всей Восточной Азии.

Проверяя готовность городищ к военным действиям, он обратил внимание на бронзовые наконечники стрел, которые лежали на алтарях в буддийских храмах. Он сначала не придавал значения этим долотовидным наконечни-

кам стрел, которые по виду не являлись боевыми, думая, что они положены как дань уважения к прошедшим временам, как атрибут военной славы.

Во время одной из служб в буддийском храме Кайюаня лысый монах (они брили головы) в жёлтом хитоне рассказал, что наконечники эти не простые и наделены высшими силами «чудесными свойствами»:

— Стрелы с бронзовыми наконечниками, в момент, когда враг подойдёт к столице, будут выпущены из лука и поразят врагов, неуязвимых для других стрел или другого оружия, — объяснил монах Пусяню.

— Монахи вселяли надежду и веру в непобедимость нашего государства, что с оружием в руках люди отстоят свободу, приобретут мир и покой, — подумал князь, — но для этого предстоит пройти суровые испытания, и многие погибнут во имя светлой мечты.

Летом 1230 г. монгольские войска под командованием Субудэя пошли в южный поход на Цзинь. В походе участвовал сам Угэдэй, его брат Толуй и сын Мункэ. Во время этой войны были произведены страшные опустошения. В китайских летописях сохранились записи об угоне населения в рабство, о том, что многие города и селения были совершенно разграблены и разрушены. «Серебро и шёлковые ткани сыновья и дочери, волы и кони, — всё, подобно цинковке, свёрнуто и увезено...».

Через Шэньси монголы вторглись в Сычуань, но китайцы отказались пропускать их через свою территорию для удара по чжурчжэням с юга. Монголы не могли пойти на пролом, так как договор с Южным Сун им не давал этого сделать, а воевать с ним, обречь себя на затяжную войну на два фронта. Впереди был Кайфын и Угэдэй торопился покончить с империей Цзинь.

В 1231 г. монгольский полководец Саритай вторгся в Корё, чтобы уничтожить союзника цзиньцев, тем более что среди населения, и в армии Корё было много чжурчжэней. Поводом для вторжения было давнее убийство в 1225 г. монгольского посла. Монголы, занятые войной, оставляли в стороне корёскую проблему, так как главной целью их был разгром империи Цзинь, и теперь, когда крах чжурчжэней был очевиден, Угэдэй принял решение полностью подчинить себе Корейский полуостров. Чтобы разгромить довольно сильную армию корейцев с минимальными потерями для монголов, хан собрал мощные силы, чтобы одним ударом уничтожить противника. С яркой жестокостью монголы ворвались на корейскую землю не щадя никого, не оставляя камня на камне от городов.

Кочевники пересекли Амноккан (Ялуцзян) и уже к началу сентября ими были взяты города Ыйджу и Чхольсан и они приблизились к Кусону. Гарнизоны соседних городов пополнили число его защитников, и его комендант Ким Кен Сон провёл смелую вылазку из крепости, отбросив монголов. Действия корейцев не изменили положение осаждённых, так как монголы по-прежнему продолжали упорно осаждать крепость, хотя и несли большие потери. Саритай оставил часть войск под Кусоном и двинулся на юг.

Другие монгольские войска усмиряли Ляодун, после подавления восстаний весь северо-восток Цзинь вновь оказался в руках кочевников. Летом 1232 г. после продолжительных боёв в горах Корё, где сопротивление корейцев было настолько сильным, что Угэдэй потерял надежду на скорейшую победу. В корейской кампании, где он уже потерял много тысяч воинов, война продолжалась, но силы корейской армии иссякли, и последние защитники были изрублены саблями. Из мирного населения спаслись только те, кто спрятался далеко в непроходимых горах.

Угэдэй был взбешён от затянувшейся корейской войны и своими большими потерями.

Корейское правительство обратилось к народу с воззванием о национальном единстве в борьбе с врагами. В это время в Корё продолжалось восстание крестьян, но чувство патриотизма привело восставших в ряды воинских формирований. Когда ещё в 1218 г. Корё стала формально данником Чингисхана и монголы через своих наблюдателей-резидентов следили за обстановкой внутри страны, корёсцы всячески препятствовали разездам монголов по своему государству, делая вид, что заботятся об их безопасности. Корёсцы скрывали свои крепости и их гарнизоны.

Конница Саритай численностью 12 тыс. воинов не смогла разбить корёские войска и отступила. Корёский полководец Чхве Чхунхон собрал своих солдат на реформирование в крепости Анчжу в 50 км от Кусона. Монголы в октябре сняли осаду Кусона и атаковали корейскую армию под крепостью Анбук. Опыт ведения многолетних сражений был на стороне монголов: корейские войска были рассеяны.

Монголы вновь вернулись к крепости Кусон, но осада в течение 5 месяцев была безуспешной. Тогда Саритай вновь повёл кочевников на юг и подобрался к столице Корё Сондо (ныне Кэсон) в 60 км от Сеула, где находился двор вана Коджона, правившего с 1213 по 1259 гг.

Феодальная оппозиционная клика вступила в переговоры с завоевателями и заключила мир на продиктованных монголами условиях, обязавшись уплатить большую дань одеждой, тканями, мехами, лошадьми.

В начале 1232 г. основная часть монгольских войск, захватив большую добычу, вернулась в Монголию, а в Корё оставили 70 монгольских наместников с небольшим отрядом кочевников. Недовольные произволом и стремлением подчинить своему контролю всю жизнь в стране, установлением тяжёлой дани и требованием передачи монголам двух тысяч юношей и девушек из знатных семей, правители Корё перебили наместников, а сами бежали на остров Канхвадо в заливе Кёнги.

Бегство феодалов и уход на остров корёских войск ослабили антимонгольское сопротивление. В 1232 г. вновь поднялось восстание казённых крепостных и государственных крестьян. Они убивали аристократов, разграбили их имущество и готовили высадку на остров Канхвадо. Правительственные войска подавили восставших, кроме тех, кто вёл борьбу с монголами.

В ответ на убийство наместников летом 1232 г. Саритай вошёл в Корё и учинил страшные расправы, продвигаясь на юг, он подошёл к крепости Чхонсон, провинции Кенги и осадил её. При штурме крепости Саритай был убит стрелой и, прекратив бой, кочевники спешно покинули Корё. Угэдэя раздражала затяжная война в Корё и потери в живой силе.

В последующие 20 лет произошло ещё пять опустошительных набегов, вся страна была обескровлена и разорена. Силы корейской армии иссякли, и последние защитники были изрублены саблями. Из мирного населения спаслись только те, кто спрятался далеко в непроходимых горах. Один чиновник доносил корёскому вану о том, что «в народе из каждых десяти в живых остались два или три человека...». Сотни тысяч людей кочевники уводили в рабство.

В это время для империи Цзинь начались трагические события, предвещавшие её конец. В 1232 г. монголы осадили крепость Лоян, но взять этот героический город им не удалось даже после трёх месяцев осады. На полях сражений погибали лучшие полководцы чжурчжэней. Была окружена столица Кайфын. Война приняла самый жестокий характер со стороны монголов. Сокрушая последние оплоты цзиньцев, кочевники готовились нанести окончательный удар. Они решили разгромить все северные территории, связанные с чжурчжэнями, исключить любую возможность сопротивления ненавистных врагов у себя в тылу. Монголы готовились к вторжению на территорию Восточного Ся.

НАКАНУНЕ НАШЕСТВИЯ

Во время войны в Корё, Пусянь летом 1231 г. получил сообщение от посла:

«Монголы силами не более 20 тыс. воинов, ведут наступление вглубь страны, потому что Угэдэй не может направить больше своих воинов, иначе он оголит цзиньский фронт, где происходят кровопролитные сражения. Они рассчитывают, что Саритай справится с корёсцами в сравнительно короткое время, используя сложное внутреннее положение страны из-за восстаний крестьян. Эти восстания действительно разрушают единство корейцев в борьбе с монголами. Саритай обвиняет Корё в поддержке Цзинь. Эти отношения были раньше, но они прервались после оставления чжурчжэнями северных провинций империи. Генерал Пак просит не ввязываться в эту войну, иначе монголы могут усилить карательные меры и перебросить немонгольские части каких-нибудь варваров, что усугубит и без того напряжённое положение в Корё. Есть сведения, что монголы хотят напасть на наше государство. Пока не известно будет ли это война или только провокация на границе, чтобы вызвать панику у населе-

ния, во всяком случае, имеются слухи, что после Корё наступит очередь Восточного Ся».

Пусянь прочитал ценные сведения, которые доставались кропотливым сбором информации далеко не у рядовых людей. Он решил провести военный совет. Хэбо, Хасай и Гао Линь, правитель Еланьского мэнъянь прибыли во дворец к князю в Кайюань. В новом дворце было светло и просторно, красивые залы дворца были отделаны резными колоннами, глиняными наклепными барельефами в традиционном исполнении.

Адъютант разложил на столе карту из большого квадратного пергамента, на котором были нарисованы ландшафты Маньчжурии, Восточного Ся и Корё. Карта напоминала географический рисунок, где отмечены реки, горные перевалы, долины, дороги и крупные населённые пункты. Составлялась эта карта на основе дорожных глазомерных пометок опытными землемерами длительное время. Потом её окончательно перенесли на пергамент. Она наглядно давала представление о местности. Князь подошёл к карте:

— Сегодня, господа, мы должны утвердить план военных действий на случай вторжения, хотя уже прежде рассматривали различные варианты, но сегодня мы должны прийти к единому решению, — сказал Ванью.

— Моё предложение, князь, дать бой врагу на равнинной местности р. Муданьцзян, где расположен земляной вал, который нас защитит в случае попыток монголов выйти в тыл наших войск. Считаю, что они пойдут с юго-западного направления. Одно могу сказать, сражение нужно дать на узком подходе к Приморью. Монголы не пойдут горами, они будут наступать лавиной, обычным тактическим приёмом, чтобы смять нас и уничтожить, — высказал своё мнение генерал Хэбо.

Хасай пододвинулся к карте:

— Думаю, что нужно именно там дать сражение силами трёх дивизий, ещё две дивизии поставить во фланг. Два мэнъянь из губернии Хулигай расположить в засаде. Всем жителям земледельческих неукреплённых и слабо укреплённых городищ войти в крепости и подготовиться к обороне. В Хэлани и Елани провести такое же перемещение. В крепостях достаточно вооружения и продовольствия на случай осады. Если монголы прорвут оборону, то население в своих отрядах моукэ окажут сопротивление в горных городищах.

— Монголы могут войти лавиной в Суйфунскую долину, они разделятся на отряды и попытаются захватить горные крепости, которые обрушат на них всю ударную мощь. Я думаю, пусть они войдут в Приморье и, разбившись на мелкие части, утратят силы для осады крепостей. Для чего же мы строили их десять лет, для того, чтобы выдержать натиск монголов, — победным голосом произнёс Гао Линь.

— Если мы будем готовиться к бою в открытом поле, где гарантии, что монголы не обойдут нас, и не ворвутся в незащищённые наши земли, где наши семьи, которые будут уничтожены, пока мы развернём войска в

Хулигае. У нас есть крепости с мощными укреплениями, обеспеченные большим запасом оружия, ядрами, взрывчатками и огнемётными средствами. Мы с таким вооружением близко к стенам не подпустим любого врага, даже самого коварного, я за крепостную оборону, — сказал Угамынь.

Ещё долго обсуждали действия в случае вторжения монголов и решили, что нужно подготовиться к битве в долине р. Муданьцзянь, чтобы не допустить врага вглубь страны. Ваньну и его соратники рассчитывали, что монголы могут выставить не более 20-30 тысяч воинов, исходя из опыта военных действий в Корё, и что основные их войска находятся в Цзинь.

Пусянь вернулся после военного совета уставший, и Чунь-лянь приготовила ему ужин с тёплым женьшеневым напитком, чтобы успокоить его волнение. Она понимала, что сегодня её муж решал важнейшие проблемы, связанные с жизнью государства, но о делах его никогда не расспрашивала, она старалась создать уютную семейную атмосферу и покой своему господину и мужу. Но сегодня Чунь-лянь спросила Пусяня о войне.

О том, что война идёт в Корё, не было секретом, и люди между собой говорили об этом и переживали, потому что у многих там живут родственники и что с ними, живы ли они, и что будет дальше.

— Пусянь, я очень переживаю за детей, они такие маленькие и беззащитные и ты и дети, это всё что у меня есть в жизни...

— Я знаю и волнуюсь за будущее нашей семьи, за государство, поэтому мы и создали мощную оборону и надеюсь — выстоим. Мы не отдадим наш народ на поругание диким кочевникам, мы не станем их рабами. Когда я пойду на войну, думаю, это будет не скоро, наши верные слуги Тигво и Ли Фэн знают что делать, поэтому зря не волнуйся, у нас с тобой добрые духи и они нас сберегут.

— Да, добрые духи сохранят нас, — сказала жена Пусяня.

— Когда я шла в походе вместе с несчастными людьми, которые меня спасли, они рассказывали о страшных преступлениях, которые совершали монголы. Они были очевидцами и чудом остались живы, тайно убежав из крепости, которую монголы поджигали зажигательными бомбами из человеческого жира. Осаждённые, оцепенев от ужаса, видели, как монголы подтаскивали безголовые тела людей, как рубили их на части и бросали в железные котлы, подвешенные над огнём. Они вытапливали человеческий жир и наполняли им глиняные горшки, которые собирали по окрестным селениям, потом им пропитывали ветошь, намотанную на стрелы, поджигали их и пускали вовнутрь крепости. Следом с помощью баллиста бросали горшки, которые при ударе разбивались, и лёгкая липкая жёлтая жидкость разлеталась в разные стороны, воспламенялась от огня и вспыхивала жарким пожаром, который потушить было невозможно.

— Не вспоминай об этом, я тоже видел много ужасного в войне с монголами, да и не только с ними, но не надо об этом, мы не должны бояться, страх сковывает наши чувства и подавляет наш разум. Жестокость порождает

люди, которые захватывают власть, чтобы повелевать ими, делать из них стадо рабов. Их власть держится на насилии и страхе людей за свою жизнь. Время сейчас суровое, но мы сильные и всё преодолеем.

Он обнял её, и она почувствовала сильные руки и крепкое тело настоящего воина-мужчины, и стало ей так тепло и спокойно в его надёжных объятиях, и они поднялись в облака, где любовь совершает свои таинства.

Сентябрь 1231 г. был тёплый и солнечный. Земледельцы собрали хороший урожай.

Пусянь и Хэбо решили помочь корёсцам в их борьбе с монголами и сформировать обоз для поддержки их армии. Князь эту работу поручил губернатору Хэлани Полигэ. Вдоль береговой дороги Корейского полуострова был отправлен офицер-фельдегер в сопровождении двадцати всадников с секретным письмом на имя Пак Ре Хо заместителя Чхве Чхунхона руководителя национального сопротивления Корё с предложением о безвозмездной помощи. О содержании письма был уведомлен посол.

Пусянь понимал, что нашествие монголов в Корё не может ограничиваться только войной на Корейском полуострове. Он решил помочь корёским войскам хотя бы продовольствием.

Уже говорилось выше, что создание международной антимонгольской коалиции в составе Западной Ся, Цзинь, Южной Сун, не могло быть и речи, потому что они сами между собой были во враждебных отношениях и разрывали на части Восточную Азию. На разобщении этих государств и строилась захватническая политика Чингисхана.

Спустя две недели Пусянь получил письмо от Пак Рек Хо, в котором он писал:

«Князю Восточного Ся генералу армии Пусяню Ваньну.

С благодарностью принимаем ваше предложение о помощи корёской армии. Мы отправим суда для погрузки зерна в бухту «Моллюсков», где вместе строили морские пирсы. Вдоль прибрежной дороги мы создадим охраняемый коридор для перегона скота, недосягаемый для воинствующих повстанцев и монголов. В это трудное для нас время, поддержка Восточного Ся вселяет веру в нашу победу. С глубоким уважением генерал Пак Рек Хо».

В сентябре корёсцы загрузили на судна около 15 инь (тонн) зерна и 300 свиней. По прибрежной дороге было отправлено большое стадо около 600 коров.

В один из сентябрьских дней, находясь в цитадели Кайюаня, Пусянь пригласил Хэбо и Хасая проехать по дороге, где когда-то в долине стояла дивизия в летнем лагере. Палаточный городок превратился в военный городок с большими домами. Недалеко была построена обвалованная территория для лошадей.

В Приморье скотоводство, в том числе коневодство имело выгонную и стойловую формы содержания домашних животных. Лошади и коровы паслись на лугах, в поймах рек. Ночью их ставили в загоны. Зимой, лошадей

и коров держали, в общих обвалованных территориях или в балках, перекрытых плотным навесом, защищающим от холодных ветров, где-нибудь на окраинах городищ. Скотники обеспечивали животных сеном, зерном, доили коров и следили за новым приплодом телят и жеребят.

Они проехали дальше на береговую террасу и спешили. Сопровождавшие солдаты установили навес, а на траве разложили тростниковые циновки и удалились на берег реки, конная охрана выдвинулась вперёд.

Хэбо, как всегда без лишних отступлений высказал предложение:

— В связи с войной в Корё и появлением кочевников в Маньчжурии необходимо закрыть границы для беженцев, которые приходят к нам с юга. Мы не знаем, что это за люди, среди них могут быть монгольские лазутчики. Я не считаю тех беженцев, которые приходят из Корё.

— Как это ты представляешь? — спросил Ваньну, — эти люди сядут около погранпоста и будут сидеть, пока от голода не начнут у солдат просить еду. Они же из-за этого их убивать не будут. Я думаю, беженцев нужно принимать, иначе их заберут монголы и заставят воевать против корейцев, и может быть и против нас, а их семьи оставят заложниками. Беженцев следует отправлять в отдалённые земледельческие поселения, например на северо-запад в районы притоков Усури. Там много работы на строительстве укреплений, а в долинах достаточно не распаханной земли.

— В ведомстве Гао Линя их проверяют. В основном эти люди приходят из одних и тех же мест, и они называют селения и имена своих знакомых или родственников, которые там жили и сейчас живут в Восточном Ся, мы усилим контроль. Разреши, я подготовлю распоряжение, и мы с офицером-фельдъегерем отправим его Гао Линю.

Писарь штаба написал документ под диктовку помощника Хэбо и поставил печать, на клише которого иероглифически значились должность и звание Хэбо. Печать находилась в шкатулке у адъютанта. Рукоять печати выполнена в виде фигурки лежащего зайца, уткнувшегося мордочкой в передние лапки. Между нижней плоскости и задними лапками под брюшком имеется сквозное отверстие для подвешивания. Такая фигурка-рукоять была наиболее распространена в Восточной Азии, поскольку заяц считался оберегом от болезней. По китайскому преданию, на Луне живёт заяц, который толчёт в ступе снадобье бессмертия.

Хэбо продолжал:

— Наши конные дивизии имеют высокую выучку, хотя они уже давно не участвовали в настоящих сражениях. Я хотел бы направить в действующую армию молодых военных поселенцев. Нужно поговорить с воинами-ветеранами об их отставке, мне кажется, найдётся достаточно «стариков», которые согласятся уйти в запас от военных дел, и они пополнят состав моукэ как силы самообороны.

— У нас много молодых, обученных воинов, которые войдут в состав кавалерийских полков, дай команду, и я вместе с командирами дивизий про-

веду смотр личного состава, а потом доложу о численности замены, и ты примешь решение, — сказал Хасай.

— Хорошо, генерал, я дам такой приказ, мы проведём смотр, — сказал Ваньну, — ещё нужно проверить военную подготовку. В городищах моукэ провести в октябре состязания по стрельбе из лука, метанию копья, скачках и рукопашной борьбе. Победители встретятся в ноябре в заключительных состязаниях в Кайюане. Лучшие получают награды.

Пусянь ехал молча и вспомнил, как в начале марта 1218 г, с Угамынем и Шимынем шёл разговор о таёжных племенах, живущих к северу от границы Восточной Ся и поречанах, обитавших в среднем течении и низовьях Усури. Он думал об отношениях с этими племенами как о надёжном тыле, которые не смогут помочь, но спасут много людей в своей огромной тайге.

— Дружественные контакты с северными соседями — гарантия надёжных границ для строительства государства, но я не знаю обстановку в тех районах, — сказал тогда Пусянь.

— Князь, — начал рассказ Угамынь, — чжурчжэни ещё сто лет назад пришли из Северо-Востока Маньчжурии и заселили территорию Приморья. На Амуре ещё раньше жили их западные родственники на тысячи ли. Потом наш народ волею императора переселился в Цзинь, и земля от Амура до моря почти опустела, но она, и оставшиеся на ней люди находилась в пределах империи. На эту территорию боялись посягать враждебные соседи, потому что тогда чжурчжэньские войска громили всех, не зная поражения. Сейчас, там, наверное, полное запустение. На Амур проникали монголы, и, спасаясь от их сабель и стрел, люди ушли в леса и вниз по Амуру. На его берегах и притоках в маленьких селениях живут речные рыболовы, с которыми чжурчжэни были в добрых отношениях и выменивали им ткани, посуду и железные изделия, в том числе наконечники стрел и ножи. Эти племена очень далеко от нас и мы не сможем установить с ними контакты.

— Другое отношение с таёжными племенами, живущими севернее нашего государства, — продолжал разговор Шимынь, — кочевые охотники и оленеводы с давних времён живут с нами в мире. Мы им продаём зерно, ткани, железное оружие. Они привозят меха ценных пушных зверей, охотничьих кречетов, которые ценились в империи Цзинь, а также золотой песок из таёжных рек. Однажды цзиньские чиновники пытались обложить их данью, но они откочевали в северные районы, но потом вернулись и их не трогали, потому что от обмена с ними было больше пользы, чем требовать от них дань. С этими таёжными жителями у нас остались хорошие отношения. Они очень открыты и приветливы, когда к ним приходят с миром. Было много случаев, когда наши охотники терялись в тайге или на них напал зверь, эти язычники помогали им, выводили из леса и делились добычей, лечили раненых и возвращали домой. Простые люди в благодарность дарили им железные котелки, которые высоко ценятся в тайге. Они кочуют

небольшими родами, состоящими из нескольких семей. Они могут спасти в тайге много людей от монгольского уничтожения.

Пусянь, рассуждая над обстановкой, которая сложилась вокруг страны понимал, что только они сами могут защититься от надвигающейся опасности. Прежде всего, необходимо соблюдать общественное спокойствие, люди должны заниматься привычными делами, они же знали, что государство создано из большой массы переселенцев, чтобы закрепиться здесь, подальше от войны, жить мирными заботами и построить мощную оборону в случае нашествия монголов, чтобы сражаться и выстоять. Эта жизнь успокоила людей, они привыкли без войны, хотя в каждом из них жила память о страшных событиях недавнего прошлого.

Да, люди строили крепости, как и строили в них дома для жизни. Всё понятно, что жизнь когда-нибудь оборвётся, но хочется жить, чтобы радоваться приходу нового дня. Кузнец, который отковал наконечник копья, не задумывается, что когда-нибудь копье с его наконечником может убить человека. Он трудится и зарабатывает трудом на жизнь. Тела наши тленны, а души бессмертны, но разве справедливо, что всё созданное должно погибнуть вместе с теми, кто всё это создал. Мы верим, что наши души примут новые поколения, но мы этого не увидим. «Рождение не является началом, также как и смерть — концом. Существует продолжение без начала, без начала во времени — так учит нас Лао Цзы», но сейчас нужно жить и бороться.

КРОВАВАЯ РОСА

*Две силы натянули луков титеву.
И сотни воинов в сраженьи пали.
Лишь одиноких раненых мечами,
Добили те, кто сам изранен.
И тишина на поле брани,
Лишь только лошади в тумане
Щипали тёплую,
Кровавую траву.*

(неизвестный автор XIII в.)

Минуло 15 лет, как было провозглашено государство Восточное Ся. Те, кто был рождён в новом государстве, уже стали воинами: выросло целое поколение. Шёл 9-ый год второго девиза правления Да-тун.

В ноябре после проведения смотра моукэ в военно-земледельческих поселениях была отмечена хорошая выучка воинов. Угамынь — правитель Еланьского мэнъянь, как опытный боевой генерал умело командовал начальниками моукэ. Хорошая подготовка была показана воинами в «Грозной

скале», в «Золотой долине», в городище «Южный щит» и других укрепленных горных крепостях, превращённых в мощные бастионы обороны.

Каждый год осенью, после сбора урожая мужчины в полной боевой экипировке выезжали на лошадях в поле, где они строили временный палаточный лагерь. В течение 12 дней здесь был смотр вооружения, устраивались баталии, лавинные атаки, была изнурительная боевая походная жизнь, как на войне. Разница в том, что после этой войны все возвращались домой живыми.

Хэбо, Хасай в декабре 1232 г. проверили пополнение конных дивизий. Это были смелые и сильные молодые воины, прекрасно владеющие оружием. 60 тысяч кавалеристов мощная защита и опора государства. Не меньшее число воинов составляли отряды моукэ.

Столица Кайюань, как и другие города-крепости и городища готовились к обороне, штурму и блокаде, создавался большой запас продовольствия, мощный арсенал оружия. В крепостях, построенных на сопках, имелись источники воды, потому что на дне распадков протекали ручьи и били ключи. Население на территории городищ копали дополнительные колодцы.

Кроме мощного земляного вала и других оборонительных сооружений, были подготовлены средства отражения нападающих: луки, стрелы, доспехи, коллективные виды оружия — метательные средства — камнемёты. По всей линии валов были сосредоточены склады каменных ядер, особенно в уязвимых участках обороны. Особую ценность имели специальные глиняные пороховые взрывные устройства — «огневые горшки», которые находились в специальных складах, подальше от жилых кварталов.

Зима 1233 г. была холодная и ветреная. Люди в своих домах в поселениях и городищах занимались привычными хозяйственными делами, только в глазах у них появилась тревога. Они не поддавались панике и терпеливо ожидали грядущего. Они верили своему князю и знали, что его суровая требовательность к людям — им во благо. Он в делах крут, но справедлив, зря никого не обидет. После завершения больших работ он давал людям устраивать праздники с представлениями, вкусными кушаньями за большими столами, где отдыхали семьями. В Восточном Ся те, кто добросовестно работали, всегда были сыты и имели свой дом.

В Кайюань в цитадель к князю, в феврале, как-то стихийно по велению внутреннего голоса собрались старые боевые соратники — Хэбо, Гао Линь, Хасай.

Ваньну их встретил в приподнятом настроении:

— Раз вы все собрались вместе, то поговорим обо всём, что у кого накопилось в душе и мыслях за эту зиму?

Он позвал адъютанта и приказал накрыть большой стол в обеденном зале и послать за Угамынем и Шимынем.

— Князь, позволь я первый скажу, — нетерпеливо произнёс Гао Линь.

— Говори дорогой генерал, какие известия ты принёс с границ.

— В том то и дело, что ни каких.

Все рассмеялись.

— То есть, это и настораживает, что мои дозорные кордоны вообще перестали видеть монголов, даже на снегу до Сунгари нет следов лошадиных копыт. Они как провалились, эти проклятые степняки.

— После того, как монголы быстро ушли из Корё и увезли убитого тысячника Саритая, о них по всей Маньчжурии ничего не слышно, — вмешался в разговор Хэбо, — они подвергли такому истреблению всё, что им там нечего больше делать.

— Неизвестность самый страшный враг, — вздохнул Хасай, — не знаешь, что задумали они. Я предлагаю послать несколько небольших групп всадников на Сунгари, чтобы они по цепочке сообщали о появлении монголов.

— Будет поздно, если наши разъезды заметят их войска. В это время монголы чаще отсиживаются в своих улусах, чтобы весной, как дикие голодные хищники вновь отправиться за чужим добром и утащить его в своё логово. Если монголы пойдут, то не раньше апреля, потому что в марте, в Маньчжурии большая распутица и из-за грязи они не поведут свою конницу, — сказал Ваньну и продолжал, — в начале марта я хотел вас всех собрать на совет, но скажу сейчас, в апреле будем выступать...

В это время пришли Угамынь и Шимынь.

Ваньну продолжал:

— Выступать, как решили, но мы должны узнать, не раньше, чем к середине марта, пойдут монголы на нас к лету. Вы знаете, господа генералы как они делают. Подойдут, вызовут переполох и уйдут, а потом через день-два ударят всей силой, — он помолчал, — жаль, что нет сейчас Иясулы и Полигэ, но я их пригласил приехать в Кайюань в начале марта.

Потом разговор в кругу князя перешёл на хозяйственные и житейские темы. Вскоре адъютант доложил, что поручение выполнил. Князь пригласил всех на обед, который был из даров природы: дикого мяса, птицы, рыбы, грибов, ягод и небольшого количества чумизовой водки.

Угэдэй зимой 1233 г. принял решение об уничтожении Восточного Ся. Оно им было уже не нужно, выполнив вассальную миссию. Однако, хан в апреле перебросил основные войска в центр Цзинь, чтобы подавить сопротивление цзиньских войск и поэтому отложил сроки вторжения на север.

Ваньну узнал об этом в начале апреля, когда приказал отправить две дивизии на оборонительный вал р. Муданьцзян. Разведка из Маньчжурии донесла, что монголы пошли на Ляонин, и это был не тактический ход кочевников. Они свои тумены направили в провинцию Хэнань на Кайфын. Как ему не хватает помощи Кима. Он пропал безвести где-то в Цзинь, потому что в Корё он так и не пришёл.

Хэбо и Хасай отправились в Хулигай и взяли с собой ещё одну дивизию с приморского побережья. Они решили все три дивизии закрепить на

рубеже государства перед оборонительным валом до сентября. Им приказали построить чередующиеся в шахматном порядке редуты на пути возможного продвижения противника с юга Маньчжурии.

В мае Ваньну вызвал на откровенный разговор Шимыня, чтобы он встретился с одним из вождей таёжных племён, который возглавлял большое племя, имел силу и авторитет среди других племён. Губернатор сказал, что Союзов племён в тайге нет. Есть отдельные племена, которые неохотно встречаются друг с другом, держатся обособленно. Войн между ними нет, они не убивают людей, но времена меняются. Он много лет не был в тайге, хотя помнит некоторых вождей, с которыми когда-то встречался.

Шимынь рассказал, что в молодую пору служил на северных окраинах провинции Цзинь. Ему легко давались языки таёжных племён, и он с ними установил хорошие контакты. Шимынь иногда выполнял задания посредника во взаимовыгодных обменах между чжурчжэнями и таёжными аборигенами.

Однажды в снежную зиму чжурчжэни из трёхсот кавалеристов ходили к Сихотэ-Алиню на разведку местности. Тогда он был командиром сотни, но его назначили вести весь отряд. Летом из-за топких болот и скальных отрогов, пробраться туда невозможно. Там они встретили у костров около 30 аборигенов, которые от голода буквально умирали на глазах. Они были истощены настолько, что костры только продлевали им жизнь, чтобы не замерзнуть в лёд. Даже хищников в ту погоду не было поблизости. Нам стоило больших трудов, чтобы спасти многих. Мы расставили меховые палатки, сварили похлёбку из зерна, оставили им часть снаряжения: потёртые конные попоны, одежду, железные котелки, несколько луков со стрелами, ножи, сушеную рыбу. Эти люди сказали, что их стадо ушло за дикими оленями и больше не вернулось. Вместе с ними ушли и вьючные олени с их снаряжением.

Летом того же года, в наше поселение на Усури солдаты привели трёх молодых мужчин, которые запомнили моё имя, вернее принесли мой колчан, на котором было написано моё имя. Ещё они принесли пару наших стрел и один из ножей, которые мы им оставили, как доказательство нашего знакомства и возможность найти нас. Так вот один из этих юношей был сыном вождя, которого мы спасли, позднее он стал вождём большого племени. В благодарность он принёс в клетке ловчих птиц и мешочек золотого песка. Потом мы ещё два встречались. Не знаю, жив ли он, ведь прошло немало лет. Вот такое было в моей жизни.

— Да, губернатор, как мы мало знаем друг о друге.

— Князь, разве нужно рассказывать о своей жизни, она у каждого своя.

— Это верно, но по поступкам человека, можно сказать, какой это человек, чтобы доверить чужие жизни.

— Хорошо, я попробую его отыскать, у меня есть его памятка — шейная кожаная гривна с расшитым рисунчатым письмом, в котором разбираются только лесные аборигены.

— Открою тайну, — сказал князь, — это на крайний случай в войне с монголами, хочу спасти жизни многих детей и их матерей, отправив их далеко в тайгу, куда не придут враги. Я узнал, что в тайге много разных рек, в небольших речных долинах, где можно заниматься земледелием, которое чуждо кочевым охотникам и оленеводам, земледельцы там смогут выжить, занимаясь огородничеством, рыболовством, собирательством и охотой.

— Дорогой князь, ты великодушный человек, я сохраню эту тайну и помогу во всём. Сохранить детей святое дело. Я найду этого вождя и его родственников, и мы обо всём поговорим.

Пришёл июнь с тёплыми и короткими грозовыми дождями. Солнечные дни предвещали хороший урожай. Поля, огороды, животноводство все эти житейские хлопоты занимали людей и не давали роптать им на судьбу и мыслям о войне.

Хэбо докладывал о спокойной обстановке на южной границе государства, о привычном каждодневном труде населения губернии.

В конце июня Шимынь отправился на р. Уссури чтобы встретиться с вождём племени, о котором шла речь. В небольшой роще на берегу маленького притока, который впадал в речушку, встретились Шимынь и четверо мужчин в возрасте от 30 до 40 лет. Один из них представился вождём. В нём Шимынь узнал человека, который был тогда ещё подростком и тот тоже узнал в губернаторе спасителя. Они смотрели друг на друга, а потом обнялись в знак доверия.

Лица их были смуглые, с приплюснутыми маленькими носами, глаза узкие, линзовидные. Волосы чёрные, длинные, зачёсаны назад, перехвачены шнурком на затылке и хвостом спускались на спину. Одеты они в штаны из шкуры косули, поверх тела длинные до бёдер глухие куртки с капюшоном из такой же шкуры, подпоясанные сыромятными кожаными ремнями, на которых висели ножи в кожаных ножнах. На ногах сапоги из лёгкой кожи, обшитые по верху мехом, подошва подбита кожей лося, голяшки сапог украшены мелким бисером из волнистых линий и завитушек.

В тайге под кронами высоких сосен и лиственниц прохладно среди многочисленных мелких ключей с холодной водой. Глухая одежда защищала их от туч комаров, мошки и оводов, которые кусают до крови открытые участки тела.

Все присели на поваленное дерево, и губернатор долго разговаривал с вождём. Вождь слушал и кивал головой, другие тоже кивали и возмущались, размахивая руками, когда Шимынь говорил о монголах. Наконец, все встали и начали обниматься. Разговор был окончен. Шимынь поднял руку, и в стороне стоявшие воины подвели пять лошадей, нагруженных через седло крепкими плетёными мешками с наконечниками стрел, копий, ножами, кресалами, железными полосками-заготовками. Весь этот дар он передал вождю от имени князя. Вождь передал несколько мешочков золотого песка,

которые ни князю, ни Шимыню были не нужны, но он с благодарностью их принял. Ещё раз все обнялись и разошлись.

Вскоре Шимынь доложил Ваньну:

— Они примут детей и женщин, столько, сколько мы сможем переправить их в случае войны. Я бы точнее сказал, сколько нам удастся это сделать. Они указали несколько мест, где их люди будут ждать, устроив стойбище. Это был сын вождя со своими братьями — вождями больших родов. Они узнали меня, и сказал, что о том случае в тайге они во время праздников поют песни о спасении.

— Это хорошо. Я им верю, потому что они язычники и боятся духов зла. Мне об этом рассказывал старый чжурчжэнь из селения около городища «Южный щит». Конечно, тревожно, мы вверяем в чужие руки будущее нашего народа, но думаю, что им в тайге будет лучше, чем погибнуть от рук монголов или попасть в рабство, — сказал Ваньну.

— Они их отведут далеко, на северо-запад, где реки с высокими берегами и долинами с чёрной землей, как они говорили. Там, по их словам, кроме их родов никто не бывает, — с надеждой в голосе ответил губернатор.

Ваньну был счастлив, что сможет спасти жену и детей, как и многих других. Он был готов сражаться с любым врагом, зная, что его Чунь-лянь и его дети не испытают ужаса войны и не погибнут, он до сих пор не пережил потерю первой своей семьи. Ваньну много времени проводил в своём доме. В один из вечеров он сказал Чунь-лянь, что намерен отправить её и детей под присмотром верных слуг Тигво и Ли Фэна в тайгу вместе с другими семьями.

День за днём прошёл июль, наступила середина августа. С полей был собран хороший урожай. Конец августа и сентябрь — самое благодатное время года — полны закрома, а дни стояли жаркие и солнечные, почти до первого разноцветья листьев осени.

«Монголы! Монголы идут!» — этот крик тревоги разнёсся по всей Маньчжурии.

На южной границе всё было готово к отражению противника. В лагерьях находился корпус из тридцати тысяч кавалеристов. После окончания полевых работ содаты моукэ собирались в мэнъянь под командой своих Правителей. В два этих формирования собралось 20 тысяч всадников. Их готовили выставить на флангах корпуса. Городища и укрепленные поселения были приведены в боевую готовность. Командующий войсками, министр Хэбо Ваньянь, командир корпуса Хасай, генерал-губернатор Иясулу готовились к сражению.

Угэдэя привели в ярость неудачные сражения с чжурчжэнями под Кайфыном и Лояном. Китайцы не пропустили монгольские войска через свою территорию, чтобы ударить цзиньцам с тыла. Хан повёл войска на север, чтобы навсегда покончить с чжурчжэнями Ся и больше не слышать об этом государстве.

Пусянь Ваньну и командиры в его окружении не знали, что в поддержку Угэдэю из Монголии через Маньчжурию гнали среднеазиатских воинов-смертников, которые своё право на освобождение из рабства отмыкали кровью врагов монголов. Им выдавали оружие перед боем, и кто плохо сражался, того после сражения перед строем таких же воинов подвергали жестоким пыткам в пример другим.

Ранним сентябрьским утром, огромное войско не менее 100 тысяч кочевников закрывая, собой всю равнину, шло на приступ вала. Вдалеке они медленно двигались вперёд, и вдруг лавиной понеслись на оборонительное укрепление, перед которым стоял небольшой отряд кавалеристов, который привлекал к себе врагов, как лёгкая добыча на охоте. Задача кавалеристов заключалась в том, чтобы вызвать удар на себя, но с приближением монголов этот отряд должен был сорваться в сторону и оставить открытым вал. Перед валом были редуты, из которых летели тысячи стрел, нанося большой урон наступающим, но это их не остановило, лошади по трупам и раненым своим же воинов неслись дальше. Защитники редутов на какое-то время задержали бешеную гонку первых рядов монгольских лошадей. Превосходящими силами монголов редуты были уничтожены. Впереди с копьями наперевес неслись воины-смертники. Кавалеристы Хасая выстроились клином во фланг наступающим. На острие клина был собран кулак ударной силы тяжёлой конницы с копьями, чтобы пробить брешь в этой лавине.

Осталось ещё несколько сот метров и монголы опрокинут заслон перед укреплением. В это время с вала несколько десятков каменётных машин ударили ядрами в гущу монголов и их кравожадных «союзников». Кочевники не могли видеть издалека эти катапульты, они стояли за бруствером.

Удар был настолько неожиданный, что первые ряды врагов были сбиты ядрами, а следующие за ними наступающие завалились на груды лежащих лошадей и своих воинов. Вслед за ядерным ударом во врагов полетели глиняные горшки с пороховыми зарядами, которые разрывались над головами и на земле, впиваясь смертоносными осколками в их тела. Третий залп был сделан из горшков с зажигательной смолянистой смеси, которые на десятки метров обливали и сжигали живьём остановившихся от неожиданности монголов.

В это время во фланг монголам клином ударила конница Хасая, а отряды всадников мэнъянь прикрывали края этого клина широким фронтом. После каменётной бомбардировки и мощной конной атаки, монголы дрогнули и побежали. Уверенные в лёгкую победу, они рассчитывали на численное превосходство сходу взять вал и получить стратегическое преимущество над всей равниной. Войска Хэбо их преследовали около 10 ли. Дальше двигаться было опасно, можно угодить в засаду.

Кавалеристы вернулись. Они увидели жуткую картину из наваленных обезображенных и обгоревших трупов. Среди них были тела с обнаженным

торсом и не монгольскими лицами. Разгорячённые защитники вала были в ожидании второго наступления кочевников, прождав до вечера, чжурчжэни ушли через тайные ворота вала, оставив на нём охрану.

На следующий день защитники узнали, что монголы ушли в степь. Это была большая радость победы. Похоронили героических защитников редутов, воинов, погибших в жестокой схватке от сабельных ударов и убитых стрелами. Всего их было около трёх тысяч. Народ оплакивал своих защитников, которые в городищах и мощных укреплениях готовились к отражению штурма, но благодаря смелости и мужеству воинов им не пришлось гибнуть на стенах от монгольских стрел.

Хэбо отправил фельдъегеря в Кайюань с вестью о победе и предупреждении, что это было испытание монголами сил Восточного Ся и что нужно готовиться к более мощному удару кочевников, не зная, откуда они придут.

У Ваньну находилось три дивизии кавалеристов, которые он также объединил в корпус под командованием генерала Гао Линя. Он вспомнил о Шэоне, который когда-то командовал этими воинами, которые покрыли себя батальной славой. Узнав о победе, князь велел разослать известие по всем городищам и поселениям, но народная молва, как всегда, быстрее доходила в самые отдаленные уголки государства. Он понимал, что эта победа не случайный успех, но она заставит действовать монголов ещё с большей жестокостью. Пощады в этой войне не будет и её никто не ждёт.

Пусянь Ваньну как князь и главнокомандующий издал приказ об осадном положении государства. Иясулу и Правители мэнъянь Хулигая собрали жителей губернии в столичные городища и горные крепости. Неполный корпус Хасая был переброшен в западную часть Елани для выполнения особого задания, туда же отправлялся корпус Гао Линя, всего 50 тысяч кавалеристов, это большая сила. Князь им дал приказ вести неожиданные удары по отрядам врагов, проходящих в распадках на подступах к горным городищам, бить по аръергарду войск, уничтожать как можно больше захватчиков. Кавалеристы отлично владели топографией пересечённой территории Приморья, где сопки, леса и болота хорошо прикрывали отходы после дерзких атак.

Угамынь возглавил оборону Суйпиня. Население долинных военно-земледельческих поселений пополнили силы горожан. Оставляя свои дома, люди уносили семейные реликвии, оружие, запасы продовольствия. С большой болью жители крепости «Страж долины» по приказу Угамыня уходили в Кайюань. Всё, что было нажито многолетним трудом, пришлось оставить. Собрав семьи, воины моукэ с арсеналом вооружения покинули городище. Они даже погрузили каменные ядра на мощные телеги с чугунными ступицами на колёсах.

Шимынь проводил эвакуацию небоеспособной части населения в тайгу, чтобы подальше увести их от порабощения и смерти. Вместе с ними отправилось охранение из воинов-ветеранов.

Хэбо был назначен начальником обороны крепостей «Золотая долина» (Николаевское городище), «Южный щит» (Екатериновское городище) и «Грозная скала» (Шайгинское городище). Под его контролем жители небольших земледельческих поселений отправлялись под защиту мощных валов крепостей.

Ваньну, его генералы и воины понимали, что это будет схватка, в которой два противника будут драться до победы, а победитель должен быть один. Никто не смел поддаваться панике, проявлять трусость, искать какое-нибудь спасение. Все знали, что время войны настало, они к этому готовились со дня провозглашения государства, они все годы занимались оборонным строительством.

В начале октября Угэдэй отправил на Восточное Ся огромное войско численностью около 250 тысяч воинов, которое разделилось на два направления. Одно двигалось из центра Манчжурии в обход защитного вала р. Муданьцзян, в губернию Хулигай, другое — на Суйфунскую долину. Этот поход возглавлял принц Гуюк — внук Чингисхана.

Основную ударную силу составляли монгольские тумены. Вместе с ними шли десятки тысяч вспомогательных сил из числа подневольных воинов из завоёванных стран. В огромном обозе рабы тащили на деревянных колёсах большие платформы с разобранными камнемётными установками, неисчислимое количество каменных ядер. Волы тянули такие же платформы с расставленными на них юртами, где на краю платформ горели костры, обложенные камнями, а на них стояли чугунные котлы, и варилось мясо с лапшой. Кони, верблюды, волы, овцы, грохот колёс, дым костров, окрики погонщиков и надсмотрщиков, огромное число этих юрт напоминали движущийся улус Угэдэя.

Гуюк и его полководцы были уверены, что все воины Восточного Ся ушли за стены своих крепостей и видели стратегическое превосходство в том, что монгольские войска могли свободно передвигаться от крепости к крепости и наносить им сокрушительные удары. Об этом доносили их разведчики. При всём старании сил безопасности Гао Линя, было невозможно среди беженцев выследить монгольских разведчиков, которые собирали сведения о силах обороны у чжурчжэней.

Монголы вошли в Приморье широким фронтом, обходя сопки. Гао Линь и Хасай их уже ждали на юго-западных подходах далеко от столицы и других городищ, где долину пересекают ряды параллельных невысоких сопек. Здесь можно атаковать отдельные потоки вражеской конницы и по запутанным распадкам уйти от погони.

Конница Хасая выскочила из-за склона наперерез монгольским всадникам. Нападение для них было настолько неожиданным, что они не успели оказать сопротивление, как первые ряды были уничтожены. Следом со второго фланга нанесли удар кавалеристы Гао Линя. После нападения и короткого боя они резко повернули коней и помчались между сопками.

Монголы бросились вдогонку, но в узком распадке их остановила прицельная стрельба из луков. Не зная местности, монгольские тысячники побоялись, что в сопках чжурчжэни устроили засаду. Они были уверены, что сопротивление их ждёт только в крепостях. Гао Линь и Хасай успели уйти по лесным дорогам в отдалённые городища, о которых монголы пока не знали.

Гуюк был зол и велел казнить лазутчиков, которые недавно вернулись из Восточной Ся. Главной его целью было уничтожение крупных городищ, куда он стягивал все силы, и неожиданные потери ему были не нужны. По пути они сжигали и уничтожали городища с их защитниками. Люди уходили, оставляли поселения и сжигали их, чтобы ничего не досталось врагу.

Монголы подошли к столице, которая создала оборону из трёх городищ: «Щит Суюпиня», Суюпинь и Кайюань. Они оценили мощные укрепления столицы и начали готовиться к штурму.

С крепостного вала Пусянь Ваньну наблюдал, как долину заполняли враги, которые по внешнему виду были похожи на сборище бандитских шаек, которых много развелось в Маньчжурии в период безвластия. Они были одеты в то, что приобрели в грабительских походах: в серые халаты, в куртки и шаравары, в какие-то накидки из шкур животных, длинные цветные рубахи с короткими рукавами, в кольчуги и пластинчатые доспехи. На их головах были конусные войлочные шляпы, тюбетейки, лохматые шапки, металлические шлемы разных видов. С присущим хладнокровием и коварством они окружали крепости.

Тысячи рабов тащили и собирали камнемётные орудия. В долине ставили юрты, строили шалаши, разводили костры, обкладывали их большими камнями и укрепляли на них огромные чугунные и бронзовые котлы. Впереди своего стана вкапывали десятки заострённых жердин. Вечером вокруг Кайюаня зажглись тысячи костров, шёл запах жареного мяса, была слышна гортанная многоязычная речь.

В Кайюане боевые охранения на валу следили за обстановкой в долине, сотни разных камнемётов, стреломётов, были готовы к бою. Огромные груды камней лежали на верхнем ярусе вала. Внутри крепости стояли мощные баллисты, способные на сотни метров выбросить свои пороховые бомбы и зажигательные смеси на головы врагов. В трёх городищах вместе с жителями собралось около 60 тысяч человек — всё население долинных поселений. В эту ночь мало кто спал. Воины готовили своё боевое снаряжение: укладывали стрелы в колчаны, начищали защитные доспехи и боевые шлемы, увязывали верёвки и арканы.

Ранним утром со стороны долины на расстоянии полёта стрелы на лошадях подъехала группа всадников. Один из кочевников проехал вперёд и на чжурчжэньском языке прокричал: «Сдавайтесь, мы вас не тронем, а если не сдадитесь — с живых сдирём кожу!» В ответ из крепости полетели стрелы, и один из всадников свалился с коня.

Монголы отошли назад. Затем вывели около сотни пленных воинов моукэ и их семьи и под дикие восторженные крики им всем отрубили головы и насадили на деревянные жерди, которые вкопали ещё вчера. Защитники города с ужасом смотрели на эту кровавую сцену, и их переполняла ненависть к врагам. Осадные камни начали обстрел городища. Из крепости раздался ответный залп по их орудиям. Глиняные горшки с горючей смесью подожгли несколько установок. Раздались крики и вопли обожжённых воинов. Затем полетели камни на головы врагов, подошедших близко к валу. В ответ в крепость полетели огромные каменные ядра. Началась каменная дуэль. Сотни катапульта, стреломётов обрушивали смертоносные ядра, огромные как пики стрелы, пороховые и зажигательные бомбы. Монголы заливали в глиняные горшки кипящую смолу из котлов и бросали в крепость, вслед летели горящие стрелы, превращая жилые кварталы в сплошной огонь.

Уже несколько дней шла осада столицы. Монгольские каменные ядра разрушали жилые дома, дворцы, храмы, огневые снаряды поджигали деревянные строения, возникли большие пожары. Защитники несли большие потери, особенно было много раненых и искалеченных людей.

Пусянь недооценил монголов, он с ними не воевал с 1215 г. За прошедшие годы они обрели огромный опыт ведения войны в Средней Азии, в Индостане, на Кавказе, в империи Цзинь, практику взятия любых крепостей. В их арсенале были все технические средства вооружения, включая порох и зажигательные смеси.

Монгольский принц отправил часть своих войск на юг и северо-запад долины жечь и уничтожать всё, что встретится на их пути.

В это время конница Гао Линя находилась в сопках недалеко от «Стража долины» (Ананьевского городища), а одна дивизия из его корпуса стояла в засаде в сопках рядом с городищем «Перепелиное Гнездо». Как только первые монгольские отряды появились на дороге, чжурчжэни вихрем выскочили и понеслись на врагов. Завязался бой, который продолжалась до тех пор, пока к монголам не подошёл другой большой отряд. Кавалеристы Гао Линя отступили, потеряв в бою несколько десятков воинов, ещё больше было убито врагов. Кочевники горящими стрелами подожгли «Перепелиное гнездо», ворвались в него и вырезали его жителей. Хасай со своими всадниками лагерем стоял около горной крепости Известковая Сопка. Появление регулярных войск поднимало боевой дух защитников городищ.

Многочисленные крепостные сражения сопровождались использованием сотен метательных орудий. Когда осада длилась долго, у крепостных стен слой каменных ядер достигал большой толщины, ещё большая масса их была разбросана по всей площади городища, нанося разрушения и гибель защитникам крепости. Большой урон несла и штурмующая сторона, на её головы сыпались камни разных калибров.

Кайюань, как и другие городища были подвергнуты массированным обстрелами и огню. Причём, бомбардировка велась целенаправленно по

мастерским и арсеналам, где находились глиняные шаровидные сосуды, которые были превращены в груды битых черепков. Кочевники располагали данными о местонахождении важных объектов, технических и других средств защитников города, выводя их из строя эффективной каменной стрельбой.

Об этом свидетельствуют археологические раскопки Красноярского городища — Кайюаня. В слое раздробленной черепицы были обнаружены более 1 000 осколков стенок, днищ и венчиков шаровидных сосудов. Вероятно, монгольские ядра разбили, а зажигательные снаряды подожгли большое колоннадное здание, и тяжёлая черепичная крыша рухнула, уничтожив один из важных арсеналов с «огневыми горшками».

Чжурчжэни в ответ стреляли со стен из различных камней попеременно каменными ядрами и огневыми снарядами, используя тяжёлые, лёгкие и ручные камни (стреломёты, скорострельные аркбаллисты), которые по скорости стрельбы превосходили все остальные орудия и оставались незаменимыми при отражении быстро приближающегося противника.

Осаждённые несли огромные потери от тысяч стрел, которые сыпались дождём в городище и силы их были на исходе. Всё меньше оставалось людей, чтобы зарядить катапульты. Ваньну находился на самых опасных участках обороны, и одна из монгольских стрел угодила ему в плечо, другая в грудь. Он упал и потерял сознание. Его отнесли в безопасное место в цитадель, от которой остались только валовые насыпи. Монголы ворвались в столицу и всех, кто там оставался, порубили саблями. Суйпинь горел чёрным дымом. При защите стен крепости погиб Угамынь.

Всадники Хасая и Гао Линя напали на монгольские отряды, которые двигались по дорогам вглубь страны и при их попытках осадить горные крепости. Они наносили им ощутимые удары, но и сами несли большие потери. Два генерала решили отвести остатки корпусов через сопки к городищу «Южный щит» (Екатериновское городище), и там дать последний бой ненавистным захватчикам. Они ещё не знали о взятии столицы и тяжелом ранении их князя.

Окупанты в середине октября захватили всю Хэлань, их с юга поддерживали другие монгольские войска, которые недавно громили крепости Хулигая. В этой губернии последние защитники Восточного Ся пали в конце месяца. Тяжело раненого Уялусу монголы расстреляли стрелами. Два вражеских фланга соединились и двинулись на юго-восток к морскому побережью.

На их пути стояла «Грозная Скала». Это городище по площади было больше Кайюаня. Хэбо выставил на валу всю огневую артиллерию, на холме внутри крепости перед главными Восточными воротами установил катапульты с зажигательными снарядами. Здесь, как ни в одной из крепостей, было подготовлено множество «огневых горшков».

Монголы с нескольких сторон пытались штурмовать вал городища, чтобы ворваться в крепость и изнутри открыть ворота. Эти вылазки не

удавались, под градом камней и стрел они несли большие потери. Один из штурмовых отрядов попал в «ловушку» и был полностью уничтожен. Тогда кочевники отошли и стали устанавливать каменёты. Крутые склоны сопки не позволяли близко расположить их, лишь только в долине напротив южных ворот и высокого вала им удалось выставить десятки катапульта и то на большем расстоянии от городища.

Чжурчжэни в ответ на действия монголов ударили зажигательными снарядами и сожгли несколько их каменётов. Южный вал был построен на длинном покатом склоне сопки и имел стратегическое превосходство над долиной. С его стен была большая поражающая мощь. Монголы отошли, но обложили крепость со всех сторон и приступили к осаде. Около десяти дней «Грозную скалу» обстреливали каменными ядрами, зажигательными снарядами из больших глиняных сосудов, начинённых горячей смолой. В городе вспыхнули массовые пожары, горели зерновые склады и продовольственные амбарчики на деревянных сваях.

Прямые попадания по жизненно важным объектам наводили на мысль, что враги знали их расположение в городе. Эффективная каменётная стрельба велась по отдельным целям, где находились арсеналы и кузнечные мастерские.

Монголам удалось прорваться через Восточные ворота. Они скопом поднимались по склону, чтобы овладеть высотой, с которой жилые кварталы на террасах были видны как на ладони. Огнемётчики Хэбо запустили в них зажигательные снаряды и стрелы, начинённые порохом. Атака монголов была отбита, потеряв много воинов, они отступили, однако защитникам не удалось закрыть пролом в воротах, и монголы отправляли в него всё новые силы.

Героически держалась цитадель Правителя мэнъянь, которая обстреливала врагов у Северных ворот, через которые был свободный доступ в кузнечные мастерские и центр городища. Защитники южного вала отбивали попытки ворваться в крепость через ворота. Монголы не могли взять редут, который находился вне крепости под его стенами, потому что с вала шёл мощный обстрел монгольских позиций.

Потери защитников были огромны, раненые не покидали позиций пока не падали замертво. Женщины занимали места мужчин, стреляли из луков и бросали камни со стен крепости. Вся восточная часть крепости была занята монголами. Начались уличные бои. Никто не хотел попадать в плен, поэтому сражались до конца жизни. Тысячи трупов лежали на улицах, их некому было убирать и хоронить. Последние защитники «Грозной скалы» отошли на западную сторону вала — самую высокую его часть, где находился каменный утёс, а с внешней стороны глубокое ущелье.

Кочевники почти в упор расстреливали из луков последних защитников вала, истекающих кровью. Оставшиеся воины бросались со стен в каменное ущелье и разбивались. Небольшие группы воинов пытались прорваться

из окружённой крепости, чтобы продолжать борьбу в других городищах, но мало кому удалось живым вырваться из этого побоища. Хэбо погиб в цитадели в сабельной схватке. Его окружили несколько монголов, он дрался отчаянно и погиб, как воин с оружием в руках. Это был талантливый полководец, он пользовался заслуженным уважением среди солдат.

Город был разграблен и горел в огне. В нём так и остались лежать тысячи каменных ядер, сторевшее зерно под пепелищем крыш, остатки каменных кузнечных печей, галечная обкладка канов, где когда-то стояли дома. Спустя 800 лет под слоем небольшого дёрна и среди корневищ деревьев такую картину увидели археологи. От большинства городищ сохранились лишь валы из земли и каменной кладки, остатки канов, наконечники стрел, ножи, топоры и другое боевое оружие.

Хасай и Гао Линь за двадцать дней партизанской войны потеряли в боях много воинов. В составе двух корпусов осталось чуть больше 30 тысяч воинов. Это была большая сила для продолжения борьбы. Они спешно направлялись к «Южному щиту» (Екатериновское городище) и совсем немного опередили монголов.

Кочевники в это время в городище «Золотая долина» разрушали и уничтожали красивые колоннадные храмы, которые были действительно шедеврами средневековой архитектуры с художественной черепицей и скульптурами. Это был духовный и культурный центр государства, куда приходили люди слушать — священные сутры, духовные заповеди, познать тайны мироздания. В этом красивом городе жили монахи, ремесленники и земледельцы. От него остались только земляные валы и груды обожжённой керамики.

Конница кочевников подходила к большому распадку, в сопках которого располагалась крепость «Южный щит», чтобы, как и другие города Приморья сжечь, а население потопить в людской крови, но для них случилось неожиданное...

Генералы Хасай и Гао Линь хорошо усвоили монгольскую тактику взятия городищ. Они окружали крепости и засыпали её ядрами и зажигательными снарядами, а потом врываются в крепость и всех убивали. Чжурчжэньские генералы всегда меняли способы нападения на врагов. На этот раз они решили тремя ударными дивизиями открыто атаковать лагерь монголов, которые должны были после каменётной бомбардировки идти на приступ крепостных валов. Когда монгольские баллисты начали обстрел «Южного щита», на лагерь с тыла налетела 20 тысячная конница и, стреляя из луков, бросая дротики, палашами рубила растерявшихся вражеских солдат. Потом она развернулась и помчалась в распадок, где её прикрывала ещё одна дивизия.

Пока монголы выводили войска из распадков, окружавшие крепость, они потеряли время, чтобы вступить в бой с неожиданным врагом. Бросив вдогонку конницу, они преследовали и догоняли чжурчжэней, но в этот

момент из леса в них полетели отравленные стрелы, которые уложили много кочевников.

Озверевшие захватчики несколько дней жгли и заваливали камнями крепость. Из крепости отвечали разрывными гранатами, зажигательными снарядами, меткими стрелами. Крепкие валы держали оборону и на смену погибшим воинам становились другие защитники. Вокруг городища была выжженная земля. Монголы не могли преодолеть ров, который был протоком реки. Они продолжали бомбардировку каменными ядрами, и заливать крепость горячей смолой. Прошло ещё несколько дней, и из крепости всё реже летели ядра, бомбы и стрелы. Потом в погибшую крепость вошли рабы-смертники и к ногам тысячника они сложили сотни отрезанных голов погибших защитников крепости.

Уходя по лесным дорогам к топким болотам и небольшим озёрам, кавалеристы ушли от погони в одно из горных городищ.

Монголы заняли всё центральное Приморье, и вышли на берега заливов. Гуюм выполнил свою задачу, он разрушил и сжёг большие города, городища на крутых скальных отрогах у рек и дорог вместе с их защитниками, потому что все жители крепостей сражались с оружием в руках и не просили пощады. Монголы разгромили Восточное Ся и карательные отряды подавляли остатки сопротивления. Ещё несколько горных городищ на окраинах государства глубоко в сопках готовились к отражению неприятеля и собирали под свою защиту беженцев, которые уходили от монголов в леса.

Гуюму не давали покоя отчаянные чжурчжэни, которые как лесные духи появлялись и исчезали. Он решил найти их и уничтожить. Ему не нужны были слухи о непобедимых врагах, с которыми не могут справиться монголы.

Хасай и Гао Линь на военном совете, собрали всех командиров и решили идти в последний бой, чтобы отомстить тем, кто отобрал у них страну и уничтожил её народ. Каждый решил сражаться насмерть, чтобы оставить здесь столько врагов, сколько хватит сил.

На широком поле, недалеко от большой бухты (район г. Находка), кавалеристы готовились к сражению. Они не звали врага на поединок. Они были уверены, что монголы сами придут, потому что они ещё не победители, они не разбили войска Пусяня Ваньну, а значит, ещё живёт и сражается Восточное Ся.

Во второй половине последнего дня октября на поле из нескольких распадков появилось монгольское войско. Они заполнили вогнутой дугой противоположную сторону поля и склоны сопки.

Хасай выставил 12 тысяч кавалеристов ударным клином из нескольких рядов, впереди находились сильные и опытные воины. С двух флангов 10 тысяч солдат ушли в засаду за пологие сопки.

Два врага были готовы к смертельной схватке. Хасай двинул ряды на противника. Чжурчжэни натянули луки и тысячи стрел, издавая звук гроз-

ного прибоя, понесли свои смертельные наконечники. Монголы тоже выпустили тучи стрел. Началась перестрелка, которая уносила с двух сторон сотни воинов. В этот момент засада Гао Линя с флангов начала врагов засыпать стрелами.

Монгольская конница пошла в атаку на чжурчжэней, выходя из перекрёстного обстрела. Две лавины всадников неслись навстречу, стреляя из луков, пока не смешались в общей схватке, обрушивая палаши, сабли, топоры, булавы, дротики. То одна теснила сторона, то другая. Кто выносливый и сильный, тот побеждал. Бой был долгий до изнеможения, рубились насмерть. Разили тех, кто был ранен, кто лежал, истекая кровью на земле. Целый день был слышен звон металла и ржания уставших лошадей. К вечеру всё стихло. Монголы, оглядев поле битвы, которое было покрыто телами воинов — ушли.

Ночь была холодная. Утром солнце осветило побережье, его сопки и поле сражения, где в его восходящих лучах на траве гранатовым цветом блеснула кровавая роса.

Монголы обшаривали разрушенные и мертвые городища в поисках ценностей, собирали оружие. В цитадели Кайюаня они нашли умеряющего Пусяня Ваньну. Жизненная энергия не отдавала его смерти. Добрые духи, которых почитал князь, спасли его. Монголы отнесли его Гуюму. Он приказал собрать лучших лекарей и вылечить Ваньну.

Прошло время, Пусянь Ваньну выздоровел в далёкой Монголии. Однажды ему разрешили поехать на охоту в степь, недалеко от монгольского аила (кочевая семейная группа — поселение кочевого типа) и больше его никто не видел.

Район Дальнего Востока, являвшийся последним оплотом чжурчжэней в их борьбе с монголами, подвергся особенно сильному опустошению, в связи с чем, он надолго утратил своё былое политическое и экономическое значение, превратившись в далёкую захолустную окраину обширной монгольской империи Юань.

Список литературы

1. Артемьева Н.Г. Города чжурчжэней Приморья. Российский Дальний Восток в древности и средневековье. – Владивосток, 2005. С. 696
2. Артемьева Н.Г. Домостроительство чжурчжэней Приморья (XII-XIII вв.). – Владивосток, 1998. С. 392
3. Артемьев А.Р. Вопросы происхождения защитного вооружения татаро-монголов в литературе 80-годов. Новые материалы по средневековой археологии Дальнего Востока СССР. – Владивосток, 1989.
4. Артемьева Н.Г. Внутренняя топография Шайгинского городища. Новые материалы по средневековой археологии Дальнего Востока СССР. – Владивосток, 1989. С. 53-59.
5. Артемьева Н.Г. Фортификационные сооружения чжурчжэней на примере (Красноярского городища). Административный комплекс Красноярского городища. С. 158-172. Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай. – Владивосток, 2001. С. 148-157.
6. Артемьева Н.Г. Новый этап исследований Шайгинского городища. Средневековые древности Приморья. вып. 2. – Владивосток, 2012.
7. Васильева Т.А. Хозяйство населения Горнохуторского городища. Средневековые древности Приморья. вып. 1. – Владивосток, 2012.
8. Васильева Т. А. Хуторское городище. Средневековые древности Приморья. вып. 2. – Владивосток, 2012.
9. Васильева Т.А. Замки и запоры Екатериновского городища.
10. Древности по обе стороны Великого океана. – Владивосток. 2011. С. 191-199.
11. Воробьев М.В. Чжурчжэни и государство Цзинь. (X в.-1234 г.). – М., 1975.
12. Евменьев А.А. Древняя и раннесредневековая история Северо-Востока Азии и её соседей. – Новосибирск, 2011. С. 670.
13. Ио Тхэ-дон. О свадебных обрядах бохайцев и чжурчжэней: с акцентом на обычай Левирата. Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай. – Владивосток, 2001. С. 113-118.
14. Ким А.А. Причины гибели Бохая (по материалам корейских исследований). Средневековые древности Приморья. вып. 2. – Владивосток, 2012.
15. Крадин Н.Н. Становление и эволюция средневековой государственности. С. 439-448. Российский Дальний Восток в древности и средневековье. – Владивосток, 2005. С. 439-448
16. Краминцев А.В. Ласкин А.Р. Раковинные кучи в культуре амурских чжурчжэней (поселение-Фёдоровка-1). Дальневосточносибирские древности. Сборник научных трудов, посвященный 70-летию со дня рождения В.Е. Медведева. – Новосибирск, 2012. С. 155-162.
17. Кычанов Е.И. Очерки тангутского государства. – М., 1968.
18. Кычанов Е.И. Жизнь Темучжина, который хотел покорить мир. М. 1991.
19. Кычанов Е.И. Чжурчжэни в XI в. Сб. «Древняя Сибирь», вып. 2. – Новосибирск, 1966.
20. Медведев В.Е. Курганы Приамурья. Новосибирск, 1998. С. 5-45.
21. Медведев В.Е. Некоторые результаты исследований поселений и городищ эпохи чжурчжэней Приамурья (VIII – XIII вв.). Средневековые древности Приморья. вып. 2. – Владивосток, 2012.
22. Медведев В.Е. Нужно ли переименовывать археологические культуры. Интеграция Археологических и этнографических исследований. – Новосибирск, Омск. «Наука» 2008.
23. Медведев В.Е. Приамурье в конце I – начале II тысячелетия чжурчжэньская эпоха. – Новосибирск, 1986.
24. Окладников А.П. Далёкое прошлое Приморья. – Владивосток, 1959. История Сибири, т. 1. Л., 1968.
25. Окладников А.П. Деревянка А.П. Далёкое прошлое Приморья и Приамурья. С. 359-414. – Владивосток, 1973.
26. Силантьев Г.Л. Морские пути и якорные стоянки бохайцев и чжурчжэней на юге Дальнего Востока России в VIII-XIII в. Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай. – Владивосток, 2001.
27. Сунь Хун. Мохэ, бохайцы, чжурчжэни. Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай. – Владивосток, 2001. С. 80-89.
28. Сунь Цзиньци. Древние народы Приморья и Приамурья в китайских письменных источниках. Древняя и средневековая история Восточной Азии. – Владивосток, 2001. С. 52-65.
29. Тупикина С.М. О метательных «огневых снарядах» (по материалам средневековых городищ Приморья). Дальневосточно-сибирские древности... – Новосибирск, 2012. С. 183-191.
30. Хан Гю Чхоль. Кидане и чжурчжэни как оставшиеся бохайцы. Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай. – Владивосток, 2001. С. 66-71.

31. Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. – М., 2005.
32. Хореев В.А. Ананьевское городище. – Владивосток, 2012.
33. Хореев В.А. Кузнечная мастерская Ананьевского городища. Новые материалы по средневековой археологии Дальнего Востока. – Владивосток, 1989. С. 99-107.
34. Шавкунов Э.В. Некоторые аспекты культурогенеза чжурчжэней в свете новейших археологических исследований. Новые материалы по средневековой археологии Дальнего Востока СССР. – Владивосток, 1989. С. 5-11.
35. Шавкунов Э.В. Центральные ворота Шайгинского городища. Новые материалы по средневековой археологии Дальнего Востока СССР. – Владивосток, 1989. С. 60-64.

Содержание

От автора	3
Средневековые аборигены Дальнего Востока	7
Амурские чжурчжэни	14
Поселения и городища	16
Погребальные памятники	18
Религиозные верования чжурчжэней	29
Хозяйственная занятость амурских чжурчжэней	35
Политическая и военная организация	45
Чжурчжэни Маньчжурии и Приморья	48
Золотая империя — Цзинь	60
Война Золотой Империи Цзинь с Железной Империей Ляо	60
Война Цзинь с империей Сун и государством Западное Ся	63
Монголы в XII в.	69
Первая Монголо-Цзинская война 1211-1216 гг.	73
Вторая Монголо-Цзинская война 1217-1229 гг.	84
Третья Монголо-Цзинская война 1230-1234 гг.	87
Кровавая роса или гибель Восточного Ся	91
Пусянь Ваньну	91
Великий поход	98
Сюйпин — столица северной провинции	110
Время больших перемен	113
Путь к свершению	133
Время больших испытаний	143
Война	152
Столица Кайюань	159
Великое единение	179
Тревожные времена	209
Накануне нашествия	214
Кровавая роса	220
Список литературы	236

Александр Александрович Евменьев
Амурские чжурчжэни.
Золотая империя.
Кровавая роса

Оформление обложки выполнено дизайнером А.Н. Иваньшиным,
рисунок — художника О.В. Кузнецовой.

На последней странице обложки слева вверху на фотографии —
храм Боробудур IX в. Центральная Ява, Индонезия,
автор и профессор Мак Дарг.

Технические редакторы – Н.В. Васильева, С.С. Никитин

Формат 70x100 ¹/₁₆. Печать офсетная. Гарнитура Times.
Печ.л. 15,0. Заказ № 903.

Отпечатано по заказу ООО «БАМПРЕСС», г. Тында
(эл.почта: bampress@mail.ru, директор Пьянов Владимир Николаевич.)
в СП «Наука» АИЦ РАН, 630077, Новосибирск-77, ул. Станиславского, 25